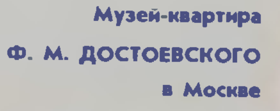
1 р. 25 к.

Индекс 70544

Музей-квартира
Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО
в Москве

Памятник писателю
Детская
Гостиная

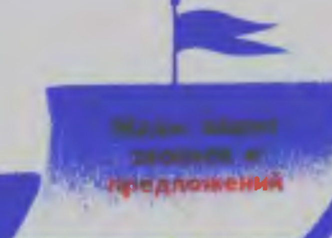
1991
4
*
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
МГ

1991
4
ISSN 0131—2251

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

Ежемесячный литературно-художественный и общественно-политический журнал

Основан в 1922 году

Москва, ордена Трудового Красного Знамени издательско-полиграфическое объединение ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия».

В НОМЕРЕ:

Первая страница обложки журнала: Рис. Г. Заславской

Четвертая страница обложки журнала: Фото К. Кириллова

«Молодая гвардия». 1991, № 4, 1—288

Наш адрес:

125015, Москва, Новодмитровская ул., 5а. Телефоны редакции: для справок — 285-88-58; 285-56-90; отдел прозы — 285-80-15; отдел поэзии — 285-88-40; отдел очерка и публицистики — 285-80-26; отдел критики — 285-80-14; отдел «Товарищ» — 285-89-66; отдел писем — 285-80-16.

ЧТО МОЖЕТ БЫТЬ ЛУЧШЕ ВЕРНОСТИ СВОИМ ПРИНЦИПАМ

(Ответы М. С. ГОРБАЧЕВА на вопросы газеты «Юманите», «Правда», 8 февраля 1986 года)

ОТ РЕДАКЦИИ. Прошло 6 лет с того памятного апрельского Пленума ЦК КПСС 1985 года, когда была провозглашена перестройка, с которой связывалось столько надежд. И как все изменилось в худшую, чем до 1985 года, сторону. Чем вызван отход от принципов, которые М. С. Горбачев провозгласил тогда, в 1985 году?

Генеральный секретарь ЦК КПСС неоднократно утверждал, что он пойдет по ленинскому пути, будет придерживаться ленинского стиля партийного руководства. А что произошло на деле?

В докладе на X съезде РКП(б) В. И. Ленин подчеркивал: «...Как правящая партия, мы не могли не сливать с «верхами» партийными «верхи» советские, — они у нас слиты и будут таковыми...» (ПСС, т. 43, с. 15). У нас же, в ходе перестройки, без совета с народом и партией, КПСС перестала быть правящей партией.

В «Манифесте Коммунистической партии» было провозглашено: «Долой частную собственность!» И еще: «...Первым шагом в рабочей революции является превращение пролетариата в господствующий класс». А сейчас речь идет о передаче народной собственности в частные руки, в руки новоявленных советских капиталистов. Рабочий класс уже не является господствующим классом. За него страной руководят советские хаммеры, дюпоны и морганы, разваливающие Союз и стремящиеся по кускам сдать его в аренду своим западным партнерам по совместному грабежу Союза.

Ленин был ярым врагом капитализма. Сейчас капиталистические фирмы в нашей стране растут как грибы под видом кооперативов и совместных предприятий. Вводится в оборот иностранная валюта. Страна ввергнута в хаос, а президент заявляет, что «заблудился в лесу», но пойдет той же дорогой. То есть к капитализму, к его реставрации?

На встрече с представителями культуры М. С. Горбачев прямо заявил, что «мы строим новый строй». Какой? Капиталистический? Социалистический? Или рабовладельческий? Голод, безработица и нищета не являются ли условиями превращения страны в сырьевой придаток Запада? Увы, сегодня это уже горькая реальность...

В свете сказанного не лишним будет вернуться к одному из программных выступлений М. С. Горбачева в 1986 году, в частности, к его интервью французской газете «Юманите». Уж если кто и «заблудился» с тех пор, не лучше ли вспомнить о принципах, декларация верности которым и была обоснованием перестройки?

Путь, который предлагал стране и народу М. С. Горбачев в начале перестройки, исходил из верности социалистическому строю, учитывал исторически сложившиеся реалии советского общества, духовно-нравственную и мировоззренческую преемственность многих поколений, был обращен к патриотическим чувствам советских людей, к справедливости и созиданию. Может быть, еще не поздно вернуться к этим гуманным человеческим принципам, актуальность которых неопровержима.

Предлагая вниманию читателей ответы М. С. Горбачева на вопросы французских журналистов, мы дали интервью свое название: «Что может быть лучше верности своим принципам». В верности социализму мы видим судьбоносный смысл перестройки, сегодня еще более необходимой стране, чем вчера.

Центральный орган Французской коммунистической партии газета «Юманите» обратилась к Генеральному секретарю ЦК КПСС М. С. Горбачеву с просьбой ответить на ряд вопросов.

4 февраля с. г. М. С. Горбачев принял члена Политбюро ФКП, политического директора «Юманите» Р. Леруа, члена ЦК ФКП, постоянного корреспондента «Юманите» в Москве Ж. Стрейфа и заведующего международной редакцией газеты Ж. Фора.

Ниже публикуются ответы М. С. Горбачева на вопросы газеты «Юманите».

Вопрос: Михаил Сергеевич, благодарю вас за согласие ответить на вопросы газеты «Юманите». Вы — Генеральный секретарь Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза. Это придает особый авторитет вашим ответам на те вопросы о жизни Советского Союза, которыми задаются французы, находясь под постоянным воздействием враждебных нападок на вашу страну. Итак, первый вопрос. Сейчас много говорят о том, что СССР вступает ныне в столь же ответственный этап своего развития, как тот, начало которому положила Октябрьская революция. Означает ли это, что речь идет о новой революции?

Ответ: Нет, конечно. Так вопрос ставить, думается, было бы неверно. Правильнее было бы, на мой взгляд, сказать, что сегодня, в 80-е годы, мы выдвигаем задачу придать мощное ускорение делу, начатому большевистской партией почти 70 лет назад.

Октябрьская революция — событие переломное в тысячелетней истории нашего государства, а по своему значению и последствиям для развития всего человечества оно не имеет себе равных в прошлом. Но революцию мало совершить — ее надо еще отстоять, воплотить в жизнь представления человека труда о равенстве и справедливости, его социальные и нравственные идеалы. Иными словами, построить новое общество, способное обеспечить достойную человека жизнь.

Все это потребовало от нашего народа, от партии огромной работы, настоящего подвига, а иногда и жертв. Гражданская война и война против гитлеровской Германии, глубочайшие преобразования в деревне, создание мощной индустрии, ликвидация неграмотности большинства населения, коренная социальная и культурная перестройка общества, формирование принципиально новых межнациональных отношений — вот лишь некоторые страницы нашей, в общем-то, совсем еще короткой истории.

Мы гордимся ею, и эта гордость лежит в основе советского патриотизма. Если бы мы не устояли, потерпели поражение хоть в одном из перечисленных дел, все, ради чего свершалась Октябрьская революция, было бы поставлено под вопрос. А каждое из этих дел само по себе можно по праву назвать свершением поистине революционным.

То же самое относится к задачам, которые решаются сегодня. Они сложны и вместе с тем очень важны. Если мы не справимся с их решением, то обесценим все, чего ценой огромных усилий добились в прошлом, и осложним свое будущее. И, возможно, самое трудное, но самое необходимое для каждого советского коммуниста, для всей партии состоит в том, чтобы до конца, в полной мере понять, почувствовать вызов, который бросает эпоха, и достойно на него ответить.

Вызов этот двоякий.

С одной стороны, советское общество вступило в новый этап своей истории. Суть его в том, что потребности развития производительных сил, потребности народа, потребности людей ставят в повестку дня вопрос об очень серьезной перестройке и совершенствовании многих сторон производственных отношений, методов хозяйствования, приемов, форм, стиля партийного и государственного руководства, т. е. политики. Речь идет и о вовлечении в решение общественных дел все более широких слоев народа, о мобилизации его творческих способностей и опыта на решение усложняющихся задач, т. е. о дальнейшем развитии, обогащении нашей социалистической демократии.

Мы уже довольно давно ощущаем необходимость во всем этом. Суть того, что делается в стране и, прежде всего, в партии сейчас, — решительно ускорить социально-экономическое и духовное развитие советского общества, используя для этого все имеющиеся возможности. Это, конечно же, революционная задача.

С другой стороны, вызов нашей эпохи вытекает из того, что человеческая цивилизация создала, к сожалению, весьма эффективные средства самоуничтожения. Чтобы произошло самое плохое, даже не надо совершать беспрецедентной глупости или преступления. Достаточно действовать так, как действовали тысячелетиями — в решении международных дел полагаться на оружие и военную силу, а при случае ее и применять. Вот эти тысячелетние традиции сейчас надо безжалостно ломать, от них надо напрочь отказываться. Иначе проблема выживания человечества может оказаться неразрешимой. В ядерный век нельзя жить — во всяком случае, долго жить — с психологией, привычками и правилами поведения века каменного. Разве такой крутой перелом в международных делах, во внешнеполитическом мышлении и практике не является глубоко революционной задачей? По-моему, так оно и есть. И мы, как страна, первой совершившая социалистическую революцию, видим свою величайшую ответственность, свой долг в том, чтобы решению этой задачи всемерно помочь.

В общем, свою программу практических действий, которую обсудит и примет XXVII съезд КПСС, мы рассматриваем со всех точек зрения как программу поистине революционного характера и масштаба.

Вопрос: Каковы важнейшие перспективы развития советской экономики на предстоящие десять-пятнадцать лет? Как это скажется на благосостоянии народа?

Ответ: Перспективы будут зависеть от того, насколько хорошо мы справимся с возникшими проблемами. От того, иначе говоря, насколько хорошо и умело будем работать. Скажу честно — проблемы эти непросты. Есть у нас трудности объективные (неблагоприятная демографическая ситуация, навязанная нам гонка вооружений — наиболее крупные из них). А есть и те, что возникли по нашей собственной вине. Поскольку решение их затянулось, они обострились.

Сейчас нам предстоит в кратчайший период сделать очень многое — радикально улучшить планирование, управление и материальное стимулирование, ускорить научно-технический прогресс. И на этой базе — повысить эффективность, качественную отдачу экономики, улучшить качество продукции. За ближайшие 15 лет мы намечаем удвоить производственный потенциал страны, суще-

ственно изменить сам облик нашего хозяйства, характер труда, перестроить образ жизни людей.

Вы спрашиваете: как это скажется на благосостоянии народа? Отвечу — ради благ народа мы все это, собственно говоря, и делаем. Я имею опять же в виду как количественную, так и качественную сторону, т. е. потребление и службу быта, жилье, медицинское обслуживание и образование, социальное обеспечение, доступ к благам культуры, охрану окружающей среды, благоустройство городов и сел, досуг и многое другое. Не стану скрывать, во многих из этих сфер дело обстоит совсем не так, как нам хотелось бы. И из-за того, что наша трудная история долгое время не позволяла уделять этим сферам жизни должного внимания. И по нашей вине — из-за косности, неумения, а то из-за простой безответственности тех или иных должностных лиц, целых ведомств и организаций. Если вы читаете наши газеты, то знаете, какой острой критике подвергаются за это многие работники, в том числе весьма высокопоставленные. Сейчас мы решительно взялись за исправление положения. Это, конечно, потребует времени и усилий немалых. Но уверен, во всех этих делах мы добьемся серьезных сдвигов. Конечно, всем нам хотелось бы сделать это побыстрей.

Среди самых срочных дел — насыщение рынка товарами хорошего качества и в самом широком ассортименте. Товарами разными: новыми и традиционными, дорогими и дешевыми, для молодежи и для людей старшего возраста — словом, на все вкусы и потребности, в пределах, конечно, разумного. Эту проблему мы считаем исключительно важной.

Вопрос: Есть ли еще очереди?

Ответ: Да. Особенно за товарами высокого качества, спрос на которые не удовлетворяется.

Хочу при этом заметить, что для нас открыты не все пути решения этой проблемы. Если у вас, на Западе, спрос на какой-то вид товаров превышает предложение, то повышается цена. Мы этого не делаем или почти не делаем, во всяком случае, с товарами массового спроса. В результате — дефицит. А он рождает очередь.

Все это я говорю для объяснения проблемы, а не в оправдание недостатков. Недостатки — на этом мы твердо настаиваем — надо не оправдывать, а исправлять. Вот ради этого мы и начали сейчас серьезную перестройку хозяйства, всех экономических механизмов.

Вопрос: Имеют ли советские граждане право и возможности «воспротивиться» действиям «патронов» своих предприятий? И не только «воспротивиться», но и изменить их решения?

Ответ: Если под «патронами» вы имеете в виду директоров, администрацию, то частных владельцев, так же, как и отношений частной собственности, у нас нет. Уже в первые годы Советской власти был создан целый механизм, охраняющий права трудящихся: строгое трудовое законодательство, широкие права профсоюзов, партийный и советский контроль. В последние годы права трудящихся, трудовых коллективов были серьезно расширены. Практически все крупные решения готовятся и принимаются с участием работников и после должного обсуждения. Это относится, к примеру, к проектам планов экономического и социального развития предприятий.

Особо о профсоюзах. Они заключают коллективные договоры с администрацией, осуществляют контроль за тем, как соблюдается законодательство о труде. А если считают, что что-то делается не так, включая увольнение работников, вопросы заработной платы, предоставление жилья и т. д., то имеют возможность очень эффективно, используя ваше выражение, «воспротивиться». Вплоть до требования уволить того или иного администратора. Время от времени такое случается.

Но есть и другая сторона дела. Не только администрация и профсоюз, но и трудовой коллектив в целом должны предъявлять определенные требования также к работникам, их дисциплине, добросовестности, поведению на производстве. Это, как правило, и делается, притом при полной поддержке рабочих. Коллектив сам заинтересован в хорошей работе каждого своего члена. В этом тоже состоит интерес всех работников, от этого зависят их заработки, условия труда, социальные блага.

Вопрос: Не является ли безработица неизбежной ценой модернизации производства?

Ответ: В условиях плановой, нацеленной на всемерное удовлетворение общественных потребностей экономики такой связи нет. Даже если в результате каких-то коренных усовершенствований технологии отпадает нужда в целых специальностях, мы можем и должны заранее не только это предвидеть, но и принять меры к переквалификации, а если надо — созданию новых производств. Именно так мы и поступаем на практике. Причем поскольку реконструкция предприятий, как правило, сопровождается их расширением, то вопрос о новых рабочих местах решается на тех же предприятиях. Но пока это — вопрос для нас почти академический. По той, прежде всего, причине, что нас одолевает не избыток, а нехватка рабочей силы. Вместе с тем, скажу честно, есть и другая причина. Мы пока что медленно осуществляли модернизацию, в том числе и в сферах, где она назрела. Как бы то ни было, но партия учитывает социальный аспект модернизации, считает чрезвычайно важным принимать это в расчет при разработке планов экономического развития страны.

Вопрос: Является ли Коммунистическая партия в СССР «приводным ремнем» по отношению к государству? Какой смысл вкладывается сегодня в выражение «делать политику»?

Ответ: В нашем обществе Коммунистическая партия является руководящей и направляющей силой. Такое положение партии закреплено в Конституции. При этом речь идет о партии не как о символе, а как о реальной, постоянно работающей политической организации, насчитывающей почти двадцать миллионов наиболее активных представителей рабочих, крестьян и интеллигенции. Организации демократической, выбирающей свои руководящие органы и своих руководителей и строго спрашивающей с них. Сейчас мы стремимся к тому, чтобы укрепить эти демократические начала жизни и работы партии, повысить активность всех партийных коллективов. Это, как нам представляется, один из действенных инструментов расширения демократии, вовлечения миллионов людей в решение производственных, общественных и политических дел. Думаю, что на предстоящем съезде вопросы о работе партии в современных условиях займут одно из центральных мест.

За партией — выработка стратегии и тактики строительства но-

вого общества, осуществление кадровой политики, идеологическое воспитание народа. Партийные комитеты всех уровней, вплоть до ЦК, действуют как органы политического руководства. Партия кровно заинтересована в активной работе всех звеньев нашей политической системы. Она поддерживает и оказывает помощь Советам, профсоюзам, комсомолу, другим массовым организациям, добивается, чтобы каждая из них в полной мере осуществляла свои функции.

Вы спрашиваете, какой смысл вкладывается в выражение «делать политику»? Мы, должен сказать, такого выражения не употребляем. Мы говорим: вырабатывать политику, формулировать политику, проводить политику. Это, по-моему, точнее передает суть дела, во всяком случае в нашем понимании.

Так вот, выработка политики, а за нее отвечает, как я уже сказал, прежде всего партия, начинается с изучения объективной обстановки, тех или иных потребностей общества, настроений масс (общественное мнение, кстати сказать, партия у нас внимательно изучает и его в полной мере учитывает). На основе этого, после должного обсуждения, формируются политические решения. Процесс этот, разумеется, непростой, он протекает по-разному, в зависимости от характера решаемых проблем. Нередко принятию решения предшествует широкая, подчас всенародная дискуссия, а стало быть, сопоставление и борьба точек зрения по тем или иным вопросам. Так происходит с обсуждением проектов пятилетних планов. Так было с Конституцией, трудовым и жилищным законодательствами, реформой образования, а если говорить о самом последнем времени, — законом о борьбе с пьянством и алкоголизмом.

При этом во всем политическом процессе главное — проведение в жизнь принятых решений. Без этого нет политики. И если вы следили за дискуссией, развернувшейся в стране после апрельского (1985 год) Пленума ЦК КПСС, то не могли не обратить внимание, что единству слова и дела мы придаем особое значение.

За то, чтобы дела не расходились со словами, мы решительно боремся. Боремся оружием критики. Боремся и оружием гласности, оружием дисциплины.

Вопрос: Нередко приходится слышать, что советская молодежь не интересуется политикой, социально инертна. Верно ли это?

Ответ: На Западе это говорят наши недоброжелатели. Но скажу прямо — они выдают желаемое за действительное. Нам жаловаться на свою молодежь нет никаких оснований. Ее отличает в целом высокая гражданственность, глубокая заинтересованность в делах общества, большой интерес к внутренней и внешней политике, молодежь показывает себя совсем неплохо — и на заводах, и в колхозах, и в вузах, и в армии. И с готовностью, по своей воле, не побоюсь сказать — с энтузиазмом, — идет работать туда, где трудней, на крупные стройки в Сибири, на Севере страны, на Дальнем Востоке. На этих стройках работают сейчас полмиллиона молодых добровольцев. Словом, я никак не могу согласиться с тем, что советская молодежь инертна, пассивна. Мы испытываем к своей смене полное политическое доверие.

Это, конечно, не значит, что здесь нет своих проблем и вопросов. Они есть. Нас, например, серьезно обеспокоило, что среди части молодых людей распространился алкоголизм. Иждивенческие

и потребительские настроения, дурной вкус, узость духовных интересов, недостаточное владение культурным наследием — такие явления тоже встречаются. Мы их хорошо видим и, естественно, не оставляем без внимания. Тут широкое поле деятельности для комсомола. Вообще-то давно известно: сила примера воспитывает куда лучше самой красноречивой проповеди. Думаю, что все, что сейчас делается в стране и партии, окажется с точки зрения воспитания молодежи очень полезным.

Вопрос: Говорят о преследованиях евреев в СССР, о политических заключенных, о существовании цензуры. Упоминают также отдельные фамилии, например, Сахарова. Что вы скажете по этому поводу?

Ответ: Сначала о советских евреях. Этот вопрос стал частью разнузданной антисоветской кампании, настоящей психологической войны против СССР. У нас пропаганда антисемитизма, как и других форм расовой дискриминации, запрещена законом, является преступлением. В СССР невозможно то, что достаточно часто случается в США, да и во Франции, как и в других странах Запада — осквернение еврейских могил, деятельность неонацистских организаций, проповедующих ненависть к евреям в газетах и по радио. Евреи у нас так же свободны и равноправны, как и люди любой иной национальности. Они — активные участники общественной и государственной жизни страны. У нас издаются книги, журналы, газеты на идиш, действуют синагоги. И, на мой взгляд, назойливое «внимание» антикоммунистической и сионистской пропаганды к судьбе евреев в СССР — не что иное, как лицемерие, преследующее далеко идущие политические цели, причем цели, не имеющие ничего общего с подлинными интересами советских граждан еврейской национальности.

Я считаю, что в цивилизованном обществе вообще не должно быть места ни антисемитизму, ни сионизму, как и вообще любым проявлениям национализма, шовинизма, расизма. А вопрос об искоренении этих зол в глобальных масштабах очень актуален. В ЮАР расисты перешли к кровавым репрессиям против черного большинства населения. В Западной Европе участились погромы и притеснения африканцев, индейцев, турок, иммигрантов из других стран Азии. В США расизм в последние годы тоже явно перешел в контрнаступление. А сколько лет — и причины этому известны — остается изгнанным со своих земель арабский народ Палестины?

Теперь насчет политзаключенных. У нас их нет. Как нет и преследования граждан за их убеждения. За убеждения у нас не судят.

Но всякое государство должно защищать себя от тех, кто покушается на него, призывает к его подрыву или уничтожению, кто, наконец, шпионит в пользу иностранных разведок. Эти действия по нашим законам квалифицируются как государственные преступления. В последнее время, как меня информировали, в СССР за все виды такого рода преступлений отбывают наказание немногим более 200 человек.

О Сахарове. Мне уже приходилось отвечать на подобный вопрос. Поэтому буду краток. Как известно, с его стороны были допущены противоправные действия. Об этом не раз сообщалось в печати. В отношении него были приняты меры в соответствии с нашим законодательством.

Фактическое положение дел в настоящее время таково. Сахаров живет в Горьком в нормальных условиях, ведет научную работу, остается действительным членом Академии наук СССР. Состояние его здоровья, насколько мне известно, нормальное.

Жена его недавно выехала за границу для лечения. Что же касается самого Сахарова, то он по-прежнему остается носителем секретов особой государственной важности и по этой причине за границу выехать не может.

И о цензуре. Она у нас есть. Ее задача — не допускать разглашения в печати государственных и военных тайн, пропаганды войны, насилия, жестокости, издевательства над личностью, порнографии. Отбор произведений для публикации, их редактирование, сокращение и т. д. — это дело самих средств массовой информации и книгоиздательств, их редакционных коллегий и редакционных советов. Могу к этому добавить лишь одно — в том или ином виде такого рода цензура существует в каждой стране. У вас, например, определяют, что печатать, а что нет, владельцы газет и издательств или нанятые ими редакторы. А за клевету или выдачу государственных тайн преследуют по суду. Я не говорю уже о распространенной, например, в США практике изъятия под давлением групп реакционеров из школьных библиотек книг, в том числе, как сообщалось на последнем конгрессе Пенклуба, книг таких писателей, как Достоевский, Хемингуэй, даже Диккенс, не говоря уж о «Дневнике Анны Франк». Таковы факты. А они, как известно, вещь упрямая.

Жаль, что во Франции, вообще на Западе так мало знакомы с советской печатью, телевидением, радио. Свобода слова, свобода критики у нас весьма широка. В стране идут открытые, подчас очень острые дискуссии. Сейчас, в канун съезда, это особенно очевидно. И, честно говоря, расцениваю как ханжество и лицемерие крикливые кампании, цель которых «доказать», будто СССР (а в подтексте имеют в виду социализм вообще) представляет собой общество, в котором царит единообразие, официальное единомыслие и прочее и прочее.

В нашем обществе активная жизненная позиция, борьба против несправедливости, нарушений законности и общественной морали — это норма поведения, зафиксированная в Конституции, в которой критика рассматривается как право каждого гражданина. Мало того. Те, кто мешает этому — у нас их частенько называют, на мой взгляд, довольно мягко, «зажимщиками критики», — вступают в противоречие с законом. За такого рода действия должностное лицо любого уровня может даже быть предано суду. Наша печать, радио и телевидение, может, еще и несовершенны, но в целом они — широкая и свободная трибуна народного, общественного мнения.

Вопрос: В различных кругах на Западе часто задается вопрос: преодолены ли в Советском Союзе остатки сталинизма?

Ответ: «Сталинизм» — понятие, придуманное противниками коммунизма, и широко используется для того, чтобы очернить Советский Союз и социализм в целом.

С тех пор, как на XX съезде партии был поднят вопрос о преодолении культа личности Сталина и принято постановление ЦК КПСС по этому вопросу, прошло тридцать лет. Скажем прямо, это были нелегкие для нашей партии решения. Это было испытание на партийную принципиальность, на верность ленинизму.

Считаю, что мы его выдержали достойно и сделали из прошлого должные выводы. Это касается жизни самой партии и советского общества в целом. Свою важнейшую задачу мы видим в дальнейшем развитии внутрипартийной демократии, как и социалистической демократии вообще, в укреплении принципов коллегиальности в работе, расширении гласности. Партия, ее Центральный Комитет требуют от людей, избранных на руководящие посты, скромности, воспитывают у коммунистов нетерпимость к лести, подхалимству. Мы придаем и будем придавать огромное значение охране и укреплению социалистической законности, постоянно держать под строгим контролем правоохранительные органы. Все это — важные направления политической работы, проводимой сейчас нашей партией. И она, эта работа, вся наша сегодняшняя жизнь дают убедительный ответ на поставленный вами вопрос.

Вопрос: Как скажутся процессы, происходящие сейчас у вас в стране, на состоянии культурной жизни СССР, которую, кстати, плохо знают на Западе?

Ответ: Нашу культурную жизнь на Западе действительно знают очень плохо. А если уж говорить совсем откровенно, то кое-кто на Западе, пользуясь этим, просто пичкает людей фальшивками, извращает подлинное положение вещей.

Сейчас Советский Союз переживает в культуре период заметного подъема. Нашими современниками являются многие выдающиеся писатели, поэты, композиторы, художники, артисты и режиссеры оперы, балета, драмы, кино. Выдающиеся не только по нашим, но и всемирным меркам. Литература и искусство стали в нашей стране достоянием не кучки знатоков и меценатов, а огромных масс народа. В Советском Союзе невиданными в мире тиражами издается классическая и современная поэзия и проза — как советская, так и иностранная, включая, конечно, и французскую. Но, пожалуй, самое замечательное явление нашей культурной жизни — широкое развитие народного художественного творчества.

В этом плане я думаю, что перемены, происходящие в жизни нашего общества, несомненно, затронут и советскую культуру, благотворно скажутся на ней.

Для ее дальнейшего быстрого развития, для ее всестороннего расцвета у нас есть все необходимое: образованность широких масс, прекрасные традиции глубокого уважения, интереса, тяги к духовным ценностям, доступ ко всему богатству и разнообразию многонациональной культуры нашей страны и, наконец, политика партии, считающей развитие духовной жизни общества одной из самых приоритетных задач. Мы думаем сейчас и о том, чтобы значительно укрепить материальную базу культуры, всей духовной сферы.

Вопрос: А теперь разрешите перейти к международным вопросам. Могут ли американские планы «звездных войн» привести к войне? Отмечаются ли вами после женевской встречи на высшем уровне новые признаки восстановления разрядки в международных отношениях?

Ответ: Вы задали сразу два вопроса.

Первый — об американской программе «звездных войн». Эта программа, по нашему глубокому убеждению, действительно усиливает угрозу войны, а на определенном этапе может сделать ее вероятной. Об основаниях, на которых строится такой вывод

говорилось не раз — при том достаточно подробно. Я хотел бы обратить внимание лишь на один аспект проблемы. Хотя осуществление всей затеи со «звездными войнами» планируется завершить спустя десятилетия, а в ее осуществимость верит лишь горстка «энтузиастов», очень серьезные последствия она принесет — если США будут в этом деле упорствовать — уже в самом близком будущем. Речь идет о том, что, претворяя программу «звездных войн», Вашингтон, по сути дела, сознательно идет на то, чтобы сорвать ведущиеся переговоры и перечеркнуть все существующие соглашения об ограничении вооружений. В таком случае уже в ближайшие годы СССР и США, их союзники, весь мир оказались бы в обстановке абсолютно бесконтрольной гонки вооружений, стратегического хаоса, опаснейшего подрыва стабильности, всеобщей неуверенности и страха и связанного со всем этим возрастания риска катастрофы. Это, повторяю, опасность, угрожающая не нашим правнукам, а нам самим, всем нам, всему человечеству.

Ради чего же идти на такой риск? Я допускаю, что лично президент Рейган верит в «спасительную» миссию «звездных войн». Но, если все дело в том, чтобы покончить с ядерной угрозой, то почему бы США не согласиться в принципе с последними предложениями СССР: они же предусматривают куда более короткий, прямой, дешевый, а главное — безопасный путь к устранению ядерной угрозы — полную ликвидацию ядерного оружия. Я подчеркиваю — более безопасный. Ведь предлагаемый сейчас США путь к этой цели безнадежен, ядерное оружие, вопреки утверждениям сторонников «звездных войн», просто не успеет «устареть», напротив, оно будет совершенствоваться. И дело может дойти до того, что оно станет настолько сложным, что решения придется целиком перепоручить ЭВМ, автоматам. И тем самым сделать человеческую цивилизацию заложницей машин, а значит, и технических неполадок и сбоев. Насколько это опасно, еще раз показала недавняя трагедия с американским космическим кораблем «Челенджер» — надежным, многократно испытанным и проверенным в тех пределах, в которых это вообще возможно сегодня.

Уверен, что это хорошо понимают и в Вашингтоне, что там на одного «верующего» в такой сюрреалистический план избавления от ядерной угрозы приходится как минимум десять циников, которые имеют в виду совсем не то, о чем, видимо, говорит и мечтает президент Рейган. Одни, например, понимая, что «непроницаемого щита» не создашь, готовы и на меньшее, на ограниченную противоракетную оборону, которая в сочетании со средствами упреждающего удара по силам возмездия другой стороны создала бы возможность безнаказанной ядерной агрессии. Другие просто хотят нажиться. Третьи — втянув в космическую гонку СССР, — подорвать его экономику. Четвертые — увеличить технологический отрыв США от Западной Европы и тем самым обеспечить ее зависимость... Ну и так далее.

Так что вопрос о «звездных войнах» — это вопрос очень широкий. Здесь столкнулись не только два взгляда на эту конкретную программу, но и два подхода, две концепции безопасности.

Американская — это концепция обеспечения безопасности прежде всего за счет военно-технических средств, в данном случае за счет нового «сверхоружия», технического фокуса, который бы помог выбраться из ядерного тупика. Притом, несмотря на очень неопределенные, до смешного неправдоподобные разговоры о готовности «в свое время» поделиться «чудо-технологией» с другими странами (включая СССР), выбраться из этого тупика США хотят одни: чтобы добиться абсолютной безопасности для себя, поставить в положение «абсолютной опасности» всех других.

Советская — это концепция обеспечения равной безопасности для всех на пути сокращения вооружений и разоружения, вплоть до полной ликвидации всех видов оружия массового уничтожения. Ибо в наше время не может быть безопасности СССР без безопасности США, безопасности стран Варшавского Договора без безопасности стран НАТО. А без их взаимной безопасности не может быть и всеобщей безопасности.

Отвечая на ваш вопрос, особо хочу выделить проблему освобождения Европы от ядерного оружия, в первую очередь ракет средней дальности, которые серьезно подрывают европейскую безопасность. И здесь мы вправе рассчитывать на реализм и благоразумие английской и, конечно, французской политики.

Сторонники ядерного вооружения пускают в ход аргумент насчет того, что, мол, его ликвидация оставит Запад «беззащитным» перед лицом советского «превосходства» в так называемых обычных вооружениях. Не буду сейчас спорить о том, есть такое «превосходство» или нет. Главное в другом — наши предложения предусматривают сокращение и этих вооружений, равно как укрепление мер доверия. Не для того мы выступили с предложением покончить с ядерным оружием, чтобы просто перенести гонку вооружений в другие сферы, которые со временем станут не менее опасными.

Мы понимаем, что претворение нашей концепции безопасности в жизнь требует огромных усилий, труда, упорной борьбы, ломки тысячелетних традиций, о чем я уже говорил. Но мир просто не может продолжать жить и действовать по-старому, когда угроза ядерной войны реальна.

Возможен ли вообще мир без оружия, мир без войн? На этот вопрос я бы ответил вопросом: а мыслимо ли сохранить человеческую цивилизацию, продолжая непрерывно ускоряющуюся гонку вооружений, нагнетая напряженность, балансируя на постоянно, так сказать, утончающейся грани войны?

Заметны ли после женевской встречи в верхах признаки восстановления разрядки в международных отношениях? Тут, на мой взгляд, в оценках приходится быть осторожным. Да, кое-какие признаки начинают появляться. И дело не только и не столько в отдельных подвижках в области советско-американских отношений: они слишком ограничены, периферийны, не затрагивают коренных вопросов. Зато определенное изменение политической атмосферы уже чувствуется. И это возродило у народов многих стран надежду и веру в возможность возвращения к разрядке, прекращения безумной гонки вооружений, развития нормального мирного международного сотрудничества. Это уже что-то реальное, политически существенное.

Меняющаяся политическая атмосфера помогает и нам, помогает Советскому Союзу более смело, более решительно подходить к выработке новых предложений, новых инициатив. Меня иногда спрашивают: может ли Советский Союз верить, что нынешняя ад-

министрация США, а также правительства некоторых союзных им стран согласятся на новые советские предложения? Такие, например, как полное запрещение ядерных взрывов, поэтапное уничтожение ядерного оружия в Европе и повсюду в мире, предотвращение гонки вооружений в космосе и т. д.

Вопрос закономерный. Но ведь политику, особенно в ядерный век, нельзя строить по принципу — веришь ли ты партнеру вообще или нет. Политику надо строить на реальных основаниях, учитывая расстановку сил на международной арене, потребности времени, интересы собственного народа, других народов, всеобщего мира. А раз так, то Советский Союз как социалистическое государство просто обязан предложить миру радикальную и вместе с тем реалистическую, учитывающую интересы всех народов альтернативу ядерной войне, программу решения проблем, стоящих перед человечеством. Такие предложения — это своего рода «момент истины». Они заставляют наших партнеров по переговорам открыть свое лицо, показать, какие в действительности цели преследует их политика. Когда мы предложили мораторий на ядерные взрывы, нам сказали — ишь, хитрецы, провели в этом году больше испытаний (это, кстати, не было правдой и тогда), а теперь предлагают США остановиться. Мы вот уже седьмой месяц не проводим испытаний. Теперь и США не могут использовать этот предлог. Тогда стали говорить о контроле, проверке. Мы выразили готовность к любым мерам проверки. Отпал и этот предлог. Что же остается? Неужели же только решимость США во что бы то ни стало продолжать гонку вооружений?

В написанном В. И. Лениным Декрете о мире (это был, кстати говоря, самый первый декрет только что родившейся Советской власти) выражалось твердое намерение первого в истории социалистического государства вести политику, действовать «...открыто перед всем народом», обращать свои предложения «к правительствам и народам», «...помочь народам вмешаться в вопросы войны и мира». «Мы, — говорил, представляя проект этого декрета съезду Советов, Ленин, — боремся против обмана правительств, которые все на словах говорят о мире, справедливости, а на деле ведут захватные грабительские войны». И вместе с тем он говорил, имея в виду отношения Советской страны с капиталистическими державами: «Мы не смеем, не должны давать возможность правительствам спрятаться за нашу неуступчивость и скрыть от народов, за что их посылают на бойню... ультимативность облегчит нашим противникам их положение. Мы же все условия покажем народу. Мы все правительства поставим перед нашими условиями, и пусть они дадут ответ своим народам».

Такова принципиальная коммунистическая постановка вопроса. И я не случайно вспомнил эти ленинские слова, ленинские принципы. Между тогдашней и нынешней ситуациями есть глубокое сходство. В 1917 году, в разгар первой мировой войны, самым главным был вопрос: как побыстрей окончить кровопролитие, навязанное народам империалистическими правительствами. И В. И. Ленин, партия решили, что самый эффективный путь — обратиться не только к правительствам, но и к народам. Сейчас народы мира втянуты в гонку вооружений, в ядерное соперничество, которое угрожает еще более страшной бойней. И естественно, что мы, упорно, кропотливо работая над решением этих про-

блем с правительствами Запада, постоянно обращаемся также к народам, адресуем свою политику им.

Вопрос: Есть ли основания рассчитывать на окончание в ближайшем будущем войны в Афганистане и, следовательно, на вывод советских войск из этой страны?

Ответ: Мы бы этого очень хотели и будем, насколько это в наших силах, этого добиваться. Правительство Афганистана, как мы знаем, придерживается той же позиции. Оно готово идти далеко по пути урегулирования сложных проблем внутреннего развития страны, активно приобщает к участию в налаживании жизни различные политические силы как в центре, так и в провинциях, включая представителей племен, духовенства, интеллигенции, деловых кругов.

Вместе с тем не все здесь зависит от правительства Афганистана. Есть в этом конфликте, и возникшем-то из-за вмешательства извне, внешние силы, заинтересованные в его продолжении и расширении, — это Пакистан и США. Может повлиять на ход событий и Западная Европа. Думаю, что, если бы там трезво оценили обстановку в Афганистане и вокруг него, а также, разумеется, взвесили свои собственные интересы, интересы общего мира, пути содействия решению проблемы нашлись бы.

Вопрос: Могут ли быть улучшены советско-французские отношения и что для этого необходимо сделать?

Ответ: Конечно, могут. Я бы даже сказал, должны быть улучшены. Советский Союз стоит за широкое сотрудничество с Францией, за дружбу между советским и французским народами. Различия между СССР и Францией — отнюдь не препятствие для их согласия и сотрудничества. Это наша твердая, долговременная, принципиальная позиция. Улучшение взаимопонимания и налаживание сотрудничества СССР и Франции мы считаем важными для коренного интереса наших стран — укрепления мира в Европе и во всем мире, оздоровления международной обстановки.

Дать новый импульс советско-французским отношениям — в этом был смысл и встречи на высшем уровне в Париже осенью прошлого года. За последнее время кое-чего удалось добиться. Но, с нашей точки зрения, остаются еще большие неиспользованные возможности. Хотели бы рассчитывать, что наши страны будут активными партнерами в решении таких проблем исторического масштаба, как обуздание гонки вооружений и полная ликвидация ядерного оружия, других видов оружия массового уничтожения, предотвращение создания ударных космических вооружений.

Советский Союз и Франция с их крупным научно-техническим и интеллектуальным потенциалом, с их опытом добрых отношений могли бы показать неплохой пример сотрудничества в области науки и техники. Вместе с дальнейшим развитием торгово-экономических отношений это могло бы, кстати, в определенной степени помочь решению проблемы занятости во Франции.

Исторически сложилось так, что советско-французские отношения традиционно опирались на взаимную симпатию и уважение обоих народов друг к другу. Тем большее непонимание вызывает у нас проявляющееся сейчас упорное стремление некоторых кругов вашей страны вызвать у французов неприязнь и недоверие к Советскому Союзу, создать ложный образ нашей страны, ее политики. Мы признательны французским коммунистам, газете «Юманите» за то, что они выступают против антисоветизма, рассказы-

вают правду о Советском Союзе, правду о социализме. Это мы рассматриваем как одну из важных форм солидарности ФКП с нашей партией.

Коммунистическое движение крепко такой именно солидарностью — солидарностью на деле — всех составляющих его партий, равноправных, самостоятельных, работающих в разных условиях, решающих разные задачи. И объединенных общей борьбой за интересы трудящихся масс, за мир и социализм.

В заключение хотел бы передать сердечный привет и добрые пожелания читателям «Юманите», французским коммунистам, всем трудящимся Франции.

●

В. ДОЛГОВ,
доктор экономических наук,
М. ПОПОВ,
доктор философских наук

ОТ РАЗБИТОГО КОРЫТА К СОЗИДАНИЮ

1. ПЕРЕСТРОЙКА ПЕРЕШЛА В РАЗРУШЕНИЕ

Итак, настоящий, поистине чудовищный смысл перестройки начинает раскрываться. На это указывают происходящие перемены. Перестройка вылилась в итоге в переСТРОЙ, в перемену общественно-политического строя.

В экономике: объявлено равноправие всех форм собственности. На самом деле проводится приоритет частной собственности. В Основных направлениях, являющихся закамуфлированной модификацией Программы «500 дней», под видом разгосударствления общественной собственности проводится ее приватизация.

В социальной сфере: происходит, по существу, ликвидация социальных завоеваний трудящихся — вводится безработица, частная собственность на жилье, платность образования, здравоохранения, спорта.

В идеологии: игнорирование классового анализа общественных процессов и явлений, навязывание мелкобуржуазной, торгашеской системы идеалов и ценностей.

В культуре: внедрение западного образа жизни, всеобщая американизация всей страны, пренебрежение собственными национальными культурными ценностями и традициями.

В политике: забвение ведущей роли рабочего класса, беспринципность, граничащая с предательством интересов страны, дефедерализация, обострение национальной розни, полная ликвидация Советской власти — десоветизация, парламентаризм.

Важнейшими, если не ключевыми, элементами в осуществлении **перемены строя** (перестройки) являются меры по устранению Коммунистической партии.

Коммунистическую партию пытаются заставить, взяв курс на приватизацию, проводить внутреннюю и внешнюю политику, противную самой природе, противоположную ее сущности, тем самым ввергая в тяжелейший кризис.

У противников нашего социалистического государства появилась возможность совершить контрреволюционный переворот. Но для этого им надо держать трудящихся в неведении относительно подлинных причин сложившейся ситуации, а также истинных целей реакционеров, отвлекая внимание народа от волюнтаристской политики верхов и направляя это недовольство против коммунистов в целом.

Коммунистическая идеология и организованность — единственное, что может сплотить трудящихся для отпора силам, разрушающим социалистический строй, а с ним и всю нашу страну, нашу Родину. Самое главное, что опасность, грозящая советскому народу, все более и более осознается, разрушающий, коварный смысл перестройки уже понятен, и главный вопрос момента — подъем всех сил на сохранение социалистического Отечества.

Вспомним, с чем вступала наша страна в восьмидесятые годы. На слуху были успехи в науке и технике, литературе, балете, спорте. Советский Союз преуспевал в освоении космоса, продолжалось усиление обороноспособности державы, развивались новые территориально-производственные комплексы, был достигнут весьма высокий уровень добычи сырья, особенно нефти и газа. Многое делалось в просвещении и образовании, в обогащении духовной жизни народов великой страны.

Однако все острее чувствовалось, что в обществе и в государстве накапливаются негативные проблемы и тенденции.

Под прикрытием официальной доктрины «развитого социализма» происходило ползучее социальное расслоение общества. Основные массы рабочих, колхозников, инженерно-технических работников, служащих, учителей, врачей, военных вкладывали свои силы, знания, нервы, здоровье, энергию, умение в производство, сельское хозяйство, образование, науку и культуру. Это проявлялось во все большем и большем количестве добытого сырья, выплавленного металла, выработанной электроэнергии, выращенного урожая, разработанных новых образцах техники, обученных школьников и подготовленных студентов и т. д. Но их собственная жизнь существенно не изменялась в лучшую сторону, им все больше не хватало ни времени, ни средств для удовлетворения потребностей собственной деятельности и развития своих детей. Целые регионы, дающие гигантские объемы топлива, руды, леса, чугуна, стали, цветных металлов, техники, стройматериалов, зерна, мяса, оказывались в тяжелейшем экологическом состоянии, при остром дефиците всего и вся, включая предметы первой необходимости. Именно в этих регионах все наглее выпускала когти преступность, и в нищете задыхались культура и искусство.

И в то же время, оберегаемые «общенародным» государством, формировались социальные группы и целые слои, представители

которых имели в избытке богатейший набор благ и возможностей для удовлетворения своих потребностей и прихотей.

Накапливались материальные и денежные богатства, полным ходом шел грабеж общественной собственности. В ее порах, всасывая кровь трудового народа, действовали ловкие предприниматели и спекулянты, организаторы подпольных производств, взяточники, очковтиратели и бракоделы. Особенно хорошо себя чувствовали лица, причастные к распространению потребительских благ и услуг по общественным каналам. Это была самая «сливочная» сфера народного хозяйства.

Здесь сталкивались интересы многих общественных сил. В распределении участвовали и государство, и партия, и профсоюзы, и комсомол, и хозяйственники, и пресса, и многие, многие деятели и организации. На этом поле битвы за потребление сложили свои политическое головы как молодые, подающие надежды бойцы, так и умудренные и прожженные политиканы.

Господствующий экономический стоимостный механизм стимулировал сугубо затратный путь хозяйствования. Многие ориентиры и показатели нацеливали общественное производство на достижение «вала», который был тем больше, чем больше было затрат, как сырьевых, так и трудовых. Такая система хозяйствования обрекала страну на отставание в главном и основном — в реализации научно-технического прогресса. Новая техника и технология, принося «головную боль» производственникам, сокращала стоимостные объемы работы со всеми вытекающими из этого обстоятельствами: сокращением фонда заработной платы, премий и прочих фондов и лимитов. Даже канцелярскую бумагу министерствам выделяли в зависимости от валовых показателей продукции.

Всеобщая погоня за затратами не только напрямую тормозила научно-технический прогресс, но и более того, сковывала заинтересованность непосредственных производителей материальных благ в его распространении. Трудящиеся не получали в свое распоряжение его результаты. Применение новой техники ничего не меняло в их жизни. Какую бы высокопроизводительную и экономичную технику они ни применяли, как бы ни увеличивали количество произведенной продукции, время их работы не сокращалось, отпуск не увеличивался, зарплата практически не возрастала. В итоге производство все более и более устаревало, искажалась структура экономики, она неуклонно превращалась в «самоедскую», бездушную, бесчеловечную машину, поглощающую природу и самих людей.

Опасные тенденции старения (в прямом и переносном смысле) охватили КПСС. В КПСС как во властную структуру, как в правящую партию стремились и попадали зачастую по карьеристским, деляческим устремлениям. Наиболее ценными качествами считались исполнительность, почитание старших по должности, начетничество и формализм, умение угождать. Как стыдно сейчас за многих нынешних руководителей партии и государства, в том числе и некоторых союзных республик, за их лакейские похвалы дряхлому пятизвездочному своему хозяину. Вот, видимо, куда уходили их творческие силы.

Отмеченные качественные изменения в обществе, государстве и партии не были случайными. Они накапливались давно и даже нашли свое отражение и закрепление в официальной идеологии. Концепция «развитого социализма», например, затушевывала

реальные противоречия движения нашего общества, оправдывала застой и косность, глушила любую оригинальную общественную мысль.

Но в прогрессивных научных, партийных, хозяйственных кругах, среди писателей, рабочих, среди крестьян, военнослужащих зрело понимание необходимости изменения складывающегося положения, обновления экономических отношений, кардинального совершенствования всей системы управления и планирования. Новые современные формы требовались народному образованию, культуре, информации. Творчество нужно было партии, профсоюзам, комсомолу.

Советское общество входило в восьмидесятые годы с пониманием трудностей и с желанием развития и движения вперед.

Реалистичный взгляд на движение советского общества как на его развитие через борьбу позитивных и негативных тенденций, заложенный в основу внутренней и внешней политики Ю. В. Андроповым, был закреплен в 1986 году XXVII съездом КПСС как стратегический курс на ускорение социально-экономического развития страны, что потребовало вполне естественно и соответствующей перестройки и обновления жизни общества.

Новое политическое руководство во главе с М. С. Горбачевым, уловив настроение народных масс, провозгласило необходимость перемен в управлении экономикой, развития демократии и гласности, совершенствования политической структуры и обогащения духовной жизни общества. Обновление и перестройка преподносились как средство совершенствования социализма, устранения наслоений и разного рода искажений его, как условие раскрытия огромных преимуществ и возможностей социалистического строя.

И, действительно, начало, как говорится, было многообещающим. Вновь избранный Генеральный секретарь ЦК КПСС энергично взялся за дело. Опытных, видевших многое партийных работников приятно поражала активность и мобильность М. С. Горбачева. Начиная с апрельского (1985 г.) Пленума Центрального Комитета КПСС была выдвинута целая серия крупных, ключевых инициатив, реализация которых обещала решение многих сложных и больных проблем в экономике и политике, в партии и государстве. Эти инициативы были хорошо, с пониманием приняты народом и партией.

За первые полгода руководитель КПСС получил восторженную поддержку в различных аудиториях Москвы, Ленинграда, Днепропетровска, Киева, Тюмени, Целинограда. В народе появилась надежда, что наконец-то к управлению великой страной пришли руководители, которые будут заниматься прежде всего ее собственными нуждами и проблемами, как бы трудны они ни были, будут опираться на интересы и потребности простых людей — тружеников.

Верно были выбраны и главные направления преобразований.

Уже в июне 1985 года, по признанию самого М. С. Горбачева, «первой после апрельского Пленума программной акцией первого руководства Советского Союза» стало обсуждение на крупном совещании в Центральном Комитете КПСС проблем структурной перестройки экономики на основе научно-технического прогресса.

Результатом обсуждения была разработка новой инвестиционной и структурной политики. Создавались крупные комплексные программы как по важнейшим направлениям научно-технического про-

гресса, так и в территориально-отраслевом разрезе. Намеченные глобальные задачи потребовали одновременно серьезного пересмотра экономического механизма с целью повышения его восприимчивости к нововведениям, совершенствования всей системы управления народным хозяйством.

В своей практической деятельности партия решительно и определенно обратилась к трудовому народу. Социализм — живое творчество масс — эта ленинская формула постоянно звучала в выступлениях, докладах, на встречах с трудящимися. Универсальными средствами включения всего народа в активный политический процесс объявлялись борьба с бюрократизмом, развитие самоуправления, усиление заинтересованности трудящихся в высокоэффективном труде, осуществление принципов социальной справедливости, использование критики и самокритики, проведение политики демократизации и гласности. Было принято действительно судьбоносное решение по предотвращению спаивания собственного народа и борьбы за здоровый образ жизни.

Важным резервом повышения эффективности экономики и оздоровления общества назывались наведение порядка, укрепление дисциплины и законности, повышение организованности и ответственности. Подтверждалась приверженность ленинским принципам кадровой политики, партия решительно очищалась от разного рода перерожденцев и лиц, порочащих звание коммуниста. Намечались меры по преодолению разрыва между словом и делом, повышению требовательности к себе и товарищам.

Объявив о начале преобразований в стране, партия приступила к ним прежде всего в самой себе — обновила руководство, выдвинула на передовые, ключевые участки честных, преданных, компетентных коммунистов, поставила перед миллионами членов партии трудные и благородные задачи.

В обществе зарождалось настроение подъема, усилилась политическая активность, наметился рост в экономике. Уже появились обнадеживающие сдвиги. В 1986 году прирост промышленного производства составил 4,9 процента, что было на треть выше, чем среднегодовой прирост в предыдущей пятилетке, и является наиболее высоким с 1977 года. Производительность труда в промышленности в целом увеличилась на 4,6 процента при плановом задании 4,1 процента. Произведенный национальный доход в 1986 года вырос на 4,1 процента при плане 3,9 процента. Произошел заметный натуральный прирост продукции сельского хозяйства, возросли на 5,2 млн. квадратных метров по сравнению с 1985 годом объемы жилищного строительства и объектов социально-бытового и культурного назначения.

Появилась надежда на реальное улучшение жизни советских людей.

Отчего же правильные и так необходимые инициативы не принесли ожидаемого результата?

Чтобы понять причины (а их много, как субъективных, так и объективных) негативного итога благих заверений и починов, необходимо проанализировать, невзирая на лица, ход реализации выдвинутых инициатив и попытаться понять, что стояло за теми многочисленными крутыми поворотами, переменами, переломами в идеологии, политике и экономике.

Вернемся в столь насыщенный действиями и событиями 1985 год, точнее, во вторую его половину.

Состоялись апрельский и июльский Пленумы Центрального Комитета партии, прошли первые встречи с трудящимися, произнесены были «тронные» речи, высказаны многочисленные предложения и пожелания, приняты серьезные решения. На ключевых постах в партии, государстве и правительстве расставлены верные друзья и соратники. Все сделано быстро, четко, красиво. Наступила пора созидательной работы. Именно так поступал В. И. Ленин, который, осмысливая послереволюционную стратегию и тактику развития нового общества, объяснял в 1921 году на IX Всероссийском съезде Советов, что надо «величайший переворот политический завершить медленной, тяжелой, трудной экономической работой, где сроки намечаются весьма долгие» [1].

Дела ожидали великие. Уже полным ходом шла работа над новой редакцией Программы партии. А это значит, была уникальная возможность по-крупному проработать политический курс страны на длительный период, вооружить, нацелить самую сильную в мире политическую партию на новые рубежи развития великой страны. Но руководство КПСС, забыв ленинское замечание о том, что внешняя политика является продолжением политики внутренней, решило испытать счастье на стороне. В столь горячее время внутри страны М. С. Горбачев с головой окунается в международные дела. Конечно, это выглядело престижнее. Руководство партии фактически отвлеклось от главного в тот исторический момент — от работы над разрешением коренных, чрезвычайно трудных, запутанных, острых проблем своего собственного Отечества.

На головы советских людей обрушился поток новых, теперь уже международных инициатив, предложений, прогнозов. Париж, Женева, Рейкьявик, Дели, Вашингтон... далее, как говорится, везде. В моду входили новые иностранные слова, новые модные термины, новые популярные деятели. Набирали силу «новые» преданные ученые мужи-советники.

Ну как тут не вспомнить В. И. Ленина, который все подобное уже видел и высмеял? Погоня за быстрыми, сиюминутными «положительными», столь необходимыми при карьерном движении только вверх успехами, при закреплении в должности, честолюбивое желание прибавить сейчас и сразу же и во всем означает во многих случаях попадание «вообще под работу на других, кто держит власть, кто определяет направление деятельности данного государства, общества, коллектива» [2]. Добавим, Европы и всего мира!

Стремление к успеху, к удобству — оппортунизм, приспособленчество, соглашательство вкупе с беспринципностью — вот какая угроза нависла над партией, вот откуда выползла опасность ее обезоруживания и разложения. «Оппортунизм поэтому и является оппортунизмом, что он коренные интересы движения приносит в жертву минутным выгодам или соображениям, основанным на самом близоруком, поверхностном расчете».

В общем, внимание, основная деятельность капитана строящегося корабля переключились с подготовки огромного корабля к тяжелому и длительному плаванию в бурном современном океане на участие в шумных эффектных встречах, приемах, на подписание договоров (в которых предусматривалось к тому же ослабление и разоружение судна) с соседями и соперниками, а то и с быв-

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 44. с. 324.
[2] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 13.

шими противниками. Удача, казалось, была так близка! Ведь все делалось так старательно, так вдохновенно.

Но в итоге наша великая держава превратилась в несостоятельного должника. Она низведена до унизительного положения просителя, которому другие страны публично диктуют свои условия, сдабривая при этом дешевыми подаяниями. Советская дипломатия используется в качестве подручного средства навязывания «третьим странам» глобальных интересов США, а ее «блистательный» руководитель, сделав все, чтобы втянуть СССР в персидский конфликт, сбежал с поста, предоставив возможность расхлебывать нам заваренную им кашу.

В результате мы лишились своих надежных союзников. Оказался взломан военно-стратегический паритет. Линия военного противостояния снова переместилась непосредственно к нашим границам. Распад организации Варшавского Договора, одностороннее разоружение Советского Союза, дезорганизация Вооруженных Сил, головотяпская конверсия военной промышленности поставили под угрозу сохранение мира и жизнь советских людей. Да, действительно, «торговали, веселились, подсчитали — прослезились!». Беда только, что горькие слезы придется проливать не тем, кто от имени народа торговал и приторговывал.

В стране уже открыто говорится с самых высоких государственных трибун о том, что действия руководителей СССР поощряются за рубежом и все более осуждаются в собственной стране [1].

Любая революция, учил В. И. Ленин, состоит из великого политического переворота, осуществляемого энтузиазмом передовых отрядов, за которыми стихийно, полусознательно идет основная масса народа. Затем, говорил он, встает, однако, другая задача: «нужно этот переворот переварить, претворить его в жизнь, не отговариваясь тем, что советский строй плох и что его надо перестраивать» [2]. А далее, как в воду глядел: «У нас ужасно много охотников перестраивать на всяческий лад, и от этих перестроек получается такое бедствие, что я большего бедствия в своей жизни и не знал. ...Не в том дело, чтобы быстрой реорганизацией его улучшить, а дело в том, что нужно это политическое преобразование переварить, чтобы получить другой культурно-экономический уровень. ...Не перестраивать, а, наоборот, помочь надо исправить те многочисленные недостатки, которые имеются в советском строе и во всей системе управления, чтобы помочь десяткам и миллионам людей» [3].

Приоритеты деятельности руководства партии и страны были явно смещены в сторону от интересов собственного государства. И не так уж важно, вольно или невольно это было сделано. Тем более что если следовать ленинскому совету научного анализа политики: кому выгодно, то становится совершенно очевидно — нынешнее разоренное положение в Советском Союзе, превращение его в неополуколониальный конгломерат «суверенных государств» необычайно выгодны партнерам нашего Президента-Генсека по международной игре. Видимо, следует признать, что его, а в его лице и всех нас, весь Советский Союз обыграли более

---

[1] См.: Выступление на заседании Верховного Совета СССР народного депутата СССР А. А. Ганичева 19 ноября 1990 года («Литературная Россия», 31 ноября 1990 г., с. 21).

[2] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 44, с. 326.

[3] Там же, с. 326—327.

ловкие и сильные соперники, держатели мировой власти, использующие в этой крупной игре все: и лесть, и посулы, и премии, и шантаж, и силу, и даже милостыню.

И все же внешний фактор не был бы столь эффективен, не действуй он на фоне тех разрушительных процессов, которые начали и продолжают разворачиваться в нашей стране.

В этом смысле исходным можно считать 1987 год.

Именно в этом году руководство партии довольно резко перешло к ревизии решений XXVII съезда партии, объявив на январском Пленуме ЦК КПСС главной целью деятельности партии и всего общества некую Перестройку.

Правда, сперва перестройка шла вместе с понятием «обновление» и преподносилась как средство совершенствования социализма и условие для реализации стратегического курса на ускорение социально-экономического развития страны. Потом перестройка начала уже упоминаться на равных с последним, а в итоге, вытеснив всякое упоминание и об ускорении и о развитии, полностью завладела официальной идеологией, воцарилась в решениях партии, государства и правительства, заполонила все каналы средств массовой информации. Началась битва за перестройку!

На первый взгляд в этом слове все просто и доступно. В этой простоте и заключается, видимо, феномен широкого распространения этого понятия. Легкость восприятия, хорошо продуманная система сперва ненавязчивого ввода в широкий обиход, а затем массированной атаки из стволов всех калибров на обывателя позволили глубоко укорениться ему в сознании людей. Но думается, что это совсем не безобидная категория социального управления, и ее появление и действие имеют под собой определенную теоретическую подоснову и далеко идущие цели.

Сам по себе термин «перестройка» отражает механическое понимание движения общества и происходящих в нем социально-экономических процессов. Отсюда господство механизаторских терминов в словаре перестройки: демонтаж системы, слом механизма торможения, перелом в движении, разблокировка отношений, наладка и запуск механизма, балансировка сил, обороты маховика, переключение скоростей, рычаги экономические и т. д. и т. п. Понятие «перестройка» не раскрывает движение как развитие — от простого к сложному, от низшего к высшему, идущее путем борьбы противоположных сил и тенденций. Понятие «перестройка» намного беднее понятия «развитие», оно не предполагает ни целей, ни путей, ведущих к этим целям. Введение этого понятия в широкой политический и научный оборот, наделение его неким концептуальным смыслом явились апогеем вульгарных, механистических взглядов на общество.

Под стать ему и официальная концепция движения общества оказалась не диалектической, а следовательно, не отражающей объективные процессы и взаимодействие полярных тенденций. С легкой руки «новых мыслителей» были запущены концепции по принципу: «больше — меньше», «лучше — хуже». В этих рамках развитие социализма (как общественного строя) сводится к обыденным, доступным представлениям и пожеланиям: больше социализма, больше динамизма, больше творчества, больше организованности, больше законности и порядка, больше научности и инициативы, больше эффективности в управлении, больше демократизма и гласности, больше коллективизма в общежитии, больше

культуры, больше человечности в производственных общественных и личных отношениях между людьми, больше достоинства и самоуважения личности, больше патриотизма, больше устремленности к высоким идеалам, больше деятельной гражданской заботы о делах всей страны, лучше и обеспеченнее жизнь людей и т. д. и т. п.

В дальнейшем предполагалось достичь больше права, больше свободы, больше дружбы, ...больше урожая.

И, наоборот, к нежелательным явлениям и процессам применялась мера меньше: меньше преступности, меньше бюрократизма, меньше взяток... меньше водки, меньше наркотиков и т. п.

Однако в реальной жизни получается все наоборот, общество пожинает прямо обратные результаты. Буйствуют преступность, национализм, коррупция, дефицит, сворачивается, разрушается общественное производство, введена карточная система на продукты питания, расцветает индивидуализм и сепаратизм, процветают анархия и произвол, и от социализма остался один выбор.

И это не случайно, ибо действует неверная, ненаучная концепция социального управления. А нет надежной концепции, считай, что нет курса движения, некуда и рулить.

В. И. Ленин в работе «К вопросу о диалектике»[1] отмечал, что существует (наблюдается в истории) два основных вида концепций развития. В одной развитие берется как уменьшение или увеличение, как повторение. В другой, писал он, развитие есть единство противоположностей, что означает раздвоение единого на взаимоисключающие противоположности и раскрывается через взаимоотношение между ними. «При первой концепции движения, — говорит В. И. Ленин, — остается в тени само движение, его двигательная сила, его источник, его мотив (или сей источник переносится вовне — бог, субъект...). При второй концепции главное внимание устремляется именно на познание источника «само» — движения»[2]. Великий диалектик, как всегда, оказался прав — и в настоящее время, как видим, все концепции (теории) развития сводятся к указанным им двум и соответственно реализуются в тех или иных политических курсах.

Невежество и пренебрежительное отношение к теории, к диалектике привело к тому, что любители «здравого смысла» приплыли в лодке «нового мышления» к концепции, которая, по словам В. И. Ленина, «мертва, бледна, суха». В результате стали господствовать омертвляющие идеи разрушения: будь то механизмы торможения или административной системы (системы управления), идеи слома экономического механизма или перелома тенденций.

В настоящее время официально предлагаемые для преодоления кризиса «прогрессивные», модные и эффектные средства и меры бесполезны и несостоятельны, поскольку обращены не к народу, не к трудящимся, не в сердцевину движения — во взаимоотношение взаимоисключающих его сторон и моментов, а вовне — к субъекту. Все предположения сводятся к одному: к наделению все большими и большими полномочиями субъекта. То вводится пост президента, затем он наделяется особыми полномочиями, далее специальными правами, то меняется структура органов, его обслуживающих, затем изменяются их функции, потом панацеей от всех

[1] См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 24, с. 316—321.
[2] Там же, с. 317.

бед объявляется вице-президент, и так без конца. А ситуация не только не улучшается, а последовательно и неуклонно ухудшается. Нет толку не только от субъекта, не помогают ни боги, ни экстрасенсы, ни астрологи, ни колдуны, ни прочие шарлатаны.

С точки зрения науки, диалектической теории, это объясняется очень просто тем, что указанные меры не затрагивают суть причин, все вводимые средства действуют вовне. Впрочем, такой тип действий характерен для приверженцев концепций «здравого смысла». Мелкобуржуазные оппортунисты всегда удовлетворяются минутой, блеском последней новинки, минутой «прогресса, — мы, — заявил В. И. Ленин, — должны смотреть дальше и глубже, показывать в этом прогрессе сейчас же и немедленно те стороны его, которые являются основой и залогом регресса, которые выражают односторонность, узкость, непрочность достигнутого и вызывают необходимость дальнейшей борьбы, в иных формах, при иных условиях»[1]. Вот она — революционная диалектика, живое реальное отношение к делу, умение смотреть широко, видеть обе полярные тенденции в явлении и соответственно этому выбирать и формы борьбы.

Поэтому на деле необходимы решения, затрагивающие саму структуру власти, присущей советскому, социалистическому обществу — возрождение Советской власти как власти трудящихся, где трудовые коллективы являются первичными ячейками власти и основой Советов всех уровней, включая Верховный Совет СССР. Именно в рамках такой власти можно, с учетом присущих ей противоречий, найти формы и пути выхода из кризиса, сплочения общества, сохранения державы. Это трудный путь, на нем будут встречаться и сопротивление, и провалы, и отрицание, но это реалистичный, земной путь.

Перестройка — как термин — дает возможность скрывать собственную неумелость в конкретной работе, путем постановки все новых и новых задач, выдвижения новых, более смелых инициатив. Ведь при умелой организации шумихи старые дела и инициативы доводить до конца, до полезного результата вовсе не обязательно, поскольку «жизнь требует, время диктует, а здравый смысл подсказывает» новые задачи. Так, например, за многочисленными новыми обещаниями, последнее из которых «светлое рыночное будущее», как-то забыли «великую» Продовольственную программу. Никто не вспоминает ее отцов, не анализирует, почему же она провалилась, кто на ней сделал карьеру, какова квалификация ее разработчиков? В моде давно уж новые песни: интенсивные технологии, бригадный подряд, фермерство.

Перестройка позволяет добиваться режима безответственности. Постоянная смена форм, грохот вокруг новых проблем снимают из общественного сознания вопрос об ответственности за осуществление принятых ранее решений. При этом вопрос о компетентности, способности и личном вкладе даже и не встает. Кто в ответе за срыв решений по модернизации машиностроения, кто и как работает по реализации жилищной программы. Отвечать просто некогда, впереди новые перестройки. Все время в дороге, в пути. Как перекати-поле.

Перестройка — лучший способ паразитировать на делах пред-

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 12, с. 349.

шествующих поколений борцов за Родину, Отечество, социализм. Под видом переделки можно жить припеваючи, нагуливать престиж, транжиря созданное руками предков. В торг пускается все: от систем новейшего вооружения до сбалансированного мирового устройства, от уникальных ресурсов до отечественной территории.

Возвращенная политиканами и идеологами «развитого социализма», перестройка взрыхливала талмудистскими догмами почву для действия разрушительных сил. Более того, сама перестройка превратилась в священную сверхдогму, закрытую от критики, схоластически замусоленную придворными «теоретиками» и публицистами, кичливо выдаваемую за революцию и взявшую из последней лишь разрушительную сторону.

Ради неких общечеловеческих ценностей, в условиях борьбы за правовое государство и истинную демократию в стране убивают конкретных людей различных национальностей, превращают их в беженцев, ввергают в убогую жизнь рабочий класс, крестьянство, интеллигенцию. Идет навязывание всему обществу интересов и ценностей групп лиц, слоев, а скоро уже и целого класса эксплуатирующих народ, торгующих его достоянием. Под флагом общечеловеческих интересов в общество внедряются, чтобы господствовать, буржуазные интересы, а их проводниками выступают «люди без идей, без характера, без политики, без чести, без совести, живое воплощение растерянности филистеров, на словах стоящих за социалистическую революцию, на деле неспособных понять ее, когда она началась, и защищающих по-ренегатски «демократию» вообще, то есть на деле защищающих буржуазную демократию» [1].

Особое предназначение имеет перестроечный замысел лишить трудящихся влияния КПСС как политического выразителя и защитника их экономических интересов. Коммунистической партии усиленно навязывается отказ от выработки социально-экономической политики при иезуитском перекладывании ответственности за последствия на рядовых коммунистов.

В этом можно убедиться из откровений одного из инициаторов перестройки, Н. И. Рыжкова. В своем выступлении на IV съезде народных депутатов СССР, сделав вывод, что перестройку в том виде, в котором она замышлялась, осуществить не удалось, и отмечая, что кардинально изменилось отношение к ней большинства населения — от энтузиазма и поддержки в 1985—1986 годах до недоверия и скептицизма, особенно в последние два года, вследствие размытости целей и наличия иллюзий, он признался: «Мы, по сути дела, не раскрыли модели будущего, не назвали социальную цену, которую придется платить» [2].

Все это было бы, конечно, смешно, если бы за тезисом безмодельности не стоял скрытый на первый взгляд, но очень опасный, вредный замысел. «Безмодельное обновление социализма, — отмечает Б. Курашвили, — стало все больше приобретать характер его отрицания» [3]. Более того. Оно используется, с одной стороны, для отбрасывания с порога любых альтернативных предложений и концепций развития экономики. «Тяжкий грех авторов теории «безмодельного развития» заключается в том, что они не только не

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч. т. 37. с. 459.
[2] «Известия». 1990. 21 декабря. с. 10.
[3] «Диалог». 1990. № 16. с. 18.

занялись выполнением этой задачи, не только пренебрегают теорией сами и тем самым демонстрируют свое «принципиальное» невежество, которое, как известно, никому не помогало, но и, пользуясь своим должностным влиянием, заблокировали разработку новых моделей социализма», с другой стороны, создавало особые льготные условия для проникновения в советскую социалистическую экономическую систему моделей хозяйствования в интересах зарубежных стран и капиталистических монополий. Не случайно в советчики Президенту СССР навязан некто М. Фридман, автор «шоковой терапии», примененной впервые в жизнь хунтой в Чили, экономический советник генерала Пиночета [1].

Поэтому наиболее упорно навязываемой сверху догмой, толкающей инициативу коммунистов в чрезвычайно опасном, противостоящем мировой тенденции к обобществлению производства направлении, является маниакальная идея о переходе к рынку как средству решения экономических проблем за счет народа, подаваемому как новый вариант светлого будущего, хотя речь идет об ухудшении жизни миллионов людей, всех народов России, превращении нашей страны в мирового аутсайдера, распадающегося на отдельные экономические зоны, беспощадно эксплуатируемые мировым капиталом.

Народ отвергает меры, направленные на взвинчивание цен, удорожание жизни, безработицу, социальное расслоение общества, рост теневой экономики за счет эксплуатации трудящихся.

Наибольший, пожалуй, вклад в разгул анархии, «войну законов» и «парад суверенитетов», в развал Союза как мировой державы внесла шумная перестроечная кампания по передаче власти от партии Советам. На самом деле этот лозунг был вброшен в игру теми, кто стремился устранить Коммунистическую партию с политической арены. Ибо любая демократическая власть предполагает правящую партию, наличие правящих сил. В политике пустот не бывает. Жизнь жестоко мстит тем, кто забывает об этом. Сегодня под лозунгом «передачи власти от партии к Советам» теми, кто провел в свою пользу выборы от общественных организаций, осуществляется окончательное отстранение трудящихся от власти и захват Советов партиями — политическими выразителями интересов нетрудовых слоев общества. Отказ от проведения этого политически ошибочного догматизированного курса — непременное условие обретения партией боевого духа передового борца за власть трудящихся.

Чего стоит следующее заверение архитектора перестройки, сделанное в переломной речи в 1987 году: «Демократия, суть которой составляет власть человека труда, — это форма реализации его широких политических и гражданских прав, заинтересованности в преобразованиях, практическом участии в их осуществлении» [2], — если в результате двух выборных кампаний 1989 и 1990 годов в состав народных депутатов СССР было избрано 21,2 процента рабочих и колхозников при 74 процентах их в составе населения страны, а в состав народных депутатов РСФСР всего 5,9 процента

[1] Сергеев В. Чили: анатомия заговора. М., 1986, с. 157. «Политическое руководство, — отмечает Б. Курашвили, — сейчас облеплено «списывателями» чужого опыта, как сладкий пирог мухами» («Диалог». 1990. № 16. с. 20).
[2] Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС 27—28 января 1987 года. М., 1987. с. 24.

рабочих и колхозников! Какого же труда власть получилась? Себя-то руководство партии, государства и правительства не забыло. Была придумана система выборов от общественных организаций, благодаря которой была получена самая развращающая привилегия — привилегия на власть. Сотня народных депутатов от КПСС в гарнире с другими «слугами» народа нанесла серьезнейший удар по авторитету партии, пробравшись с черного хода в народные депутаты. Другие депутаты, победившие в территориальных выборах, в большинстве своем не менее оторваны от народа, от своих трудовых коллективов, быстро превратились в парламентариев, выпекающих абстрактные, недействующие законы.

Осуществляемые в стране перемены шаг за шагом улучшают положение лишь привилегированного, элитарного слоя людей, накопивших нетрудовые доходы и получивших должности в период «брежневщины». Последовательная и безоглядная опора руководства страны на эти жадные социальные слои, подбадриваемые из-за рубежа, все более разоряет страну и приводит его к отрыву от народа. В стране полным ходом идет создание уже целого социального класса паразитов и эксплуататоров, забирающего власть и получающего помощь мирового капитализма.

Действие этих лиц настолько сильно, что они уже приступили к реализации истинного смысла понятия «перестройка». Давно ушел в тень первоначальный смысл этого слова. Все более явно проступает его настоящее содержание. Пере-строй-ка, пере-СТРОЙ-ка, пере-СТРОЙ — переход к смене строя, перемена строя. Подготовка и введение в стране нового строя. Какого же? Почему об этом не было в самом начале открыто сказано партии и народу? Не для того ли сперва упор делался на обыденный смысл слова «перестройка», чтобы провести свои планы по-тихому, действуя удобно прежде всего для себя, никого не пугая, ни с кем не споря по существу, по принципиальным вопросам. Сделать смену строя де-факто, как бы незаметно. Видимо, это и есть характерная особенность «нового мышления».

Хотя в чем новизна? Так же по-тихому, маскируясь, действовали в партии меньшевики, проводя во главе с Л. Троцким ликвидаторскую и отзовистскую линию. В. И. Ленин в этой связи писал: «Принципиальных защитников ликвидаторства и отзовизма не было: ни меньшевики, ни впередовцы не решались занимать подобной позиции. Тут сказалась давно уже отмеченная в нашей литературе (и не раз отмечавшаяся в международной литературе против оппортунистов) черта современных «критиков» марксизма и критиков действительно марксистской тактики: нерешительность, беспринципность, прятание «новой» линии, прикрывание последовательных представителей ликвидаторства и отзовизма» [1]. Вот уж, действительно, ничто не ново под луной, а предательство и все его формы стары, как мир.

Окончание следует

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 19, с. 268.

Анатолий ПАРПАРА

ЗАПАС ВЫСОТЫ

* * *

Неужто в нас нет боли и печали,
Чтоб оценить нахлынувший разбой?
Неужто мы душою измельчали
И навсегда покинуты судьбой?

Неужто мы природным русским сердцем
Обречены в метаниях своих
Все так же свято верить иноземцам
И сторониться собственных святых?

ПОСЛЕСЛОВИЕ К ДВАДЦАТЫМ ГОДАМ

Конечно, хорошо,
что мы в речах свободны.
Но плохо, что у нас
уже молчит закон.
И вряд ли помнит тот,
кто судит нас сегодня,
О судьбах судий тех
доверчивых времен.

В НАЧАЛЕ МАЯ

Гудит эфир,
Пророчит над планетой:
Вот-вот придет всемирная беда...
Но, к счастью, грач
Не ведает об этом
И веточки срывает для гнезда.

В БОЛЬНИЦЕ

I

Здравствуй, утро!
Ты не запоздало,
Выпустило стрелы из горсти:
Солнечного света не хватало
Для моей измученной груди.

Здравствуй, сердце!
Ты за ночь устало.
Славное, родное, отдохни!
Тьма прошла, но мглы еще немало
Будет в эти горестные дни.

Дуй, ветрило!
Пусть твое дыханье
Очищает смрадную Москву...
Я сейчас на росстани, как странник.
Но борюсь! Но действую! Живу!

II

Когда между жизнью и смертью
Зазор только в несколько дней,
Добрые люди — добреют,
Злые — становятся злей.

III

Привыкаю
Считать потери,
Привечаю

Невольно беду,
Но в душе по-мальчишески верю,
Что не скоро и я уйду.

Понимаю,
Что жизнь — до срока.
Отвечаю
За все сполна.
Благодушна или жестока,
Мне для радости жизнь дана.

Ну а если не на излете
Вдруг меня остановит смерть,
То запас высоты в полете
Мне позволит еще лететь.

ПЕСНЯ УХОДЯЩЕГО

Не рядите долго, не судите строго:
Каждому своя — особая дорога.
Хорошо иль плохо, ровно иль отлого
Нас ведет по жизни личная дорога.

Дожил до весны я — соловья дождусь я.
Вот над лесом кружат — возвернулись гуси.
Так же возвратился утомленным сердцем
И кружу невольно над забытым детством.

Худо или бедно — жизнь моя сложилась.
Попрошу я Бога — пусть окажет милость,
Пусть укажет сыну, коль отцу — недоля,
Где царит над миром и покой, и воля.

Москва

Иван СТАДНЮК

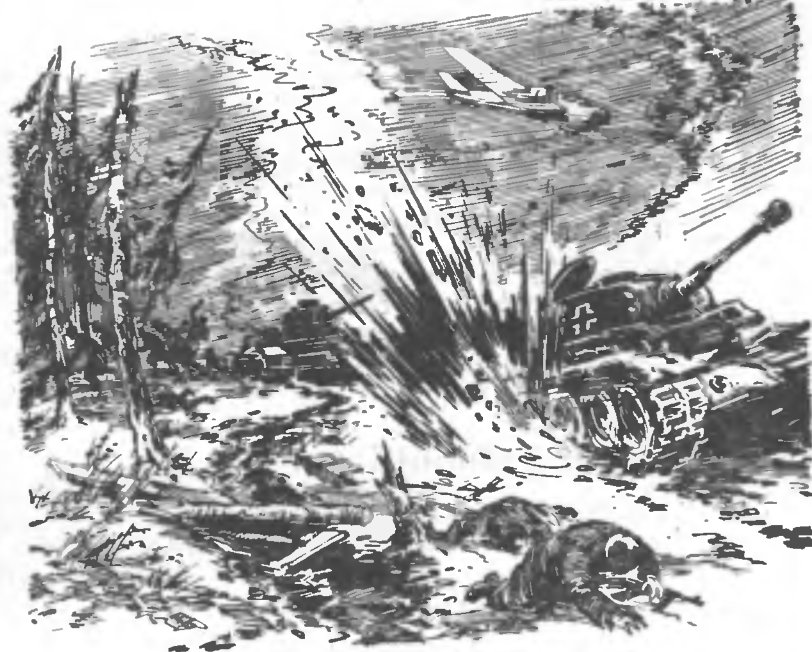

Рис. Ю. Макарова

ИСПОВЕДЬ БЕЗ ПОКАЯНИЯ

Воспоминальная повесть

Я был настолько голоден, что тут же разбил о рваный край обшивки самолета банку с мясными консервами и буквально проглотил. Ел все подряд: галеты, шоколад, жесткую вяленую колбасу. Затем выбросил из сумки противогаз и набил ее продуктами — помнил, что ребята в редакции и типографии тоже сидят на голодном пайке.

Пометил на карте место самолета, чтоб доложить о нем по начальству, и уже в наступившей тьме поспешил к Робье. Но шел недолго: вдруг в моем животе будто взорвалась граната — почувствовал ужасную резь. Начало тошнить... К речке добрался с трудом и понял: она в таком моем состоянии непреодолима. А невдалеке за ней светились плохо замаскированные окна нашего типографского автобуса и был слышен треск движка, дававшего свет. Я решил привлечь к себе внимание и открыл стрельбу из автомата, благо его обоймы были заполнены трассирующими пулями. Но вызвал в редакции панику, и в мою сторону обрушился шквал ответного огня — автоматного и ружейного. Понял, что помощи не дождусь, и, скрючившись, побрел вдоль берега влево — там, у села Старые Дегтяри, проходила дорога и был мосток через Робскую Робью и там же — тылы и медсанрота соседней танковой бригады.

Продолжение. Начало в № 3.

Тяжкая была для меня эта ночь. Помню жгучий стыд перед девчонками — медсестрами роты, промывавшими мне желудок... Потом на рассвете в парусиновой палатке, где я отлеживался, появился редактор газеты Кормщиков А. Г., за которым я послал в Сущево санитара, одарив его банкой трофейных консервов. Отдал Кормщикову сумку с продуктами и карту с обозначением места сбитого «юнкерса». Тогда дивизия из-за распутицы голодала и надо было немедленно известить о сбитом самолете наших снабженцев...

А днем, когда я отоспался и готов был убежать из медсанроты в редакцию, меня вдруг навестил старший лейтенант из особого отдела нашей 7-й гвардейской. Моего возраста, тощий, как и все мы в то время, он заговорил со мной начальственным тоном:

— Мне поручено снять с вас дознание...

Я опешил:

— Меня в чем-то обвиняют?

— Вами вчера обнаружен сбитый немецкий транспортник?

— Мной.

— Что вы изъяли из него?

— Взял немного жратвы — отдал сумку редактору газеты... — Я еще не знал, что пока Кормщиков посылал связного к начальнику тыла дивизии с запиской, в которой указывались координаты сбитого «юнкерса», у самолета уже побывали наши редакционные шоферы и наборщики. Разумеется, чуток «пошерстили» трофеи.

— Часы у летчиков снимали?.. Может, авторучки, пистолеты?

Я ахнул про себя от досады, что упустил возможность обзавестись наручными часами, которых у меня не было, да и авторучки — мечта для фронтового газетчика...

Ответить мне было нечего, и я поступил самым неразумным образом: схватив с самодельной тумбочки графин со слабым раствором марганцовки, с яростью запустил им в старшего лейтенанта. Но он натренированно уклонился от удара и выскользнул из палатки. Потом все-таки пришлось мне подписать протокол, в котором отмечалось, что я оказал «физическое сопротивление» во время «производства дознания». Однако главный нагоняй от начальства получил батальонный комиссар Кормщиков, преждевременно разгласивший в редакции местонахождение сбитого «юнкерса» и не обеспечивший в полной мере сохранность трофейных продуктов. Мне же «досталось» позже и по другому поводу.

Филипп Яковлевич Тулинов, старше меня лет на десять, был моим задушевным собеседником. Однажды, когда в центральной печати появились очередные публикации о проблемах открытия нашими союзниками «второго фронта», я, демонстрируя свои знания, почерпнутые в недавно оконченном военно-политическом училище, высказал Тулинову свою точку зрения на сей счет. Я сказал ему, что законы классовой борьбы подсказывают непреложную истину: даже в условиях угрозы фашизма порабощением всех стран мира империалисты Великобритании и США придут на помощь Советскому Союзу только в одной из трех ситуаций: первая — когда увидят, что Советский Союз стоит на грани гибели и близится черед Англии познать фашистскую агрессию; вторая — когда союзники начнут опасаться сепаратного мира между СССР и Германией; и третья — когда Красная Армия поставит фашистскую Германию на колени и начнет вторжение на ее территорию.

Тулинов некоторое время размышлял над моими словами, а затем с одобрением сказал:

— Логично мыслишь... Оказывается, ты неплохо политически подкован... Не ожидал. Философ!.. Только попридержи эту философию при себе. Не болтай. Сейчас мы пока ходим в потемках.

Но я возгордился. Еще никто так не хвалил меня и так серьезно не вникал в мои суждения, хотя они и не были лично моими, а слагались из прочитанного. И мне не терпелось еще и еще обнародовать свою «политическую образованность».

И «доигрался». Когда дорога между тылами дивизии и ее штабом малость подсохла, я подсел в грузовик, шедший в Козлово. В кузове на груде брезентов сидели уже знакомые мне старший лейтенант-особист и работник военной прокуратуры дивизии, в петлицах которого не было знаков различия. Старший лейтенант, кажется, не держал на меня зла, закурил вместе со мной, спросил, не обзавелся ли я часами. И черт меня дернул за язык ответить: «Часами будем обзаводиться, когда союзники откроют «второй фронт»... А откроют они его ни раньше, ни позже...» И я, пока в Пинаевых Горках шофер копался в моторе грузовика, эффектно и самоуверенно изложил свою «теорию».

По приезде в Козлово заспешил в политотдел к политруку Коновалову — читать политдонесения из частей дивизии, чтоб определиться, в каком полку вероятнее всего ждет меня интересный «материал» для газеты. Вскоре на столе Коновалова зазуммерил телефон. Сняв трубку, он что-то выслушал и коротко ответил: «Есть!» Потом обратился ко мне: «Беги к начальнику политотдела. Вызывает!»

Аркадия Полякова я знал еще по боям под Ярцевом. Он тогда был старшим политруком, инструктором политотдела, мы обращались друг к другу на «ты», вместе ходили на передовую. На Северо-Западном фронте Поляков стал полковым комиссаром и начальником политотдела дивизии, и наши отношения обрели строго официальный характер.

В просторной землянке Полякова я увидел, кроме него, нашего политотдельца — полкового комиссара Кравченко Д. К., и... двух своих недавних попутчиков — работника прокуратуры и старшего лейтенанта из особого отдела. Сердце у меня дрогнуло, но я четко доложил, что явился согласно приказанию. В ответ — тягостное молчание. Его, наконец, нарушил Поляков:

— Сними снаряжение с оружием, — приказал он, — и положи на стол партбилет.

Не понимая, что происходит, я послушно разоружился, затем стал доставать из нагрудного кармана гимнастерки партбилет, но... его там не оказалось. Мелькнула страшная догадка: я потерял партбилет, его кто-то нашел и сейчас надо держать ответ. Ведь случалось в те времена,

что кое-кто, опасаясь попасть в плен, умышленно избавлялся от партийных документов.

Я панически стал потрошить свои карманы, кинулся к полевой сумке, пристегнутой к снаряжению, лежавшему на столе. Но меня перехватил старший лейтенант, стал ощупывать нагрудные карманы моей гимнастерки и... обнаружил партбилет: карман вместе с ним заломился вверх...

Я обрадованно вздохнул, не подумав, что инцидент еще не исчерпан. И тут услышал от Полякова:

— Тебе предъявляется обвинение в распространении пораженческих настроений... Расскажи-ка нам, что ты болтаешь о наших союзниках и о том, что они не откроют «второго фронта».

Я понял, что меня толкают на край пропасти: за распространение на фронте пораженческих слухов лишали воинского звания, исключали из партии и посылали в штрафную роту. Но, не чувствуя за собой вины, спокойно пересказал то, о чем говорил в машине по пути в Козлово, держа, однако, главные козыри в мыслях.

Мне было известно, что Поляков перед войной закончил Военно-политическую академию имени Ленина, и верилось, что он наверняка согласится с моими суждениями. Тишину в землянке никто не нарушал. И я взорвался, почти со слезами стал орать на всех:

— Вы что, политически неграмотные люди?! Не коммунисты?! Мне два года втолковывали в училище теорию марксизма-ленинизма!.. Вы не верите товарищу Сталину?! Я почти на память помню его «Краткий курс истории партии»! — И, наобум называя страницы учебника, стал «шпарить» цитатами, в которых звучали проблемы сосуществования двух миров — социализма и капитализма.

Все слушали меня в растерянности. Поляков, поразмыслив, приказал старшему лейтенанту принести «Краткий курс», а я, опасаясь, что пересолил с цитированием Сталина, переключился на работы Ленина «Государство и революция» и «Философские тетради», будучи уверенным, что этих-то трудов наверняка не найдется в штабе дивизии. Но не нашлось и «Краткого курса» — старший лейтенант вернулся с пустыми руками.

Поляков посмотрел на меня долгим, укоряющим взглядом, видимо, не решаясь — «казнить меня или миловать». Потом недовольно сказал:

— Выйди, философ, из землянки, покури... Позовем, когда понадобишься.

Я выскочил во двор сгоревшего дома и столкнулся с двумя автоматчиками — молодыми пареньками. Увидев меня без пояса, они тут же взяли оружие на изготовку, кося глазами на землянку, полагая, видимо, что сейчас кто-то выйдет оттуда и отдаст им распоряжение о конвоировании...

Меня бил озноб. Усевшись на обломок бревна, я достал папиросы, но спичку зажечь не мог — ломалась. Один из конвоиров дал мне прикурить от самодельной зажигалки. Выкурив одну папиросу, я взялся за другую, и в это время из землянки послышался зов Полякова:

— Стаднюк, заходи!

Вскочив в землянку, я увидел, что полковой комиссар Кравченко улыбался. Чуть отлегло у меня от сердца. Лицо же Полякова было строгим и непроницаемым.

— Ну, вот что, «философ», — недовольно заговорил он, подняв голову. — Забирай свой партбилет, оружие и занимайся тем, чем тебе положено. А будешь еще болтать...

— Не буду! — поспешно заверил я.

— То-то же! «Второй фронт» не нам с тобой открывать!

...Как, оказывается, мало надо, чтобы сделать человека счастливым. Ведь не чувствовал я за собой вины и никакого «пораженчества» в мыслях не держал. Более того, относился к категории тех самонадеянных, воспитанных на лозунгах и политических догмах молодых людей, которые даже в пору прорыва немецких войск к Москве были уверены в незыблемости Советской власти, а происшедшее на фронтах оценивали как случайность, временный недосмотр нашего командования или даже осмысленный стратегический замысел Сталина.

Покинув землянку полкового комиссара Полякова, я почувствовал себя будто заново родившимся. Но радость вскоре сменилась печальными размышлениями о том, что происшедшее со мной могло обернуться по-иному... А сколько в жизни бывает подобных случаев, сколько ломается человеческих судеб по недоразумениям, злостным или глупым наветам. Но бывает вина, как возмездие, непростительная...

На второй день, когда возвращался в Козлово с передовой, я столкнулся за шлагбаумом контрольно-пропуск-

ного пункта со своими «знакомцами», в руках которых вчера была моя судьба; это зрелище буквально парализовало меня. Я увидел, как два молодых автоматчика и старший лейтенант из особого отдела конвоировали «вчерашнего» прокурора (он был без ремня и без оружия) к дому, в котором размещался военный трибунал дивизии. Что же случилось?

А случилось, как услышал я в политотделе от инструктора по информации политрука Коновалова, трагическое... На войне ведь всякое бывало: случаи трусости, дезертирства, паникерства, побеги к противнику, мародерство, самострельство. Тех, кто уличался в преступлении, отдавали под суд военного трибунала. И вот в канун этого дня трибунал приговорил к смертной казни бойца, прострелившего себе руку. Смертная казнь приводилась в исполнение перед строем военнослужащих или без «свидетелей» — на рассвете, но обязательно в присутствии представителя прокуратуры. Сегодня же представитель прокуратуры из-за плохого самочувствия не смог присутствовать при исполнении приговора и поручил командиру комендантского взвода сделать это самостоятельно. Тот на рассвете спустился в землянку, где содержалось под арестом несколько человек, бывших под следствием, выкрикнул фамилию осужденного. Первым вскочил очумевший от сна боец — представитель одной из среднеазиатских республик, плохо знавший русский язык. Его вывели из землянки и расстреляли. А потом выяснилась ошибка, за которую и несет сейчас ответственность представитель прокуратуры.

Рассказ Коновалова ошеломил меня. Подумалось: а если бы я оказался в той землянке, возможно, не случилось бы такой беды... Было очень жаль, что безвинно погиб красноармеец. А стоило ли жалеть прокурора?.. И его, конечно, жалко...

Но так и не узнал я, какой приговор вынес военный трибунал работнику прокуратуры. В политотделе меня ждали телеграмма о присвоении мне звания «батальонный комиссар» и приказ о назначении старшим политруком информации газеты «Мужество» 27-й армии, которая формировалась заново по другую сторону «Рамушевского коридора».

Покидать дивизионную газету очень не хотелось. Все полки 7-й гвардейской стрелковой дивизии стали для меня родными. Закрепились дружеские связи со многими

людьми переднего края, работать было очень интересно, материалы для газеты буквально сами плыли в руки. Но приказов в армии не оспаривают. Да и убедился потом: верна мудрость народная — «что ни делается — все к лучшему».

Прежде чем попасть в расположение 27-й армии, пришлось по лесному бездорожью пройти несколько сот километров к Осташкову, огибая озеро Селигер. Шли мы вместе с полковым комиссаром Кравченко Давыдом Карповичем, бывшим, как я узнал от него в дороге, секретарем райкома партии в Белоруссии. Его назначили секретарем партийной комиссии 27-й армии. С нами была одна лошадка, несшая два наших «сидора» (вещмешка). Шли не без приключений — попадали в трясины, отстреливались из автоматов от шайки изголодавшихся дезертиров... Из Осташкова, отдав тыловикам лошадь, на попутных машинах приехали в Валдай, разыскали политуправление фронта. Там, к нашей радости, вручили нам первые боевые награды: мне — орден Красной Звезды, Кравченко — медаль «За отвагу».

В расположение 27-й армии под Старую Руссу добирались тоже на попутных машинах, но уже по знакомым нам дорогам: Ленинградское шоссе, за деревней Зайцево поворот влево на Лажины, Мануйлово... По этому маршруту в конце января 1942 года шла наша 7-я гвардейская дивизия в составе 1-го гвардейского стрелкового корпуса, сокрушившего оборону противника в направлении Рамушево — Залучье... Теперь же дивизия находилась там, откуда мы с Кравченко держали путь, — по ту сторону «Рамушевского коридора», который, с тяжкими потерями, продолбили немцы из Старой Руссы к своей окруженной в районе Демянска группировке. На мое место в «Ворошиловский залп», как я узнал позже, пришел Михаил Семенович Бубеннов, будущий известный писатель.

Редакцию газеты «Мужество» разыскал в лесу над Ловатью близ деревни Мануйлово, попав вначале в небольшое скопление машин с полиграфическим оборудованием, принадлежащим редакции другой газеты — «Знамя Советов», 11-й армии. В лесу было малолюдно, и мое появление с вещмешком за спиной заметил человек среднего роста, улыбчивый и чуть губастый, с проницательным взглядом серых глаз. Одет он был в красноармейскую форму с интендантскими петлицами, в которых,

если не изменяет память, было по две зеленые «шпалы». Расспросив меня, кто я, откуда, «с чем меня едят» и почему здесь оказался, он тут же объяснил, что типография редакции газеты «Мужество» располагается рядом, за лесной дорогой, но людьми пока не укомплектована. Ее редактором назначен бывший заместитель редактора их газеты, батальонный комиссар Евгений Ефимович Поповкин. Сейчас он у редактора «Знамени Советов», полкового комиссара Б. В. Фарберова, на «прощальном» обеде. Появляться мне сейчас там не полагается по законам субординации. Надо ждать Поповкина здесь (Евгений Ефимович Поповкин после войны стал известным прозаиком, создателем и главным редактором журнала «Москва»).

— А пока давай сыграем в шахматы, — предложил мне незнакомец (потом выяснилось, что это известный белорусский поэт Аркадий Александрович Кулешов).

Я заколебался.

— Что, не умеешь?..

— Чуток умею... Однажды выиграл у чемпиона Белоруссии Вересова.

Кулешова будто ужалили. Он резко повернулся ко мне всем телом и посмотрел так, будто я сморозил невероятную глупость.

— С Гаврилом Вересовым играл? — с недоверием прозвучал вопрос.

— Да, с Гаврилом Николаевичем.

— Где ты мог с ним встречаться?

— Работали вместе в 7-й гвардейской дивизии. — И я обстоятельно рассказал все, что знал о Вересове.

— Значит, жив курилка! — обрадованно заключил Кулешов. — В Минске мы сражались с ним до посинения. Выиграть у него не так просто...

Через минуту мы сидели на расстеленной плащ-палатке и расставляли на шахматной доске фигуры. При розыгрыше первого хода Кулешову выпало играть белыми. А мне было все равно, кому начинать игру, ибо я так и не научился даже простейшим комбинациям, малейшему рассчитыванию ходов. И стал двигать фигуры, старательно копируя ходы Кулешова: сдвинет он пешку, я двигаю соответственно свою, возьмется он за коня, и я готов поставить своего коня так же.

К нам подошел один болельщик — высокий, с рыжей шевелюрой; на небритых щеках пробивалась рыжая щетина. Выделялся он еще длинным носом и почти бесцветными веками (это был московский поэт Игорь Чекин). Понаблюдав за нашей игрой, он со смешком спросил:

— У вас турнир или дуракаваляние?

— У товарища особая манера игры, не стандартная,— серьезно ответил Кулешов.

Сделав еще несколько ходов, он кинул на меня острый озабоченный взгляд и надолго задумался, не отрывая глаз от шахматной доски. Я тоже напряженно пялил глаза на фигуры, не понимая, что озадачило моего партнера. Чекину надоела эта затянувшаяся пауза, и он куда-то исчез, а Кулешов, сокрушенно покачав головой, вдруг сказал мне:

— Хитер, комиссар! Видна выучка Вересова. Ладно, давай сойдемся на ничьей и начнем новую партию.

Я обалдел до того, что, казалось, лес надо мной качнулся: никак не мог понять, почему Кулешов прекращает игру. Потом меня начал душить дурной смех, но я многозначительно молчал, не выдавая своего непонимания ситуации на шахматной доске. Кулешов воспринял мое молчание как отказ от ничьей и наконец сказал:

— Ладно, сдаюсь, — и начал заново расставлять фигуры.

Вот тут я и допустил непростительную ошибку, согласившись продолжать игру. Кулешов был шахматистом высшего класса и то ли нарочно проиграл мне эту партию, то ли случайно сделал какой-то опрометчивый ход, который при понимании законов игры лишал его шансов на выигрыш. Но с моей стороны ничто не грозило моему партнеру. Это он понял уже при второй партии, сделав мне мат в несколько ходов. Потом мы играли «вслепую»: Кулешов, улегшись на спину, не смотрел на шахматную доску, диктовал мне свои ходы, я ему называл ответные и... неизменно проигрывал.

— Как же с тобой мог играть сам Вересов?

— Он тренировался на мне...

С Аркадием Кулешовым на фронте я больше не встречался. Судьба вновь свела и крепко сдружила нас только после войны, когда в 50-х — 60-х годах он был главным редактором киностудии «Беларусьфильм», где тогда экранизировалась моя повесть «Человек не сдается», и Аркадий курировал фильм как его редактор. К этому времени класс моей игры в шахматы заметно поднялся,

у нас было с ним много поединков, но, увы, ни одной победы в них я не одержал.

Из глубины леса к нам подошли полковой комиссар Фарберов и старший батальонный комиссар Поповкин — о том, что это были именно они, я догадался сразу. Оба с раскрасневшимися лицами, в новеньком, не обмятом обмундировании, затянутые в лоснящиеся, будто навощенные ремни с портупеями. Фарберов — небольшого роста, подтянутый; жестикулируя обеими руками, он, кажется, давал Поповкину какие-то напутствия. Поповкин — грузноватый, с чуть заметным брюшком под гимнастеркой, немножко курносый. Он широко улыбался толстоватыми губами, его темные маслянистые глаза тоже светились улыбкой. Я почувствовал в нем доброго и веселого человека.

Мы с Кулешовым уже стояли «в струнку», а я еще и «ел» начальство глазами. Когда оно приблизилось, я шагнул навстречу и лихо продемонстрировал свои знания уставных правил. Вначале обратился к Фарберову, вскинув правую руку к козырьку фуражки:

— Товарищ полковой комиссар, разрешите обратиться к старшему батальонному комиссару Поповкину!

— Обращайтесь...

— Товарищ старший батальонный комиссар!.. Гвардии батальонный комиссар Стаднюк прибыл в ваше распоряжение для дальнейшего прохождения службы на должности старшего литсотрудника группы информации газеты «Мужество»!

Улыбка с лица Поповкина не сходила. Кажется, он больше смотрел на мой новенький орден, чем мне в лицо. Затем, пожав руку, сказал:

— Ну, что ж, нас уже двое в редакции. Пойдем знакомиться и решать, как начнем выпускать газету. Приказано не медлить.

Мы ушли с Поповкиным за лесную дорогу, где стояло несколько машин с полиграфическим оборудованием для газеты «Мужество». До сих пор не знаю, откуда они взялись и кто потом успел так быстро укомплектовать типографию специалистами. Улеглись на траве, закурили.

— Какое образование? — Это был первый обращенный ко мне вопрос.

— Десятилетка, чуток института журналистики, полковая артиллерийская школа и военно-политическое училище, — ответил я как на экзамене.

— На фронте давно?

Я начал рассказывать, стараясь не выглядеть хвастуном, но и давая понять, что побывал в таких переплетах, из которых выбрался чудом.

— За что получил орден?

— Не знаю, наградного листа не читал, — я говорил правду. — Думаю за то, что уцелел в приграничных боях... А вот еще награда, — и достал из полевой сумки свою фотографию под боевым знаменем 7-й гвардейской стрелковой дивизии. — А вот вырезка очерка из газеты «Красный гвардеец» первого гвардейского стрелкового корпуса (от 11 мая 1942 г.). В нем корреспондент газеты капитан Елизаров (погиб на Северо-Западном фронте в том же 1942 г.), не без явных преувеличений, повествовал о моих «подвигах» на переднем крае при сборе материалов для дивизионной газеты.

Поповкин внимательно читал очерк, и я чувствовал, как возвеличивался в его представлении мой «молодецкий облик». Внутренне ликуя, не догадывался, что скоро грядет позорный провал моего авторитета...

11

Через несколько дней мы выпускали первый номер армейской газеты «Мужество». Я дежурил по номеру — отвечал за его соответствие подписанному редактором в печать. На первой полосе публиковался Указ о присвоении звания Героя Советского Союза кому-то из разведчиков нашего фронта. Указ как указ, никаких сомнений. Подписанный М. И. Калининым и секретарем Чадаевым. На этой фамилии я и споткнулся. Почему, собственно, «Чадаев»? — мелькнуло у меня сомнение. Ведь есть фамилия Чаадаев, с двумя «а». Ее носил также друг Пушкина — Петр Яковлевич, знаменитый публицист XVIII века, участник войны 1812 года, декабрист... И я, довольный своими «познаниями», решительно исправил фамилию на «Ча-а-даев», проследив, чтобы метранпаж сделал поправку.

К утру газета была напечатана, отправлена на полевую почту, потом над моей головой разразилась гроза: Поповкин то рыдал, то хохотал до слез. Ждал вызова к начальству и ругал меня последними словами.

К счастью, на ошибку никто не обратил внимания, но я потерял доверие редактора и длительное время был в его немилости.

Редакция наша пополнялась новыми работниками. В ней, правда, в разное время работали будущие писатели Сергей Сергеевич Смирнов, Семен Глуховский, Анвер Бикчентаев, Вениамин Горячих, Юрий Смирнов, члены Союза писателей украинский поэт Давид Каневский и белорусский критик Алесь Кучар. Все они имели высшее литературное образование, опыт журналистской работы, и я чувствовал себя среди них жалким провинциалом, неумехой. Но все же старался держаться уверенно, понимая, что есть у меня и некоторые преимущества — моложе всех и выше в воинском звании, наличие военного образования и боевого опыта, о чем свидетельствовали три нашивки о ранениях. И орденоносцем был я пока единственным в редакции, да еще гвардейцем. Объективности ради скажу, что «боевые» материалы давались мне легче, нежели профессиональным литераторам. Что же касается их языка, стиля, формы, эмоциональных нагрузок, то мне надо было многому учиться у своих коллег, что я и делал неутомимо. Помню, с какой тщательностью простивший потом меня Евгений Поповкин редактировал мой рассказ «Сын», печатавшийся с продолжением в нескольких номерах «Мужества». После войны этот рассказ лег в основу повести «Это не забудется». Давид Каневский учил соблюдать чувство меры в использовании украинизмов в русской прозе, объяснял с присущей ему деликатностью элементарные, как мне сейчас ясно, законы создания художественного образа, характера, подбора деталей, придающих объемность повествованию. У Анвера Бикчентаева, мастера ярких новеллистических зарисовок, учился сюжетным построениям. А Семен Глуховский был моим постоянным советчиком по всем проблемам, связанным с профессией журналиста.

Поскольку я занимал в «Мужестве» должность старшего литсотрудника группы информации, мне полагалось находиться не в редакции, а в первом эшелоне штаба армии — поближе к оперативному и разведывательному отделам, которые ориентировали меня и корреспондентов фронтовой газеты «За Родину» (вначале Марка Гроссмана, а затем Абрама Розена) о том, в какую дивизию в каждый конкретный день устремляться нам за

материалами для своих газет. Имелась у меня в первом эшелоне землянка, именовавшаяся корреспондентским пунктом армии. В ней находили прибежище редкие гости из Москвы — писатели, художники, кинооператоры. Запомнились там встречи и беседы с «живыми» именитыми художниками слова Евгением Габриловичем, Кузьмой Горбуновым, Михаилом Матусовским, кинооператорами Головней и Рубановичем. Не раз ночевал в этой землянке и Лев Копелев, ведавший в политуправлении фронта контрпропагандой.

Для меня, молодого журналиста, это была пора неистребимой жажды печататься. А «площадь» армейской газеты маленькая. Поэтому «самочинно» посылал корреспонденции о боевых событиях в полосе 27-й армии во фронтовую газету «За Родину», в «Комсомольскую правду», «Военное обучение». Последние две газеты утвердили меня своим внештатным корреспондентом и прислали удостоверения, которые я храню до сих пор. Удостоверения центральных газет давали мне право пользоваться военным телеграфом любого штаба, и, забегая вперед, скажу, что это позволило мне первым известить редакцию «Правды» о трагедии Бабьего Яра, которая стала известна мне, Семену Глуховскому и Давиду Каневскому на второй день после освобождения Киева. Газета «Мужество» первой опубликовала мою статью об этой страшной трагедии.

Но вернусь на Северо-Западный фронт, в гиблые заболоченные приильменские леса, а зимой — в метровые снежные толщи... Наша 27-я армия занимала фронт протяженностью в 126 километров — по восточному берегу озера Ильмень до реки Ловать в районе села Рамушево. Много там пролилось крови — с пользой и без пользы. Иногда, когда воюющие стороны, не решив своих задач, обоюдно выдыхались, на передовой наступало затишье. Искать «боевой» материал становилось трудно, а редакция непрерывно требовала «горючего». Приходилось что-то «изобретать». Так, помнится, в феврале 1943 года ввалился я в землянку командира армейского 642-го авиационного полка ночных бомбардировщиков По-2 майора Н. П. Карасева и попросил у него разрешения полетать в качестве штурмана в тыл к немцам на бомбежку. Карасев потребовал согласия на это начальника политотдела армии полковника С. Д. Хвалея... Согласие было получено, и я стал летать вначале с лейтенантом

Гусевым Николаем Андреевичем, а потом с младшим лейтенантом Головкиным Александром Ивановичем. Моя задача была проще простого: наблюдать за воздухом, а над целью по команде летчика дергать шарики, соединенные тросами с держателями бомб. Делали мы налеты на немецкие воинские эшелоны на станциях Тулебля, Шимск, бомбили огневые позиции немецких минометных батарей. А когда, возвращаясь на аэродром, перелетали полосу фронта и оказывались над Ловатью в районе известного «северозападникам» Фанерного завода, я просил Гусева «покатать» меня... У обоих была ума палата... Гусев, бравируя перед корреспондентом, начинал бросать самолет в крутое пике, делать «горки», крутые виражи, пока я не взмолился, что больше не выдерживаю. Но главным было другое: в нашей газете на некоторое время утвердилась громко звучавшая рубрика: «На ночном бомбардировщике» (первая публикация — 26 февраля 1943 г.).

Привожу «образчики» моих былых писаний:

«Ночь выдалась ясная. Луна высоко поднялась в звездное небо, и под ее лучами снег сверкает мириадами искр. На белое поле аэродрома выруливают груженные бомбами самолеты.

В кабину машины, в которой я сегодня выполняю роль штурмана, садится младший лейтенант Николай Гусев... Взревел мотор. Через минуту самолет в воздухе. При лунном свете даже с большой высоты земля видна ясно. По дороге бегут автомашины, змейкой извивается небольшая речушка.

Сделав круг над аэродромом, самолет ложится на курс.

— Истребитель противника справа! — слышится в трубке голос Гусева.

Внимательно всматриваюсь в звездное небо, но ничего не вижу.

«Пугает», — решил я. В этот миг на землю посыпались трассирующие пули — стервятник обстреливал дорогу. Было видно, как наши беспечные шоферы быстро тушили зажженные фары.

Впереди местность затемнения — там притаился враг.

— Под нами линия фронта, — поясняет Гусев.

Хорошо видны красные вспышки стреляющих минометов и пушек. Трассирующие снаряды медленно описывают дугу и скрываются в лесу, их взрывов не видно. Фашисты часто бросают ракеты — белые, красные... Когда горящая ракета падает на землю, снег под ней озаряется сыпучим блеском. Светлые линии трассирующих пуль устремляются в небо, на высоте они теряют свой строй, будто сбиваясь в стайки, и, ярко вспыхивая, тухнут.

Слева замечаю самолет. По силуэту угадываю — вражеский. Докладываю Гусеву. Летчик спокойно поворачивает голову и всматривается. Немецкий самолет дает сигнал бортовыми красными огнями и идет к земле. Ему отвечают с земли серией ракет. Вскоре блеснул красный огонь на фюзеляже второго стервятника... Ясно — здесь немецкий аэродром. Хорошо бы кинуть на него «гостинцы», но у нас другое задание.

Далеко в стороне темнеет Старая Русса. От нее по разным направлениям бегут дороги. Одна из них — под нами. Изредка по ней идут автомашины, бросая впереди себя тонкие, еле заметные полоски синего света. Видны с воздуха и те, которые движутся вслепую — совершенно затемненные.

Железная дорога видится как тонкая ровная линия.

— Станция Тулебля! — кричит в трубку Гусев и указывает пальцем.

Вижу ровные квадратики построек, образующие один большой прямоугольник. Здесь фашисты сосредоточили склады с военным имуществом, продовольствием, боеприпасами и горючим. Известно, что станция прикрыта многочисленными противовоздушными средствами, и нашим самолетам приходится преодолевать плотную пелену огня зениток, пулеметов, встречаться с ночными истребителями противника.

Младший лейтенант Гусев обходит цель далеко слева и, приглушив мотор, планирует на нее. В стороне проносятся прерывчатые нити трассирующих пуль. Это фрицы бьют по другим, уже отбомбившимся, самолетам. Нашей машины они еще не обнаружили.

— Приготовиться, приготовиться! — сдерживая волнение, командует мне летчик.

Самолет, планируя на цель, все ниже и ниже над ней.

— Бросай! — слышится в трубке нетерпеливый голос.

Дергаю рычаги. Две стокилограммовые бомбы ныряют из-под крыльев вниз. Перегнувшись за борт, вижу, как они, все уменьшаясь, несутся к земле.

Гусев умело уводит машину в сторону, дает мотору полный газ, и самолет взмывает вверх. Высунувшись из

кабины, смотрю на темные квадратики станции. Ничего не видно...

Вдруг яркие вспышки взрывов озарили станционные постройки. Клубы черного дыма бросают на снег резкую, кажется, живую тень.

Блеснули прожектора, их гигантские мечи нервно заметались по небу, но самолет уже недосягаем: зенитные снаряды рвутся где-то высоко над нами, а снопы трассирующих пуль, выпущенных из крупнокалиберных пулеметов, проносятся в стороне...

Пролетаем над захваченной врагом территорией, минуем линию фронта и благополучно садимся на свой аэродром.

К машине подбегают техники, осматривают ее, подвешивают новые бомбы, и мы снова уходим на боевое задание.

Так каждую ночь летчики авиационного полка майора Карасева наносят врагу ощутимые бомбовые удары, разрушают его технику, взрывают склады, уничтожают живую силу...»

«Сегодня младший лейтенант Головкин Александр Иванович совершает 316-й боевой вылет.

Светлая, лунная ночь позволяет нам хорошо рассматривать покрытую снегом землю. На фронте оживление. Там и здесь вспыхивают залпы орудий и минометов, описывая кривую, проносятся трассирующие снаряды. В небо устремляются сотни пуль.

Впечатляющую картину представляют собой залпы наших минометных батарей. Свет разрывов их снарядов покрывает большие площади, бросая кровавый отблеск в небо.

Под нами линия фронта. На белом фоне снега резкими контурами выделяются проволочные заграждения первой и второй линий немецкой обороны. На опушке небольшой рощи сверкают вспышки фашистской минометной батареи. Головкин заходит на цель и дает мне команду бросать бомбы.

Дергаю за рычаги, самолет чувствительно вздрагивает, и десятки мелких бомб устремляются вниз.

Машина делает крутой поворот и уходит в сторону. Место на земле, откуда только что стреляла немецкая минометная батарея, покрыто многочисленными вспышками — разрывами наших бомб.

В это время по самолету открывает огонь немецкая зенитка. Снаряды тусклыми вспышками рвутся вверху. Головкин делает круг, внимательно высматривает новые цели...»

12

Фронтовые дороги разлучили нас с Гусевым и Головкиным. По слухам, я считал их погибшими. Но иногда слагаются в жизни ситуации совершенно непредвиденные и неправдоподобные. В канун 40-летия нашей Победы меня попросили из «Литературной газеты» написать что-либо о себе в полосу, посвященную фронтовым журналистам. Перебрав в памяти все, что со мной случалось на войне, я не вспомнил никаких особых своих личных подвигов и написал заметку о ночных полетах в тыл немцев на Северо-Западном фронте. Вскоре мне принесли для визирования гранку (я тогда работал секретарем Московской писательской организации). И когда я у себя в кабинете вычитывал столбик типографского набора, на моем столе зазвонил телефон.

— Иван Фотиевич? — услышал я незнакомый голос.

— Да.

— Это говорит Гусев Николай Андреевич!

Я стал вспоминать писателей, носящих фамилию Гусев, но Николая Андреевича, увы, вспомнить не мог.

— Простите, это кто из Гусевых?

— Не помните? На Северо-Западном я возил вас в тыл к немцам!

Я онемел: передо мной на столе лежала гранка с описанием тех полетов. Подумалось, что, наверное, кто-то из друзей моих прочитал ее в редакции «Литературки» раньше меня и разыгрывает... Или подленько проверяет, не нахвастался ли Стаднюк. Ведь давно известно, что никогда столько не врут, как после войны. Но кто же это? Вспомнил «полосу писательских розыгрышей» 50-х годов, когда однажды меня «возвели» в ранг лауреата Нобелевской премии (но об этом позже).

— Если вы тот самый Гусев, то скажите, что мы делали, когда перелетали Ловать?

— Вы просили «покатать», и над Фанерным заводом я вытряхивал из вас душу!

— Как нашли меня?

— Прочитал в «Правде» вашу статью к 40-летию Смоленского сражения, позвонил туда, спросил ваш телефон...

Поразительно!.. Оказалось, что живет Николай Андреевич Гусев в г. Дзержинске близ Москвы; теперь мы часто с ним встречаемся, снимались вместе на телевидении (в программе «Ты помнишь, товарищ?») и даже ездили на рыбалку на его «Жигулях».

13

Когда проникаешь мыслью в глубь того, что содержится в читательских письмах, когда соизмеряешь свои, легшие в роман замыслы с теми чувствами, которые они вызвали у читателей, и начинаешь ощущать единство своего видения и оценок прошлого с видением и оценками читателей — это ли не самая большая награда для писателя! Мне особенно дороги те строки, в которых бывшие фронтовики, определяя отношение к роману «Война», вспоминают свои военные дороги и своих фронтовых побратимов. А разве не дрогнет сердце при мысли, что, может быть, написанное о войне (не только мной, а и моими коллегами) побудит молодых читателей пристальнее всмотреться в героическую сложность и трагичность тех будто бы и далеких, а для нас, фронтовиков, всегда близких лет, заставит глубже задуматься над величием советского человека, который во имя будущих поколений (уже пришедших в сегодняшнюю жизнь) без колебаний решался на полное самоотречение? Ведь стоит только напомнить иному читателю, что в годы войны были, прямо скажем, иные мерки жизни, иные оценки достоинств человека как воина или труженика, что было иное суждение о человеческих радостях, горестях и в целом — о человеческом счастье, как воспламеняется великая очистительная сила — их совесть — и начинает быть строгим судьей, взыскательным наставником и надежным врачевателем.

Но это лишь один из многих аспектов, которые, может, даже подсознательно тревожат писателей военной темы, когда они садятся за свою очередную книгу. Главное же, смею заметить по собственному опыту, гнетет забота, как выстроить и наполнить повествование большой правдой жизни, судеб и характеров, чтобы книга привнесла что-то новое, важное, хоть в какой-то мере обогащающее уже существующую литературу о Великой Отечественной войне. И, разумеется, всегда тревожит мысль, чтобы написанное тобой вплелось, пусть маленькой веточкой, в вечно живой венок народной памяти на надгробии погибших героев, коих миллионы...

Сейчас, конечно, легко из звучных слов слагать цветистые фразы. А вот тем людям, которые первыми испытали страшную сумятицу чувств, вызванных внезапным нападением врага, было очень нелегко. Я говорю об этом с пониманием всей трагичности сложившейся в приграничных районах ситуации, потому что в ту пору сам находился там. Как развертывались приграничные сражения, сейчас хорошо известно по документам, учебникам, мемуарным и художественным произведениям. Но тогда, в июне 1941 года, даже для тех, кто руководил первыми сражениями, многое было неясно, не говоря уже о нас, рядовых и командирах начальных звеньев. Каждому из нас тогда казалось, что ты находишься на самом трудном участке, в центре событий, и всех нас не покидала мысль: остановить врага, выстоять, а если погибнуть, то успеть бы прежде узнать, что происходит...

Погибли многие тысячи, так ничего и не узнав. Многие, умирая, полагали, что началась не война, а вооруженная пограничная провокация. И вышестоящим штабам, вплоть до Генерального штаба, в первые дни войны очень трудно было оценивать обстановку, хотя бы и потому, что заброшенные в наши прифронтовые тылы переодетые в форму командиров Красной Армии, милицейских работников и в иные одеяния немецкие диверсанты разрушали линии связи, применяя изуверскую хитрость, истребляли на дорогах наших так называемых в то время делегатов связи.

Казалось, гитлеровские дивизии добились возможности с ходу сломить сопротивление наших войск и торжественным маршем устремиться в глубь советской территории.

Адольф Гитлер на это, между прочим, и рассчитывал.

За три дня до нападения Германии на СССР, 19 июня 1941 года, германское верховное главнокомандование поторопилось издать директиву № 32, в которой излагались задачи гитлеровских войск после победы над Советским Союзом. Вот их суть: завоевание Средиземного моря, Северной Африки, Ближнего и Среднего Востока при одновременном возобновлении «осады Англии». Вслед за этим

нацистскому руководству казалось возможным порабощение Индии и перенесение боевых действий на территорию США.

Первые успехи немецко-фашистских войск, их выход в южные районы Эстонии, к Пскову, на рубеж среднего течения Северной Двины и Днепра, были расценены гитлеровским руководством как полный выигрыш войны против Советского Союза.

Вот что заявил 4 июля 1941 года Гитлер на совещании в ставке: «Я все время стараюсь поставить себя в положение противника. Практически он войну уже проиграл. Хорошо, что мы разгромили танковые и военно-воздушные силы русских в самом начале. Русские не смогут их больше восстановить».

Это, повторяю, было сказано Гитлером 4 июля 1941 года.

Так что же случилось в наших приграничных областях? Кто сдержал гитлеровские армии, дав возможность нашему командованию подтянуть силы из глубины страны? Ведь действительно наши войска прикрытия оказались в отчаянном положении из-за нарушения снабжения боеприпасами, горючим, при полном господстве немцев в воздухе.

Если ответить на эти вопросы краткой общей формулой, то надо повторить известную истину, что на вооружении войск прикрытия Красной Армии оказалось в полной боевой готовности такое оружие, как ВЕРА в наши идеалы, как ВЕРНОСТЬ своей Родине и Коммунистической партии. И это не просто красивые слова, это реальные понятия, ибо со словами любви к Родине, партии наши полки шли в штыковые атаки, и эти слова у многих тысяч бойцов были последними в их жизни...

А если эту общую формулу развернуть картинно, то надо обстоятельно рассказывать, как все было. И многие писатели уже рассказывали — одни с большей мерой достоверности, другие с меньшей.

При всем этом нельзя забывать, что роман или повесть не коробка с игрушками, в которую можно бросать без разбора все вспыхивающее в памяти. Великая Отечественная война для многих из нас равна целой жизни, очень богатой трагическими событиями, потрясениями, случаями, происшествиями. Не все из них годится для художественного произведения, ибо не все может «работать» на творческий замысел и стройность композиций.

Ну а если каждое отдельно взятое событие несет в себе важные черты времени, является ярким осколком кровавой панорамы войны или этапным моментом твоей биографии? Замечу, что только с 27-й армией, в редакции газеты «Мужество», я прошел с июня 1942 года путь: Старая Русса, Орел, Курск, Ахтырка, Киев, Корсунь-Шевченковский, Бухарест, Будапешт, Балатон, юг Словакии, север Югославии, Вена, Грац... Сколько же видели мои глаза и что испытало сердце! Если даже учитывать, что в закромах памяти многое не удержалось, все равно есть чему будоражить чувства, воспламенять творческое воображение, мысленно перекидывать мостки из прошлого в сегодняшний день. Читатель может обратить внимание на то, что некоторые эпизоды, о которых я здесь вспоминаю, явились основой отдельных глав из моих военных романов. Они, эти эпизоды, в большинстве относятся к 1941 году. Впереди — целая война. Хотелось бы довести героев своих книг до Победы. Но такая мечта несбыточна: для работы нужно еще не одно десятилетие. Поэтому я и решился успеть написать эту фрагментарную, в своем роде исповедальную книжицу, чтобы, пусть бегло, пройтись в ней по военным путям-дорогам, трудным послевоенным годам, достигнуть сегодняшних дней, связав все, в меру возможного, чему посвятил жизнь.

В романе «Меч над Москвой» столкнулись судьбы моих литературных героев Алеся Христича, Миши Иванюты и Ирины Чумаковой. В главах о них придумана только «орнаментовка», обогащены и смещены во времени обстоятельства — в целях усиления драматургии романа. Все было проще и сложнее, повлиявшее и на мою личную судьбу. Судилось мне, видимо, после службы в армии жить на Украине, стать украинским писателем или журналистом. Однако тот же «господин» случай вторгся в, казалось, естественные предназначения...

14

Произошло это зимой в конце 1942 года. В штабе армии не получил я никакой оперативной информации и не знал, в какую часть лучше держать путь. В разведывательном и оперативном отделах штаба встретили меня нелюбезно — все были заняты какой-то срочной работой, о которой газетчикам знать не полагалось. Заместитель начальника оперативного отдела майор В. А. Игнатенко

(ныне генерал-майор в отставке) так мне и заявил об этом.

Раздосадованный, я решился идти к командующему армией генерал-лейтенанту Трофименко. Несколько раз он меня уже принимал, давал толковые разъяснения, но я по своей наивности тогда не предполагал, что мне просто везло: у командующего как раз были свободные минуты, да и озадачивала его моя самоуверенность, граничившая с нахальством. Я действительно чувствовал себя в штабе армии на особом положении как представитель печати и считал, что могу беспокоить своими вопросами кого хочу. (В этом, возможно, был виноват первый наш командарм, генерал майор Ф. П. Озеров, охотно беседовавший с газетчиками.) И очень уж нравилось мне представляться:

— Товарищ генерал-лейтенант! Беспокоит начальник корреспондентского пункта армии... — и называл свое звание и фамилию. — Мне поручено получить от вас информацию об оперативной обстановке...

Трофименко столбенел при моих появлениях, какое-то время отмалчивался (я полагал, что он мысленно отбирает для меня нужную информацию, и как бы между прочим напоминал о «Комсомольской правде» и «Военном обучении», куда я тоже корреспондировал. А позже понял, что он колебался, выгонять меня сразу или перетерпеть мою неучтивость). Когда я потом докладывал Поповкину, что был «на приеме» у командующего, Поповкина трясла лихорадка: он, редактор газеты, никогда не позволял себе такой дерзости! Выше начальника политотдела полковника Хвалея для него никто не существовал в армии. Да и без разрешения Хвалея он не решался обращаться к командарму. А мне «сходило с рук».

Вот и в тот день «пробился» я в «апартаменты» генерала Трофименко, облицованные изнутри фанерой. Он, не дослушав моего трафаретного представления, сердито перебил меня, сказав, что у него есть дела поважнее, и приказал убираться вон. Оскорбленный, я выскочил из кабинета командующего и в приемной столкнулся с полковником Шатиловым Василием Митрофановичем, командиром 182-й стрелковой дивизии нашей армии (в 1945 году его 155-я стрелковая дивизия будет штурмовать в Берлине рейхстаг). Я бывал в 182-й дивизии, знал Шатилова в лицо, но лично знаком с ним не был. Трясущимися руками прятал я в полевую сумку блокнот и на

его вопрос: «Что случилось?» — пожаловался: «Командующий, когда его беспокоят корреспонденты «Правды» или «Красной Звезды», готов с ними по целым ночам чаи гонять, а своему газетчику не смей к нему ногой ступить...» (этот случай Шатилов В. М., уже генерал-полковник в отставке, опишет в 80-х годах в своей книге «А до Берлина было далеко», стр. 223—224). Выслушав меня, Шатилов посоветовал направляться в его дивизию, назвал номер полка и сказал, что вчера там было горячо...

Добравшись на попутных машинах до расположения штаба названного мне полка, я направился на передовую. Шел по лесной тропинке, проложенной в снежной толще связистами. Кроны деревьев смешанного леса, густо опушенные кристаллами изморози, сказочно искрились, роняя на землю тоже искрящуюся пыль. Белое убранство леса постепенно тускнело, ветки все больше обнажались от белизны, а снег под деревьями чернел закопченными воронками. Было ясно, что недавно здесь был сильный минометно-артиллерийский обстрел: немцы охотились за нашей «кочующей» минометной батареей, огневую позицию которой я старался разыскать. Там у меня был надежный корреспондент «Мужества», командир расчета сержант Артюхов.

Тропинка точно вывела на обширную поляну, где выстроились на приличном расстоянии друг от друга четыре миномета из полкового дивизиона. На передовой было затишье. Чуть в тылу от минометов, где виднелись ящики с минами и пустая «тара», увидел столпившихся бойцов и сержантов. Подошел к ним ближе и увидел, что сержант Артюхов сидит на ящике и что-то пишет по подсказкам окруживших его минометчиков.

— Что сочиняем? — спросил я. — Письмо запорожских казаков турецкому султану, именуемому Гитлером?

Артюхов, узнав меня, вскочил, но лицо его не засветилось, как обычно, приветливостью.

— Тут сложная история, товарищ батальонный комиссар, — сказал он, когда мы пожали друг другу руки.

Дальнейших его слов не помню, но рассказ сержанта, в котором активное участие принимали и другие минометчики, сводился к следующему: в одном из ящиков с минами бойцы обнаружили записку от московских девушек, изготовлявших мины: это было краткое патриотическое письмецо. В нем девушки призывали фронтови-

ков бить фашистов, не жалея мин, и обещали производить их столько, сколько надо. В записке был адрес заводского комитета комсомола. Этим адресом воспользовался красноармеец Кудрин, родом из Белоруссии. Он написал девушкам ответ и попросил чью-либо из них фотографию и разрешения переписываться, ибо чувствует он себя очень тоскливо, так как его родная Белоруссия оккупирована врагом. И вот от одной из москвичек пришел адресованный Кудрину ответ. Сержант Артюхов достал из конверта и протянул мне фотоснимок. На нем была запечатлена миловидная девчонка с толстой косой, перекинутой на грудь. На обороте надпись: «Незнакомому бойцу Кудрину от Тони Крупеневой. Ждем вас, дорогие воины, с победой». Письмо ее было кратким, но наполненным искренними патриотическими чувствами, добрыми пожеланиями и с обратным домашним адресом. (Потом я узнал, что это письмо девушки сочинили на комсомольском собрании сообща и уполномочили быть его автором Тоню Крупеневу.)

— А в чем проблема? — спросил я, уже догадываясь, что услышу самое страшное. И не ошибся.

— Погиб Кудрин от осколка немецкой мины, — скорбно ответил Артюхов. — Вчера похоронили... Вот и пишем ответ в Москву...

Черный хлеб истины диктуется нам логикой или интуицией; чаще — тем и другим вместе. Я понял, что не могу оказаться в стороне от этой драматической истории, что в моих руках обжигающий душу редкостный материал для газеты. Сложное то было чувство или неосознанное предчувствие. Окончательное решение подсказал мне сержант Артюхов:

— Может, возьмете письмо, напишете Тоне от нашего имени?..

Я взял конверт, побывал еще у разведчиков, артиллеристов и направился в редакцию, находившуюся в лесу близ деревни Лажины, в землянках с бревенчатыми надстройками и покрытиями. На свой корреспондентский пункт заезжать не стал, понимая, что добытый мной материал надо готовить к публикации коллективно и срочно. Мысленно видел первую полосу газеты с портретом Тони Крупеневой в центре, с ее письмом бойцу Кудрину, с ответом ей минометчиков, со стихами Давида Каневского, броской «шапкой» и чем-то еще другим, что придумают старший батальонный комиссар Поповкин и

вся наша редакционная братия, кто окажется на месте.

Через два дня, 7 октября 1942 года, вышел очередной номер нашей газеты, первая полоса которой целиком была посвящена минометчику Кудрину и Тоне Крупеневой (в романе «Меч над Москвой» — Алесю Христичу и Ирине Чумаковой). Номер действительно удался на славу, вызвав много откликов из частей армии и высокую похвалу начальства. Поповкину позвонил даже генерал-лейтенант Трофименко и сказал добрые слова в адрес редакции. Поповкин, говорили мне потом, при разговоре с командармом чуть не потерял дар речи, а я несколько дней ходил в героях.

Через некоторое время после выхода удавшегося номера «Мужества» меня вызвал из первого эшелона в редакцию Поповкин и приказал вместе с нашим фотокорреспондентом Сергеем Репниковым отправляться в столицу, разыскать завод, где работает Тоня Крупенева, и собрать материал для газеты, который можно было бы озаглавить: «Фронт и тыл — едины» — рассказать, как, в каких условиях московские девушки работают для фронта.

Сергей Репников, высокий, краснолицый, с орлиным взглядом и горбинкой на носу, был по профессии кинооператором. На фронт призван из Москвы и воспринял поручение редактора как награду. В Москве у него жила семья, он копил для нее продукты (экономил дополнительный офицерский паек). И мне он посоветовал, кроме продовольственного аттестата, запастись продуктами (Репников хорошо знал, что москвичи жестоко голодали).

До Валдая мы добрались на попутных машинах, а там сели на товарный поезд...

Не помню последовательности событий, однако мы разыскали небольшой заводишко, приспособленный во время войны под расточку корпусов мин. Там работали девушки, подростки, старики. С Тоней встретились у ее станка. Она была в фуфайке, валенках, пуховом платке. Показалась совсем не столь симпатичной, как выглядела на фотографии — чумазая, тощая, с заострившимися от недоедания чертами лица. Другие девушки выглядели не лучше. Я стал записывать имена и фамилии девушек, брать у них «интервью». Расспрашивал старика мастера о технологии изготовления мин, условиях работы. Репников же был в растерянности. «Не тот антураж, не то

освещение», — сетовал он, щелкая затвором фотоаппарата.

Потом поехали к Тоне домой на Ярославское шоссе, чтобы еще сфотографировать ее в кругу семьи. Жила она в деревянном доме, на втором этаже в коммунальной квартире. Нас встретила только что вернувшаяся с фабрики «Большевичка» ее мать, Нина Васильевна. Она очень всполошилась при нашем появлении, полагая, видимо, что нам надо будет предоставить ночлег и покормить нас. Кинулась на кухню кипятить чайник, Тоня закрылась в ванной, а мы с Сережей осматривались в единственной их комнате. Я тут же опустошил свой рюкзак, выложив на стол банки с американской свиной тушенкой, именуемой тогда «второй фронт», сливочное масло, сахар, галеты, сухари, две плитки шоколада — все, что получил авансом на две недели вперед для себя и что сумел «сгрести» у коллег по редакции. В это время зашла в комнату Нина Васильевна, неся морковную заварку к чаю и тарелку с розовым свекольным суфле. Увидев на столе продукты, она чуть не лишилась чувств, не могла выговорить ни слова.

— Это презент от нашей редакции, — стал успокаивать ее Репников. — Свою долю я уже отвез к себе домой.

Нина Васильевна ахала, охала, вытирала фартуком слезы, а у меня в мозгу заклинилось слово Репникова «презент». Что это такое? Почему он так назвал продукты?.. В свои двадцать один или двадцать два года я еще во многом пребывал в дремучем крестьянском невежестве.

В комнату вдруг вошла чернобровая, красивая девушка в темно-голубом платье с тяжелой косой, перекинутой через плечо на грудь, тонкими чертами лица. Она смущенно улыбалась, а мы с Репниковым, раскрыв рты, смотрели на нее как на чудо... Это была с трудом узнаваемая Тоня.

Репников тут же засуетился, стал готовить для фотографирования «кадр», сунул Тоне в руки фотоснимок отца, Митрофана Яковлевича, находившегося на фронте. В комнате засверкал «блиц», защелкал фотоаппарат...

Потом мы сидели за столом, ужинали, пили морковный чай. К нам приобщилась пришедшая с работы младшая сестра Тони — Зина. Все были будто чем-то смущены. Хозяйки дома стеснительно прикасались к еде,

хотя видно было, как они голодны. А нам с Репниковым было совестно. что мы на фронте уже с лета особенно не испытывали недостатка в продуктах...

Я вдруг обратил внимание, что в простенке между шкафом и диваном стоят несколько желтых бумажных мешков, чем-то наполненных. Тоня перехватила мой взгляд и пояснила:

— Это все письма с фронта. Вы же напечатали в газете мой домашний адрес?!

— Беда с этими письмами, — Нина Васильевна засмеялась весело и по-молодому заразительно (ей, оказалось, было всего лишь тридцать семь лет). — Не то что отвечать на них, а читать не успеваем!

— Ничего. — Тоня тоже засмеялась. — Половину я отдаю подружкам, пусть отвечают. Зина с мамой помогают.

— Но почтальонша сердится, — сказала Нина Васильевна. — Не под силу таскать.

— А я связала из шерсти и подарила ей варежки. — Тоня, кажется, чувствовала себя виноватой. — Что-нибудь еще подарю.

— Для газеты ничего из писем не пригодится? — заинтересованно спросил я.

— Недели не хватит читать их. — Нина Васильевна вновь засмеялась. — Самые интересные те, в которых женихаются к Тоне. Там и фотографии есть. Такие орлы при орденах! Предлагают руку и сердце.

Я почувствовал, как орден на моей груди будто потяжелел. Сердце коготнула ревность. Смущенно покосился на Репникова, потом на Нину Васильевну и, стараясь придать своему голосу шутливую интонацию, с веселой дерзостью спросил у Тони:

— А можно, я тоже буду писать тебе письма?

После неловкой паузы Тоня ответила:

— Как же я смогу отличить их от других? Вдруг отдам кому-нибудь из моих подружек?

— Я буду ставить красным карандашом крестик в левом углу конверта...

— В синем кружочке, — пошутила Тоня, и я понял, что она согласна на переписку.

Все засмеялись, но смех тот был многозначительным... Нина Васильевна перевела разговор на другое, начав рассказывать свою крестьянскую родословную. главная суть которой была в том, что она с мужем и детьми бе-

жала в Москву из села Облезки Починковского района Смоленской области, когда началась коллективизация и раскулачивание. Их дед Василий с бабкой уже были куда-то сосланы, по хлопотами Митрофана Яковлевича, отца Тони, который чудом пробился к «всесоюзному старосте» Калинину, родителям разрешили вернуться в Смоленскую область... Сейчас Нина Васильевна работала председателем профсоюзного комитета швейной фабрики «Большевичка».

15

В редакцию газеты «Мужество» на Северо-Западный фронт я вернулся один. Сережа Репников на несколько дней задержался в Москве, чтобы в своей домашней лаборатории проявить снимки и сразу же сделать в цинкографии «Красной звезды» клише.

Доложил я Поповкину о выполнении задания, но так неумело, что он, бывалый человек, с ходу спросил меня: «Влюбился в Тоню Крупеневу?» И чем больше я доказывал ему, что он ошибается, тем веселее улыбался Поповкин, убеждая меня: никакого, мол, греха в этом нет; чем чаще человек влюбляется, тем скорее созревает его мудрость, ибо, как известно, в сердечных страданиях куется мужской характер и быстрее познается смысл жизни.

Пока приехал Репников, у меня все материалы для «московского» номера газеты были готовы. Но столько в них, как я понял потом, оказалось высокопарности, восторгов «трудовым героизмом» Тони и ее подруг, что секретарь редакции майор Валентин Аристов схватился за голову и сказал, что если все это напечатать, то бойцы на передовой будут прикладывать нашу газету к своим ранам и, кроме заражения крови, ничего не схлопочут.

Номер газеты с полосой о единстве фронта и тыла вскоре вышел. Особого впечатления ни на кого не произвел, хотя лично мне все материалы полосы очень понравились. На летучке, когда обсуждался номер, я даже обидчиво сказал коллегам: «Если б вы жрали не «блондинку» (так у нас называлась пшенная каша) с американской тушенкой, а буряковое суфле, которым питаются москвичи, то понимали бы, что им там в тысячу раз труднее, чем вам, пребывающим во втором эшелоне штаба армии!.. А нашими походами на передовую гордиться не надо: мы чаще ходим туда, где безопаснее...»

Мои слова вызвали бурю негодования, ибо я действительно не во всем был прав. Ведь многие еще до «Мужества» хлебнули немало трагического при отступлении на восток наших войск: Валентин Аристов со своей женой-корректором Татьяной в Прибалтике, Семен Глуховский под Ржевом, Миша Семенов, Василий Будюк, Алеша Александров, Нафанаил Харин тоже успели так нанюхаться пороха, что не могли прочихаться...

Страсти улеглись после того, как во время летучки Поповкина вызвал к телефону начальник политотдела армии полковник Хвалей и одобрительно отозвался о работе редакции. Особенно отметил последний номер. Поповкин вернулся в землянку, где мы заседали, сияющим...

Фронтовые будни продолжались. Я вернулся на командный пункт армии в свою телефонизированную землянку и оттуда, как и раньше, делал «набеги» в батальоны переднего края за газетным «материалом». С нетерпением ждал ответного письма от Тони после того, как послал в Москву несколько экземпляров «Мужества» с полосой, посвященной ей и ее подругам. Почтой в редакции ведал экспедировавший газету красноармеец Шумилов, которого мы именовали почтмейстером. Я попросил Шумилова немедленно позвонить мне на корпункт, как только поступит на мое имя откуда-либо письмо. Вскоре он позвонил:

— Вам послание из Москвы...

Через час-другой я был в редакции, где уже все знали, что мне пришло письмо от Тони Крупеневой. Взяв у Шумилова конверт, увидел, что он уже распечатывался, но на нем стоял штамп: «Просмотрено военной цензурой», и укорять «почтмейстера» не было оснований. Тоня благодарила меня за экземпляры «Мужества» и передавала поклоны от подруг, от мамы и сестры Зины, желала доброго здоровья и просила беречь себя. Я был безмерно рад письму, перечитывал его, спрятавшись в кабину грузовика. Здесь меня разыскал Поповкин.

— Ваня, я слышал, что ты получил письмо от Тони Крупеневой. Это правда?

— Правда! Но почему об этом осведомлена вся редакция?

— Не военная же тайна, — засмеялся Поповкин. — У меня к тебе просьба.

— Слушаю, Евгений Ефимович.

— Напиши Тоне: не сможет ли она подыскать нам корректора и радиста?

О том, что у нас не хватало корректоров, я знал. А о радисте, который принимал тассовские передачи для газет, услышал впервые: у нас был опытный радист воентехник Шилин, обаятельный, всегда улыбающийся человек с прокуренными до желтизны зубами, темным скуластым лицом и прищуренными глазами. По возрасту он мне казался самым пожилым в редакции.

— А где же наш Шилин? — удивился я.

— Арестовали вчера, — хмуро ответил Поповкин. — Какая-то сволочь настучала в особый отдел, что он по ночам слушает немцев, а потом якобы рассказывает содержание их радиопередач.

Забегу вперед и скажу, что Шилин провел в лагерях много лет. После войны, не будучи на свободе, переписывался, кажется, с бывшим нашим военным цензором майором Михаилом Семеновым, которому сообщил, что его оговорила какая-то «рыжая сука» из тыловых отделов армии. После возвращения из лагерей (жил он где-то на Урале) Шилин умер, и подробности его трагической участи остались для нас тайной.

Разговор с редактором получился невеселым. Он еще сказал, что радиста временно заменяет шофер Саша Каменецкий, благо прием тассовской информации дело нехитрое...

В этот же день я написал Тоне письмо, на которое вскоре получил ошеломивший меня ответ: «Я сама готова приехать на фронт. Грамотности для корректорской работы у меня хватит...» Тоня перед войной закончила десятилетку, поступила в Бауманский институт, потом ее мобилизовали на окопные работы... Словом, учеба была прервана...

Я кинулся в землянку Поповкина, дал ему прочитать письмо, и, пока он размышлял над ним, мне чудилось, что время остановило свой бег.

— Как ты относишься к этому предложению? — Темные, маслянистые глаза Евгения Ефимовича откровенно смеялись. — Ведь ты единственный холостяк в редакции, а войне конца-краю не видно.

— В огороде бузина, а в Киеве дядька, — обидчиво ответил я. — Нам нужен корректор, и было бы логичным послать меня за ним в Москву.

— Неразумно, — уже серьезно сказал Поповкин. — Сейчас Репников и начальник издательства майор Яскин получают в Москве нужные нам шрифты и оборудование для цинкографии. При них полуторка. Надо дать телеграмму Репникову...

Мне пора было уезжать на свой корпункт, но я под разными предлогами продолжал околачиваться в редакции, тем более что мой репортерский блокнот казался неисчерпаем: в нем было множество записанных на переднем крае рассказов солдат, сержантов, офицеров о подвигах, интересных эпизодах и ситуациях. Под каждым из них — роспись рассказчика, что по тем временам давало право писать заметки, статьи, репортажи от их имени. Оккупировав землянку Репникова, я неутомимо трудился над материалами для газеты, хотя знал, что в таком количестве они, тем более устаревшие, не нужны.

В один из ближайших дней в лес, на территорию редакции, въехал грузовик. Пока он разворачивался, чтобы стать под деревья, из землянок, домиков, из машин-цехов высыпал весь редакционный люд. Еще бы: Яскин и Репников привезли новые шрифты, оборудование для цинкографии и нового корректора, всем известную по нашей газете Тоню Крупеневу.

По долгу «старого знакомого» я помог Тоне выбраться из кузова грузовика и передал ее нашим девушкам — наборщицам Кате и Наде Анисимовым (сестрам), корректору Наташе Легздинг, машинистке, поварихе (имен последних не помню). Они тут же увели Тоню устраиваться в свой женский домик, а я демонстративно отбыл на корреспондентский пункт.

Тоню всей редакцией откармливали, урезая свои пайки. Я бросил курить, чтобы, как полагалось, вместо папирос получать плитку шоколада на неделю...

Корректором Тоня оказалась пока не ахти каким. В первом же номере газеты, которую она вела вместе с Наташей Легздинг, оказались перепутанными подписи под тассовскими фотографиями. Под снимком, на котором подростки изучают автомобильный мотор, утверждалось: «Телята на казахстанских пастбищах». А под телятами: «Фезеушники познают тайны автомобильной техники». Вину за такую оплошность взял на себя метранпаж сержант Саша Кулешов, будто во время правки полосы перепутавший местами клише.

Это, напомню, был декабрь 1942 года. А в апреле 1943-го нашу 27-ю армию начали перебрасывать с Севе-

ро-Западного фронта в Степной военный округ, который в скором времени стал Степным фронтом.

16

Наш «политотдельский» эшелон, в который погрузились редакция и типография «Мужества», на неделю задержали на железнодорожных путях подмосковной станции Сходня. С разрешения Поповкина мы с Тоней поехали в Москву навестить ее мать и сестру Зину. Они к этому времени переехали на Можайское шоссе в капитальный многоэтажный дом, но опять же в коммунальную квартиру.

Нина Васильевна меня не узнала и встретила встревоженным взглядом. Лицо у меня было темное от загара и обилия веснушек, густая шевелюра отливала рыжеватым цветом, и был я уже не батальонным комиссаром, а после введения погон и переаттестаций капитаном.

— Мама, не узнаешь? — спросила Тоня у Нины Васильевны. — Это Ваня Стаднюк... тот самый... Мы решили пожениться...

Нина Васильевна села на диван и горько заплакала.

— Мама, мне девятнадцатый год! Я самостоятельный человек, — Тоня обняла маму за плечи.

— А загс? — прошептала Нина Васильевна.

— Какой на фронте загс?!.

— Сейчас же идите в загс, иначе видеть вас не хочу!

Мы с Тоней вышли на Можайку. Где же искать загс? Спрашивать у прохожих было стыдно: война, люди получают похоронки, а мы, как придурки, озабочены загсом.

Подошел я к постовому милиционеру и со смущением спросил, как пройти к ближайшему загсу. Он засмеялся и сказал:

Продолжение на стр. 97

КРЕСТЬЯНЕ СЕВЕРА. Материал читайте на стр. 66.

ЖУРНАЛ В ЖУРНАЛЕ

ТОВАРИЩ

«МЫ НЕ ФЕРМЕРЫ — КРЕСТЬЯНЕ»

Деревню Пелгостров найти непросто. Находится она на острове, омываемом чистыми водами Водл-озера. Еще три-четыре года назад здесь жили люди, но постепенно они перебрались на «большую землю». Осталась лишь семья Пименовых: муж, жена и три дочки. «Будем крестьянствовать»,— сказал глава семьи Александр Борисович. Взял в колхозе на откорм бычков и с помощью домочадцев принялся за работу. Сейчас у него 24 головы — целое стадо. Сам косит, сам за скотиной ходит. Никакого наемного труда. Теперь вот лошадь покупать собирается.

К сожалению, застать хозяина нам не удалось: разминулись на автобусной остановке. Зато с его женой поговорили. Анна Васильевна поначалу обиделась, когда ее с мужем мы неосторожно назвали фермерами. «Мы не фермеры — крестьяне,— был ответ.— Фермеры здесь никогда не жили и жить не смогут: условия не те».

Сказала и посмотрела в сторону «большой земли»: скоро старшие дочки из школы вернутся. Там, на берегу, в деревне Куга-наволок, находится восьмилетка. Преподают здесь недавние выпускницы Петрозаводского училища Виктория Степанова, Татьяна Гоголева и Лилия Корчагинская (на снимке). Сейчас времена меняются, и многие ребята, получив специальность, возвращаются на малую родину.

...На берегу встретили рыбачью лодку, только что вернувшуюся с уловом. Знакомимся с бригадиром — Юрием Борисовичем Пименовым, братом Александра. Рассказал он нам о том, как трудно было тому начинать хозяйство. Проблемы, конечно, и сейчас есть, но главное все же сделано. А это главное — жизненный выбор: возродить родную деревню.

Еще не так давно на таких «архангельских мужиков» смотрели с недоверием: нашлись, мол, рвачи. Северные крестьяне, слушая такие разговоры, только посмеиваются: попробуй сними на этой земле пенки: разом охота отпадет. Не всякий крестьянин здесь вести хозяйство сможет, а лишь тот, кто трудолюбив и терпелив.

Теперь уже в разных местах Карелии воссоздаются семейные хозяйства, люди возвращаются в покинутые места.

В деревне Михеева Сельга мы познакомились с человеком, чья цель — возродить эту деревню. А. В. Иванов — не пугайтесь — доктор физико-математических наук. Но науку не бросил. Переехав сюда из города, он несколько раз в неделю добирается до Петрозаводска, где преподает в университете. А все остальное время уделяет хозяйству. Вместе с женой Натальей держат корову, бычка, кроликов. Отстроили дом и теперь растят наследника.

Разговорились мы с ним о проблемах села, о модных ныне фермерах. «Система фермерских хозяйств может решить проблему продовольствия, но не возродит деревню,— считает Иванов.— Ведь деревня — это не только продовольствие, но и люди. А как быть, если государство помогает фермеру кредитами, материалами и прочим, а колхозникам нет ничего? Нельзя в деревне строить дом одному, забывая о других. Нельзя противопоставлять крестьян колхозникам, как это у нас делается. Русская деревня — не американская и не канадская. Чужой опыт только тогда хорош, когда он используется как дополнение к своему».

Глядя на него, думалось: вот к таким Пименовым и Ивановым обратиться бы нашим российским депутатам за советом. И думать нужно о них, а не о гипотетических фермерах.

В. ПЕТРОВ
Фото Е. ЛУГОВОГО

УЧИМСЯ БЕЗ УЧЕБНИКОВ

У нас в Минусинске есть вспомогательная школа для детей-сирот, но нет учебников. Те, которые дали детям в школах, где они ранее обучались, устаревшие, не соответствуют учебной программе. Нам нужны книги с крупным текстом и яркими картинками. В нашей библиотеке, собранной с помощью населения, таких книг нет.

Помогите нам, пожалуйста. Мы можем рассчитываться с торгующими организациями.

Вот список необходимых учебников: для первого класса — букварь, дневник наблюдений; для второго класса — русский язык, книга для чтения, дневник наблюдений; для третьего — русский язык, книга для чтения, дневник наблюдений; для четвертого — русский язык, математика, книга для чтения, столярное дело, слесарное дело, для пятого — математика, книга для чтения, швейное дело, география, неживая природа, обувное дело; для шестого — математика, книга для чтения, география, естествознание.

Для седьмого и восьмого классов вообще ничего нет.

Наш адрес: 662800, Красноярский край, г. Минусинск, ул. Народная, 72, школа-интернат № 8.

Е. ПЕТРОВА,
библиотекарь

Т. ЛИСИЦИАН,
кинорежиссер ГТПО «Мосфильм»,
заслуженный деятель искусств РСФСР

ТЕРНИСТЫЙ ПУТЬ ДУХОБОРОВ

В условиях русского монархического государства эти люди 200 лет шли к коммуне, к братству и равенству своим, особым путем. В конце прошлого века многие из них переселились в Канаду. Наш рассказ — о вчерашнем и сегодняшнем дне русских духоборов.

На Руси духоборы стали известны как массовое религиозное движение с XVIII века. Сами духоборы считают, что первое официальное упоминание о них относится к 1733 году, хотя секта существовала, по их словам, издревле. Они утверждали, что все люди равны, поскольку являются детьми единого Бога и должны подчиняться только Ему, а не «человекам», в том числе и государственным властям.

Духоборческая ересь была признана особо вредной и жестоко преследовалась властями. По существу, это был народный протест не только против крепостного права, но и против государственного гнета вообще. В начале XIX века царь Александр I, человек, по своему характеру миролюбивый, надеясь избавиться от смуты, приказал собрать со всех концов страны духоборов, в том числе и тех, кто отбывал наказание за свои убеждения по тюрьмам и ссылкам, и поселить их на пустынных тогда землях Крыма, у берегов реки Молочной. Сами духоборы просили разрешения поселиться где-либо своим сообществом, чтобы «служить Богу, не нарушая покоя окружающего православного населения».

Собравшись в Таврии, духоборы установили коммунальный образ жизни. Они обобществили переданные им государством (царем) земли, скот, имущество, создали общую казну, работали сообща и поровну распределяли продукты. Для стариков, больных и одиноких членов общины была создана своеобразная богадельня, содержавшаяся всей общиной, «Сиротский дом». Впоследствии он стал резиденцией руководителей общины и религиозно-административным центром. Управлялась община советом из 24 человек — представителей от сел, во главе которых стоял признанный общиной руководитель.

Духоборческая община — одна из первых коммун в истории нашей страны, несколько десятков лет занималась на крымских землях хлебопашеством, скотоводством, ремеслами.

В 1807 году местное начальство сообщало о духоборах: «Все они

деятельны, неутомимы в работе, усердны в сельском хозяйстве. Как трезвые и зажиточные хлеборобы, исправно платят подати и повинности. По отношению к начальству переселенцы проявляют покорность. Они более развиты, чем остальное русское население данных районов, прекрасно обжились, колонии их находятся в цветущем состоянии».

Однако несмотря на то, что духоборы жили мирно и исправно платили подати в казну, церковь и губернские начальники не оставляли их в покое. В жалобах царю Александру I говорилось, что духоборы активно распространяют свою ересь и подрывают авторитет православной церкви. Кроме того, «они укрывают беглых крестьян и дезертиров». Архиереи и губернаторы настоятельно просили заключать отступников в тюрьмы, а всю общину выслать из Крыма в более отдаленные и глухие области империи.

Идеи духоборов становились популярными среди населения ближайших областей юга России и Северного Кавказа. Община выросла до 20 тысяч человек. После смерти Александра I государство и церковь снова выступили против духоборов. Николай I распорядился в 1840 году выслать общину духоборов на Кавказ, в высокогорный район Грузии — Джавахетию, на границе с Турцией.

Когда духоборы покидали свои селения, то в каждом доме мыли полы и окна, накрывали стол, ставили хлеб, соль и воду для новых пришельцев. Прощаясь, падали на землю, целовали и благодарили за то, что она дала им приют и кормила сорок лет. С тех пор хлеб, соль и вода присутствуют в молитвенных домах духоборов как память о том времени.

Так началась ссылка общины, как выражались губернские начальники, на истребление, за Кавказский горный хребет.

На высоте 2000 метров над уровнем моря, в горном районе с очень продолжительной суровой зимой с морозами —40° и более, казалось, было невозможно выжить и наладить хозяйство на никогда не обрабатывавшихся клочках земли. Но деваться было некуда. Обездоленная община стала обживать суровые края, налаживать контакты с соседями. Занялись животноводством, пытались освоить земледелие. Спасли их необычайное трудолюбие и традиционно здоровый образ жизни. Многие духоборы не курили, не пили вина, были среди них и вегетарианцы. С 1898—1899 годов большая часть общины —7500 человек, спасаясь от преследований, переселилась в Канаду. Необычайное трудолюбие и терпение снова помогли духоборам выжить и поднять целину на этот раз в диких, отдаленных от центра прериях Канады.

В 1902 году вырвался из сибирской ссылки опальный вождь духоборов П. Веригин. С его приездом в Канаду возродилась духоборческая коммуна под названием «Христианская община всемирного братства».

Однако правительству Канады коммунальный образ жизни переселенцев показался подозрительным. К тому же стали протестовать канадские фермеры. Продукция общины стоила значительно дешевле и сбивала цены на общеканадском рынке. У духоборов потребовали, чтобы все они взяли паспорта, то есть приняли гражданство. Кроме того, от них потребовали разделения общинной земли и закрепления ее за индивидуальными владельцами. И то, и другое противоречило взглядам и религиозным представлениям духоборов. Опять началась борьба за идеалы общины.

В этой борьбе правительство формально одержало верх. У общины отобрали всю поднятую ею с таким трудом землю, приносившую к тому времени высокие урожаи и доходы. Оставленные 15 акров на семью не могли прокормить ограбленных крестьян.

Спасая общину, духоборы из накопленных коммуной денег теперь уже купили необжитые земли на дальнем западе Канады, в Британской Колумбии, и поселились там. Снова строились поселки, выкорчевывались леса. Постепенно налаживалась жизнь коммуны.

Так, с великими потерями, духоборам приходилось отстаивать в Канаде обещанную им при переселении независимость и свободу.

Стремясь поддержать и сохранить духоборчество, его древнюю культуру, русский язык, традиции, духоборы в то же время старались преодолеть отчужденность от мира, не принесшую им желанных результатов, стали поддерживать связь с русскими, издавна прожи-

вавшими в Канаде. Созданный ими Союз духовных общин Христа с 1967 года стал коллективным членом Федерации русских канадцев, а Почетный председатель союза И. Веригин — Президентом Ассоциации канадцев русского происхождения.

Всеобщий мир стал идеалом и целью духоборов Союза духовных общин Христа в Канаде. Они провозгласили своим девизом «Труд и мирную жизнь».

Здравый смысл и интуиция руководства союза вывели духоборческие идеи из сектантской замкнутости и обособленности. Члены союза активно занимаются миротворческой деятельностью, выступают против всякого зла и насилия, за мир и разоружение.

Особая ответственность в наше время легла на плечи созданной Комиссии по будущности. Духоборы Канады, хотя и сохранили русский язык, свою веру, поют все те же древние псалмы, старинные и новые русские песни, берегут обычаи, традиции, память о далекой родине предков, но все чаще и чаще раздаются среди них тревожные голоса о будущем этого островка русской культуры.

Духоборы•Канады стали непременными участниками всевозможных всемирных конференций, симпозиумов и семинаров по вопросам сохранения мира и развития взаимопонимания между народами. Почетный председатель союза И. Веригин награжден за выдающуюся общественную работу, укрепление мира и дружественных отношений между народами канадским и советским орденами. По приглашению Русской Православной церкви он участвовал в торжествах по случаю тысячелетия крещения Руси.

Центр «Духобории» в Канаде находится теперь на западе, в Кордильерах, или, как их здесь называют, Скалистых горах в Британской Колумбии. Места эти очень напоминают наш Кавказ. Когда-то общине духоборов приходилось здесь отвоевывать у лесов и болот участки для жилья и посевов. Теперь тут, на крутых берегах полноводных рек Кутней и Колумбия, у обжитых живописных озер, расположены

уютные городки и поселки, в которых живут и работают потомки духоборов-переселенцев. Эти места и посетила наша группа для съемки фильма «Встреча с духоборами». Живут духоборы повсеместно в одноэтажных комфортабельных домиках с огородом и зелеными стрижеными лужайками возле домов. Очень любят цветы. Их так много в домиках и на верандах! Трудятся духоборы, как и их предки, не покладая рук.

На равнинах провинции Альберта и Саскачеван, где тоже живут духоборы, мы видели бескрайние поля пшеницы и элеваторы, которые наполняются огромным количеством зерна, выращенного руками духоборов.

Личные фермы этих районов похожи на мини-выставки первоклассных сельскохозяйственных машин всякого рода. Поэтому хлебные поля заботливо возделаны и убираются малым числом людей. Хлеб не пропадает. С завистью смотрели мы на ухоженные усадьбы, на бесконечные ряды элеваторов, на «бархатные» дороги, проложенные по всем концам «Духобории». Сколько раз рушились их надежды, сколько раз приходилось бросать нажитое. Но трудолюбие, взаимопомощь, выработанные общинным укладом, помогали духоборам переносить все невзгоды. А представьте, к какому процветанию они могли прийти, если бы не разрушали их общину, не навязывали буквально силою закона частную собственность...

Принимали нас духоборы как родных. Жили мы у них в семьях, ели их замечательную вегетарианскую пищу, бывали на молениях. Удивительно музыкальны эти люди, как прекрасно поют они старинные псалмы, молитвы и современные песни!

Есть у них и сложности в жизни, и проблемы, но сила духа передалась им от предков. Повсюду мы видели приветливых, жизнерадостных, деятельных людей, крепкие семьи со многими детьми и внуками, ухоженных стариков.

Боятся нынешние духоборы Канады только войны и ассимиляции. Но если борьба за мир — их повседневная общественная деятельность, то спасение от ассимиляции и потери своей духовной культуры многие из них видят только в возвращении на родину предков, в Россию. Возродилось в них чувство Родины, ощутили они свои корни, вернулись естественные чувства русских людей.

УЙМИТЕСЬ, МЕЛОМАНЫ!

Не так давно во французской печати появилось предупреждение профессора Ива Аранса. «Число тугоухих юношей во Франции будет расти, ибо мода пустила глубокие корни, увлечение шумовыми эффектами приобрело массовый характер, а методов лечения последствий пока нет. Запомните, звуковое давление в наушниках плейеров на 30 процентов выше нормы. Усиленные ритмы разрушают слуховые нервы. Причину глухоты каждый несмышленый носит в своем кармане».

А началось все в школе спортивной авиации в Бордо. В 1989 году, к великому удивлению врачей, более четверти юношей, проходивших медицинскую комиссию, оказались непригодными для профессии летчика по причине ослабленного слуха. Столь высокий процент отсева заставил специалистов заняться проблемой. Они объективно установили, что повреждение слухового аппарата находится в прямой связи с неумеренным прослушиванием магнитных записей.

«ПРОГНОЗИРУЮ ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЯ»

На планете каждый год случаются землетрясения, которые наносят значительный материальный ущерб, уносят сотни человеческих жизней. Можно ли предсказать разгул земной стихии? Руководитель группы «Астрогеопрогноз» по прогнозированию землетрясений Лаборатории прикладной астрофизики Станислав НИКОЛАЕВ, считает, что можно. Именно он предсказал землетрясение в Сан-Франциско, которое произошло 17 октября 1989 года.

— Станислав Григорьевич, занимался ли кто-нибудь до создания вашей группы прогнозированием землетрясений?

— Можно назвать тех, кто занимался теоретическими исследованиями, чьи идеи способствовали бы избежанию многих трагических последствий землетрясений. При условии, конечно, если бы они были внедрены. Это прежде всего академики В. В. Шулейкин, А. Л. Яншин, профессор И. В. Максимов и кандидат геологических наук Р. Ф. Усманов. Практиком был лишь доктор технических наук Ф. И. Монахов. Он с большой точностью спрогнозировал несколько землетрясений на Курилах. Об этих прогнозах в середине 70-х годов писали местные газеты. Но позже работы Монахова оказались незаслуженно забытыми, а методика практически похоронена.

— Расскажите, как вам удалось осуществить прогноз землетрясения в Сан-Франциско?

— Американские сейсмологи ожидали, что землетрясение произойдет в районе Лос-Анджелеса в течение ближайших 30 лет. Землетрясение произошло в районе Сан-Франциско, то есть на 500 километров севернее... Главный прогноз я передал в посольство США в Москве 27 сентября 1989 года. В нем было написано, что в Калифорнии возможно землетрясение не ранее 11 октября. Чтобы уточнить координаты и время толчка, я просил предоставить карту разломов Калифорнии. Однако необходимых для уточнения прогноза материалов мне не дали. Но тем не менее 28 сентября по телефону я сообщил, что аварийные ситуации могут возникнуть на разломах вдоль побережья Калифорнии от Сиэтла до Сан-Франциско и ожидаемое землетрясение возможно 13 октября на разломе Сан-Андреас в точке 37 градусов широты и 121 градус долготы. Землетрясение произошло 17 октября. Ошибка составила четверо суток.

— Скажите, с какой точностью сейчас прогнозируются землетрясения в крупнейших странах мира?

— О точности прогнозирования в США уже было сказано. О прогнозах в СССР руководитель Международного института по прогнозированию академик В. Кейлис-Борок в интервью корреспонденту газеты «Известия» 2 ноября 1989 года сказал, что «... у специалистов... начинают «получаться» прогнозы землетрясений с точностью: годы — сотни км», а конкретнее: «...новая советско-американская методика дает более определенные результаты: 80-процентная вероятность в течение 5 лет...».

— А вы не пытались спрогнозировать землетрясение в Армении?

— Свою систему прогнозирования сильных землетрясений я начал разрабатывать в начале семидесятых годов. С 1974 по 1987 год смог предусмотреть свыше 30 землетрясений в разных регионах Земли с ошибками (в некоторых прогнозах) по времени: 1—10 суток, по расстоянию 20—100 км. Землетрясение в Армении произошло в декабре 1988 года. В 1986 году меня не аттестовали, а в начале 1988 года «сократили» из Гидрометцентра. Поэтому вторую половину 1988 года пришлось работать грузчиком. Заниматься научной деятельностью было некогда — пришлось зарабатывать на хлеб насущный.

— Какую помощь вам оказывает Академия наук СССР?

— Год назад руководство лаборатории обратилось с просьбой к вице-президенту АН СССР Е. П. Велихову оказать помощь для ускорения начала работ по прогнозированию опасных сейсмических ситуаций на территории страны. Казалось бы, человек, одновременно возглавляющий Международный фонд за выживание и развитие, должен понимать, что гибель людей в сейсмоопасных регионах можно предотвратить только при условии, когда с достаточной точностью будут прогнозироваться землетрясения. Но из АН СССР ни ответа, ни привета.

— Не можете ли вы составить прогноз землетрясения на конкретный район Союза, скажем, в Средней Азии, Молдавии, Камчатке и что для этого необходимо?

— Совершенно очевидно, что это возможно. Руководитель нашей лаборатории А. Смирнов неоднократно обращался к председателю Комиссии по стихийным бедствиям при Верховном Совете СССР В. Догужиеву с просьбой помочь нам начать прогнозирование в сейсмических регионах страны, выделив необходимое для работы помещение, вычислительную технику и средства, мизерные по сравнению с миллиардом рублей, которые запрашивают неизвестно что прогнозирующие институты и отделения сейсмологии АН СССР. Но В. Догужиев, к сожалению, пока не нашел времени для встречи. Не получили мы и ответа от В. Догужиева на два письма, переданных его помощнику и заместителю.

А тем временем потребность в прогнозировании резко возрастает. Обеспокоенное слухами о возможном сильном землетрясении в Крыму, к нам обратилось руководство гидрометбюро Севастополя. Побывав в Крыму, я провел необходимые работы на месте. Никакой опасной сейсмической активности не было. Это подтвердилось ходом дальнейших событий. Выполняя просьбу сотрудников Севастопольского гидрометбюро сообщать из Москвы ориентировочную оценку будущего хода сейсмических событий в зоне Крыма, 8 апреля мы передали начальнику гидрометцентра Черноморского флота, что 9 апреля в Крыму ожидается слабая деформация земной коры. Именно в этот день Севастопольская сейсмическая станция зафиксировала слабый толчок. Учитывая прогноз такой точности, руководители Севастопольского горисполкома обратились к прилетевшему в Крым

В. Догужиеву с просьбой о возможности привлечения нашего коллектива к слежению за географической обстановкой в области. Но он заявил без тени сомнения, что «их прогнозы не научны и связываться с ними не стоит...».

Интересно, на основании каких данных В. Догужиев безапелляционно дает оценку возможностям астрофизического метода прогнозирования землетрясений, против которого сейчас не осмеливаются выступать даже академики?

На мое имя идут письма. Так, А. Корейба с Камчатки пишет, что в последнее время ведется много разговоров о сильнейшем землетрясении на Камчатке в ближайшие два года. Среди жителей начинается тихая паника: быть ли живу? Е. Фролкина из Джамбула надеется: «...точность вашего прогноза землетрясения в Калифорнии дает надежду на то, что у нас в Союзе не будет больше Ташкента, Ашхабада, Спитака...» А. Г. Вялых из Кишинева заканчивает свое письмо так: «...В ваших руках жизнь наша и наших детей... Ведь, кроме вас, этим вопросом у нас никто не занимается...»

Мне хочется задать и свой вопрос: неужели все названные выше руководители уверены, что землетрясение в Армении — последнее сильное землетрясение на территории нашей страны на период до их почетного ухода на персональную пенсию? Я за то, чтобы никаких землетрясений не было. Но природе не прикажешь.

Б. ЗНАЙКО

ОНА ПРЕДПОЧЛА ТЮРЬМУ

26-летняя безработная американка Лаверна Миллер попадала в полицейский участок города Колумбус 45 раз. Ее хватали на улицах за попрошайничество, а в кафе — за неуплату по счетам.

Недавно она попалась в 46-й раз за отказ оплатить чашку бульона и бутерброд. Стражам порядка она объяснила, что ее притащили сюда не столько за неуплату мизерной суммы, сколько за отказ заниматься проституцией с постоянными клиентами заведения.

При обыске у Л. Миллер нашли довольно крупную сумму денег. Судья предложил уплатить штраф или же подвергнуться тюремному заключению за бродяжничество и нарушение общественного порядка. Она не признала себя виновной, но согласилась на 18 месяцев ареста в исправительной тюрьме.

На вопрос присяжных, почему она не хочет расстаться с деньгами, Лаверна Миллер ответила, что копит на лечение от алкоголизма, а затем будет искать работу.

В США среди безработной молодежи, бездомных бродяг и уличных попрошаек пораженные алкоголизмом составляют сейчас по крайней мере 30 процентов. Лечение стоит чрезвычайно дорого, и поэтому выбор тюрьмы здесь вполне понятен — и деньги будут целы, и потолок над головой обеспечен.

Г. МАЛИНИЧЕВ

«Керенки» и свастика

Вот уже 74 года прошло с февраля 1917 года, когда, подогретые невесть откуда взявшимся в трезвой военной России спиртным, толпы питерцев вышли на штурм «твердынь самодержавия». Собственно говоря, никаких таких «твердынь» им брать и не пришлось: все лучшие военные и духовные силы России в это судьбоносное время находились на фронте. А «золотая молодежь» Санкт-Петербурга, призванная в армию, по различному блату отлынивала от участия в боевых действиях. Волынский полк, наполовину составленный из мобилизованных студентов консерватории, не желавших морозить музыкальные пальцы, первый под звуки «Марсельезы» поднял на штыки командиров, остававшихся верными присяге...

В это время объявились и доселе скрытые вдохновители движения.

Вот перед нами любопытный документ того времени, красноречиво рисующий точку зрения на февральский переворот тех сил, которые во многом сами были вдохновителями этой «бескровной революции». Обложка еврейского издания, распространявшегося в мае 1917 года на Украине (см. снимок). На ней надпись на языке идиш: «Красные скрижали. Юмористический листок, издаваемый к празднику пяти-

десятницы Тункеленом, с иллюстрациями Шклявера». На помещенном ниже рисунке виден А. Керенский в обличии Моисея, спускающегося с Синая со скрижалями Завета, на которых начертано: «Свобода, равенство» и т. д. (возможно, здесь и намек на известную версию о еврейском происхождении самого А. Керенского). Далее видны Таврический дворец, петроградские площади, заполненные революционным народом еврейского происхождения (по крайней мере, в первых рядах, ибо на транспарантах видны Моген-довид и надпись «Фрайхайт» — свобода).

Февральский переворот 1917 года только внешне кажется торжеством буйной стихии масс. На самом деле — и это давно известно историкам (желающим знать правду) — тайные пружины «бескровной» были налажены и приготовлены с немецкой педантичностью, еврейским расчетом и... увы, с русской удалью и размахом. Но даже последние качества были влиты в строгие рамки организации. Господа генштабисты и приват-доценты с берегов Невы и Яузы, те, кто с пеленок учился видеть родные дали сквозь туманы Темзы и Сены, даже в политической оппозиции собственной монархии не могли действовать иначе, как поглядывая на Запад. Масонство, ставшее там самой влиятельной силой к началу столетия, не могло не пробудить у нашей беспочвенной интеллигенции желание «подражать и подчиниться».

Паучья сеть из 42 лож, созданная в России под руководством «Великого Востока Франции», сыграла, как теперь известно, немалую роль по крайней мере в идейной подготовке бесславного февраля. Во всех четырех составах Временного правительства масонами были все министры, включая самого Керенского. Исключение составлял один Милюков. Временное правительство, в свою очередь, на все крупные военные и государственные посты назначало исключительно «братьев вольных каменщиков».

Любая политическая организация, достигшая таких вершин власти (хотя бы и ненадолго), стремится непременно как-то увековечить свое правление. Если не «в бронзе», то хотя бы в чем-нибудь попроще. Масоны же особенно любят всякую символику. Вспомните французскую революцию, где «глаз в треугольнике» смотрит чуть ли не со всех важнейших документов, или революцию американскую, на полосатом флаге которой «братство» рассыпало свои пентограммы. Революция в России не явилась исключением.

Впоследствии, помимо флага, американские наследники революции обильно украсили масонской символикой предмет своего обожания — доллар. Их собратья в России решили по-своему. Дофевральский рубль им представился слишком незначительной бумажкой для отражения такого эпохального события, как «бескровная» революция, они решили его заменить купюрой в 250 рублей.

Сначала это было предложение первого минфина М. Терещенко, видного масона, друга многих литераторов-символистов и поклонника балета и восточных учений. Затем его поддержал не меньший авторитет — академик С. Ольденбург, видный индолог и масон, получивший портфель министра просвещения. И вот, наконец, на выпущенном к осени означенном банкноте мы видим государственный герб — двуглавого орла, лишенного не только царских эмблем, но и царственного обилия перьев, а на груди его, где раньше располагалась икона св. Георгия Победоносца, расположилась... свастика.

Собственно, свастика — символ движения солнца, солярный знак, кое-где, правда, трактуемый как знак вечного движения вообще. Он

известен археологам еще со времен неолита. Однако в конце прошлого века он был включен в число древних символов, реанимированных «вольными каменщиками». Произошло это через посредство масонки 33-й степени Е. Блаватской, пытавшейся соединить масонство Запада с тайными орденами Востока. Она «нашла» свастику в Индии и поместила на эмблеме своего Теософского общества — филиала «братства вольных каменщиков». В 1911 году этот знак появился на страницах сочинения крупнейшего масона Папюса (Ж. Анкосса) «Генезис и развитие масонских символов».

А несколько позднее, в 1917 году, свастика появилась как знак выделившейся из теософских рядов мюнхенской ложи «Туле», основатель которой Дитрих Экхардт «духовно вылепил» младших членов ложи Адольфа Гитлера и Рудольфа Гесса. И в 1933 году знак «Туле» вознесся над Германией, сея смерть и разрушения.

России она принесла тоже отнюдь не благоденствие. И гитлеровская, и керенская свастики не простые, а так называемые обратные, трактуемые обычно индологами как знак тьмы и разрушения. (Кстати, Гитлер искал «духовную родину» арийцев в «черной» тибетской религии Бонпо, где обратная свастика несла огромную смысловую роль.)

Символика свастики: в ней видят изображение Солнца, скрещенных молний, молота Тора и т. д. Иногда свастику называют гаммированным крестом, так как в ней соединены четыре исходящих из одной точки буквы Г (греческая гамма). Есть и другая разновидность свастики («суувастика»), с противоположной ориентацией лучей, трактуемой как «знак добра». Именно суувастику как символ добра и надежды нарисовала императрица Александра Федоровна на окне дома своего заключения в Тобольске в апреле 1918 года.

Мудрый издатель и журналист А. С. Суворин записал в своем дневнике в 1907 году: «Благодаря масонам освободительное движение превратилось в разрушительное, вместо света и свободы — нетерпимость, вражда, революция». Проницательные и символичные слова... Двуглавый орел Временного правительства (заметим, как две капли воды похожий на двуглавую птицу* на печати Высшего Совета 33-й степени «Великого Востока Франции») вместо св. Георгия — символ Добра, одолевающего Зло, пригрел на груди торжествующую Тьму. Воистину февральский переворот в России и февральский (поджог рейхстага) переворот в Германии вдохновлялись одними и теми же силами («Мы — революционеры», — говорил в «Майн кампф» Гитлер).

На бумажных денежных знаках первых лет советской власти, которую олицетворяла тройка (Ленин, Троцкий, Свердлов, а затем Троцкий, Зиновьев, Каменев), свастики уже нет. Ее заменили шестиконечные звезды Давида, густо рассыпанные на купюрах различного достоинства — от рубля до 10 тысяч. На них можно разглядеть факсимильную подпись наркома финансов Н. Н. Крестинского, друга Я. М. Свердлова, которые вместе с М. Ф. Владимирским (Левой Гарфункелем) 24 января 1919 года на квартире Свердлова решили участь 2,5 миллиона казаков — все были расстреляны. Сам Крестинский — бывший бундовец (с 1903 года), затем примкнул к большевикам, в 1917-м познакомился со Свердловым.

На металлических (серебряных) монетах образца 1922 года достоинством в 50 копеек крупным планом выбита пятиконечная звезда — знак с печати Соломона.

Георгий Жуков сбросил символ тьмы с орла германского. Кто вернет Георгия Победоносца — символ добра державному русскому орлу?

Алексей ВИНОГРАДОВ

---

*Этот византийский символ верховной власти также с успехом был приобщен к масонской «коллекции» символов в XIX столетии.

СПАСЕМ СЕМЬЮ — СПАСЕМ И РОДИНУ

О новом фильме Николая Бурляева «Все впереди»

Страстную и мужественную картину «Все впереди» — по одноименному роману В. Белова — создал кинорежиссер, заслуженный артист РСФСР Николай Бурляев, автор проклятого советским русофобским киноведением фильма «Лермонтов», где он посмел обидеть Николая Соломоновича Мартынова и самих масонов. А ведь трудно было представить после ухода Протазанова и Герасимова, Пырьева и Шукшина, травли Бондарчука, что русское кино еще будет жить. Ан нет. Создана картина поистине русская, причем одновременно с «Очарованным странником» И. Поплавской по рассказу Н. Лескова. В обеих лентах страсть и безоглядная смелость, раздумья о нашей судьбе.

Удача в экранизации романа В. Белова «Все впереди» — в следовании традициям отечественного искусства, которое вечно питается могучей нашей литературой.

Кульминация ленты, как и у Белова — схватка двух воль, двух характеров, двух миров. Один — могучий, но порой наивный в своей открытости Дмитрий Медведев (популярный актер Борис Невзоров, памятный по телесериалу «Россия молодая»). У него украдено все: его жена Люба, дочь Верочка, любимая работа. Торжествующий его соперник — Миша Бриш (Аристарх Ливанов), готовящийся покинуть «страну дураков» и поучающий напоследок «профана»: «Одни (он имеет в виду нас, русский народ) всегда будут убирать свое и чужое дерьмо. Другие — моделировать их поведение».

И Бурляев на протяжении картины показывает нам, как именно нечистая сила моделирует наше поведение. Искусно отторгается от мужа Люба Медведева (в ее роли известная русская певица Татьяна Петрова). Разучивает гаммы оставшаяся без родного отца Верочка. Распадаются человеческие связи. Особенно впечатляет сцена, где Бриш, заманив нарколога Иванова (прекрасный русский актер Владимир Гостюхин, известный нам по фильмам «Старшина», «Охота на лис» и др.) на просмотр порно-шоу, предлагает ему показать свою «русскую удаль!» — «А что было бы без этой удали в том, 41-м?» — горько вопрошает слабеющими устами Иванов, которому Бриш услужливо подливает в рюмку. Алкогольная отрава берет свое, и вот уже полуголые девицы втягивают Александра в шабаш танца. «Он уже наш!» В этой сцене мы впервые не только в советском, но и в мировом кинематографе видим механизм моделирования целой нации. Это ужас апокалипсиса, торжество мирового зла.

Не зря Иванов ранее предостерегает себя: «Дьявол есть, это уж точно. Я чувствую его. Повсюду существует могучая, целеустремленная, злая и тайная сила. И мало кто сознательно выступает против нее...»

Особенно пронзительную жалость испытываешь, встречаясь со взором Любы. Исполнительница ее роли найдена режиссером в точном соответствии со страницами романа: «похожа на Лопухину с портрета Боровиковского». Это ведь не так часто бывает, что на протяжении фильма вспоминаешь строки писателя, создателя образа («Люба... считала, что самое прекрасное у нее впереди... Люба с глазами, полными слез, глядящая «близоруко»...), — вспоминаешь то ощущение нежности и вместе сочувствия к обманутой Бришем русской женщине. Словно слышатся строки из романа: «Чтобы уничтожить народ, вовсе не обязательно забрасывать его водородными бомбами. Достаточно поссорить детей с родителями, женщин противопоставить мужчинам».

«Русские люди! — как бы обращается к нам своей картиной Бурляев. — Оглянитесь! Ведь нас моделируют бриши и иже с ними. Говорят нам ежедневно с голубого экрана, со страниц желтой прессы, с театральных и эстрадных подмостков, с трибун съездов: «Вы свиньи, и история у вас свинская, и не заслуживаете, вы лучшей участи, чем выносить дерьмо за бришами!» Подсчитывают, сколько нас должно остаться к 2000 году, сколько должно быть дебилов. И если ты пляшешь под их дудку, как на экране растерзанный Иванов, то они над тобой смеются. Если становишься самим собой — бьют. Убивают. Шельмуют, как Дмитрия Медведева.

Но картина осталась бы лишь предостережением, если бы режиссеру не удалось создать великолепный актерский ансамбль, где дополняют друг друга спокойная сила и мудрость Б. Невзорова, лиризм Т. Петровой, широта души В. Гостюхина. Здесь не только различные грани русского национального характера, но и осознание (так ощущаемое при просмотре картины) жизненно необходимого единения этих людей. Нужного не только им самим, но и всей нации.

Чтобы читатель прочувствовал, сколь непрост был путь к реализации фильма, достаточно сказать, что Н. Бурляев, много лет отдавший как актер и режиссер «Мосфильму», не имел возможности ставить картину в древней столице России, а пользовался гостеприимством белорусских друзей, не случайно активно проклинаемых бришкиноведением.

Лента не абсолютная копия романа В. Белова. Иной, не столь безнадежной, выглядит зуевская Наталья (Лариса Удовиченко), и я, пожалуй, на стороне режиссера и актрисы. Они сумели убедить, что именно в трудную, трагическую минуту для ставшего инвалидом моряка-подводника Зуева (Сергей Сазонтьев) русская женщина приходит на помощь.

Очень украшает картину и образ Матвея Яковлевича Мирского (Рене Вотье) — гида московских туристов в Париже. Отбросив все второстепенное, Николай Бурляев подчеркивает в картине неизбывную тоску Мирского по своей России. Трогательна его просьба поставить свечку за него. Как далеки эти чувства от кибернетических расчетов его соотечественника Миши Бриша!

Особое ваше внимание, читатель, я хотел бы обратить на совершенно неожиданный (но, как оказалось, очень важный для картины) выход на авансцену в решающие моменты ленты, кого бы вы думали?.. Верочки... Да, да, маленькой дочурки Дмитрия и Любы Медведевых. Вика Юдицкая, исполняющая роль Верочки, весьма похожа и на Таню Петрову, и, как ни поразительно, также на Бориса Невзорова. От Тани — лицо, глаза, затаенная нежность. От отца — несомненно чувствуемая внутренняя сила, непреклонность. Это словно о ней написано Беловым: «Сколько недоуменного, непосильного для нее горя копилось в этих распахнутых детских глазах!»

Эти удивительные глаза девочки, вся фигурка ее, словно замирающая на краю обрыва, обращены к отцу, возвращающемуся к ней, к почти незнакомому, обросшему бородой.

Эти глаза ребенка, собственно, и решают финал картины.

Действие происходит не на мосту, где в романе спорят Медведев и Иванов. Эта сцена существует в фильме, но не она определяет будущее героев.

Мы оказываемся в святом для России месте — в Радонеже, у созданного В. Клыковым памятника преподобному Сергию Радонежскому. И в последней, завершающей фазе ленты авторы обращают нас не к спору (они измучили страну), а к мечте о единении и мужа, жены и детей. И говорят об этой мечте, об этой необходимости не только робкие движения друг к другу Дмитрия и Любы. Не только россияне, пришедшие поклониться нашему святому. А более всего — глаза ребенка, полные слез. Верочка издалека смотрит на родителей и взглядом своим умоляет их: «Помиритесь, папа и мама! Я так хочу этого!» И мы верим: примирение обязательно будет!

Юрий Дьяконов

На снимке: кадр из фильма. Медведев (Б. Невзоров) и Люба (Т. Петрова).

ЗОВУТ НА ПОМОЩЬ «МИРОВУЮ ЗАКУЛИСУ»

Двенадцатого января «Комсомольская правда» сообщила о том, что группа видных общественных деятелей, среди которых академики Б. Раушенбах и В. Тихонов, писатели А. Адамович и А. Ананьев, депутаты Н. Травкин, Д. Волкогонов и другие, обратилась с письмом в Совет Федерации СССР. «Прорабы перестройки» «обосновывают целесообразность предложения профессора Александра Янова» «создать на паритетных началах независимый неправительственный международный комитет согласия, который был бы способен привлечь к проблеме стабилизации положения в стране деловые круги и средства массовой информации развитых стран». В комитет «должны войти самые известные опытные и авторитетные представители советской и зарубежной общественности», такие, как Маргарет Тэтчер, Джеймс Картер, Вилли Брандт, Раджив Ганди, Дэвид Рокфеллер и другие, «а также ведущие общественные деятели, ученые и деятели культуры с советской стороны».

Похоже, теперь, после многих удавшихся экспериментов, прорабы готовят еще один: введение прямого правления тайного мирового правительства на территории СССР. Момент для них наступил решительный: удалены из высшего руководства главный архитектор перестройки А. Н. Яковлев и его единомышленник Э. А. Шеварднадзе. Как же испереживалась по этому поводу советская и зарубежная «демократическая» печать, сколько слез было ею пролито!

Критическим данный момент стал для демократов и по многим другим причинам, ибо делами они заниматься не желают, а лишь митингуют да борются за власть.

Теряя доверие народа, отечественные прорабы поняли: без прямого вмешательства «мировой закулисы» в дела нашего государства им долго не протянуть. Сразу «вспомнилось» им августовское письмо ярого русофоба А. Янова, опубликованное в газете «Советская культура»,— создать «независимый неправительственный международный комитет согласия». Звучит загадочно. Но что за всем этим стоит? Ясно ведь, что один из крупнейших финансистов мира Д. Рокфеллер, М. Тэтчер и другие «авторитетные представители», многие из которых входят в «неправительственное» общество Бильдельберг, где разрабатываются концептуальные проблемы «нового мирового порядка»,— ясно, что они не будут заниматься погашением «продовольственного и потребительского дефицита», какую роль им отводят Волкогонов, Травкин и другие. Разве что на первых порах — для отвода глаз... А потом обязательно найдутся дела поважней. При наших перманентных кризисных ситуациях может возникнуть вопрос (а отнюдь не угроза) о гарантии вложенных иностранцами капиталов и безопасности их самих. Гренадский вариант в таком случае не пройдет. Вот тогда-то «неправительственный комитет» Рокфеллера и К° будет просто необходим. Опираясь на предателей народа, совбуров, депутатское лобби и всестороннюю поддержку извне, он будет в состоянии «демократическим» путем установить в нашей стране диктатуру. Задача эта может облегчиться тем, что с 1992 года по планам того же Бильдельберга отменятся все межгосударственные границы в Европе. Судя по всему, не будет их и у СССР: мы ведь рвемся в общеевропейский дом и подписываем все относящиеся к этому процессу международные хартии.

Народу, как обычно, наговорят всякого вздора о необходимости такого шага с точки зрения общечеловеческих ценностей да, пожалуй, выкинут на прилавки колбасу с мылом...

Думаю, нет надобности дожидаться такого развития событий. Пока не поздно, нужно пресечь деятельность деструктивных сил. Сейчас для этого есть все: материалы о махинациях межрегиональной депутатской группы с ЦРУ, операция с оборотом в 140 млрд. рублей, санкционированная демократом Г. Фильшиным. Надо внести ясность в аферу XX века, расследовать связи демократов с ЦРУ (чего требуют участники пикета в Москве — см. снимок).

В целях пресечения подрывной деятельности иностранных спецслужб и их агентуры в союзных республиках, способствующей развалу СССР, ввести на всей территории страны президентское правление. Тайному мировому правительству мы обязаны противопоставить правительство национального единства, выражающее интересы трудящихся. Сейчас или никогда!

Вячеслав ЕРОХИН

Татьяна БЕЛОКОНЕВА

ЖИВ, ПЕТРУШКА!

Как, вы не знакомы с Петрушкой?! С главным персонажем русских кукольных представлений — неунывающим, непобедимым героем, защитником слабых и угнетенных? А наши предки знали его еще в первой половине XVII века! Еще во времена Ивана Грозного!

Во всем мире осталось лишь три театра Петрушки. Один в театре С. Образцова — под стеклом. Другой — у известной кукольницы Е. Ф. Якшиной. Третий — у фольклориста Т. Белоконевой, продолжательницы ее традиций. Ее коллектив с одинаковым успехом выступает в штате Вермонт и перед сиротами воинов-«афганцев». Вместе с руководительницей ребята совершают фольклорные и этнографические экспедиции, чтобы потом донести до зрителя богатство русского искусства. Американская публика не могла поверить, что русские рубашки, в которых участники спектакля вышли на сцену, сшиты в одном селе — они все разные!

Сохранение у нас театра Петрушки — не музейного у Образцова, а живого, работающего — почти чудо. О тех, кто сберег традицию, донес ее до наших дней, и рассказывает Татьяна Белоконева.

Мы бежали вприпрыжку по школьному коридору. Занятия закончились. Никаких забот! И так захотелось чего-то необыкновенного! И вдруг на первом этаже из класса, где занимался фольклорный ансамбль «Росынька», раздался какой-то странный звук — громкий, пронзительно-высокий и немного гнусавый. Такого звука мы еще никогда не слышали. Все ринулись на этот звук, захотелось узнать: кто это так резво кричит в школе?

Около класса, откуда раздавался магически притягивающий голос, уже собралась толпа зрителей. Женский голос кричал: «Иду! Иду! Иду!» — в ответ на просьбы окружавших какую-то незнакомую женщину ребят: «Петрушка, выходи!» — и вот на середину класса выбежал долгожданный, вызываемый всеми Петрушка.

Первое впечатление было противоречивым. Он страшный, с огромным крючковатым носом и большим ртом. Руки-ноги ходуном ходят, да еще кричит: «Рю-тю-тю!» А коленца-то какие выделывает — и на одной ножке пляшет, и вприсядку. Тут же мы попробовали сделать как он, ну куда там: сразу растянулись на полу, а Петрушка знай пляшет да пляшет, ему хоть бы что! Вдруг он остановился, захохотал, даже весь задрожал от смеха и громко так, пронзительно говорит: «Здравствуйте, ребята! Я пришел к вам в гости издалека!» Все кричат довольные: «Здравствуй, Петрушка!»

Теперь только мы заметили, что Петрушка — кукла-марионетка. Но как же здорово его ведет эта женщина в черном платье, и почему она так странно одета? Оказывается, как нам объяснила Елизавета Филипповна Трофимова-Якшина (так звали кукольницу), на фоне черного платья нитки, на которые подвязан наш знакомый, совсем не видны. Рядом стояли ширмы — порталы, как в настоящем кукольном театре, но мы все попросили показывать театр без них — нам так хотелось посмотреть ловкие руки Елизаветы Филипповны во время вождения куклы.

Все долго не отпускают веселого Петрушку, просят на «бис» сплясать еще и еще раз... Петрушка доволен. С удовольствием выходит к нам, показывая свое искусство. И тут мы понимаем, что такое удивительное, незабываемое впечатление производит Петрушка в руках замечательного мастера — Елизаветы Филипповны! Все восхищенные детские сердца обращаются к ней: как ей удалось так виртуозно научиться водить Петрушку и всех кукол его театра?

— Передал мне кукол еще до войны мой учитель — Иван Афиногенович Зайцев. Он был первым в нашей стране заслуженным артистом РСФСР! Иван Афиногенович родился в Москве, был сыном циркового наездника. Уже в раннем детстве выступал в цирке у Гино, был гуттаперчевым мальчиком; а это значит, был очень гибким — так сгибался, что нельзя было понять, где у него руки, ноги, голова! Когда подрос — стал глотать шпаги, огонь, гнул подковы — вот таким был силачом! Мало того, что Зайцев был сильным, он еще был и бесстрашным. Однажды во время «глотания шпаги» она прошла в пищевод... и хозяева цирка, испугавшись, повезли его в больницу. Но так

как тогда ездили только на извозчике, на каменной мостовой была страшная тряска. Шпага опускалась все ниже и ниже... Пока его довезли до больницы, началось кровотечение! Его подвесили вверх ногами и начали трясти — шпага постепенно вышла... Несмотря на то, что было потеряно семь стаканов крови, он стойко перенес все и уже через некоторое время опять стал «глотать шпагу»!

Кто знает, каким образом начинался для Ивана Афиногеновича кукольный театр? Возможно, он увидел Петрушку на красочном народном гулянии и не смог его забыть?.. Но бесспорно то, что до всех тонкостей в освоении куклы он доходил своим сердцем и бесконечно кропотливым трудом. За свою жизнь он сделал несколько сотен кукол. Лучше всего, конечно, выходил Петрушка. Этот хитрый и бесхитростный одновременно ловкач, поражающий зрителей своей неуклюжестью движений, всегда наказывает ложь, воровство, обман, притеснения простого народа. Наш же Петрушка отразил чувства и мысли простого русского человека — поэтому он так нам дорог!

Кукол своих Иван Афиногенович передал двум сестрам Якшиным — Елизавете Филипповне и ее старшей сестре Наталье Филипповне. Ведь последние годы жизни Зайцева они вместе выступали с программами театра кукол-марионеток! Когда же его не стало, его искусство продолжили ученицы — сестры Якшины...

Нам же передала театр Петрушки ученица И. А. Зайцева — старшая сестра нашей Елизаветы Филипповны — Наталья Филипповна Якшина. Всю жизнь она жила этим театром, это была ее работа. А труд кукольника непростой, кропотливый. Вместе с сестрой и сыном они ездили со спектаклем театра марионеток, программу которого поставил И. А. Зайцев. Сын Натальи Филипповны был иллюзионистом, показывал фокусы. Наталья Филипповна хорошо играла на гармонике. Они выступали на самых различных сценах и везде получали самую высокую оценку своему искусству вождения кукол.

Писали, что это не куклы — это живые люди. С их национальными характерами, колоритом, движениями, плясками. Так велико мастерство кукловодов!..

Нашему счастью не было границ! У нас в коллективе стал жить полноправной жизнью русский Петрушка! Мы интенсивно начали лепить головки из папье-маше, ведь резать их из дерева далеко не просто. Этому надо долго учиться и иметь соответствующий для резки инструмент. Поначалу стали лепить из бумаги, красить головки краской, делать корпуса для кукольных героев разных стран мира, о которых читали книги; собирали литературу о кукольниках, о представлениях марионеток, перчаточных кукол. Это кропотливая, долгая работа. Шаг за шагом, ступенька за ступенькой мы осваивали куклу, познавали, учились ее оживлять... И естественно, что эта почка — народный театр — стала распускаться на ветвистом дереве нашего детского фольклорного ансамбля, ведь источником всех обрядов, песен народа всегда был и есть народный театр во множестве его проявлений.

САТИРИЧЕСКИМ ПЕРОМ

ЯСЕЛЬНИКИ-ДЕМОКРАТЫ

Добрый день, уважаемые радиослушатели! В эфире очередной выпуск детского радиожурнала «Веселые критинки». Сегодня мы расскажем о новой ступени народной борьбы. Итак, страничка «Веселые нотки протеста» представляет независимое демократическое движение воспитанников яслей и детских садов — сокращенно НДДВЯ и ДС.

Наш корреспондент сообщает, что в детском саду «Дикая лошадь» воспитатели силой и обманом заставляют детей есть кашу. Но когда воспитательница Злыднева в сердцах воскликнула: «Дети, за что я с вами мучаюсь?», Вася П. ответил: «Это вы, дети зaштоя, довели штрану, а нам рашхлебывай!» — и отказался хлебать молочный суп.

А в детском саду «Тростниковые кабанята» дети отказались выполнять требование медсестры Зверевой идти на уколы, а вместо этого устроили митинг под лозунгом «Не дадим себя наколоть».

Нянечка Выдрина сообщает, что самая распространенная форма протеста — сидячая демонстрация, когда воспитанники сидят на горшках и демонстрируют свое отношение к перестройке.

А директор яслей «Трудное детство» Кащеев называет своих воспитанников «ползучей контрреволюцией». Еще не научились ходить, а уже протестуют против применения сосок в отношение мирного населения. «Не затыкайте народу рот!» — требуют они.

Мы очень рады, что на глазах растет политическая активность наших детей и, возможно, НДДВЯ и ДС станет юной сменой наших уважаемых демократов. Согласитесь, в их методах борьбы много общего.

Д. КОНСТАНТИНОВ
г. Новосибирск

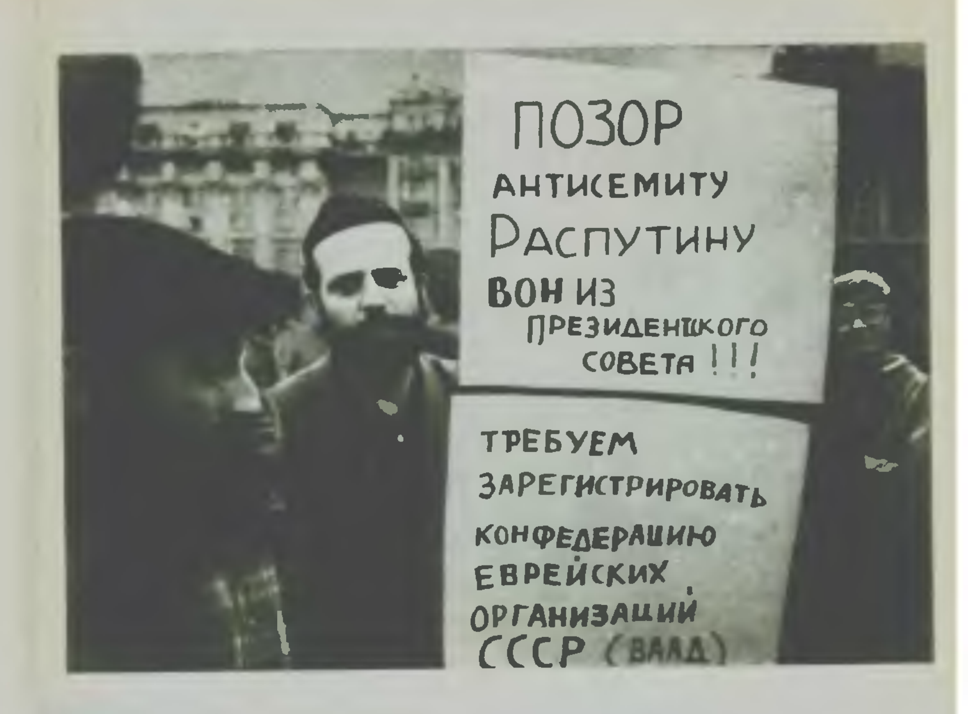
ЧЕГО НЕ УСЛЫШАЛ БОРИС ОЛЕЙНИК НА СЪЕЗДЕ ВААД

Не знаю, о чем думал зам. председателя Совета Национальностей Верховного Совета СССР Б. Олейник, отправляясь на открытие второго съезда Ваада — конфедерации еврейских организаций и общин СССР, который состоялся в конце января в Москве. Неужели надеялся, что его призыв к съезду принять участие в стабилизации ситуации в стране вместе с другими народами будет здесь услышан! Ведь в зале — если судить по докладам и выступлениям — собрались патриоты не СССР, а Израиля, то бишь сионисты. И приветствие одного из руководителей государства этому съезду нельзя расценить иначе, как официальную легализацию этой разновидности расизма и расовой дискриминации. Не случайно Б. Олейника встретили долго несмолкаемой овацией.

Понимал ли Б. Олейник, кому он говорил слова о равноправии народов страны, в том числе и еврейского! На съезде доминировала иная постановка этого вопроса. Так, в своем содокладе один из руководителей Ваада, С. Зильберг, прямо и не без гордости заявил, что для большинства демократических движений отношение к евреям служит показателем их цивилизованности перед Западом. При этом СССР он назвал чужим для евреев государством.

Не менее откровенными были и прения. В развязном, оскорбительном по отношению к русским писателям-патриотам выступлении народный депутат СССР Л. Школьник призвал положить конец «немому сионизму» (как будто ведущие средства массовой информации — зарубежные и отечественные — не являются рупорами международного сионизма). Л. Школьник потребовал «громко объявить о существовании нации и ее единстве, о ее требовании родины и независимости». Но когда те же требования выдвигают русские писатели, их называют шовинистами и черносотенцами. Или Л. Школьник имеет в виду только «богоизбранную» нацию!

«Мы должны сплотиться вокруг Израиля»,— громогласно заявлял участник Великой Отечественной войны коммунист Ю. Сокол из Москвы. Ленинградка П. Менделевич сетовала, что очень много молодых людей становятся патриотами благодаря журналу «Молодая гвардия». Ее земляк Майзель на секции по деловому сотрудничеству признался в стремлении «получить прибыль и дать ее не какому-нибудь Ивану Ивановичу, а вам, здесь сидящим». Участники этой секции изучали возможность вкладывать полученную в СССР валюту в экономику Израиля. Когда же один из присутствующих поинтересовался нормой вывоза прибыли из Израиля, его вопрос потонул в дружном хохоте.

Маски сброшены — вот они, гонители русского писателя и патриота В. Распутина,— активисты Ваада, требующие регистрации этой просионистской организации. Суть их действий понять нетрудно: отстранить от власти человека, пекущегося о России, а самим легализировать еще одну «демократическую» структуру, которая в блоке с ей подобными легко может включиться в борьбу за власть.

Фото Н. ЕМЕЛЬЯНОВОЙ

Много интересного произошло за неделю работы этого съезда. Его участники единодушно поддержали правительство Ландсбергиса в Литве, выступали за тесное сотрудничество с «Демократической Россией», «Рухом», сепаратистами Молдовы и других республик.

Жаль, не услышал этих выступлений Б. Олейник, слишком быстро покинувший съезд. И не увидел, с какими плакатами выходили сионисты на улицы Москвы. Один из них мы приводим на снимке. Разве это не травля «в законе» патриотами Израиля русского писателя В. Распутина, коллеги Б. Олейника по Союзу писателей СССР! Как же можно благословлять этот неприкрытый расизм, Борис Иванович, поддерживать от имени Верховного Совета людей, для которых эта земля чужая! А неделю спустя, на объединенном пленуме ЦК КПСС и ЦКК, говорить теплые слова о дружбе между народами и равноправии наций!

А. СНЕГИРЕВ

Свет невечерний

В дни празднования тысячелетия крещения Руси к собору православных святых причислен Андрей Рублев, художник, о жизни которого мы почти ничего не знаем — даже года рождения. Свидетельством его иноческого подвига осталась только живопись, и только в ней — доказательство чистоты и крепости его веры, святости помыслов, духовного величия.

Это новое напоминание нам (почти уверовавшим, будто мастерство — лишь средство самовыражения), что творчество не умаляется служением высокой идее, древней традиции, заветам предков. В борьбе за свободу художника, против диктата администрации и официальных канонов многие не заметили, как попали под власть другой авторитарности — авторитарности новизны, исключительности, самодовлеющей непохожести. В этой атмосфере поклонения новациям человек, отдающий свое искусство служению любой общественной идее (государственной или религиозной — все равно), кажется подозрительным. Для поверхностных ценителей он сразу перечеркнут и неинтересен, для других (чуть более

разбирающихся в технике и истории живописи) — подражателен.

Сергея Симакова часто пытаются представить историческим художником, чуть ли не вторым Глазуновым. На деле они не только разны, но и противоположны. И к тому же оба не исторические живописцы.

Интерес Глазунова к минувшему скорее интерес читателя, чем историка.

Симаков ищет в прошлом вспышки и проявления света, который не угас в настоящем и, как он верит, никогда не угаснет в будущем. Его волнует зримое воплощение идеи на земле, духовного в материальном, а не воссоздание событий. Он — художник веры, а проще и конкретнее говоря — православный художник. Поэтому подвижники Симакова как бы выступают из картин, смотрятся плоскостными на фоне всего остального, земного и плотского, переполненного тенями и отсветами, и оттого — объемного и реального. Эта манера, осознанная, подчиненная мысли и, кстати сказать, оправданная древнерусским эстетическим принципом, послужила поводом еще для одного упрека — обвинения в эклектике.

Полотна Симакова притягивают все больший круг ценителей и доброжелателей, пытающихся не только разглядывать его композиции, но и вникнуть в их внутренний смысл. Одна из программных картин Сергея «Свержение Перуна» нашла свое постоянное место в трапезной Даниловского монастыря — центра подготовки к празднеству тысячелетия. И то, что она приобретена в год этого великого юбилея (а значит, не как случайное украшательство), говорит о многом.

Заниматься развернутым, детальным анализом его манеры, пожалуй, преждевременно — найдя себя в главном, Сергей

продолжает упрямо, можно сказать, одержимо работать. Живопись для него — единственный метод постижения любого понятия: чтобы разобраться в явлении, Симакову надо не теоретизировать, а увидеть его зримый «портрет». Он размышляет красками. И поскольку стремится высказать не «только себя», мы вправе ждать от него более углубленного и отточенного выражения идей, идущих из глубины веков.

Симаков вправе ждать известности и даже рассчитывать на нее. Но, став известным, он наверняка не станет модным. Разумеется, не из-за величины его картин, которые трудно вписать в пространство современной квартиры, а из-за их содержания — скорее, как говорится, музейного, чем домашнего. И вряд ли оно изменится. Художник уже прошел «искушение рынком» — его натюрморты никогда не залеживались в салонах, и нарастание числа масштабных полотен Симакова (которые, кстати сказать, пишутся тончайшими кисточками!) говорит лишь о его приверженности искусству, а не о социальных претензиях.

В. ШАЦКОВ

ПОЗИЦИЯ

РУКИ ПРОЧЬ ОТ ИРАКА

Обращение к соотечественникам

Время со всей очевидностью показывает, что война в Персидском заливе ведется США и их сателлитами отнюдь не за освобождение Кувейта, как разглагольствует западная пресса, а на уничтожение экономического и военного потенциала Ирака. Ее цель — нанести поражение всей арабской нации, установить в регионе свою гегемонию, похоронить решение палестинской проблемы.

Между тем полтора миллиона палестинцев на оккупированных территориях, вопреки многочисленным резолюциям Организации Объединенных Наций, уже который год терпят невиданный геноцид со стороны сионистского Израиля — неотъемлемого звена антииракской коалиции, оплота США в Восточном полушарии.

Иракский лидер Саддам Хусейн с самого начала твердо и последовательно проводит курс на решение кувейтской проблемы вместе с необходимостью освобождения Израилем арабских территорий. Исчерпав иные пути мирного решения вопроса, Ирак был вынужден прибегнуть к крайнему средству — оккупации Кувейта, чтобы освободить Палестину.

Противоречия между Ираком и Кувейтом должны решаться в рамках арабского дома, без какого бы то ни было иностранного вмешательства. Достаточно Израилю убраться с многострадальной земли палестинцев, как Ирак незамедлительно выведет свои войска из Кувейта — феодального сателлита США. В своих заявлениях Саддам Хусейн неоднократно говорил, что борется за интересы арабского народа, в том числе и палестинского.

Однако Израиль и находящееся фактически под его сапогом просионистское руководство Соединенных Штатов отнюдь не намерены увязывать войну на Ближнем Востоке с палестинской проблемой, оставляя за собой «право» нагло и бесцеремонно управлять миром по своему усмотрению. Им наплевать на трагическую судьбу угнетенного народа Палестины.

Друзья!

Вдумайтесь только в следующий факт. Объединенные войска антииракской коалиции ежечасно варварски расстреливают тысячи мирных иракцев, разрушают священные храмы и жилища, но в своих насквозь лживых, полных хвастливой эйфории военных сводках предпочитают умалчивать об этом, сообщая лишь об уничтожении якобы «только военных объектов противника», некоем «прицельном обстреливании»... В сущности же, льется кровь тысяч невинных жертв: стариков, женщин, детей.

Ответственность за разгорающийся пожар новой войны мировая прогрессивная общественность справедливо возлагает на агрессора — в первую очередь Соединенные Штаты — этого мирового полицейского, диктующего свои условия существования всем народам.

Неумолимо ширится международное движение в поддержку правого дела героического иракского народа. Все более набирает силу общенациональное движение по формированию отрядов добровольцев для участия в боевых действиях против США на Аравийском полуострове. Массовые манифестации с требованием прекратить уничтожение иракцев на их собственной территории прокатились по земному шару, в том числе в США. В ходе демонстраций сжигаются изображения Д. Буша и американские флаги.

О решении помочь Ираку объявила одна из наиболее уважаемых в Пакистане благотворительных организаций «Фонд Эдси», занимающаяся обслуживанием беднейших слоев населения. По гуманитарным соображениям она направляет в Ирак бригады врачей и младшего медицинского персонала, консервированную кровь и медикаменты.

Палестинские лидеры на оккупированных территориях твердо заявляют, что палестинский народ готов к сопротивлению до последней капли крови в том случае, если израильские власти прибегнут к трансферу, то есть массовой высылке коренного населения.

Соотечественники! Никто не может ныне оставаться в стороне бесстрастным наблюдателем кровавой бойни в Персидском заливе. Остановим эскалацию военного конфликта!

Решительно осудим варварскую агрессию США и их сателлитов!

Настаивайте на решении кризиса в Персидском заливе только в совокупности со справедливым разрешением палестинского вопроса!

Требуйте от советских средств массовой информации правдивого и объективного освещения событий на Аравийском полуострове!

Непобедим народ, борющийся за свое национальное освобождение и государственный суверенитет!

Члены патриотического общества «Отечество», Тверь

«СВЕТ НЕВЕЧЕРНИЙ». Материал читайте на стр. 92.

ТОВАРИЩ

Иван СТАДНЮК

ИСПОВЕДЬ БЕЗ ПОКАЯНИЯ

Воспоминальная повесть

Продолжение. Начало на стр. 32

— Шутите, товарищ капитан?! А если всерьез, то я не знаю.

С трудом, испытывая жгучую неловкость, разыскали мы загс Свердловского района Москвы (кажется, на улице Герцена, ближе к Манежу). В комнате, куда мы зашли, сидел за столом пожилой мужичок с бородкой и в очках.

— Вы прописаны в нашем районе? — спросил он у меня, выслушав просьбу.

— Я вообще нигде не прописан!

— И вы тоже не из нашего района? — обратился он к Тоне, рассматривая ее паспорт.

— Не из вашего, но я москвичка.

— Расписать вас не могу. Инструкция.

Я стал объяснять старичку, что мы из воинского эшелона, который идет на фронт, и нам надо зарегистрировать брак.

— Не имею права. Не положено.

Я медленно начал расстегивать кобуру нагана, хотя и понимал, что глупее ничего придумать было нельзя.

— Вы что?! — всполошился старичок. — Ненормальный?!

— Вы ненормальный, как и ваши инструкции!.. Вот наши документы, и сейчас же расписывайте!

Старичок нервно заскреб пальцами в бороде, повздыхал, потом с нудной медлительностью сделал запись в журнале и вручил нам удостоверение о зарегистрированном браке.

Было это 27 апреля 1943 года.

Мы вернулись на Сходню в свой эшелон. Я показал удостоверение Поповкину. Он, прочитав его, посмотрел

на меня долгим укоризненным взглядом. Потом сказал:

— Ну, давай будем варганить свадьбу.

— Давайте! Денег на самогонку у меня хватит.

— А закуску обеспечит старшина Дмитриев. — Поповкин вдруг рассмеялся и пояснил причину своей веселости: — Теперь нашу газету будут называть не «Мужество», а «Замужество». Ведь Давид Каневский тоже собирается жениться — на Наташе Легздинг.

Вечером в школе, здание которой стояло у самой железной дороги, мы справляли фронтовую свадьбу, осветив помещение десятком керосиновых ламп, взятых из типографских цехов. Посаженым отцом у меня был Давид Карпович Кравченко, секретарь партийной комиссии при нашем политотделе. Нина Васильевна почему-то на Сходню не приехала...

Свадьба была в разгаре, когда прерывисто загудел один из паровозов: сигнал тревоги... К нам вбежал дежурный по эшелону капитан Черномордик — комиссар армейского батальона связи.

— Всем по вагонам! — зычно объявил он. — Эшелон отправляется!..

Допивая на ходу самогонку, мы заспешили к эшелону. Но никто не вспомнил о лампах... Спохватились только в Раненбурге (с 1948 года город Чаплыгин), где выгрузились из вагонов и начали выпускать газету. Не помню, зачем были нужны нам лампы и почему так горевал о них старшина Дмитриев. Ведь имелся у нас электродвижок Л-2, дававший энергию для освещения автобуса, машинных фургонов и для приведения в действие печатной машины.

В Раненбурге мы продолжили нашу с Тоней свадьбу, объединив ее со свадьбой поэта Давида Каневского и Наталии Легздинг, высокой, в противоположность Давиду, блондинки (Давид погиб в горах Румынии вместе с самолетом По-2 в декабре 1944 года. Наташа родила дочь Марину. В 50-х годах она вышла замуж за польского писателя Ежи Путрамента и уехала в Варшаву).

В Степном округе наша армия пополнялась новыми силами. Войска учились боевым действиям в условиях безлесной всхолмленной местности. Газету наполнять интересными материалами стало трудно. К тому же Поповкин по своему усмотрению расставил редакционные кадры. Не испытывая потребности в заместителе, он поручил майору Николаеву (заместителю редактора) исполнять обязанности ответственного секретаря. Я по документам уже числился ответственным секретарем, но исполнял обязанности начальника отдела армейской жизни. Эта «кадровая чехарда» принесла нам вскоре серьезные неприятности.

А пока каждый из нас делал свое дело, исходя из того, что происходило в войсках. Я всецело был занят изучением по документам нового немецкого танка «тигр» и новой могучей самоходной пушки «пантера», бегал за советами в штаб артиллерии и писал «инструктивные» статьи. По ним была выпущена специальная листовка с рисунками «тигра» и «пантеры», с обозначениями на них уязвимых мест.

Вскоре наш округ стал фронтом. Армия начала боевые действия. Все мы почувствовали, что в степной местности куда сложнее и опаснее пробираться на передний край. Редакция начала нести потери. Ранены капитан Василий Будюк, старший лейтенант Алексей Александров, без вести пропал капитан Иван Петрушин...

Зато появилось и пополнение. Семен Глуховский познакомился в одной из дивизий с командиром зенитного пулеметного взвода. Лейтенант окончил Литературный институт имени Горького. Это был Сергей Сергеевич Смирнов. Глуховский дал ему задание подготовить материалы на газетную полосу о боевых подвигах комсомольцев, заручился на свой страх и риск согласием Смирнова перейти к нам на работу в редакцию. Поповкин, услышав об этом, добился перевода к нам Сергея Сергеевича, тем более что написанные им материалы оказались весьма добротными.

А у меня возникла своя забота: пора было отправлять беременную Тоню в Москву. Обратился за советом к Поповкину. К моему удивлению, он тут же согласился, чтобы я отвез ее лично, однако поставил условие:

— Возьми с собой наш трофейный автобус «Вольво».

Я знал, что мотор у пассажирского «Вольво» сломан: поршень пробил стенку блока.

— Как же я его доставлю в Москву?

— Думай сам. А вместо автобуса привези из Москвы легковую машину. Автобус дороже стоит, чем эмка...

Выхода у меня не было, и я поставил встречное условие: дать мне убедительные документальные полномочия, чистые бланки с печатями (для непредвиденных обстоятельств) и, кроме нашего с Тоней продовольствен-

ного пайка, пяток буханок хлеба и десять пачек махорки.

На второй день нас с автобусом отбуксировали на погрузочную платформу станции Казаки. Но свободных железнодорожных платформ там не нашлось. Наконец, за полбуханки хлеба одну платформу отцепили от оставленного товарняка. За вторую половину буханки автобус был затолкан на платформу и прикреплен к ее бортам проволочными растяжками...

Если б я предполагал, какие ждут меня испытания с тем «Вольво», повел бы Тоню в Москву пешком... Еще полбуханки хлеба, и платформа была прицеплена к эшелону. Он продвигался в сторону Москвы, то и дело останавливаясь и пропуская встречные воинские эшелоны. Они шли непрерывным потоком: готовилась Орловско-Курская операция. Часто на какой-либо станции платформа с автобусом оказывалась отцепленной и затолкана в тупик. Я все больше постигал порядки работы на железной дороге, уже точно знал, кому из дежурных диспетчеров совать хлеб или махорку.

Наконец мы оказались на путях Павелецкого вокзала Москвы. Тем же манером добился, чтобы платформу с «Вольво» поставили под разгрузку. Где-то разыскал я грузовик, шофер которого за последнюю буханку хлеба согласился отбуксировать нас на Можайское шоссе. Мне пришлось сесть за руль автобуса...

17

И вот автобус во дворе Тониного дома. Что с ним делать дальше? Кому он нужен с бездействующим мотором? Решили: утро вечера мудренее. Но утро оказалось для меня трагическим: ночью кто-то срезал в автобусе покрытия почти всех сидений и спинок — я даже не догадывался, что они кожаные. Кинулся к домоуправу. Он посмотрел на изувеченный салон машины и сказал:

— Ничем помочь не могу. Срежь оставшуюся кожу.

— Я лучше ночевать буду в автобусе.

— Значит, прирежут тебя самого.

Покрытия с уцелевших сидений я снял так, чтобы их можно было натянуть на каркасы вновь. И начал искать в чужой мне Москве людей, кто бы помог обменять автобус на легковую машину. Первым делом обратился к Михаилу Сергеевичу Хайку, другу Поповкина. Евгений

Ефимович передал со мной письмо Хайку (он работал тогда в газете «Военное обучение»). Всемогущий Хайк, как отзывался о нем Поповкин, первым делом послал меня на «Мосфильм» — им, мол, нужен всякий заграничный хлам. Поехал я на студию с большой надеждой, зная, что ее директором недавно назначен кинооператор Головня, который на Северо-Западном фронте несколько раз находил ночлег в моей землянке. Но Головня отказался помочь, тем более дать за автобус легковую машину.

По просьбе Хайка осмотрел мотор «Вольво» какой-то старейший автомобилист Москвы. Сделал он это в мое отсутствие. И каково же было мое удивление, когда, подняв капот над мотором, я не обнаружил дырки в стенке блока. На ее месте чуть горбилась вьюшка от обычной печной плиты, прижатая краем гайки к стенке блока! (Рядом с пробоиной, к счастью, был нарезной штырь.) Забрызганная маслом и припорошенная, она воспринималась загадочной деталью мотора.

Дома (квартиру Тони я уже считал своим домом) меня ждали указания Хайка: приедет смотреть автобус инженер из автобатальона ГУАС НКВД (что такое ГУАС, не знаю до сих пор), будь на месте.

И верно, в этот же день приехал инженер — очень важный мужчина в шляпе и при галстуке, осмотрел автобус, его мотор и сказал, что он согласен взять «Вольво», но только взамен на грузовой автомобиль, который на днях выходит из капитального ремонта. Выбора у меня не было, другие перспективы тоже не предвиделись, и я по военному телеграфу запросил разрешения на такой обмен у Поповкина. Ответ пришел немедленно. Шутливый: «Меняй на что угодно, но чтобы оно ехало». А также сообщал, что мне присвоено звание «майор» (даже указал номер и дату приказа). Разумеется, я тут же помчался в магазин военторга за покупкой майорских звезд и погон с двумя полосками.

Через два дня в двухъярусном гараже на Бутырском валу я осматривал капитально отремонтированный грузовик, ничего толком не понимая в моторе. Больше оглядывался по сторонам: меня поразило то, что машины по спиральной дороге можно загонять на второй этаж гаража. Подписали нужные документы, хотя я был убежден, что никто и нигде спрашивать их у меня не станет.

Главное — как доставить грузовик на фронт? Самому садиться за руль было боязно. Да и где взять бензин?

В автобатальоне попросил у начальства дать мне шофера, чтоб он отвел автомобиль на Можайское шоссе. В кабину сел плотный крепыш в темном, испятнанном маслом комбинезоне. Оказалось, что это он делал капитальный ремонт ЗИСа. Фамилия его Сайченко.

По дороге на Можайку я выяснил, что работает Сайченко в батальоне по вольному найму. Одинок, живет в общежитии. И я «закинул удочку»:

— Поедем со мной на фронт. Станешь военным водителем, будешь чувствовать себя куда лучше!

— Посадят! — уверенно ответил Сайченко. — За дезертирство.

— За дезертирство на фронт? Ты слышал, чтоб когонибудь судили за бегство на фронт?..

Короче говоря, на второй день, захватив сумку с инструментами и кое-какими собственными вещичками, Сайченко появился у нас на Можайском шоссе. Я простился с Тоней, и мы выехали со двора.

— Как же будем с бензином? — тревожно спросил я у Сайченко.

— Моя забота, — хмуро ответил он. — Важно, чтоб сегодня не хватились меня в батальоне.

Далее все было просто. Доехали до Даниловского рынка, остановились. Машину сразу обступили женщины: «Подвезите, бога ради...»

Сайченко о чем-то перешептывался с ними, кое-кого подсаживал в кузов. Потом выехали за город, остановились на обочине. Сайченко начал изымать у женщин «калым» — бутылки с водкой или самогонкой. Я накинулся на него с упреками, а он, махнув на меня рукой, как ничего не смыслящего, начал «голосовать» перед проходившими по трассе бензовозами. Короче говоря, водку стал менять на бензин...

К исходу второго дня мы уже были в редакции — в селе Кириковке на берегу реки Ворсклы, недалеко от Ахтырки. В редакции царила тревога: к Ахтырке прорвалась крупная группа немецких танков, и редакция получила приказ быть наготове к броску за Ворсклу. Типография свернула работу цехов, офицеры и вольнонаемные грузили в машины свои вещички. Мое возвращение из Москвы осталось почти незамеченным. Когда я доложил Поповкину о том, что доставил грузовик и шофера, которого надо зачислить в штат, он отмахнулся от меня:

— Подробно доложишь потом! А насчет штата — это сейчас не так просто. Я уже «хлебаю» за штаты!

Очень жаль, что я не знал причины раздражения Поповкина, а он в царившей суматохе не нашел возможным объяснить мне ее.

Оказалось, что в политотделе армии работала комиссия из Москвы или политуправления фронта. Проверялась в эти дни и работа редакции «Мужества». А у нас, как я говорил выше, была чехарда с расстановкой кадров. Но в мое отсутствие все, кто, числясь на более высоких должностях, исполняли не свои обязанности, по подсказке Поповкина сговорились играть «спектакль» — представляться проверяющим по должностям, какие значились в документах, в том числе и в платежных ведомостях.

Ответственный секретарь редакции, каким я числился после отъезда на академические курсы майора Аристова, это своего рода «начальник штаба», от которого во многом зависит лицо и содержание газеты. И когда я вышел от Поповкина, меня тут же пригласили в дом, где до моего возвращения из Москвы располагался секретариат во главе с майором Николаевым. Там встретил меня строгий подполковник в очках — член комиссии вышестоящего политуправления. Первое, о чем он меня спросил, было:

— В чем вы видите, товарищ майор, главную задачу ответственного секретаря редакции?

— В том, чтобы заставить каждого работника делать то, что ему положено по должности, делать качественно. Из поступающих в секретариат материалов выбирать самые интересные, литературно шлифовать их и увязывать тематику с теми задачами, которые решает армия,— бойко ответил я.

— Правильно, — согласился подполковник. — А еще?

— Еще многое: работа корректоров, наборщиков, метранпажа. Назначение дежурств по редакции, отправка корреспондентов на передовую... Но дело в том, что я не ответственный секретарь...

— Как это?! — изумился подполковник.

Мне и в голову не приходило, что предаю я Поповкина и своих товарищей. Изумление же подполковника воспринял как заинтересованность такой «мудрой» расста-

новкой кадров в редакции. Слово за слово, фраза за фразой, и проверяющий имел уже полную картину «кто есть кто» в редакции «Мужества». Но главное, что он пришел к неожиданному выводу:

— Поповкин сделал эти перестановки для того, чтобы самому не покидать редакцию, не ездить на передовую? Мол, заместителя у него нет, газету не на кого оставлять... Так?

— Не так! Неправда! — воскликнул я, поняв наконец, что произошло. — Поповкин дружит почти со всеми начальниками политотделов дивизий! Не они же приезжают к нам, а он к ним ездит! А в траншеях и блиндажах переднего края редактору армейской газеты делать нечего!

Потом в политотделе армии подводились итоги работы проверочной комиссии. Поповкин получил выговор, и ему приказали навести порядок в редакции — чтоб все исполняли свои обязанности согласно своим должностям.

Я попал в немилость Евгения Ефимовича.

— С завтрашнего дня приступай к секретарству! — сердито приказал мне Поповкин, вернувшись с совещания.

— Мне не по зубам быть секретарем газеты! Завалю работу! — взмолился я.

— Завалишь — откомандирую в отдел кадров! Оттуда пошлют в стрелковый батальон комиссаром.

Верно говорят: язык мой — враг мой: Я обиженно отпарировал:

— Посчитаю за честь быть комиссаром! Только не стрелкового батальона, а артиллерийского дивизиона! Я по профессии артиллерист. Но для начала давайте обсудим на партсобрании вопрос: кто и для каких целей сделал в редакции должностные перестановки.

Это с моей стороны была дерзость неслыханная. Поповкин взъярился до крайности. Пригрозил мне наказанием за то, что я не выполнил его приказа: привез из Москвы не легковую машину, а грузовую.

— У меня сохранилась ваша телеграмма, — отпарировал я.

В наш разговор вмешался зашедший в дом майор Яскин, начальник издательства:

— Шофер Сайченко не только водитель, но и автомеханик! — с радостью объявил он. — Это же колоссальное приобретение для издательства!

Судьба Сайченко была решена (он прослужил в «Мужестве» до конца войны), а моя в то время оставалась в неизвестности. Я попросил у Поповкина разрешения: напоследок, прежде чем сесть в секретарское кресло и «завалить» работу, съездить один раз на передовую. Смилостивился редактор... Может, потому, что на передовой в эти дни было пекло. Немцы крупными танковыми силами контратаковали, пытаясь вновь захватить Ахтырку...

Поехал я в какую-то из дивизий вместе с Семеном Глуховским и Давидом Каневским. Помню, отлеживались мы в тени сада, пережидая бомбежку, ели крупные переспевшие сливы. Семен и Давид начали наставлять меня:

— Не бойся ты секретарской работы! Это проще и безопаснее, чем мотаться по передовой. Но не старайся все делать сам, обращайся к нам за помощью...

18

Вскоре вернулся я в редакцию, разыскав ее уже в Ахтырке, от которой противник был отброшен. Обосновался в доме, отведенном под секретариат, начал работать. Оказалось, что давняя годичная моя учеба в строительном техникуме с его важным предметом — черчением — пригодилась и в газетном деле. У меня неожиданно стали получаться весьма оригинальные макеты полос с точно симметричным расположением статей, репортажей, заметок, фотографий.

В Ахтырке приблудился к редакции полусирота — двенадцатилетний Ваня Слипченко. Поповкин по моей просьбе назначил его моим «адъютантом» — посыльным при секретариате. Ваня был веселым, сообразительным и энергичным пареньком, быстро усвоил обязанности посыльного, облегчив мне работу. Как только понадобится броская шапка для полосы, четверостишие в «шпигель» (окошко справа от заголовка газеты), занимательная подпись под фотографией — я тут же посылал Ваню с запиской к Семену ли, к Давиду, к Сереже, к другим «мужественникам». Очень украшал газету миниатюрными новеллами Анвер Бикчентаев. Я их заверстывал на самое видное место, разнообразил шрифтами и шириной набора.

На летучках, к неудовольствию Поповкина, мою рабо-

ту начали осторожно похваливать. А через некоторое время в «Красной звезде» или во фронтовой газете был опубликован обзор печати, и в нем наше «Мужество» упоминалось как одна из лучших армейских газет. Поповкин был сломлен, пригласил меня на обед, и мы возродили былую дружбу...

Не считаю нужным описывать боевые действия нашей армии, ибо книжка не об этом. Главное, что мы шли на запад, враг отступал, открыла нам объятия родная мне Украина. Мы с Поповкиным (он наполовину был украинцем) упивались разговорами с крестьянами на украинском языке. Но чем ближе оказывались к Днепру, тем больше замечали, как бедно жили в оккупации украинцы, сколь ограблена врагом была земля и ее обитатели. Мы испытывали скудость в питании — снабженцы армии не успевали за стремительно наступающими войсками или надеялись на доставшееся нашим передовым частям трофейное продовольствие. Постепенно вступал в силу и «бабушкин аттестат»: это значило, что местное население подкармливало родную, освобождавшую его от вражеского ига армию. Но прокормить все эшелоны армии крестьянам было не под силу, и нам, «тыловикам», приходилось потуже затягивать на себе ремни — со снабжением нас продуктами были перебои.

В середине сентября 27-я армия совершила марш из-под Опочки через Зеньков, Гадяч, Лохвицу в район Переяслав-Хмельницкого. А 25 сентября с рубежа Козинцы начала форсировать Днепр для захвата Букринского плацдарма. Редакция «Мужества» расположилась в приднепровском селе Цыбля, работала впроголодь. И вот однажды старшина Дмитриев доложил Поповкину, что на огородах близ редакции бродит в поисках кормежки бык. Чей он — неизвестно. А вдруг отбившийся от стад, которые немцы угоняли на запад?

— Мог бы и не докладывать, — сердито ответил старшине Поповкин. — Наступят сумерки — прикончи его — и в котел.

Дмитриев с шоферами проворно выполнили приказ. Редакция начала отъедаться свежим говяжьим мясом. Но старшина, будучи хозяйственным человеком, перестарался. Он не мог решиться закопать в землю бычью шкуру и развесил ее на веревке сушиться...

В эти дни Поповкина вызвали в Москву, в управление кадров ГлавПУРа на переговоры. Как редактора лучшей

армейской газеты его решили повысить в должности — назначить редактором четырехполосной газеты Отдельной Приморской армии. Газета по своему статусу приравнивалась к фронтовой, и Евгений Ефимович не мог отказаться от такого лестного предложения.

А в его отсутствие в редакции разыгрались драматические события. Во двор, где сушилась на солнце шкура быка, зашел председатель местного колхоза, осмотрел ее, сердито потрепал за хвост и изрек:

— Была единственная тягловая сила в колхозе, и ту съели. От немцев сохранили, а от своих не уберегли...

Об этом я узнал только после того, как Военный совет армии обсудил письменную жалобу председателя колхоза и поручил армейской прокуратуре завести уголовное дело.

Судебная машина завертелась с особой активностью: как раз в это время был обнародован суровый приказ Сталина о сохранении колхозной собственности. В нем было буквально сказано, что за убой колхозного скота виновных судить военным трибуналом, определяя меру наказания вплоть до расстрела.

Старшина Дмитриев, когда его вызвал военный следователь, вину от себя отвел: он выполнил приказ редактора газеты подполковника Поповкина. Член Военного совета генерал-майор Шевченко и начальник политотдела полковник Хвалей дали санкцию на арест Поповкина и на судебное разбирательство в военном трибунале. Мол, есть приказ товарища Сталина, и надо с кого-то начинать приводить его в действие. Судебные власти колебались только в одном: арестовать Поповкина в Москве или дождаться его возвращения в нашу армию, где ему предстояло сдавать дела...

В редакции, кроме меня и Дмитриева, еще никто ничего не знал. Надо было что-то предпринимать. У меня в голове, кажется, хрустело от панических мыслей, сердце не покидал холодок. Тиранило воображение: я представлял себе, как будут расстреливать Поповкина перед строем командиров и политработников, вспомнил другие расстрелы, свидетелем которых был. Сказать, что это ужасно — значит, ничего не сказать.

Сидел я над макетом очередного номера газеты. За соседним столом печатала чью-то статью машинистка Таня Курочкина, которую Поповкин «мобилизовал» в Во-

ронеже, дав ее начальству в «обмен» четыре килограмма бумаги.

Зашла хозяйка дома, «оккупированного» нами под секретариат. Меня вдруг пронзила дерзкая мысль, и я с притворной сердитостью накинулся на пожилую женщину с упреками:

— Поверили мы вам, что бык, которого мы зарезали, отбился от немецкого стада, а теперь беда.

— Я говорила?! Ничего я не говорила! А какая беда?

— Разве не вы? — Мы разговаривали с ней по-украински. — Кто же мне это говорил, дай бог памяти? А теперь Поповкина ждет расстрел. Так требует приказ Сталина.

— Да вы что?! — ужаснулась хозяйка. — Застрелить человека за скотину? Да еще такого человека, как Евген Ефимович?!

Таня Курочкина тоже окаменела за пишущей машинкой.

— Это правда? — спросила она почти шепотом.

— Правда, но пока секрет. Может, действительно, подтвердится, что бык — трофейный.

— Подтвердится непременно! — затараторила хозяйка. — Я вам и Евгену Ефимовичу сама говорила! Соседи говорили! Вся наша улица подтвердит! Разве можно убивать человека за скотину? Да тому быку всего три года! Я помню, как он родился!

— Ничего вы не помните! — про себя я уже хохотал, подсчитывая в уме, какая разница в возрасте у быка и у Поповкина. Но разговор продолжил: — Бык из стада, которое немцы гнали за Днепр! Если люди подтвердят, то трибунал может решить по-другому.

Свои «карты» я раскрыл полностью...

— Подтвердят! Все подтвердят! — Женщина выбежала из хаты, и ее белый платок замаячил уже на улице. Заработал «сельский телеграф»...

Но я не знал, что за убой даже «трофейного» скота полагается строгое наказание, если мясо не оприходовано по весу у военных снабженцев, которые затем на какое-то время снимают обладателей «трофея» с положенного «мясного довольствия».

Редакция обычно получала продукты на складе административно-хозяйственной части штаба. Я тут же помчался к ее начальнику капитану Урывскому, с которым был хорошо знаком. Застал Урывского в расстроенных чувствах: его «терзали» работники особого отдела за то, что без их ведома взял на работу в офицерскую столовую трех девушек из числа репатриированных (освобожденных из немецкого плена и отправляемых в тыл). Как мог успокоил я Урывского, а потом рассказал об опасности, нависшей над Поповкиным.

— Чем же я могу помочь? — удивился он.

— Мясо убитого быка ты взвесил и снял редакцию с довольствия. Дай мне накладную, датированную задним числом.

— Но это же надо все последующие накладные переподшивать!

— Я готов сделать это сам. Главное — нужен документ, и человек будет спасен. Не собственной же корысти ради приказал он зарезать быка.

— Ладно, давай пожульничаем вместе. Тем более с мясом у меня плохо...

Вернулся я в редакцию с накладной в кармане и застал в секретариате следователя армейской прокуратуры. Он сидел за моим столом, а перед ним лежала папка с надписью: «Дело Е. Е. Поповкина». Хозяйка нашего дома и две ее соседки в один голос доказывали следователю, что они считали быка ничейным, что он съедал на сельских огородах свеклу. Вот и попросили Поповкина избавить их от такой напасти.

— А почему вы меня ни о чем не спрашиваете? — со спокойной нагловатостью обратился я к следователю. — Все-таки майор Стаднюк здесь своего рода начальник штаба. Многие документы проходят через мои руки.

— Какие документы? — насторожился следователь.

— Да хотя бы об этом быке. Всё мы сделали по закону, — и положил перед ним накладную об оприходовании в АХЧ мяса и снятии редакции с мясного довольствия, кажется, на три месяца.

Следователь даже побледнел, когда понял, что «Дело Е. Е. Поповкина» лопнуло. А ведь о нем уже было донесено во фронтовую прокуратуру...

19

На второй день вернулся из Москвы Поповкин — довольный, сияющий, иронично настроенный: он уже был

назначен ГлавПУРом редактором газеты Отдельной Приморской армии, воевавшей на левом, самом южном, крыле советско-германского фронта. Пришлось омрачить его настроение рассказом о происшедшем и готовить для предстоящего объяснения с начальством, которому он должен был представляться в связи со сдачей должности. Потом Евгений Ефимович с присущим ему чувством юмора рассказывал, как он, опираясь на нашу «тайную» версию, виртуозно врал полковнику Хвалею о том, что за счет «трофейного» быка снизил нехватку продовольствия в армейском штабе.

Устроили мы Поповкину прощальный обед, сфотографировались на память всей редакцией и типографией. Все было бы хорошо, да сманил Евгений Ефимович моего «адъютанта» Ваню Слипченко ехать с ним на юг. И будто лишил меня моих рук. Никакие мои уговоры, что мы освобождаем Украину от тех самых фашистов, которые столько пролили крови в родной Ванюше Ахтырке, что впереди нас ждет заграница, не убедили: «Поеду с паном редактором». Прощаясь со своим «адъютантом», я пригрозил ему, что судьба накажет его за вероломство. И словно напророчил. По прибытии в Отдельную Приморскую армию, как узнал я потом из письма Поповкина, Ваня объелся «шипучки» — содово-сахарных трофейных брикетиков, которыми немцы подслащивали и газировали воду. Сжевав с десяток брикетиков, Ваня почувствовал страшную жажду. Попил воды, и его тут же чуть не разорвало. Реакция была настолько мощной, что на Ване чуть ли не лопнул брючный ремень, а изо рта, ноздрей и еще откуда-то ударили струи пены. Эту ситуацию я использовал в романе «Война», переключив ее на нелюбимого мной майора Рукатова, а еще раньше — в юмористическом рассказе «Шипучка».

История с «трофейным» быком часто вспоминалась «мужественниками» после войны, при наших встречах в застольях. А однажды, это было в 1959 году, повидались мы с полковником Хвалеем. Я тогда, в связи со съемками по моему сценарию художественного фильма «Человек не сдается», проводил с семьей лето в Белоруссии, сняв дачу в Ждановичах на берегу Минского моря. Уйдя утречком в «море» на рыбалку, сидел я в лодке и ловил окуней. Где-то часов в двенадцать увидел подплывающую ко мне плоскодонку. На корме сидел мой одиннадцатилетний сынишка Юра, а на веслах — какой-то

мужчина в белом парусиновом костюме. Когда подплыли ко мне, я чуть не лишился чувств: за веслами сидел Хвалей. Дело в том, что лет пять до этого бывший заместитель Хвалея подполковник И. А. Рассказов, приехав из Риги в Москву и навестив меня, сказал, что Хвалей умер. Мы даже помянули его, выпив по рюмке, не чокаясь. И вдруг — вот он!.. Какая могла быть дальше рыбалка?! Я снял лодку с якоря, приплыли мы в Ждановичи, зашли в наш дом. Тоня уже успела накрыть стол: ведь она тоже знала Хвалея по фронту.

Хвалей, живя в Минске, оказывается, услышал по белорусскому радио о съемках моего фильма, позвонил на киностудию, и ему объяснили, где меня можно разыскать. Начались, по обычаю, воспоминания, взаимная исповедь. И я возьми да и расскажи ему историю про быка так, как написал о ней выше. Хвалей смеялся, но сквозь слезы. Потом объяснил, что из-за Поповкина имел колоссальные неприятности от фронтового начальства. Шутка ли: чуть безвинно не расстреляли редактора армейской газеты, писателя (Поповкин в то время уже был автором повести «Большой разлив»). Что-то еще, как я чувствовал, сквозило в реакции Хвалея на мой рассказ, но он не стал больше ни о чем говорить.

Но вернемся в ноябрьские дни 1943 года, когда продолжалась Киевская наступательная операция. Наш Воронежский фронт уже был переименован в 1-й Украинский, и его войска севернее и южнее Киева форсировали Днепр. 27-я армия вместе с 3-й танковой армией и другими соединениями пыталась прорвать оборону немцев с Букринского плацдарма, захватив его на правом берегу Днепра южнее столицы Украины. Плацдарм, шириной в 11 и глубиной в 6 километров, был изрезан глубокими оврагами, за которыми на высотах прочно укрепились немецкие войска. Непрерывными контратаками они пытались сбросить наши части в Днепр. И стало ясно, что Букринский плацдарм непригоден для успешного удара в направлении Киева, зато был весьма полезен для отвлечения крупных сил врага, и это отвлечение было поручено осуществлять нашей 27-й армии, в то время как 3-я танковая армия, 23-й стрелковый корпус, 7-й артиллерийский корпус прорыва и ряд других соединений тайно, со строжайшей маскировкой, были переброшены на Лютежский плацдарм, что севернее Киева.

Но столь просвещенными мы, газетчики, стали гораздо позже: от нас, как и от многих других, не причастных к передвижению войск, скрывался замысел высшего командования, и наши надежды войти в Киев с передовыми частями армии не сбылись. 6 ноября Киев был освобожден от врага ударом войск фронта с севера...

Как тут было удержаться не найти повода немедленно устремиться в Киев? Поповкин к этому времени уже отбыл в Отдельную Приморскую. Обязанности редактора «Мужества» исполнял майор Николаев — спокойный, сговорчивый человек. Семен Глуховский, Давид Каневский и я кинулись к нему...

Короче говоря, в ночь на 7 ноября попутными машинами мы добрались к Днепру в районе Дарницы. По понтонному мосту, который наши инженерные части навели рядом со взорванным железнодорожным мостом, вошли в Киев. По крутому спуску, что рядом с Киево-Печерской лаврой, поднялись на улицу Кирова. И были удивлены: нигде никаких разрушений; кругом пустынно. Отзвуки боя доносились со стороны Голосиева.

Спустились к Крещатику, но вместо него, взращенного историей, увидели гигантские развалины. Главная улица великого города — «матери городов русских», лежала мертвой. Под глыбами камня были погребены тротуары, проезжая часть. Среди обломков стен вихляла узкая тропинка. Она привела нас к углу улицы Ленина, по которой мы стали подниматься вверх, в направлении оперного театра. Справа и слева кровенились затухающие пожары. Я предложил друзьям остановиться на ночлег у моего дальнего родственника — дворника дядьки Палаша, вряд ли эвакуировавшегося из Киева. Жил он по улице Ленина. Но когда приблизились к его дому, увидели сквозь пустые окна полыхающий внутри огонь.

Давид Каневский предложил идти к писательскому дому, который находился в конце улицы за оперным театром. Когда подошли к нему, увидели, что он цел. Но ни в одном окне дома не виделось света. Зашли в подъезд, стали подниматься по лестнице, присвечивая себе электрическими фонарями. Рассматривали на дверях квартир медные таблички с надписями. Читали (не помню порядка и за точность не ручаюсь): «Иван Ле» — «Петро Панч» — «Павло Тычина» — «Максим Рыльский» — «Леонид Первомайский»... Еще и еще звучные имена. Каждое из них ударяло в сердце. Я чувствовал,

что вступил в святой храм родной украинской литературы. Не верилось, что это не дивный сон, что здесь обитали люди, написавшие книги, которые боготворила Украина... Где эти художники слова сейчас, куда разметали их злые, железные ветры войны? Даже в голову не могла прийти мысль, что с иными из них я потом повстречаюсь на фронте или буду иметь честь познакомиться лично после войны и общаться на беспокойных литературных перекрестках в Москве и Киеве...

Вернулись на Крещатик, пошли по Красноармейской в направлении костела. Там, по запомнившемуся мне адресу, была квартира Ивана Григорьевича Грицюка — моего земляка и дальнего родственника, будущего министра мясо-молочной промышленности Украины. Предполагал, что в Киеве его нет, но очень хотелось взглянуть на дом, в котором он жил до войны... Увидели дом догорающим. Среди пылающих развалин разглядел знакомую железную кровать с металлическими шарами по углам спинок...

Ночевали в покинутом доме близ Бессарабского рынка. А утром началась свободная «охота» за материалом для газеты — надо было рассказать, как жил Киев под немецким владычеством. Выйдя на стык бульвара Шевченко и улицы Ленина, начали останавливать киевлян и затевать разговоры. Вскоре к нам подошел высокий крупнотелый мужчина в желто-зеленой румынской шинели с подпаленными полами, в разбитых ботинках на толстой подошве. От него пахло горелым.

— Товарищи командиры, — обратился он к нам, — где можно записаться в Красную Армию?

— Кто вы, откуда?..

Это был Яков Андреевич Стеюк, бежавший накануне освобождения Киева из Бабьего Яра, где его ждало уничтожение.

— А что такое Бабий Яр?

И тут мы услышали рассказ, от которого прошибало холодным потом.

20

Бабий Яр — место массовых расстрелов гитлеровцами мирных жителей Киева, особенно еврейской национальности. Он был завален трупами десятков тысяч советских людей... Трудно вспомнить детали рассказа Якова

Стеюка, поэтому я обращаюсь к фрагментам своей не очень профессионально написанной статьи, напечатанной после моего возвращения из Киева в нашей газете «Мужество»:

«В городе был устроен «лагерь принудительных работ». 18 августа из числа заключенных в этом лагере немцы отобрали 100 человек, надели им на ноги кандалы и пригнали в Бабий Яр — к месту расстрелов советских людей в сентябре 1941 года. Здесь невольников ждала команда гестаповцев во главе со штурмбаннфюрером СС Топайде.

Заключенным дали лопаты, указали место и заставили рыть землю.

Разрывая землю, заключенные наткнулись на слой хлористой извести. Выбросив еще полметра песку, они обнаружили трупы...

Железными прутами трупы вытаскивались из ямы и обыскивались. Немцы забирали часы, золотые вещи, монеты, вырывали золотые зубы.

Попадающиеся среди трупов очки, костыли, палки свидетельствовали о том, что среди расстрелянных много было стариков и инвалидов. Часто можно было видеть трупы женщин, сжавших в объятиях своих детей. В одной яме было подсчитано две тысячи трупов красноармейцев.

Когда к Киеву стала приближаться канонада, гитлеровцы заторопились. Из лагеря смертников была пригнана еще группа людей. Таким образом, 323 человека работали на этих страшных раскопках.

Скорость раскопок вручную не удовлетворяла фашистов. Они привезли экскаватор и начали им черпать землю. Когда ковш экскаватора раскрывался, из него сыпались земля, песок и трупы людей. Трупы подхватывались крюками и складывались на специальных площадках.

Площадки были построены из камней, рельсов и листового железа. Трупы на них укладывались слоями крест-накрест. Между каждым слоем ложился слой дров, который обливали отработанным маслом. Когда на площадку укладывались пять тысяч трупов, их зажигали.

Огонь не полностью сжигал человеческие кости. Чтобы не оставить никаких следов, немцы заставляли сгребать эти кости на отдельные площадки и дробить их в специальных ступах. Истолченные кости просеивались через решетки (фашисты искали золотые монеты), разбрасывались на песке и лопатами перемешивались с ним.

С 18 августа 1943 года по 28 сентября немцы сожгли в Бабьем Яре сорок шесть тысяч трупов ранее расстрелянных советских граждан.

К этому страшному месту каждый день подъезжали машины-«душегубки». Они вытряхивали еще теплые тела задушенных советских людей со следами страшных пыток. Зверски умерщвленных мужчин, женщин, детей привозили из гестапо, которое находилось на улице Короленко, дом № 33.

27 сентября штурмбаннфюрер Топайде приказал гестаповцам взять пятьдесят невольников и пойти в психиатрическую больницу. Там закованным в кандалы людям приказали сжечь пятьсот трупов больных, расстрелянных немцами.

После этого невольников снова пригнали в Бабий Яр, они увидели новую площадку для сжигания. Так как выкапывать трупы их больше не заставляли, все поняли, что площадка эта предназначена для них самих. Фашисты решили окончательно замести следы своих зверств.

Наступила тревожная ночь. Невольники Яков Стеюк, Леонид Кадомский и другие решили бежать. Подобранными у экскаватора ключами, плоскогубцами и зубилами они расковали себя и еще тридцать товарищей. Ночью группа заключенных, смяв часового, вырвалась из землянки. Люди разбежались в разные стороны.

Свидетель гнусных злодеяний гитлеровцев Яков Андреевич Стеюк обо всем этом рассказал нам.

Никогда не удастся фашистским извергам спрятать концы в воду, замести следы своих черных преступлений. Гестаповец Топайде, гауптвахтмайстер жандармерии Иоганн Меркль из Мюнхена, гауптвахтмайстер жандармерии Фогг из Лейпцига, ротенфюрер СС Ребер и другие фашисты, запятнавшие себя невинной кровью советских людей, не уйдут от возмездия...»

Первое, что я сделал, услышав и записав страшный рассказ Якова Стеюка, послал по военному телеграфу информационную телеграмму в Москву, в редакцию газеты «Правда». Потом, возвратясь в расположение «Мужества», написал статью. Экземпляр газеты с этой статьей входит сейчас в одну из экспозиций Государственного украинского музея Великой Отечественной войны в Киеве.

Освобождение советскими войсками Украины продолжалось. Наша 27-я армия во второй половине ноября получила дополнительный участок фронта — южнее Обухова, пополнившись 47-м стрелковым корпусом. И с этого времени у нас образовались два обособленных боевых участка: на Букринском плацдарме и на южных подступах к Киеву. Нам, журналистам, было приказано в своих публикациях не раскрывать разорванности боевых порядков армии. Но это была излишняя предосторожность, ибо мы, во-первых, и не догадывались об этой «разорванности», а во-вторых, нас так ограничивал цензорский надзор, что из всего печатаемого армейской газетой самый опытный разведчик ничего не мог извлечь: населенный пункт Н., за который велись бои, командир подразделения С. (если подразделение не выше батальона), плацдарм на берегу реки Х. Эти обстоятельства порождали и некоторую безответственность военных корреспондентов. Она проявилась еще на Северо-Западном фронте, когда фронтовая газета «За Родину», усилиями военного газетчика, стала прославлять одного истребителя немецких танков, мастерски использовавшего бутылки с зажигательной жидкостью. Его пример породил массовое «движение зажигателей». Действительно, немецкие танковые части начали нести все большие и большие потери: бойцы во всех дивизиях фронта стали подражать прославленному газетой герою. На это обратило внимание командование фронта и распорядилось представить главного истребителя вражеских танков к званию Героя Советского Союза. И тут выяснилось, что «истребитель» придуман корреспондентом.

Не помню, чем завершилась скандальная история, принесшая в конечном счете полезные результаты, но редакции солдатских газет получили строгие указания не допускать публикации боевых эпизодов, родившихся усилиями фантазии газетчиков. Возникшую сложность решили просто: при сдаче в набор рукописей надо было указывать нумерацию дивизии, полка, батальона, роты и даже взвода, где произошло событие. Но тут встревожилась военная цензура: заведись в редакции или типографии вражеский разведчик, и боевой состав армии будет вскрыт за самое короткое время. Тогда придумали другой способ контроля за достоверностью публикаций: наиболее яркие эпизоды корреспонденций время от времени сверять с политдонесениями, поступавшими из дивизий в политотдел армии...

28 декабря наша 27-я армия перешла в наступление на обоих участках фронта, и к 9 января 1944 года войска, действовавшие из района Киева и на Букринском плацдарме, соединились. Эти подробности я почерпнул из архивных документов, а вот точно в какое время наша редакция перебазировалась с левобережья Днепра на его правый берег, вспомнить трудно, а в документах это не фиксировалось. Знаю, что одно из первых сел, приютивших нас, были Житнегоры. Дорога к нему оказалась непростой. Песчаные участки с разбитыми колеями, местами она протискивалась между глубокими песчаными карьерами. И вот в одном месте, между карьерами, забарахлил мотор грузовика-фургона, в кузове которого были кассы со шрифтами армейской типографии. Автоколонну, как уже было принято, вел я, сидя в кабине ЗИСа, в кузове которого закреплена печатная машина. Водитель сержант Федор Губанов первым заметил, что колонна отстала, и дал машине задний ход. Подошел я к затормозившему грузовику и увидел, что шофер Поберецкий копается в моторе. Потом выяснилось, что в моторе сгорела бобина и машина не могла сдвинуться с места. В это время с хвоста колонны подошел незнакомый подполковник — высокий, упитанный и, судя по строгому взгляду, самоуверенный. Возраст — свыше тридцати лет. Убедившись, что поломка мотора нашего грузовика не сулит скорого продвижения машин вперед, он безапелляционно приказал: столкнуть машину в карьер. Я возмутился:

— Вы отдаете себе отчет, что это типография армейской газеты?

— Плевал я на вашу газету! Мне надо в войска! Я начальник штаба дивизии! — и назвал номер соединения, который мне был неизвестен.

Не хватило у меня рассудительности предложить подполковнику самому сталкивать грузовик в карьер. А может, повлияло то, что я заметил — подполковник был в добром подпитии. И стал наивно вразумлять его, что газета наша — это орган большевистской печати, и никто не вправе так скоропалительно распоряжаться целостностью его типографии. И не опомнился, как подполковник влепил мне оплеуху. Это — на виду у всех собравшихся около злополучной машины наших шоферов,

наборщиц, корректоров. Трудно передать полыхнувшую во мне обиду, стыд и ярость. Потеряв самоконтроль, я нанес ответный удар обидчику снизу в челюсть, от которого он рухнул наземь. Тут подоспели адъютант подполковника и шофер его эмки. У адъютанта был автомат в руках. Прогрохотала очередь в воздух. Началась свалка. Пока я отнимал у подполковника пистолет, которым он пытался воспользоваться, наши шоферы и наборщики обезоружили его «свиту». В это время автоколонна двинулась вперед — сломанный грузовик со шрифтовыми кассами был взят на буксир. Теснина между карьерами освободилась. Подполковник, со вздувшейся отметиной на подбородке и отрезвевший, молча забрал у меня свой пистолет, выматерился, сверкнул яростным взглядом, сел в подъехавшую эмку и умчался вперед.

Надо было ждать беды. Полагалось написать начальству рапорт, что я и сделал. Но в рапорте не мог указать ни фамилии подполковника — не знал, ни номера дивизии — не запомнил. Потянулись тревожные дни. Я почти потерял сон — трусил, фантазия рисовала заседание военного трибунала...

Через несколько дней мне было приказано явиться в первый эшелон штаба, к начальнику политотдела армии. Штаб располагался в селе Баранье Поле.

Разыскал хату полковника Хвалея. Зашел и доложил, что явился по вызову. Лицо начальства ничего доброго не предвещало. Хвалей взглянул на меня холодными серыми глазами, скулы его сердито шевельнулись.

— Газета вышла? — строго спросил он.

— Так точно, вышла. А могла и не выйти...

— Расскажи, как все случилось.

Пересиливая волнение, я стал рассказывать, да с такими подробностями, что тот драчливый подполковник выглядел совсем ненормальным.

— Вы же могли перестрелять друг друга! — сердито перебил меня Хвалей. — Вот было бы чрезвычайное происшествие.

— Вполне, товарищ полковник. Но я к своему оружию не притрагивался. — И перешел в наступление: — Как бы вы поступили, если вам в присутствии ваших подчиненных врезали по морде?!

— А если б даже без подчиненных? — Хвалей засмеялся, и лицо его подобрело. — На твоем месте я поступил бы точно так же... Но за взаимный мордобой офицеров полагается вас обоих понизить в воинском звании.

— Меня и так уже понизили: на Северо-Западном фронте я был батальонным комиссаром. Если помните, при введении погон мне вместо майора дали капитана. Сейчас опять будете разжаловать? Это при трех моих ранениях и двух орденах?

Хвалей задумался. Смотрел на меня с укором и досадой. Наконец сказал:

— Вот твой рапорт, — и протянул мне знакомую бумагу. — Я его не видел... Но если этот подполковник окажется из нашей армии и поступит от него рапорт, в чем я сомневаюсь, напишешь объяснительную записку. В ней сделай акцент на то, что подполковник был пьян, и назови всех свидетелей происшествия.

— Слушаюсь!..

Вернулся я в редакцию с тяжелым сердцем: предстояло еще какое-то время жить в тревоге. Лучше бы уж сразу все решилось. В атаки было ходить проще, чем томиться перед неизвестностью, зная, что человеческая мстительность при отсутствии здравого смысла бывает беспредельной. А офицер, поднявший руку на другого офицера, пусть младшего по званию, да еще не в экстремальной обстановке, не мог быть порядочным человеком. Впрочем, рукоприкладство на фронте не являлось редкостью. Пример этому подавали даже иные именитые генералы. Свои поступки они оправдывали остротой боевых ситуаций и необходимостью повысить расторопность и находчивость исполнителей приказов. Вот и допускали унижение человека и насилие над ним. Но пользы от этого не было. Только — озлобление...

В редакции я застал приехавшего из Москвы нового редактора — подполковника Ушеренко Якова Михайловича. Выше среднего роста, полнотелый, розово-круглолицый. Темные глаза его смотрели пронзительно, чуть из-под лба. Полные губы, родинка на щеке рядом с крупным носом, густая черная шевелюра. Угадывался в нем совсем не военный человек. До приезда на фронт он был редактором газеты Московского военного округа «Красный воин», а до войны — редактором «Правды» по разделу литературы. Все мы сразу же почувствовали в новом редакторе человека высокого интеллекта и большой эрудиции. Поначалу даже робели при разговоре с ним.

Представляясь новому редактору, я попросил его перевести меня с должности ответственного секретаря на

«боевую» работу — в армейский отдел или группу информации. Объяснил это тем, что имею военное образование, боевой опыт и желание чаще бывать на передовой. Действительно, мне очень хотелось писать самому, а не редактировать чужие материалы, составлять макеты и вычитывать гранки.

— Позвольте, но ведь вы и рассказы пишете? — оказалось, что Ушеренко, при назначении его редактором «Мужества», листал в Москве, в отделе печати ГлавПУРа, подшивку нашей газеты.

— Да так, балуюсь, — снисходительно к самому себе сказал я.

— В литературе баловаться нельзя, — назидательно изрек Ушеренко. — Или серьезно надо писать, или не браться за писательство. Увлечетесь, а способностей может не оказаться, и сломаете себе судьбу.

Я был озадачен, даже обескуражен, ибо был уверен, что, окажись у меня много свободного времени, и я смогу писать хоть романы. Это было приятное заблуждение, ибо даже элементарных понятий о законах художественного творчества, теории литературы у меня не было. Писал интуитивно, не различая, где я пересказываю события, а где изображаю их. Все эти постижения окажутся для меня впереди.

Разговор продолжался. Яков Михайлович стал вспоминать о своей работе в «Правде», встречах и сотрудничестве с именитыми писателями. Называл такие фамилии, что у меня дыхание перехватывало, и я уже смотрел на редактора как на человека совсем необыкновенного.

Мне везет в жизни на неординарные случаи и совпадения. Вот и во время нашего с Ушеренко разговора раздался стук в дверь. На пороге просторной горницы встал улыбающийся капитан Давид Каневский. Неумело отдал честь и доложил:

— Товарищ подполковник, к нам в редакцию приехал гость...

Вслед за Каневским вошел высокий мужчина с бледноватым лицом, кустистыми с проседью бровями, на вид лет под пятьдесят. В моем тогдашнем понимании — глубокий старик...

— Писатель Иван Ле, — спокойно представился мужчина.

Ушеренко поднялся ему навстречу, начались рукопожатия, не обошедшие и меня, ошалевшего от неожиданности.

— Здравствуйте, Иван Леонтьевич! — Ушеренко довольно посмеивался. — Мы с вами знакомы... Раздевайтесь.

Боже! Тот самый Иван Ле, творчество которого мы изучали в десятилетке, как классика украинской литературы! У меня были свежи в памяти его повесть «Юхим Кудря», «Роман межгорья»... Происходящее казалось неправдоподобным. Я пришел в себя только после того, как Каневский достал из-под шинели бутылку с самогонкой и поставил ее на стол, а Ушеренко, взглянув на меня и кивнув головой на дверь, приказал: «Позаботьтесь о закуске».

Разыскав старшину Дмитриева, я передал ему распоряжение редактора и объяснил, что скупиться нельзя...

Вернуться в дом редактора не посмел, а приглашения не последовало.

Вечером я сидел за какой-то работой и прислушивался к шумам с улицы. Почему-то надеялся, что Давид Каневский и Иван Ле придут ко мне. Даже купил у соседей бутылку самогонки, а хозяйку дома, где я был «на постое», попросил сварить картошки и достать из погреба соленых огурцов, какими она меня уже угощала. Загремела дверь в сенях, затопали сапоги, в комнату зашли желанные гости. Давид с ходу обратился с просьбой:

— Майор Стаднюк, есть мнение, чтобы ты уступил свою хату Ивану Леонтьевичу. Она поприличнее других.

— Согласен, если писатели окажут честь и выпьют в этой хате по чарке горилки.

Возражений не было. Мы перешли на украинский язык. Я имел счастье впервые в жизни сидеть в застолье с известным писателем, не подозревая, что впереди нас ждут еще многие встречи.

21

Ушеренко не отпускал меня с секретарской должности. Может, потому, что у меня была провинциальная привычка всему удивляться с чрезмерностью. Это его развлекало, и, когда мы оставались вдвоем, он с умыслом рассказывал что-либо необыкновенное из довоенной московской жизни, из приключений «правдистов», что меня, к его удовольствию, потрясало до икоты.

Но однажды и я его подразвлек. Случилось это там же, на Правобережной Украине, когда редакция, следуя за армией, переехала в очередное село. Войдя в отведенную для секретариата хату, я, как обычно, стал рассматривать образа, в которых мало что понимал, затем фотографии на стенах, во множественном числе взятых под стекло в одной общей раме. Мое внимание привлекла самая нижняя коллективная фотография военных, над которыми было развернуто знамя. Присмотревшись к фотографии, я ахнул: узнал свою курсантскую роту из Смоленского военно-политического училища! Фотографировались мы на наружных ступеньках здания училища в день присвоения нам званий «младших политруков». Догадался, что на фотографии наверняка есть кто-то из этого дома. Кто же это?.. Вошла со двора хозяйка и поставила на скамейку ведро с водой. Не выдавая своего нетерпения, спросил у нее:

— Тут кто-нибудь из ваших есть? — и указал на фотографию.

Вытирая фартуком руки, женщина подошла к простенку, где висела рама с фотоснимками.

— Прятала их от немцев, как от огня, — она тяжко вздохнула и указала пальцем: — Вот, сыночек мой.

— Вася Петренко?! — воскликнул я.

— Да... Вася... — Женщина смотрела на меня широко расширенными глазами, губы у нее затряслись.

— Чего вы заволновались? Вот чуть справа я стою!.. Узнаете?

Женщина всмотрелась в фотографию, всплеснула руками и обессиленно опустилась на табуретку.

— Господи! — прошептала она. — Вы друг нашего Васи?!

— Два года вместе учились, в одной казарме спали,— мы не заметили, что у порога стоял неслышно вошедший Ушеренко. — Я только не помню, в какой округ получил он назначение?

— В Одесский... Перед самой войной письмо от него получили, в отпуск ждали... Не слышали ничего о Васе? — Она опять заохала, запричитала.

— Под Одессой, там проще было, — уклончиво отвечал я. — У румын меньше техники, чем у немцев. Так что, ждите писем. Вася, конечно, уже знает, что родные места освобождены.

Забегая вперед, скажу, что этот случай я несколько по-

иному изобразил в своем романе «Война», перенеся события на пылавшую в войне Смоленщину и передав «свою роль» моему литературному герою старшему лейтенанту Ивану Колодяжному.

Ушеренко, вслушиваясь в наш разговор, решил, что я валяю дурака, и рассердился.

— Так не шутят, товарищ майор! — упрекнул он меня. Но когда всмотрелся в фотографию, изумленно воскликнул: — Потрясающе!.. Если бы кто рассказал о подобном — не поверил бы.

...Вечером было богатое застолье. Где что взялось? Жареная курица, сало, картошка, соленья и литровая бутылка самогона. Мы сидели с Яковом Михайловичем в красном углу и дивились изобилию: ведь передовые войска сильно поубавили крестьянские запасы. В хату набились соседи. Оказалось, что они, прослышав о необыкновенном постояльце, сообща собрали столь богатую по тому времени снедь.

Угощая нас, мать Васи Петренко просила рассказывать все, что помню о ее сыне из училищной жизни. И я стал рассказывать, как ее Вася выводил меня на стрельбище за руку из дальнего оцепления, где от безделья и по дурости я посмотрел в бинокль на солнце, обжег себе глаза и на время ослеп, как мы с ним в санчасти настукивали на термометрах температуру, чтобы хоть день-два отдохнуть от утомительных занятий на лютом морозе, приписывал Васе участие во всяких занимательных событиях, которые случались в училище. Словом, пошли в ход и небылицы: хотелось угодить расчувствовавшейся женщине. А у самого закрадывалась тревога — так обычно вспоминают о покойниках...

До сих пор не знаю о судьбе Васи Петренко. Из училища нас выпустили в конце мая 1941 года полторы тысячи человек (три батальона политработников!). А после войны, по картотеке партучета политуправления Сухопутных войск, я выяснил, что из них уцелело всего лишь около двух десятков. Кое-кто побывал в немецком плену.

Итак, привычка рассматривать в каждом новом доме фотографии на стенах закрепилась у меня, как у пса условный рефлекс. Переехав в очередное село и обосновавшись в доме, отведенном под секретариат редакции, я пытливо изучал все висевшее на стенах, хотя на новую неожиданность не надеялся. Однажды обратил внимание на два крупных, очень сильно и неумело отрету-

шированных фотопортрета в рамках над кроватью. Нетрудно было догадаться, что на них запечатлены молодожены. У него — лицо с сильным, квадратным подбородком, широко открытыми нагловатыми глазами, у нее — растерянная, в чем-то жалкая улыбка, висячие сережки в ушах, гладко причесанные волосы. Узнал в ней состарившуюся хозяйку дома. И спросил у нее, показывая на портрет:

— Муж воюет?

— Да, на фронте... Как освободила нас Красная Армия, так сразу всех хлопцев и мужиков, кто оставался в оккупации, мобилизовали, — и заплакала.

— Чего же плачете? — спросил я, ощутив неприязнь к ее мужу из-за того, что он до сих пор отсиживался дома.

— Их сразу в окопы погнали — кто в чем был одет... Говорят — начальство придумало им такое наказание за то, что в армии не служили и в партизаны не подались.

Верно, мне приходилось видеть целые колонны направлявшихся на передовую мужиков и молодых парней, одетых кто во что — в свитки, кожухи, фуфайки... К этому времени уже крепко залегла зима.

— Переоденут в полках, не беспокойтесь, — не очень уверенно ответил я плачущей хозяйке. — И ничего с вашим мужем не случится, — я еще раз всмотрелся в фотопортрет.

Перехватив мой взгляд, хозяйка вытерла уголком платка, которым была повязана, слезы и настороженно спросила:

— А вы что, умеете угадывать?

— Трошки умею, — внутренне развеселившись, я взял для пущей важности ее руку и посмотрел на ладонь. — Ну, может, рану получит. Небольшую...

Действительно, еще в первые месяцы войны, находясь на передовой, я со страхом обнаружил в себе способность угадывать, кто из окружавших меня людей может погибнуть в назревавшей атаке, в очередном бою. Угадывал по их глазам с пустоватым взглядом, по проступавшей землистости на лице, заторможенности мысли и даже по замедленным жестам рук. Когда сбывались мои предсказания, а сбывались они почти всегда, я всматривался в крохотное зеркальце в свое лицо... Никому не сознавался в способности предчувствовать, да и не был

уверен, что оно действительно во мне присутствовало более, чем у других (подозревал, что не я один обладаю такой способностью). Но говорить об этом в окопах было не принято. И понимал, что прослыть вещуном — значит, породить к себе неприязнь и боязнь. Тем не менее перед каждым боем с замиранием сердца всматривался в свое отражение в зеркальце, которое всегда носил с собой.

На фотографии же я видел пышущее здоровьем лицо мужика, поэтому и позволил себе успокоить хозяйку дома, не подозревая, что это приведет к неожиданным последствиям.

Через несколько дней случилось вот что. Возвращался я на попутном грузовике в редакцию с передовой или из первого эшелона штаба армии. При въезде в село, где располагался второй эшелон, машина остановилась перед шлагбаумом у контрольно-пропускного пункта. Пока проверяли документы, я глядел на группку мужчин в гражданской одежде и с белеющими повязками; понял — легкораненые идут в госпиталь, который находился по соседству — в ближайшем селе. Вдруг в одном из них узнал хозяина хаты, в которой располагался наш секретариат. У него была забинтована правая рука, не одетая в рукав. В моей памяти «сработала» фотография! И нетрудно было догадаться, что по пути в госпиталь он зайдет домой.

Машина тронулась с места, поехала по улице, вдоль которой километра на три раскинулось село. Я остановил грузовик против дома, соседствовавшего с редакцией отдела снабжения политотдела, решил с его начальником, майором Шерстинским, какие-то дела, а затем потопал к себе. Войдя в дом секретариата, увидел, что хозяйка растапливает лежанку.

— Топите получше, — весело посоветовал я ей, — а то придется, наверное, хозяина отогревать.

Женщина вопросительно уставилась на меня испуганными глазами. А в меня будто бес вселился: я взял ее руку, очень внимательно стал рассматривать ладонь.

— Верно, скоро будет, — сказал я. — Почти уже на пороге хаты... Только не пугайтесь, он ранен... Не пойму, в левую или правую руку... Кажется, в правую. Вижу белую повязку...

— Ой, не обманывайте меня! Хотя бы похоронка не

пришла, и то слава богу. — Женщина почти причитала. — Знаете, сколько уже в селе похоронок?!

— Хотите верьте, хотите нет, — сказал я и отлучился из хаты в наборный цех.

А когда вернулся, увидел сидевшего на лежанке счастливо улыбающегося хозяина. Возле него стояла жена, заплаканная и потрясенная. Обернулась ко мне, и я увидел в ее глазах такое, что испугался: крайнее изумление, даже ужас...

Стал оправдываться: мол, не ворожей я. Просто увидел хозяина на въезде в село и пошутил.

— Не морочьте мне голову, — приходя в себя, сказала хозяйка. — Вы еще два дня назад сказали, что он появится дома.

— Ну и что? Совпадение!

— А не очень тяжелая рана — тоже совпадение?

— Конечно! — И я опять начал шутить: — Звезды подсказали! Если ночью со знанием дела смотреть в небо — там все видно...

Почти целую ночь пропадал я в наборном и верстальном цехах. Спать лег на рассвете — после того, как был подписан в печать очередной номер газеты и пока не захлопала железными внутренностями печатная машина. Но спать долго не пришлось. Ранним утром проснулся от непонятного галдежа за окном хаты. Донесся приглушенный голос хозяйки:

— Тихо, жинки, товарищ майор еще спят!

Я выглянул в окно, однако оно было замуровано морозными узорами. Почувствовав неладное, быстро оделся. И, зная обычаи украинского села, стал догадываться, что произошло.

Скрипнула дверь, вошла хозяйка. Увидев, что я уже застегиваю на себе шинель, она оживленно затараторила:

— Хотела проводить своего в госпиталь, а их целый двор набился!

— Кого?

— Да я же говорю — баб! Прослышали, что мой появился дома и что наворожил о такой оказии квартирант... А у всех же в селе кто-то на фронте! Муж, сын, брат, батька... Выйдите к ним, будь ласка! Хоть в шутку что-нибудь погадайте.

Мне уже было не до шуток. А хозяйка настаивала:

— Да не задаром же. Принесли — кто бутылку, кто яички, сальце, орехи...

— Сенная дверь на скотный двор открыта? — спросил я со всей строгостью.

— Открыта... — Хозяйка была в растерянности.

— Я уйду из хаты через нее, а вы скажите бабам, что никакой я не ворожей! Случайно все получилось! Я и с вами шутил!..

Середина февраля... Погода была изменчивой: то резкая оттепель с туманами, то ударял морозец, создавая крепкий снежный наст. По нему, по насту, покинув место нашей засады, мы скатывались с увала, высоко поднимающегося над Луками. Именно прочность наста спасла в эти дни от гибели Семена Глуховского, который из-под Шендеровки возвращался в редакцию напрямик по бездорожью, не подозревая, что шагает по минным полям.

А тем временем редакция «Мужества» оказалась в полной изоляции. Телефонная связь не работала. Мы не знали обстановки в войсках. О чем писать в передовых статьях, к чему призывать наших окопных читателей, какие давать «шапки»? Наши корреспонденты, находившиеся в районах боев, не давали о себе знать.

Подполковник Ушеренко приказал мне «седлать» шофера Поберецкого, и на его полуторке съездить в Баранье Поле, где находился командный пункт армии. Надо было хотя бы разыскать Сергея Сергеевича Смирнова, Семена Глуховского и побывать в политотделе. Впрочем, искать корреспондентов в боевых порядках войск, да еще во время жестоких боев — дело безнадежное. Пути их были неисповедимы.

В Бараньем Поле зашел в политотдел. Инструктор информации майор Филин дал мне полистать политдонесения из дивизий за прошлый день. Читать их было страшновато: в донесениях виделись не бои, а мясорубка. И понял, что надо ехать в село Джурженцы — там оперативная группа командарма Трофименко, и коечто, отражавшее ход боевой операции, можно узнать там.

Увиденное по пути в Джурженцы леденило кровь. Справа и слева от дороги, сколько видел глаз, вповалку лежали мертвые немцы, лошади, топорщились стволами

искореженные и раздавленные пушки, темнели остовы сгоревших танков и грузовиков. Снег и проталины были черны от копоти... Действительно, война — самое кровавое слово. Это подтверждали каждый метр бугристой местности и дымящиеся в пожарищах села...

В воздухе было полное превосходство нашей авиации. По разбитым колеям растянулась вереница саней и машин. Не было привычной настороженности. Навстречу шли санитарные автобусы, ехали пароконные розвальни с ранеными. При въезде в Джурженцы (о, чудо!) я увидел «голосующего» на обочине дороги Сергея Смирнова. Шофер Поберецкий затормозил полуторку и окликнул его. Смирнов скорыми, широкими шагами обрадованно подошел к машине. Шапка-ушанка на нем не была подвязана, и ее поднятые «уши» болтались в такт шагам. Ремень с полевой сумкой и пистолетом на расстегнутой шинели сползли вниз. Во всем его виде проглядывал человек сугубо гражданского покроя.

— Зачем ты приперся сюда? — со смешком спросил у меня Сергей Сергеевич.

— За материалом.

— У меня полный блокнот этого добра!

— Ну, начальству показаться... Доложить...

— Поехали назад! Начальству не до нас... — Смирнов, став на колесо и ухватившись за борт кузова, легко перекинул свое долговязое тело в машину. С подножки грузовика я увидел, что Сергей Сергеевич тут же занялся делом: телефонным кабелем начал прикручивать оторвавшуюся подметку.

— Кругом полно убитых, — подсказал я ему. — Сними нужного размера сапоги. Зачем такие страдания?

— Не могу, — понуро ответил он. — Да и для моих ножищ долго искать придется.

Джурженцы были заполонены различными штабами. На окраине села — огневые позиции артиллерии и минометов. Недалеко от узла связи замаскировались «катюши». Близился трагический для гитлеровских дивизий финал Корсунь-Шевченковской битвы, названной историей «вторым Сталинградом». Не вняли фашистские генералы предложениям нашего командования приказать немецкому воинству сложить оружие и понапрасну не проливать своей и нашей крови...

Воистину, когда слепнет дух, разум лишается силы...

Драматическое действие (по Гегелю) должно состоять из ряда подвижных и преемственных картин, в которых изображается борьба между живыми мирами, добивающимися противоположных целей. Сию верную формулу надо помнить каждому, кто пишет о войне. Но как ее придерживаться, если «драматическое действие» боевой операции полыхает на огромном пространстве, а ты находишься, в лучшем случае, на одном из тысяч огненных «пятачков», пусть он и представляется тебе самым главным в сражении. Только фантазия да последующее обозрение поля боя могут помочь представить степень накала отгремевшей битвы и ее слагаемые. Именно в таком положении оказывались фронтовые газетчики: видели «кусочек» поля боя, кое-что постигали от старших командиров и генералов, оснащали свои статьи, корреспонденции эпизодами, рассказанными солдатами и сержантами. И все равно о проведенной операции в целом имели смутное представление.

Мне лично взглянуть в целом на ход Корсунь-Шевченковской операции удалось только после войны в адъюнктской аудитории. И будто заново стал переживать виденное на фронте.

...27-я армия, взаимодействуя с 4-й гвардейской армией, 15—16 февраля безуспешно пыталась уничтожить окруженную группировку противника в районе Шендеровка и Стеблово. Немцы сосредоточили там основную массу своих войск и, неся огромнейшие потери, непрерывно контратаковали, пытаясь вырваться из котла. Это была чудовищно кровавая битва. В ночь на 17 февраля гитлеровское командование, поставив в авангарде дивизию СС «Викинг», за ней мотобригаду «Валлония» и наиболее боеспособные части двух пехотных дивизий, обрушило эту мощную силу на позиции нашей 180-й стрелковой дивизии, пробиваясь к Джурженцам. Дивизия и поддерживавшие ее части ударили по атакующему врагу из всех видов оружия. Залпы с открытых позиций наших пушек проламывали сквозные бреши в густых многоэшелонных цепях врага. Каждую минуту сражения гибли целые немецкие роты... И все-таки врагу удалось прорваться сквозь наши боевые порядки и выйти в лес южнее и юго-западнее Комаровки. Окруженные надеялись соединиться со своими войсками, штурмовавшими нашу внешнюю оборону. Тщетная это была надежда: командующий 27-й армией генерал-лейтенант Трофимен-

ко со своим штабом сумел вовремя перегруппировать силы и нанести неотразимый удар по врагу с двух направлений.

Тогда немцы решились уже на полное безрассудство: построившись в колонны и обняв друг друга, они ринулись в последнюю «психическую» атаку — на бившие по ним прямой наводкой наши «катюши», стрелявшие картечью пушки, на лобовой пулеметный шквал. Это была предсмертная агония обреченных. Мокрая снежная пурга, яростно ворвавшаяся на поля битвы, накрывала их погребальным саваном. Оставшиеся в живых поднимали руки... Корсунь-Шевченковская битва закончилась.

22

Весна 1944 года была бурной и яростно нетерпеливой. Ночные заморозки обессилели уже в феврале, а в начале марта вовсе растворились во влажном воздухе. Реки залпами орудий разрывали на себе ледяной панцирь: он чернел, бугрился и вздыбливался. Колеи дорог теряли очертания, наполнялись водой и, раскисая, становились непроезжими. Освободились из-под снега зеленя и тут же покрылись черными и рваными полосами — по ним пытались пробиться на запад грузовики и танки. Первенство было за американскими «студебеккерами» — они шли по пашням будто мощные катера по ледяному крошеву вскрывшейся реки. Танки оставляли за собой наиболее глубокие следы, в которые тут же с журчанием набиралась вода. В один из таких следов, выбирая дорогу для наших типографских машин, ступил шофер Новиков и оказался по пояс в болотной жиже.

27-я армия продолжала наступление. Во взаимодействии со 2-й танковой и 5-й гвардейской танковой армиями она смела оборону врага на участке Рубаный мост, Чемеринское, Чижовка и вышла на берега речки Горный Тикич. Пехота форсировала речку на подручных средствах, танки переправлялись вброд, иногда всем корпусом ныряя под воду. Пушки перетаскивались на противоположный берег тоже по дну реки тросами, концы которых крепились за хвостовые крючья танков и «студебеккеров». Это была невиданная еще переправа! После нее наши войска стали преследовать немцев в направлении Умани, Христиновки и дальше на запад. Решительно сбивали их с очередных оборонительных рубежей, форсировали Южный Буг, а затем и Днестр...

23

Типографские машины продвигались по раскисшей дороге с черепашьей скоростью. Справа и слева нас обгоняли шедшие пешком, увязая по колено в грязи, женщины, подростки, старики. Кажется, от горизонта до горизонта растянулись черные ожерелья людей. В мешках, в платках, завязанных за спиной, или просто в руках они несли в направлении фронта снаряды, мины, ящики с патронами и гранатами. В этом скорбном шествии нередко виднелись навьюченные лошади и пароконные повозки. После войны я узнал, что более шести тысяч местных жителей помогали снабжать по бездорожью нашу 27-ю армию.

Нелегко было сидеть и рядом с шофером в кабине грузовика, непроизвольно напрягаться, чувствовать, как надрывается мотор, буксуют колеса, а дифер скребет размокший грунт между колеями. Водитель Федя Губанов то и дело переключал скорость, раскачивал останавливающуюся машину, вытирал рукавом фуфайки взмокший лоб. Сержант Губанов — чернобровый, смуглолицый красавец, скупой на слова. Помню, что родом он из смоленских краев, и не забываю его — спокойного, доброго нрава, его безотказности и старательности во всем. Хорошие люди всегда оставляют след в душе. И еще помню трудягу Сайченко, которого я сманил из Москвы на фронт, помню рыжего силача Новикова, тощего Поберецкого, проворного в деле Гулая... В эти дни они были у нас главными фигурами. Но не помог их энтузиазм. Наши машины намертво влипли в черноземные хляби полевой дороги.

Что же делать?.. Положение казалось безвыходным. Подполковник Ушеренко даже почернел лицом от душевной сумятицы. Собрал «военный совет» в автобусе наборного цеха. Заменивший майора Яскина на посту начальника издательства капитан А. С. Турков убеждал всех, что, если он даже сумеет упросить обгонявших нас танкистов взять машины на буксиры, ничего не получится. Машины будут разорваны. Развернуть типографию в поле невозможно да и бессмысленно. Нужен был свежий материал для газеты, а главные его поставщики

Семен Глуховский, Анвер Бикчентаев, Нафанаил Харин и Давид Каневский на броне попутных танков умчались в сторону Днестра. Продовольствие у нас тоже кончилось.

В совещании, кроме Ушеренко, Туркова, старшины Дмитриева и меня, участвовали заболевший ангиной Сергей Смирнов, военный цензор Михаил Семенов и задержанный в редакции для особых поручений Вениамин Горячих. Все согласились на единственно разумное решение: бросить машины, оставив при них шоферов во главе с начальником издательства капитаном Турковым, а всем остальным идти пешком на запад, в направлении Христиновки, а потом Вапнярки, от которой пролегала шоссейная дорога к Могилеву-Подольску, куда мы должны были прибыть. В Вапнярке нетрудно будет сесть на попутные машины... А в Могилеве-Подольске, возможно, уцелела районная типография, отыщется какое-то количество бумаги и там удастся продолжить выпуск нашей газетенки «Мужество», пока не подсохнут дороги и не вырвутся из болотного плена ее типографские машины.

Итак, навьючившись самым необходимым, двинулись мы в пеший путь по полному бездорожью. Каждый километр, а их впереди более трехсот, мы преодолевали примерно за час. Цепочка газетчиков, девушек-наборщиц, корректоров, печатников, других специалистов (радист, машинистка, экспедитор) растянулась на несколько сот метров. Шли по залитым водой следам, оставленным «студебеккерами», чтобы к нашим сапогам меньше приставало чернозема. Но сапоги все равно были пудовыми. Через каждые метров десять-пятнадцать мы останавливались и, яростно дрыгая ногами, чуть-чуть отряхивали с них липкий груз. Вокруг была голая степь. А у людей появлялась то малая, то большая нужда — нигде не укроешься. Мужчины с малой нуждой управлялись без особой трудности: тайком, откинув полу шинели, брызгали впереди себя. А девушки и женщины?.. Мы, будучи с офицерскими погонами, будто придурки, почему-то не озадачивали себя этим. После войны Герой Советского Союза писательница Ирина Левченко (я был редактором в Воениздате ее первой книги) со смущением рассказывала мне, что и при крупных передислокациях войск, на привалах колонн, особенно зимой, иные командиры не догадывались подать команду: «мужчинам направо, женщинам налево»... или наоборот. И санитаркам,

военным фельдшерицам (Ирина Левченко была танкистом) от безвыходности приходилось мочиться прямо в ватные штаны.

Не знаю, сколько километров раскисшей земли измесили мы в первые дни нашего похода. Местами я старался вести наш пестрый отряд напрямик, по азимуту, чтоб сокращать расстояния. Помню, прошли по полям, возвышавшимся над лежавшим в низине огромным селом Стеблев... Через какое-то время оказались на окраине Моринец и сделали там привал. Я почувствовал себя как во сне. Ведь Моринцы — село, где в 1814 году родился великий кобзарь Тарас Шевченко! Верилось и не верилось. Тут он сделал первые шаги по земле босыми ногами, недалеко отсюда, на полях Кирилловки, пас скот, батрачил, потерял мать, а потом отца, учился грамоте у сельского дьячка Богорского. Возможно, именно здесь появилось в душе и мыслях Тараса многое из того, что легло потом в его «Кобзарь»... Боже!.. А может, отсюда родом и «Катерина», о судьбе которой в детстве я и мой отец пролили столько слез... Все Тарасово началось здесь — и «Думы мои», и «Наймичка», и «Гайдамаки», и «Тарасова ночь», «Иван Подкова», «Марина»... Сердце мое было готово разорваться от нахлынувших чувств, а в памяти роились стихи Шевченко, будто написанные для сегодняшнего дня.

...Минають дні, минае літо,
А Україна, знай, горить:
По селах голі плачуть діти —
Батьків немае. Шелестить
Пожовкле листя по діброві;
Гуляють хмари, сонце спить;
Нігде не чуть людської мови;
Звір тільки вие по селу,
Гризучи трупи...

Стихи, стихи... Золотые зерна правды! Огнем пекут в груди знакомые, златокрылые строки и переливаются родной музыкой. Будто слышу звон струн бандуристов, плач души Украины, стон поруганной земли и боевые кличи запорожской вольницы...

Моринцы, святое место на земле, сейчас удручали убогостью и пустынностью. Черная, покрытая лужами улица, истолоченная трава вдоль поваленных плетней, чер-

ные стрехи крыш, черные пожарища и будто обугленные деревья... Казалось, никогда не теплилась здесь жизнь и не на этой земле прорвались на волю родники шевченковской поэзии, ударив потом в набат, призывавший к свободе и братству...

Это о Тарасе через сто лет после его рождения произнесет удивительные слова Иван Франко:

«Он был крестьянский сын и стал князем в царстве духа. Он был крепостным и стал великой силой в совокупности человеческих культур».

Уходили мы из омертвевшего села Тараса молча. Я плакал в душе, хотя верил, что бессмертью принадлежит бессмертье. Несколько раз оглядывался на Моринцы, надеясь хоть что-нибудь увидеть из того, что написал Шевченко в повести «Княгиня»:

«И вот стоит передо мной наша бедная, старая белая хата, с потемневшею соломенною крышею и черным дымарем, а около хаты на причилку яблоня с краснобокими яблоками, а вокруг яблони — цветник — любимец моей незабвенной сестры, моей терпеливой, моей нежной няньки! А у ворот стоит старая развесистая верба с засохшей верхушкой, а за вербою стоит клуня, окруженная стогами жита, пшеницы и разного всякого хлеба; за садом левада, а за левадою долина, а в долине тихий, едва журчащий ручей...»

Ничего не увидел. И подумал о том, что не только война изменила лик земли и несенность ее природы. Даже при крепостничестве в селах был уют и приметы счастья. Куда же все подевалось?.. Вспомнилась родная Кордышивка тридцатых годов, страшный голод, людоедство и тяжкий труд селян в полях и на фермах, за который они получали в лучшем случае двадцать копеек в день. Ведь это было куда хуже крепостного права... Да, тогда было пусть небольшое, но право. Право!.. Страшно, когда перед тобой возникают вопросы, на которые трудно ответить...

Мы шли дальше. Перед нами простирались незасеянные поля, заболоченные луга, тонущие в дымке всхолмленные дали.

Поздней ночью вышли на разбитую, разъезженную дорогу, приведшую нас в большое село. «Оккупировали» для ночлега пять просторных хат. Скудно поужинали — съели все, что удалось наскрести в наших «сидорах» (так называли тогда вещмешки с лямками, заменявшие ранцы). Отведали по нескольку вареных картофелин «в мундирах» из чугунка, который сердобольная хозяйка дома поставила на стол, хотя сами крестьяне жили впроголодь после того, как через их места прокатились отступавшие немецкие части; они «подмели» всю живность — скот, птицу... Потом нужна была помощь гнавшим врага к Днестру передовым войскам Советской Армии. Так что на долю наших вторых эшелонов оставались крохи или ничего не оставалось.

Смертельно усталые, мы, уступив девушкам единственную кровать, полати, лежанку, печь, улеглись на пол, устеленный соломой, не подозревая, что эта ночь принесет нам величайшую неожиданность.

Работала у нас в печатном цехе малоприметная, тихая девчушка Саня Шевченко. Низкорослая, курносая, чернобровая, круглолицая — не красавица, но и не дурнушка. Не знаю, откуда она родом, как оказалась в нашей типографии. Была очень замкнутой, неразговорчивой. Одетая в ватные брюки, фуфайку, повязанная пуховым платком, она походила на колобок. Числилась в штате «Мужества», как и все девушки, вольнонаемной. Не было в редакции секрета в том, кто за кем ухаживает, кто кому отвечает взаимностью, кто по ком «сохнет». Это больше всего касалось наших шоферов, молодых полиграфистов, меньше — корреспондентов, которые в редакции появлялись наездами, чтобы «отписаться». Саня же никому не позволяла за собой ухаживать, держалась так, будто ее не было вовсе и словно нарочно ходила с испачканным типографской краской лицом. Во время тяжкого дневного перехода Саня держала себя молодцом, не ныла и не проклинала болотную непролазь, как это слышалось от других девушек и даже от мужчин.

Окончание следует

Феликс ЧУЕВ

ПРЕДЕЛ

Я равнодушен. Мне ничто не внове,
как будто душу наглухо закрыл.
Но мальчика убили в Кишиневе
за то, что он по-русски говорил.

В моей стране немыслимое что-то —
не может быть, не ладно, не должно, —
какая-то свирепая свобода,
жить иль не жить —
как будто все равно.
Мы будем жить куда намного лучше,
чем мы сегодня, может быть, живем,
когда свое грядущее получим
из первых дней
потерянным письмом.
И флаги в небе радостью прошиты,
как стежками улыбок молдаван,
тех, что в России видели защиту
и приглашали русских по домам.
Письмо придет. Его прочтут, как диво,
и после жизни снова будет жизнь.
А русские, как прежде, терпеливы,
да только стали грамотней, кажись.
У нас еще в достатке матерьяла,
который мы не пустим на распыл,
у нас еще Царь-пушка не стреляла,
у нас еще Царь-колокол не бил!

ОТТЕПЕЛЬ

Ско́ро талые воды польются рекой,
кто-то выживет в них, а кому-то
ни креста — только свеченька за упокой
и дымок, словно шелк парашюта.
И никто не убит — лишь в пучине зарыт.
Сколько снега накоплено было,
столько зелени нынче под окнами спит,
как большая чужая могила.

Анатолий ЯКОВЕНКО

КАЗАЧЬИ КОЛЬЯ-МЯЛЬЯ*

Из живых свидетельств

Круты бережки,
Низки долинушки
У нашего славного
Яикушки.
Костьми белыми
Казачьими усеяны,
Горючими слезами
Материнскими политы.

Старинная казачья песня

РОДНЫЕ ЗВУКИ

Василий Голиков был сыном помощника атамана. Отец его ушел еще в двадцатые годы в Китай вместе с белыми. А сам он тоже вынужден был перебраться из родной Березинской станицы в Магнитогорск. Перебраться сразу же после недолгой колхозной кутерьмы и внезапной смерти старшего брата.

Когда тот на весеннем севе не выдержал и вступился за свою запряженную в лемеха корову (он сдал ее и уже как бы потерял на нее всякие права), то ему тут же вспомянули его старые родительские корни и так огрели оглоблей между лопатками, что он уже на вторые сутки изошел кровью и скончался.

В Магнитогорске же Василий устроился на завод кузнецом. И вот однажды к ним завезли партию снятых с церквей колоко-

* Колья-мялья — мытарства (диалект).

лов. Василий взял кувалду и отправился вместе с подручными разбивать их на куски. Но стоило ему ударить по одному из них и уловить первые звуки, как сердце его будто содрогнулось от чего-то близкого и щемящего. Он сразу узнал по этому гулкому, тягучему звону родной станичный колокол! С ним он, бывало, не один год просыпался на утренний праздничный молебен. Сверялся и заканчивал вместе с другими все пашенные работы на своей делянке. Как раз неподалеку от высокой каменистой горы Шихан, где она выделялась среди сплошного степного ковыля и куда на все семь верст все еще отчетливо доносились его оповещания. А уж в зимнюю стужу и такую же долгую непроглядную заметь, когда даже в доме-то на теплых дощатых полатях и среди общего семейного разговора и то берет какая-то жуткая, неприятная оторопь, вдруг слышал его еще более тревожный призывный перезвон. Редкий такой, густой и желанный. Словно он только один и царил на те страшные часы для всех заблудших во всей Вселенной.

И теперь Василий только представил, как его стягивали канатами или железными тросами с колокольни и как оттуда вслед за этим вылетела с шумом куча грачей. А потом как грузили на крепкую длинную арбу и везли к ним сюда на двух огромных белолобых быках. Ведь колокол весил несколько центнеров и был вылит из особого бронзового сплава.

И как-то само собою из рук Василия выпала кувалда. Он опустил голову, перекрестился и, припав к нему своими вмиг пересохшими, потрескавшимися губами, поцеловал его и уже навсегда зашагал от стоявших еще в ушах, все тех же невосполнимых, родчих звуков, сам не знамо куда.

СЛЕПАЯ

Все три брата Гладских были довольно зажиточны. И крытые железом дома их стояли одним рядком. А когда соберутся на пашню или на покос, то едут целой гурьбой. С песнями, гомоном, и никогда-то у них никаких раздоров! Мать квасу всегда полную кадушку настаивала и еще всех чужих угощала. А уж по Пасхам и Рождеству напечет непременно шанег с ватрушками и несет кому-нибудь из сирот, стараясь оставить где-нибудь на крыльце или у каменного заплота так, чтобы и не догадались, от кого эта потаенная.

И вдруг наутро однажды глядь, а во дворах всех троих будто Мамай прошел. Ни обычных на эту раннюю пору конских тележек, ни печного дыма над трубами.

— Увезли ночью, — сказывал Петр Кириллович Рогожин. — Вместе с детьми, и никто даже не слышал, как к ним подъехали и сгрузили всех на несколько подвод.

Сам он в то время был семилетним Петрунькой. Приходил играть к ним с такими же сверстниками. А тут сунулся только к окну ближнего из домов и увидел бабку их слепую. Она сидела на прикрытой рядниушкой голой деревянной кровати. А на столе перед ней стояла крынка молока и возле нее ломоть хлеба. Им, очевидно, не дозволили брать с собой в дорогу эту совсем уже немощную старуху, и пришлось оставить ее на волю случая.

Петрунька прикрыл ставню и стремглав подался назад домой. Он воспитывался у тетки и по давнему местному обычаю называл ее мамой желанной.

— Мам, мам! — закричал он еще с порога. — Гладских-то тоже всех вывезли... осталась одна бабушка слепая.

— А дверь-то заперта? — переспросила поспешно та.

— Ага, — вытянулся еще больше отчего-то Петрунька. — На замке... и ставни все плотно притворены.

Тетка все с тем же нескрываемым смятением посмотрела на него, прижала к себе и, перебарывая внутри какой-то остановившийся комок, едва слышно выдавила:

— Смотри, Петя... больше туда не ходи! Бабке-то теперь все равно не поможешь... а нас могут обвинить за связь.

И почти неделю в доме Гладских еще слышались глуховатые всхлипы. А потом и они прекратились. Так никто из всего поселка и не решился отпереть эту невольную слепую заложницу.

— Сколько ей там, — добавил уже в конце своего рассказа Петр Кириллович. — Оставили-то... крынка молока одна! Видать, изнемогла вся, прежде чем на тот свет отойти.

Дома же всех трех бывших хозяев разобрали и тоже вывезли в Варну. В районный центр... строили там как раз новый исполком. Всего же из Бородиновки забрали больше пятидесяти домов. А раскулачили что-то семей семьдесят пять... один из самых богатых, цветущих поселков был во всем оренбургском казачьем крае.

ДУТОВЦЫ

На исходе 1919 года поселок Бородиновку огласил набат. Звонили в самый большой колокол, извещая о каком-то происшествии. Народ, не ведая о случившемся, со всех концов повалил на церковную площадь к правлению.

На крыльцо вышел атаман и объявил, что ночью из правления

исчез ящик, в котором хранилась казна и секретные документы. И приказал всем немедленно начать повальный обыск. Идти из одного края в другой и наоборот. Обшарить каждый дом, пристройки и подвалы.

А уже через час ящик был найден на крыше одной избенки. Хозяином ее являлся еще совсем молодой парень. Он был из бедняков и жил вдвоем с матерью. Но дома на тот момент их обоих не оказалось. Разбитый ящик с остатками железных полосок доставили в правление. Атаман снова приказал ударить в колокол и как бы дать отбой, то есть прекратить дальнейшие поиски. Виновника вскоре тоже сыскали, и тот сразу признался что совершил кражу вместе со сторожем. Потому как не желали идти заодно с богатыми казаками, которые поднялись горой за своего главного предводителя Дутова, а надумали тайком переметнуться к более близким им красным.

Вечером того же дня потерпевшие созвали еще раз сход и долго не могли подобрать меру наказания. В конце концов постановили высечь негодяев розгами. По пятьдесят ударов каждому и записали, как и было положено, об этом в протокол.

Наутро все тот же колокольный звон известил всех о начале экзекуции. Стекшийся народ установился на церковной площади большим кругом. Затем вынесли из правления две скамейки и два пучка вымоченных в соляном растворе розог. Атаман решил проверить их точное число и сам пересчитал каждый пучок. К скамейкам подступили и вызвавшиеся исполнители в валенках и папахах. И как только к ним подвели осужденных, рьяно накинулись на них и, распластав на гладких досках, уселись на лопатки и на ноги. Приспустили вслед за этим брюки и поднесли палачам по одной розге. Народ замер в молчаливом тягостном ожидании. Но вот среди общей морозной тиши и конских фырканий раздается команда: «Начинай!» Палач со всей руки бьет по голому телу и отбрасывает розгу в сторону. Жертва кричит нечеловеческим голосом, извивается, грызет зубами скамейку, а тут снова удар, после первых таких припарок на теле появляются кровяные пузырьки, которые затем сливаются вместе. Жертва все так же неистово кричит, просит пощады, но палачи все бьют и бьют неумолимо уже не по телу несчастного, а по кровавому куску человеческого мяса. В толпе начинается волнение, слышится плач женщин, раздаются голоса: «Хватит!», «Довольно!», «Изверги!» А палач все хлещет и хлещет, жертва перестает кричать, только судорожно вздрагивает, наконец последний удар. Слышится — пятьдесят, все затихло. Палачи сделали свое дело и удаляются. Находятся и сердобольные, с помощью охраны кладут в сани полумертвых людей и увозят к дому.

Народ опускает головы и тоже молча расходится. Расходится с уже нескрываемым чувством ненависти и сожаления ко всему случившемуся.

СОРОКОВКИ

Страсть как было в 21-м... весь хлеб отобрали. В степи еще молотили, у кого в кладушках стояли, и увозили. А к лету 22-го многие дома в родной Бородиновке опустели и развалились. Те же из хозяев, кто уцелел и был еще жив, опух от голода, детей почти ни у кого не осталось, и все вокруг находилось как после разора.

Воровали друг у друга все, что только можно было украсть. И нередко тут же убивали. Все были как полупьяные... шатало! И высыхали до того, что оставался один скелет. «Глаза уж прячь! Ну смерть... а все исть хочет». Умирали среди улицы... шел, сел на камушек. Потом свалился и навсегда уж с душой расстался.

И не могли похоронить даже своих детей. А также родных и близких... Вот и посылали из сельсовета назначенных с лошадью. А на кладбище вырыли, кто был мочный, ямы. «Десятки», «двадцатки», «тридцатки» и «сороковки» — по скольку набросают! Их была целая дюжина, таких ям... но больше почему-то «сороковками» все их называли. Потом еще обвалы были на этом месте. Закапывали-то кое-как и пока не наполнятся. Завернут в подстилку или половую дерюжку, складут на дрожки со всех краев и сбрасывают шевырком с телеги.

Весь поселок до этого мора был намного длиньше. Одних мельниц насчитывалось больше двадцати. Амбары казенные стояли за рекой. И свои были... если у кого-то нечем было сеять, брали взаймы через атамана у казенщины. А после возвращали по урожаю... крепко в основном казачки жили! Все свои и сплетенные... это уж чаще наезжие мужики или мещане составляли бедноту.

Но в двадцать втором вроде Америка нам подмогла, открыли столовую, и хоть детей стали водить туда. Давали по ломтю хлеба, кофе стакан, каши пшенной порцию. А весной уж щавель, чеснок дикий пошел. И кому удалось кое-что спрятать или последнюю коровку не приели, те и выжили.

— Ну что это все было? — не выдерживает в середине своего рассказа Федор Дмитриевич Труфанов, бывший фронтовик и один из коренных жителей поселка. — Грабиловка или еще что-то похлестче? Крестьянина до сумы довели... которые ушли в Китай, не

знаю, погибли или нет. А кто вернулся, их все равно в тридцатые годы раскулачили или забрали по линии НКВД. Самых хлеборобов разогнали, а оставили одну гольтепу. Они сроду своего не имели и как же общее хозяйство могут вести! Для себя работали раньше и старались, как сделать лучше. А в колхозе две борозды рядом, а третья недалеко. Не пропахивается... наковыряют, как чушки носом.

А если кто и работал, так тех-то и старались больше всего в чем-то обвинить. Помню, Сатажин Макар Ефимович... выгнали из дома в землянку. А у них сколько было душ? Петяшка, Клавдия, Валя, Нюра, Иван и самих двое. Ох и забористый был на работу! Вступил в колхоз и то быков, то лошадей еще ночью пасет. А днем на току... Так как его брали: приезжает в бригаду бригадир. «Макар, айда, поедешь на ток». Посадил в ходок, пиджачишка был на нем, сапоги, фуражонка. А жена тут же на дальнем току. В степе... как будто из второй ток.

Привезли в сельсовет и даже домой не пустили. Сестра старшая успела сунуть хлеба. А жена приехала на этот ток, а тут два его сына-подростка, Петяшка и Ванюшка, обняли мать и в крик: «Папашку увезли... милиционер тут ждал!» Мать с бабами поехала домой, а сыновей не отпустили. Подъехала к землянке своей, а из нее выскакивают три дочери.

— Мама, мама... папку увезли!

С матерью плохо... снова сделалась вся белой. Ее подхватили под руки и повели в избу. Соседи набежали и тоже кричат от плача. Чего же? Седня одного везут, завтра другого. «Не плачьте, — утешал кое-кто. — Может, еще вернутся...» Но так и не пустили, пока не умерли. До сих пор никто не знает, где они есть.

Один вернулся Черных Андрей — мастеровой был! Плотник. А потом попал свиней кормить. Жеванки ел из месива отходов. И тем спасся... так он говорил: «Давали очень тяжелые работы, и много умирало. Голод, холод, зной — никакого спасения!» Работали где-то на реке Печоре. Лес валили... а спали впритирку в бараке. Рад каждый месту да валится отдохнуть. Друг на дружку... одежа высохнуть не успевала. Он потом не хотел даже вспоминать об этом всем. Сильно расстраивался...

— Все врагов искали, — снова пытается дать приговор всему Федор Дмитриевич. — А настоящие-то враги народа были в самом Кремле! Среди тех, кто затеял всю эту смуту на Руси... И после еще так вот измывались! Троцкий там, Бухарин. А еще Свердлов этот — много их было таких. Вот и покрылась вся наша горемычная земля «двадцатками» да «сороковками». И как тогда еще пели:

Жила-была Россия —
Богатая держава,
Теперь ею торгуют
Налево и направо — так и сейчас с этой перестройкой как бы опять не перевернули все вверх дном.

БАТИНА ПАМЯТКА

Уж так случилось у бывшего урядника и кавалера двух Георгиевских крестов Егора Илларионовича Гредякина, но в гражданскую его миновали всякие распри, и ему не пришлось выступать ни на одной из враждующих сторон. Он был ранен еще в 1916 году и, вернувшись после госпиталя в родной хутор Порт-Артур, зажил самыми простыми мирными буднями. Плотничал, пахал, сеял и подпимал пятерых своих детушек. А после смерти тоже сувеченного на войне младшего брата приютил еще двух его сирот. Во время же раскулачивания попал вначале в черные списки, и у него свели со двора всю скотину. А самого отправили в соседнюю Варну и продержали там больше трех месяцев. Пока не разобрались все-таки в его бедняцком происхождении (у Егора Илларионовича было семеро братьев, и ему пришлось зарабатывать всю казачью справу вместе с конем у богатого лавочника), и не отпустили назад к своему семейству.

Здесь тоже почти разом восстановили в правах и вернули скотину. Но вот с амбаром дело было похуже... когда его отобрали у них и закрыли на замок, то сверху возле дверной ручки прилепили еще печать. И Егор Илларионович не решился взять на себя смелость и самолично отделаться от столь грозной неподступной отметины.

— Там у меня ваша печать, — придя в контору и с усилием переступая порог уполномоченной, произнес он тихим, спокойным голосом. — Надо бы снять... дети-то уж от голода пухнут, а в нем еще оставалось немного гороха с пшеничкой.

— Сорви, — бросила с кривой усмешкой та. — Разучился, что ль? Или сил не хватает после варненской отлежки.

— Сил-то у меня хватит, — обронил уже более холодно и Егор Илларионович. — Но я ее не ставил... а те, кто так постарался, вот и пусть теперь сами же срывают.

Уполномоченная обожгла его махонькими колючими глазками, качнула головой и тут же послала к нему одного из своих помощников. Но не знал тогда Егор Илларионович и даже не мог предположить, что через несколько лет ему вновь доведется столкнуться с этой женщиной. Вначале на сем же вот самом ме-

сте, куда она его вызовет и станет заставлять сдать все воинские награды.

— Ты еще попомнишь меня, — сизовея и все больше обозлясь, кричала она. — Если не одумаешься и не откажешься от этих своих царевых крестов.

— Как же я могу отказаться, — повторял с той же запальчивой неуступчивостью Егор Илларионович. — Если я их кровью своей в бою заслужил!

А потом уже, когда вызвала милиционера и пришла с ним за Егором Илларионовичем к нему домой, то и тут спускалась еще несколько раз в погреб и все норовила чего-то упорно там отыскать.

— Александровна, — пытался все-таки уразумить ее Егор Илларионович. — Что ты все ищешь... у нас на передовой было одно Отечество!

Прибежавшая с прополки старшая дочь кинулась в рев. Ведь мать ушла как раз па ту пору в лес за вишней. А она до того вся обмерла и потерялась, что не знала даже, с чего начать. И только успела сунуть ему на дорогу в узелок краюшку хлеба да белье с носками.

— Матери сразу не говорите, — выйдя к телеге и не обращая внимания на поторапливания милиционера, бросил им всем отец на прощанье. — Слушайте ее... а мне уж, видать, не уйти на этот раз от своей судьбы.

Следом за ним прибыл с арбой на верблюде один из сыновей. Он отвозил сжатую серпом розвязь с другими подростками. Тут же пересел на лошадь и поскакал в сторону Натальинки. Но так и не догнал отца... узнал только, что там, в казначейском доме, прихватили еще такого же горемыку.

А к матери подскочил самый младший Федюшка, едва заметив ее у порога и мгновенно забыв об отцовском наказе.

— Мама, — выпалил он как какую-то безобидную весть. — Тятю увезли... всего два часа назад!

— Как? — всплеснула руками испуганно та. — Куда же это его опять?

— Милиционер, — снова затараторил Федюшка. — И тетя Маня Мурзайкина была с ним... в погреб зачем-то лазила.

И тут мать прорвало... слезы, расспросы. Затем потянулись бесконечные мучительные деньки. Пока вдруг не получили от отца коротенькое письмецо. Оно пришло откуда-то аж с Архангельской области. Он работал там на лесоповале и просил прислать курева с чесноком.

Мать отослала ему на второй же день. Да еще сухариков натолкала по краям небольшого ящичка. Радовалась при этом чему-то и готова была в доску расшибиться. Ведь одной капусты по триста корней поливала ведрами с речки. Но не прошло и месяца, как возвернулась ее посылка назад домой. Вскрыла набрякшими, дрожащими руками, а внутри пусто! И лишь после уж обнаружила на обратной стороне приписку: «Умер». И больше ничегошеньки.

Схватила этот свой же злосчастный кладунец и вновь под общий рев подалась в Натальинку. Пешком оттопала целых семь верст... Но там в сельсовете даже не захотели выслушать ее.

— Чего тут еще кого-то винить, — обрубили ей сразу все одним махом. — Умер, и нема... а то и ты туда сбряцаешь вслед за ним.

Наклеечку с припиской все-таки сорвала. И до конца хранила потом ее еще в сундуке.

— А зачем она тут? — полезет лишь кто туда из еще несмышленых.

— Да пущай лежит, — ответит им как бы вдруг несколько невпопад. — Батина памятка... все, что и осталось о нашем родимом кормильце.

И в народе их все жалели... хоть и бросал иной раз кто из особо досужих: «Беляки». А за что, про что, и сами толком все так же по старой вбитой привычке совсем не ведали.

ПУТЕВОДНАЯ

Ох, ковыл, ты, ковыл, ковылочек,
Ковыл — миленький дружочек.

Казачья песня

Когда атаман Кузьма Артемьевич Коротков уходил с небольшим отрядом на Китай, он прихватил с собой и икону Божьей матери. Она была пожертвована всем тем казакам из Березинской станицы, которые входили вместе с ним в 10-й Оренбургский казачий полк второй сотни и оставили свои белые косточки на далеких австрийских полях. Сей святой образ был ему еще дорог и тем, что он мог не только прикоснуться к нему в молитвенную память, но и всегда пробуждал в нем какие-то очищающие благоговейные токи, вселяя в него силы и спокойствие. Он был также чем-то вроде охранительницы и той горней звезды, коя должна была освещать ему путь, торить дорогу в этом совершенно непомышлявшемся походе и привести в конце концов к избранной цели.

Кузьма Артемьевич останавливался почти в каждом поселке или хуторе и, слезая со своего бывалого атаманского коня, заставлял кого-нибудь из ехавших рядом с ним снимать икону с телеги и вносить в церковь. А там ставили ее возле самого алтаря, молились и просили, чтобы она не покидала их и все так же указывала своим провидческим перстом на все трудности.

Пока вдруг к концу недели всех его приставших для воскресной службы и баньки скитальцев не взбеленила новость. В эту ночь, оказывается, от них ушло втихомолку несколько заколебавшихся. И хотя бы еще самих по себе, а то ведь увезли с собой и так оберегаемую ими путеводную! И Кузьма Артемьевич тоже весь заходил от охватившего его гнева. Он бросился к коню, взлетел в седло и понесся вместе с самыми верными собратьями вдогонку беглецам.

Они настигли их неподалеку от развилки двух дорог. Как раз у того места, где одна из них поднималась к невысокому каменистому берегу реки, а вторая уходила в глубь начинавшегося тут за сплошной степной равниной ольшаника.

— Ну что, господа казачки? — подъезжая к ним и придерживая своего серого разгоряченного коня, бросил Кузьма Артемьевич. — Куда навострились-то? По своим закуткам или перед красными козырьки ломать?

— Да чего уж, — не удержался рыжий Гаврюха. — Какой там Китай... заведете нас в самые пески! Где яйца и те спекаются в одночасье. И сгинем вместе с лошадьми на этой жаре от безводья.

— А здесь вас по головке погладят?

— Знамо, что нет, — встрянул и самый пожилой из всех Темников Михайло. — Но с вами-то тоже только в пристяжных... ведь мы не из богатеев!

Больше с ними не пожелал Кузьма Артемьевич толковать. Слишком показались ему шитыми белыми нитками все их доводы и рассуждения. Поскольку рассчитаны были только на таких вот зрящих себе под ноги. А те, кто мало-мальски кумекал и глядел чуть подальше, довольно скоро смекнули, к чему все клонится. Да и сам он еще с фронта хорошо знал все эти большевистские уловки. Им просто край как захотелось сломать их вековые казачьи устои.

И многие клюнули на это... особенно из голытьбы. Или из тех казаков, кто привык нередко вылеживаться и ходить по работникам. На всех готовых хозяйских харчах и обутке. Поверили в какие-то сладкие побаски и устроили бучу. Как будто во всем виноваты были вера и царь! Вот уж воистину чисто заблудшие овцы.

И Кузьма Артемьевич вдруг весь вытянулся в стременах. А рука его привычным цепким движением выхватила шашку, он до хруста в зубах сжал челюсти и, натягивая поводья, вскричал:

— Изрубить всех паскуд... еще и Божью матерь умыкали на поруганье!

Разом налетели на совсем опешивших седоков, стащили с коней и, повыхватывав у них ружья с шашками, повели к перевитой густым пахучим вязелем и вьюном поляне. А там лишь Степан Журавлев никак не хотел смириться с сей участью. Ведь с ним была его любимая дочь Маняша! Еще только-только наливавшаяся первой девичьей красой. В тугой оборчатой кофточке, с мягкой поволокой в огромных синючих глазах и с пышной тяжелой косой через плечо. Он не смог расстаться с ней и, оставив дома еще двух сынов и дочь, повез ее с собой в Китай. Но по дороге в нем тоже что-то дрогнуло, взыграли сомнения, и он вместе с другими повернул назад к родной станице.

И теперь только встал на колени, загородил Маняшу распростертыми руками и, не сводя со своего крутого, не единожды выдвигавшегося всем Кругом атамана молящего обезумевшего взгляда, выдавил:

— Если я согрешил перед вами, можете меня порешить! Но девка-то моя ни при чем... сбил тока с панталыку.

Кузьма Артемьевич опустил шашку, передвинул другой рукой козырек запотевшей, вздернутой фуражки и с минуту понуро сидел, как припаянный в седле.

— Будем еще каждую сберегать, — услышал он такой же надтреснутый от напряжения голос. — Плодить только их... красную сволочь!

И тут же вся земля перед ним колыхнулась и исторгла перемешанные с топотом конских копыт свистящие звуки. А следом за этим на траву один за другим повалились бездыханные тела, и все вокруг окрасилось в бурый, кровавый цвет. Но уже через какие-то минуты на этом месте вновь воцарилась заупокойная тишь. А по заросшей буйным выбеленным ковылем степи легкой рысью отдалялась стайка всадников. В руках переднего из них была все та же небольшая икона. Со светлым, одухотворенным ликом и будто всей уносимой Россией. И лишь слетевшееся со всех сторон и высоко зависшее коршунье предвещало небывалый в этих краях, слишком уж щедрый, ликующий пир.

БЕСЕДЫ

Дядя Сережа Сахнов уже довольно пожилой человек. Живет он в бараке рядом с моей матерью. Тут у них в коридоре остались

одни пенсионеры. Но по утрам можно услышать, как он нередко поет в своей небольшой угловой комнатушке. Гулко так и протяжно! Ведь родом он из соседнего казачьего селения и попал сюда к нам еще со времен раскулачивания. Как, впрочем, и многие другие из нашего в общем-то слишком пестрого рабочего поселка.

По характеру дядя Сережа не то что скрытен или ворчлив. Просто не любит всяких излишних встреч и колготни. Сказывается, очевидно, его дедовская склонность к некой особой обособленности. А может, и само нелегкое, крученое время наложило на него определенную привередливость.

Но как бы то ни было и что б ни говорили о нем досужие соседи, мне он в каждый мой приезд всегда кивал по утрам и почти ни в чем не отказывал. А когда же я все-таки улучал момент и заходил к нему, он замысловато хмурился, указывал мне на стул и, поправляя для чего-то голубую наглаженную скатерку на столе (дядя Сережа хоть и жил после смерти жены один, не желая обременять никого из детей и быть им обузой, но в комнате у него всегда было очень чисто и опрятно), тут же тоже усаживался за него и уже вполне резонно бросал на все мои касавшиеся его непростого прошлого вопросы:

— Так чего тут еще толочь... Разверстка, красная метла была, и выгребли все до фунта... мышам не осталось. Ходили со специальными щупами, искали и в земле, и в навозе. И по погребам лазили... а тут неурожай! Всходы были с четверть, а колос не налился, хвостики одни. Лебеду, репей, колючки сушили, мололи и ели. А сколько померло... сперва хоронили, но потом земля замерзла, копать тяжело, и давай в амбар складывать. А как только весной почва немного отошла, выкопали общую яму и туда всех поскидывали.

— И сколько же человек?

— А кто его знает, — пожимал лишь невесело плечами дядя Сережа. — Если бы считали... человек восемьдесят-то будет. Тогда ведь много и прохожих набиралось. Идут по степи, смотришь, споткнулся и упал. «Вон там мертвый лежит». Пошлют, кого назначат... привезут.

Дядя Сережа замолкал и весь будто отключался на некоторое время. В размытых голубоватых глазах, подернутой тонкими кровяными жилками коже и в особенности в непроизвольно подрагивающих, высохших руках его чувствовалось в эту минуту что-то уж совсем беспомощное. Но дядя Сережа крепился, перебарывал свою внезапную слабость и уже через каких-то две-три минуты вновь возвертался к нашему дальнейшему разговору.

— На станцию вывезли весь хлеб, — ронял он с той же рез-

кой, непримиримой настойчивостью. — А хранилища никакого, склали стены из мешков прямо под открытым небом и ссыпали туда между ними. Потом дождь, снег, и все попрело к едрени матери.

— Так как же это могло?

— А вот так, — снова кривил губы в едкой, колючей усмешке дядя Сережа. — Революция... всё комиссары в кожанках решали. Они считали себя богом и царем. Им была дадена вся власть, что хошь, то и твори! Это потом уж с двадцать второго повеяло тут поблажкой. Каждый мог маслобойку, лавку открыть. И сеять стали больше... спрягались по три-четыре двора. Протряхла земля, не налипает — и поехали. Не дожидались чьей-то команды... а мануфактуры и съестного сколько появилось! Приедешь на иноходце в Троицк, и глаза разбегаются. Мясные ряды, булки всякие... сатин, диагональ, тонкое сукно брали целыми штуками. Тут же сапоги хромовые, тужурки, фуражки... а потом, в двадцать девятом, — бам, раскулачивание, и все опять голым-голо.

— Но хотели же избавиться от эксплуатации?

— Так тебе, — как ни в чем не бывало подхватывал дядя Сережа. — И у нас жили работники... на полном хозяйском обеспечении. Подрядятся и вместе сеют. А как уберут десятину или полторы, с любого края себе выбирай. Какой облюбовал угол, тот и твой. Сто, полтораста, двести пудов... еще и полушубок новый должны сшить, валенки скатать. А взять счас... это разве не эксплуатация? Ходят, погоду пинают, то Ваньку ищут, то Гришку. И все начальники... а кто-то вкалывает! Так его десять человек эксплуатируют... и еще больше зарплату получают.

Дальше дядя Сережа с той же горячностью и убедительностью говорил всякий раз и о многом другом. И с каким выверенным, крепким укладом жило все их казачье племя, как потом его самого забирали несколько сезонов на бесплатный гоструд, как мобилизовывали без права голоса — и в тылополчение («Расчищали сперва площадку на ЧТЗ, а в октябре 1932 года погрузили в теплушки и увезли под самый Благовещенск на Дальний Восток дорогу строить»), и как после этого вновь вернулся в родные края и заготавливал сено на быках в Бускуле. Пока не поступил к нам на только что открывшийся глиняный карьер и не отгрубил тут всю оставшуюся жизнь. Вначале простым забойщиком, а в войну уж и машинистом единственного на ту пору экскаватора «Кунгур».

Потом вдруг каким-то совсем изменившимся голосом и с потеплевшими глазами переключался на всю нашу бескрайнюю степь. Что как же ее, бедную, кругом грабят и терзают! «Раньше только первые проталины, уж жаворонок подымается, — дя-

дя Сережа вскидывал при этом руку и колебал пальцами. — Вот, вот, зайдется от трелей! Уже весна... а коршунья, копчиков сколько было! Касачей табуны, зайцы, гуси, утки. А счас ни жаворонка не услышишь, ни перепелки, ни куропаток. Каждый клочок перепахали и все химию эту сыпят. Недород и в наше время случался, но не чувствовали никакого голода. В запасе всегда было на два-три года... а тут все не хватает! Да и хлеб-то хлебом не пахнет, как ремень тянется. Кой-как раздерешь... а вкуса-то нет! И запаха нет... то в печке сидит — ветерок, слышишь: хлеб печется.

И сосед к соседу не заглядывал... каждый сам делал. Это сейчас всё вешают на государство! Вот и развели лодырей... молодежь сидит по квартирам. Уткнется и смотрит телевизор. Как будто полную сумку насыпят с него. А в магазин пойдут, там нет ничего... и дожили снова до мату!»

А когда я взглядывал на висевшие у окна красивые старинные часы, закрывал тетрадь и порывался уйти, он тоже тут же вставал, проводил рукой по выбеленной седой голове и, к немалому моему изумлению, вроде бы как оставался доволен всей нашей беседой. Словно между нами не было ни воспоминаний, ни его изломанной оторванности от родных, искони корней и пробивавшейся почти в каждом слове, жестах и интонации той горечи и обиды, которые все еще оставались в нем и никак не могли забыться от всей этой самой страшной народной трагедии.

— Ну, во-от, — тянул он с какой-то бодрой, безобидной усмешкой на прощанье. — А то я все один да один... а тут хоть посидели! Повечеровали добро... теперь можно прилечь скурнуть.

НА СВЯТОМ МЕСТЕ

Серафима Яковлевна сидела передо мной в маленькой кухоньке. В белой косынке, кофточке, со своими узловатыми, опущенными руками на коленях. Во всем ее открытом, спокойном облике не было и тени какого-то внутреннего напряжения. От долгого общения с людьми и всякого рода переделок она, видно, уже привыкла ко всему и приучила себя держаться со многими с неким полным равнодушием.

А занималась она самым что ни на есть первородным очищающим делом. И всячески старалась приобщать всех к нашей христианской вере. Разъясняла все заповеди Господни, извещала о приближении постов и бессменно читала долгими часами псалмы у изголовья усопших. Когда-то еще в детстве она пела на клиросе в своей родной церкви и знала назубок не только многие

пасхальные молитвы, но и каждый из двенадцати тропарей, которые выпадали на очередной календарный праздник.

И стоило мне коснуться этих ее струн и всех так свято оберегаемых в глубине души самых заветных чувств, как в ней мгновенно что-то всколыхнулось, пробило обжигающими токами и сразу заставило уже совсем по-другому отнестись к нашему разговору. Хотя внешне она мало чем выдала это изменение и лишь слегка сдвинула на переносье свои белесые тяжеловатые брови.

— Когда стаскивали купола, — начала она, — то я даже не могла глядеть! Жалко было... да потом и боялись уж больно в то время.

— А чего боялись?

— Так это, — лишь с некоторым удивлением продолжала Серафима Яковлевна. — Власть-то менялась... как же не бояться! Столько людей добрых загубили!

— Ну а сама церковь? — снова не удержался я. — Какая она хоть была из себя?

— О-о, — заметно оживилась Серафима Яковлевна. — Строилито на пожертвования прихожан и помогали всем миром. Давали в извоз лошадей, сами возили песок, глину, кирпич. А уж внутри все стены разрисовывали приезжие художники. Ликами святых Георгия Победоносца, Александра Невского, Дмитрия Донского и иконами Иисуса Христа, Божьей матери, Варвары Мученицы, Кирилла и Мефодия. Люстра была тоже громадная, и на ней больше двухсот свечей зажигали. Паперть выложена из гранитных плиток, на окнах первого яруса чугунные решетки. В ограде кирпичные столбы с такими же украшенными чугунным литьем воротами. А колокола-то, Боже ты мой! Пять их было всего... один большой к обедне. Бьет бом, бом, бом... второй к заутрене. И пожарный: часто-часто все жарит в набат. Веревка от него аж до земли тянется. А уж на Пасху трезвонят два самых маленьких. Макар Ефанов, царство ему небесное, был звонарем! Все десять дней перебирал прям, и как-то весь поселок возвышался духом. Вывалят из битком набитой церкви и во все концы растекаются. Разнаряженные... цветочки, цветочки на солнце, все так и сверкает! И тут же начинаются разные игры: в чижика и мячика, качались на качелях. Ребятишки в бабки, битки. И так всю неделю гулянья и хороводы.

— Ну а в остальное время? — перебил я.

— Так и тут так же, — подхватила с тем же воодушевлением Серафима Яковлевна. — Потеряет, скажем, кто платок или вожжи, все приносят к церковной ограде. И никто не трогает, пока хозяин не найдется. И в самой церкви вешали над иконами по

лись. И на дорогу Сергея Ивановича вместе с другими благословили божьим словом, чтобы дух поднять и царя-батюшку тоже вспомнить. Ведь он был для них правителем и заступником по всей жизни! И поэтому всегда молились за него с особой истовостью и преданностью.

Спаси, Господи, люди твое
И благослови достояние твое
Победам благоверному нашему императору
Николаю Александровичу...
Насупротивную дарую твое,
Сохраняем крестом твоим жительство.

Сергей Иванович срочную служил в Харькове. Там много было их новолинейных казаков с Чесмы, Березинки, Бородиновки. И тут сделали сбор им аж на Черном море. Приехал туда и сам адмирал Макаров. Погрузились на корабли вместе с лошадьми и запасом кормов. «Достача-то какая была? Поездов не было... набьют на себя и весь запас. В торбах овес... слезешь и в поводу ведешь. Покормишь, так поедешь, а не покормишь и не поедешь. Лошадку-то...» А тут полпути прошли (Сергей Иванович все об Африке и Индийском океане вспоминывал), и кони стали дохнуть. «И тятя говорил также, что на сухом было бы легче». «А тут переплывать-то... и как уж выдюжили оне сами-то!» Потом зашли в Китайское море, и головной корабль их взорвался. Наскочил на мину... и Сергей Иванович видел, как все ушли под волны. В том числе и Макаров...

Хотели загородить и не пустить японцев на сушу. Высадились в Мукдене, Харбине... 10-й полк... казачий кавалерийский.

— Стёссель сдал Порт-Артур, — говорил Сергей Иванович. — Комендантом был...

Казаки о нем так баяли: «Спит и мух ртом ловит». А в общем-то туго всем там пришлось...

Назад домой же на поезде добирались. И тоже с лошадьми... В церкви Христо-Воздвиженской сразу доску повесили мраморную, где были выбиты фамилии всех погибших станичников. И икону Божьей матери преподнесли в знак особого признания. Всячески чтили и сохраняли свою нелегкую казачью доблесть.

Это уже в двадцать первом пустили целые списки. Военный трибунал был, и всех расстреливали. Если в царской армии служил, то в губвоенкомат вызывали. А если кто пришел из колчаковской, тут же на месте. Сергей Иванович тоже у Дутова малость прихватил. Устав был на то и не хотел ослушаться. Как служил, так и пошел по сбору. Но его перекинули только... он

тифом заболел. Лежал в Челябинске, а товарищи все в Китай ушли. И после, дома уж, как в сельсовет вызовут, он весь аж взмокнет от испуга. «Видать, и до меня дошла очередь!» И посылал всегда жену: «Иди, мать... зачем это я им опять понадобился?» У него рука была сильно поковеркана, осталось на ней всего два пальца. «Ушомкалось вроде все, — говорил он всякий раз после благополучного исхода. — Направилось...» И так до самых колхозов... а тут снова всех давай в дрожь вгонять. Да на высылку... но Сергей Иванович не спорил ни с кем и не вздорил. Он ведь к этому времени совсем набожным стал. И злом на зло не отвечал. «Ну, берите, — бросал он только с каким-то внутренним смирением. — Сила ваша... за правду прибавится, а за неправду все равно когда-то взыщется». И его не тронули... в колхозе он вначале конюхом работал, а после войны уж нефтебазу до самой пенсии охранял.

До революции сидел со стариками на лавочке и сетовал: «Не дай Бог на нас Китай подниметься. У нас, — говорит, — рукав, а у них целая шуба». Народу-то... а обернулось так, что друг на друга пошли свои. Брат на брата... сын на отца! И тут соберутся только с кем вместе воевали, все грамотные и газеты читали. Журавлев Степан Матвеевич, Овсянников Николай Долматович... и толкуют промеж собой: «К хорошему не доведет все это! Царя убрали, и мы как дикие овцы без пастуха». Да и вера, вишь, православная чем-то им поперек горла встала! Хотят запоганить и испепелить всю основу души нашей исконно славянской. Той благостной и заповедной, коя впитана была нами еще со времен Киевской Руси и от самых первых ее печальников и правовестников. Так могли ли этот чистый, живительный родник замутить сущие русские? Тут что-то явно было не так.

И сам Сергей Иванович никогда не забывал о Боге. К нему приходили многие из таких же старушек, закроют шторки и тайком читают молитвы. Он и приветствовал всегда всех на свой казачий лад. Остановится, фуражку снимет и голову преклонит. И черными словами никогда не ругался. Под конец уж стал забываться, выпросит лошадь сено привезти, путы повесит на шею и ищет. «Ты не видала?» — спросит у жены. «Так они у тебя на шее». — «Ах ты, — хлопнет он только себя здоровой рукой по ноге. — А я-то думал, что оставил их где... будь ты разпеладнаи!»

А к Благовещенью всегда скворечню обиходит. Снимет с жерди, вычистит ее и прутики свежие сзади привяжет. Во дворе — чистота! Домик у него как новый... сам своими руками делал. Три окна в ряд... и с другой стороны четыре. Старательный был, и когда уж даже силенки не хватало, он взялся в баньке угол поднимать. И самовар у них по-прежнему не сходил. Только, быва-

ло, и слышишь: «Баушка, затопи молоко в печи. Чай будем пить...» А во дворе бочка стояла с водой... крышка на ней, ковш. Люди идут с картошки и непременно к нему заворачивают. Водички холодненькой испить... чуть свет, а уж из колодца натаскает. Рука-то никудышна, но веревку в зубы и доставал. И потом 83 года было, а все пути-дороженьки-то помнил. Сам еще и сено косил, и дрова заготавливал. Сядет в телегу, глядишь, бороденку набок и уж запел:

Судьба пала в край приморский,
Где чужая сторона...

А когда съедутся все или услышат что-то про казачью долю, то тут его будто мгновенно подменят, и он только щурил свои шустрые поблескивавшие глазенки, покачивал головой и всегда говаривал:

— Не так надо было с казаками поступать... не таким ходом! Суматоху и вражду посеяли... нам ведь ничего не надо: «Хлебушко родится, слава Богу! Золота нам не надо... и чтобы была наша дорогая Россия!»

И умирал когда в самый престол, то и тут все не унимался: «Вот Аляска должна отойти к нам... так вот не знаю, отдали, нет ли... на двести лет ее продавала императрица Катерина». Да и о Порт-Артуре перед этим все жалковал, когда его уже при Хрущеве отдали: «С каким трудом и какой кровью мы его завоевали... пешком и верхами!»

После смерти гроб ему не обивали никаким материалом. Не велел... раньше-то их еще загодя делали. Зерно даже хранили в них... потом брали сеять. А тут уж заказывали в мастерской, и на кресте только надпись:

Запускалову Сергею Ивановичу,
вахмистру и славнейшему нашему родителю.

1878—1961 гг.

Анатолий БУЗЛАЕВ

НАДЛОМ

МОСКВА УХОДЯЩАЯ

Когда экран трепещет и гудит
от красноречья нового мессии,
я говорю, смиряя боль в груди:
как далека, Москва, ты от России!
Не слышен звон, не виден чудный свет
твоих церквей — души твоей свободной,
все заглушил желтоголосый бред
рептильной прессы, флюгеру подобной.
То слышен плач о снятой парандже,
то ликованье вместо очищенья.
И новый «рай» пророчат нам уже
прорабы суеты и разрушенья.
Уж поселились, прокладывая тракт
по всей Руси, времен новейших гунны,
и кое-где им зазвучали в такт
открытых душ доверчивые струны...
Чудна ты, Русь!..
Ты всем родная мать,
лишь для своих особые законы...
Восстань и вижди:
хлопотливый тать уносит вон последние иконы,
и, записав детей твоих в «рабы»,
он покаянья требует упорно за то, что живы...
Нету у судьбы другой такой — великой и покорной.
И потому, страдая и любя, —
как под огнем, под взглядами косыми, —
я об одном, как сын, прошу тебя:
не уходи, Москва, ты от России!

УРАГАН

Далекий гром. Предчувствие беды.
Зловещий звон разбитого бокала...

И вот стена взбесившейся воды
на тихий город бомбою упала.
Сметает ветер трубы, крыши рвет,
пуская их в бесовскую припляску.
И водный вал стремительно несет
по улице забытую коляску.
От ласточек, примолкнувших, испуг
сквозит в окно трагическим известьем,
что кто-то там, невидимый нам, вдруг
добра и зла нарушил равновесье,
что этой тьмы глухая пелена
и злоба черной неизвестной силы
сотрут и нас, и наши имена,
свой жертвенник поставив на могилы.
Ужасная, тяжелая пора!..
Здесь каждый звук так больно душу ранит...
Но слышен звон железного ведра:
то хочет мать воды набрать для бани.
И стал вдруг мир и проще, и добрей,
и первый луч пробился через тучи...
Пора во двор, чтоб грязь убрать скорей,
собрать в саду поломанные сучья...
А вечером, под первою звездой,
я от души хотел бы помолиться,
чтоб не могли над нашей головой
добро и зло вовеки примириться.

Алатырь

Константин КОЛЕДИН

НА ЗЕМЛЕ СКОРБЯЩЕЙ

МОРЯК

От хвороб заговоренный,
Ладно скроен, крепко сшит.
Зубы что твой дуб мореный,
Морда — плюнешь — зашипит.
Слово — гиря, а иные
У лингвистов не в ходу.
У него глаза цепные
У бровей на поводу.
Он мрачнеет на пирушке.
Жила бьется на виске.
Обливная тонет кружка
В волосатом кулаке.
И, дрожа на полутоне,
Полувесел, полупьян,

У него в охапке стонет
Лишку выпивший баян.
Только рты раззявят гости,
Только ахнут свояки.
А в глазах метнутся звезды,
Словно килек косяки.
Заколышутся приливы,
Голубой меридиан.
...А каким он был счастливым.
Море. Море. Океан.

* * *

О. Кочеткову

Не пытать удачу и отвагу,
Не попасть в святые мудрецы,
Чтобы знать, в какую землю лягу,
Я прошел ее во все концы.
Многолюдна долгая дорога —
Не всегда щебечут соловьи.
Сотни лет надеются на бога
Одноверцы, спутники мои.
Не ко многим ласкова Отчизна
И не всех пускает в закрома.
Что ни век — одна сплошная тризна:
То война, то казни, то чума.
Но они с надеждою сквозь стопы
Уповают на пресветлый лик.
Возвышают низкие поклоны
И небесных, и земных владык.
Боги неусыпные, поверьте —
Жить не умирая вам, пока
Сотворяет идолам бессмертье
Человечья смертная рука.
Тех людей, что на земле скорбящей
Сквернословят, молятся и пьют,
И кусок насущного пропащим
Вашим вечным именем дают.
И гибнут от оспы и холеры,
И прощают подлости врагам,
И сгорают от любви и веры,
Недоступных никаким богам!

* * *

Опять соскучилась душа по скрежету в гусиной стае,
По нескончаемой тоске весноощного дождя,
По исповедной тишине, по осени воспоминаний
И потому, о чем еще сказать не смею я.
Глухие выстрелы с озер пока еще не застучали;
Но все тревожней, чаще крик мужающих птенцов;
Но лета горестной любви, но лета радостной печали,
Увы, не повернет назад его прощальный зов.

И в ясной полости небес в ночи, открывшейся над нами,
Где между зорями дрожит туманный млечный мост,
Над холодеющей водой, над переспелыми садами
Я с каждой осенью своей все меньше вижу звезд.
Видать, не так уж далека пора предвечного свиданья,
Когда простят тебе друзья обиды и долги,
Когда последняя звезда погаснет в недрах мирозданья,
Когда заплачут по тебе бессильные враги.

* * *

Для разбоя правил нет определенных:
Так припрут, что рад последнее отдать.
Обделить совсем не сложно обделенных,
И обобранных не трудно обобрать.
Не всегда светла и торная дорога.
Да и путь, не знаешь, близок ли, далек.
И случалось нам не раз, за ради бога,
Отдавать судьбе не только кошелек.
И лишенный денег, чести и отваги,
То и рад, что снова выскочил живьем,
Повторяешь после каждой передряги:
Был бы жив, а остальное наживем.
Не единожды неправедной рукою
Был я бит, да вот не плачу, а пою.
Но какой же песней нынче успокою
Растревоженную Родину свою?

* * *

И встретил нас надменный Киев
Священным пеньем с древних хор.
Печали дивной литургии
Внимал Владимирский собор.
И все вокруг дышало миром
Среди невнятных нам речей:
И душным ладаном, и миром,
И треском гаснущих свечей.
И глядя из миру иного,
И завораживая нас,
Как соты меда золотого,
Мерцал в дыму иконостас.
И в вышине, дитя творенья,
И мученик, и прокурор,
Как символ кары и спасенья,
Над нами руки распростер;
И в море судеб быстротечных,
Душою, поднятой в зенит,
Под вечным небом нас невечных
Соединяет и рознит.

Москва

Николай КУЗЬМИН

ТЕРРОР? МЕСТЬ! РАСПРАВА!!!

КТО И ЗА ЧТО МЕНЯ СУДИТ!

Снова берусь за старое свое перо репортера, намереваясь поделиться тем, что видел, что испытал, что пережил в течение нескольких последних месяцев.

Чтобы читателям ясно было, о чем речь, я начну с этого вот документа — обращения:

ПРЕЗИДЕНТУ СССР
тов. **Горбачеву М. С.**

Глубокоуважаемый Михаил Сергеевич!

19 ноября 1990 г. следователем прокуратуры Кировского р-на г. Москвы мне было предъявлено обвинение по ст. 130 УК РСФСР.

Суть дела такова.

В начале Великой Отечественной войны житель г. Краснодара, торговый работник Дмитриев В. Г. был арестован за крупное хищение, бежал из-под стражи и, перейдя линию фронта, появился в оккупированном Краснодаре, избежав таким образом разбирательства в советском суде и найдя защиту у фашистских захватчиков. Вместе с немецкими войсками он бежал от наступающих советских войск, а после войны примерно тридцать лет проживал в Италии.

В своей статье, опубликованной в журнале «Молодая гвардия» (№ 5, 1990 г.), я назвал Дмитриева В. Г. изменником. Тогда его сын, Дмитриев Ю. В., сотрудник газеты «Труд», подал на меня в суд, обвинив в распространении злостных измышлений.

Мне совершенно непонятно: при чем здесь клевета? Я же ничего не сочинил, не придумал, ни в чем не оболгал Дмитриева В. Г. По сохранившимся документам он действительно содержался под арестом за хищения, затем бежал из-под стражи и перешел линию фронта в поисках защиты от советского суда. Просто я квалифицировал подобное поведение предательством, изменой. Позвольте, а как же его еще называть?

Толковый словарь Даля указывает, что «предать — покинуть в беде» (т. 3, с. 384).

Что и сделал Дмитриев В. Г. Спасаясь от наказания за воровство, он покинул в беде свою Родину, свой народ.

После нашей Победы жена Дмитриева В. Г. (мать журналиста),

Н. К. Дмитриева, была 18 августа 1945 года осуждена «как член семьи изменника Родины». В данном приговоре «член семьи» относится к Дмитриевой Н. К., но «изменник Родины» — уже к самому Дмитриеву В. Г. Следовательно, поведение перебежчика квалифицировалось четко: «измена Родине».

Я не юрист, я литератор. Приговоров я не выношу, а всего лишь высказываю свое мнение, свои убеждения о поведении человека, который не только не помогал нам в достижении Победы над врагом, но страшился этой Победы, надеялся на победу фашизма. К его огорчению, победили мы.

Выходит, мне грозит тюрьма за мои убеждения?

Вынужден указать на «Всеобщую декларацию прав человека». Статья 19 гласит:

«Каждый человек имеет право на свободу убеждений и на свободу выражения их; это право включает свободу беспрепятственно придерживаться своих убеждений и свободу искать, получать и распространять информацию и идеи любыми средствами и независимо от государственных границ».

Что же — прокуратура не знакома с этим основополагающим документом по правам человека? Или же она сознательно его игнорирует?

Недавно Вы, как Президент Советского Союза, подписали в Париже «Хартию для новой Европы». Там записано:

«Мы подтверждаем, что без какой-либо дискриминации каждый человек имеет право на:

свободу мысли, совести, религии и убеждений,

свободу выражения своего мнения...»

Что же — и этого прокуратура не знает?

Наконец, в своей речи 7 ноября 1990 года с Мавзолея Вы решительно заявили о достоинстве тех, «кто насмерть стоял против фашизма, победил в самой кровавой войне, отстоял независимость своей страны и других государств». И — далее: «Мы не можем позволить себе унизить их забвением, тем более — неправедным судом».

Золотые слова и, главное, очень вовремя сказаны.

Укажу, что в свои 14 лет, я, едва получив комсомольский билет, отправился по призыву в только что освобожденный от блокады Ленинград и работал там грузчиком в порту, повредил позвоночник и всю жизнь страдаю от этой травмы. Среди моих родственников многие погибли на фронте.

Как же мне после всего этого квалифицировать поведение вора и перебежчика к ненавистному врагу?

И вот за одно это меня судят, грозят тюрьмой!

Почему в нашей стране вся мощь законов направлена на защиту не тех, кто добывал Победу над фашизмом, а наоборот — тех, кто этой Победы боялся и ждал победы фашизма?

Я уже обращался к Вам, однако мое письмо непонятным образом оказалось в руках моих гонителей. Им покровительствуют какие-то мощные силы. Решаюсь обратиться еще раз в надежде, что эти люди все же не так всесильны, чтобы контролировать любое обращение граждан к своему Президенту.

. Мне 62 года, пенсионер. Мной написано 20 книг. Уже более года мне не только не дают работать, но и спокойно жить. У меня предынфарктное состояние, никогда я не глотал столько лекарств.

Прошу Вашего вмешательства в мою судьбу советского гражданина и писателя.

С уважением,
член Союза писателей Николай КУЗЬМИН

25 ноября 1990 г.

Для окончательной ясности — немного предыстории.

В письме Президенту упоминается статья или, точнее, судебный отчет, опубликованный в майском номере «МГ» за 1990 год. Суд был затеян журналистом Дмитриевым Ю. В., ныне работающим в газете «Труд», отца которого, Дмитриева В. Г., я в своей повести «От войны: до войны» назвал фашистским пособником, полицаем. Истец потребовал защитить честь и достоинство своего родителя. И суд удовлетворил его иск.

В своем отчете об этом судебном разбирательстве мне пришлось признать, что повязку полицейского Дмитриев В. Г. не носил, однако измену совершил, поскольку защиту от советского суда он нашел у фашистов. И вот эта констатация факта: что вор и беглец из-под стражи нашел свое спасение у ненавистных оккупантов, и послужила причиной моих новых испытаний, но теперь уже в качестве уголовного преступника. Тот же журналист Дмитриев Ю. В. снова потребовал защиты чести и достоинства своего отца и на этот раз вознамерился кинуть меня на жесткие тюремные нары.

И — началось!

Судиться, как я уже писал, надо уметь, и это нелегкое умение. Сразу же выяснилось, что я был просто обязан опротестовать решение того суда. Но я смирился с ним, поверив в мудрость нашего правосудия. К тому же сам народный суд я привык считать одним из столпов советской власти, а судиться со своей властью мне и в голову не приходило. Я привык защищать советскую власть, а не таскать ее по судам!

У меня как журналиста в руках имелось довольно испытанное и сильное оружие — перо. К нему я и прибег. И тут же перед моим носом угрожающе помахали пальцем: не имеешь на это никакого права. Да, но гласность, права на свои взгляды и убеждения, вообще права человека, плюрализм, наконец? Эх, красивые и звучные слова, очень красивые, однако...

Впрочем, по порядку.

Вполне понимаю упорство Дмитриева, когда он бьется за репутацию своих родителей. Отец, мать... самые святые для любого человека люди. И больно читать о своем отце нелицеприятные слова. На первое судебное разбирательство Дмитриев Ю. В. привлек деятельнейших помощников: одного как будто бы коллегу под именем Игорь Маркович и престарелого отставника некоего Зиновия Гурария.

На суде и сам истец и оба его помощника упрекали меня и редакцию журнала в неслыханном жестокосердии. Ведь надо взять в расчет, что обличаются (пускай и справедливо!) не только умершие предки журналиста, при этом страдают и его живущие потомки: дети, внуки.

Не следует сбрасывать со счета и такое обстоятельство, что в тяжелой судьбе отца и матери журналиста виноват в первую голову не кто иной, как сам отец. Хищение-то состоялось? Побег-то совершен? И можно сколько угодно «темнить» о том, каким

образом беглец из-под стражи оказался на оккупированной территории, факт остается фактом: с нашей стороны фронта он вдруг очутился на вражеской. Примечательно, что дважды Герой Советского Союза Леонов, вспоминая застольные разговоры с вернувшимся на родную землю беглецом, приводит горькое сожаление старика о том, что тот проявил слабость и не остановился вовремя, не вернулся к своим, советским, а ударился в дальнейшие бега с немецкими войсками, усугубляя свою и без того немалую вину.

Повторяю: мать Дмитриева пострадала ни за что. Каждый обязан отвечать только за свои деяния. Но отец-то?

Хочу окончательно «закрыть тему» о так называемой «легенде» разведчика.

Если только Дмитриев уходил все дальше на Запад именно по составленной заранее «легенде», выполнял сложнейшее и опасное задание командования, то нужно признать, что выполнил он его образцово. Нет никакого сомнения, что его досконально проверяли спецслужбы как гитлеровской Гермвнии, так и в последующем столь же серьезные службы других стран. И не нашли ничего подозрительного, признали его, так сказать, предателем чистой воды. Так что какие упреки могут быть ко мне, если в измене Дмитриева не усомнились великие специалисты!

Однако истинно ли перед нами «наш человек» по ту сторону фронта?

Не могу забыть, как деятельнейший Игорь Маркович несколько раз с горечью повторил на суде, что перед нами отнюдь не герой, нет, не герой. Но если он на самом деле разведчик, так следует решительно возразить Игорю Марковичу: ошибаетесь, уважаемый, перед нами именно герой, отважный боец «невидимого фронта». Но Игорь-то Маркович досконально знает, о каком «бойце» ведется речь, хотя то и дело вклеивает в свои речи упоминания о компетентных органах! Следовательно, что же — очередной спасительный блеф? Склониться к этому мнению заставляют многие соображения. В наши дни для широкого читателя «открыты» такие имена, как Абель, Лонсдейл, Филби, Блейк, досконально исследована деятельность мужа несчастной Марины Цветаевой С. Эфрона. Да мало ли! А в случае с Дмитриевым по-прежнему туман, сплошной туман. «А был ли мальчик-то?»

Поэтому мне и приходится рассматривать поступки Дмитриева-старшего без всякого налета секретности. Украл, бежал, перебежал к врагу... История (преступника), попавшего в переплет начавшейся войны.

На первом судебном разбирательстве фигурировала папка с «Персональным делом» Дмитриева-сына.

Истории этой уже более тридцати лет. Как-то в ЦК КПСС поступило письмо, сообщающее, что Дмитриев Ю. В., сильно к тому времени преуспевший на поприще журналистики, является вовсе не тем, за кого он себя выдает. В частности, он лжет, что ничего не знает о своих родителях. Прекрасно знает! И даже собирается ехать в Италию, где после войны неплохо обосновался его отец, совершивший в свое время ряд преступлений против своего народа... Времена тогда были строгие, преступления не выдавали за подвиги. Дело, как говорится, завертелось. И сохранилась до наших дней целая папка уникальных документов, хранится в партийном архиве. Сослуживцы Дмитриева Ю. В. тогда строго спросили со своего изолгавшегося коллеги. В этой папке даже сейчас, после

того, как она побывала в домашнем пользовании шустрого Игоря Марковича, содержатся любопытнейшие документы. Прежде всего — письмо, послужившее началом давнего разбирательства. Конечно, можно скептически отнестись к тому, что подписано оно так: «Группа москвичей». Можно отбросить и характеристики, какие авторы письма дают Дмитриеву-младшему: пьяница, приспособленец и даже проходимец. Вполне возможно, что такие ярлыки навешивались на преуспевающего журналиста сгоряча, а то и по устоявшейся неприязни. Такие случаи бывали и бывают. Однако дальнейшее расследование, предпринятое коллегами журналиста, высветило основное: об отце-то Дмитриева все правда, истинная правда. И любопытно именно сейчас читать тогдашние покаянные речи Дмитриева-младшего на партийных собраниях. Припертый к стенке, он самозабвенно кается и буквально рвет на себе рубаху, обещая «приложить все силы, чтобы вернуть доверие партии», и даже «готов понести любое наказание».

Интересно, почему же тогда ему не пришло в голову поднять вопрос о чести и достоинстве своего родителя?

Видимо, что-то решительно изменилось в наши дни. Но что именно?

А изменилось — и это уже вполне зримо — само отношение к таким понятиям, как предательство, измена. Вспомним изгаженные могилы павших в боях солдат, вспомним свернутые набок скромненькие обелиски с красноармейской звездочкой и взглянем на возводимые монументы заклятым врагам трудящихся, например, Степану Бандере. Все перевернулось!

Из какого-то исторического сочинения в памяти осталось: в Древнем Риме перед еврейскими погромами на Палатине обязательно выставляли статую Иосифа Флавия. Сейчас у нас совершенно тот же метод. Вспомните, перед майскими праздниками буквально всю страну взбудоражили кем-то нагнетаемые слухи о неминуемых еврейских погромах. А что оказалось? Начались русские погромы! Последний случай воистину вопиющий: сожжение заживо пятерых солдат в Намангане. Что поразительно: страна проглотила этот случай дикого уличного линчевания как нечто само собой разумеющееся и — ни слова возмущения, ни слова протеста. А представим на минутку, что где-то расправились и сожгли хотя бы одного еврейского мальчишку. Да весь мир бы содрогнулся и забушевал. Для примера можно вспомнить мировую вакханалию по случаю провокационного скандала в ЦДЛ... Перед ноябрьскими праздниками новая волна слухов: военный переворот. А в итоге? Военные погромы. Людей убивают исключительно за то, что на них военная форма. И таких позорных жертв уже многие десятки. В России всегда гордились своими солдатами, человек в военной форме провожался любовными взглядами. Сейчас же военный мундир стал проклятием, редкий военный рискнет появиться в нем на людях.

В американской прессе откровенно заявляют, что они повергли своего многолетнего соперника на мировой арене, победили его в «холодной войне» и теперь призывают к милосердию к сокрушенным и раздавленным. Благо, что и сами наши «полководцы» не вылезают из-за рубежа с униженно протянутой рукой. И милостыня отпускается, но милостыня отнюдь не сладкая. Ее кладут в нашу ладонь с жестокими условиями: уже напрямую говорят, что следует отдать Курилы и Калининградскую область, ввести в Кон-

ституцию статью, разрешающую предательство, ужесточить наказания за патриотизм и т. п. Обратите внимание, как уверенно хозяйничают американцы в отвоеванной Восточной Европе. В Польшу немедленно стрельнул Бейкер, затем сам президент Буш. За ними настала очередь деятелей, так сказать, практических — директора ЦРУ Уэбстера и министра обороны Чейни. Мелькнуло сообщение, что министр обороны США во время своего визита обсуждал вопрос о размещении на территории наших соседей американских войск и что сама Польша двинула свои войска с западных границ на восточные. Словом, военная обстановка давних лет Антанты. Круг замкнулся, аннулированы не только достижения кровавой гражданской войны, но и Великой Отечественной. И лишь можно себе представить, с какой обидой, с какой болью вопиют в своих бесчисленных могилах миллионы и миллионы зарытых наших солдат: за что мы гибли?!

Слышат ли их? Услышат ли?

Вот почему патриотическая пресса Страны Советов принимает меры, чтобы в уши наших «владетелей» текла не только патока льстивых и лукавых похвал из-за «бугров», но и потревожили их изнеженный слух глухие голоса погибших на полях бессчетных боев за свободу и достоинство нашего Отечества.

Страна больна... С этим трудно не согласиться. Но дело-то все в том, что болезнь приносная, привитая, страну умышленно заразили. На наших глазах СПИД перестройки доканчивает иммунную систему социализма. Зараза становится роковой, неизлечимой. Организм нашей еще недавно великой державы сокрушен и разваливается на бесформенные части. Заразители, по существу преступники, громче всех вопят о бедствии и делают вид, что стремятся найти лекарство. Государственная власть свелась к уговорам и воззваниям. Политическая деятельность превратилась в эстраду. А исподтишка творится самое великое преступление: из великой державы кроится пестрый конгломерат мелких княжеств.

В такие роковые мгновения необходим искуснейший врач, который не побоялся бы взять на себя всю ответственность за сложное, труднейшее лечение. Это должен быть решительный человек, способный положить конец господствующему хаосу и разложению, прекратить парад спеси и вожделений темных людишек, стремящихся любой ценой стать пусть маленькими, пусть ничтожными, но владыками!

Только что закончился съезд писателей России. Нет, не так уж больна наша страна. По крайней мере, имеется немало людей и понимающих все происходящее, и знающих надлежащие меры. У нас еще не все заражено, не все отравлено, не до конца выболело. Сил еще достаточно!

А нынешняя подписка? Даже в условиях жесточайшей вражды, несмотря на тщательно организованную «демократами» и их приспешниками в органах связи антиподписную кампанию на журнал «Молодая гвардия», он сумел собрать 400 тысяч подписчиков. Эти люди, можно сказать, пробились к своему журналу. Он им уже стал необходим, они наши верные друзья, единомышленники.

Так что не все еще потеряно.

Мы впали в странное состояние, воистину непостижимое: мы словно любуемся своим падением, даже упиваемся этим.

Словно некие акакии акакиевичи, мы всю жизнь тянули жилы и «строили» себе приличную шинель. Вроде бы «выстроили»,

хватило запасов и умения, как вдруг неведомо откуда налетели охальники, приставили к носу кулачище без малого с чиновничью голову и не только стащили с плеч шинель, но и оставили без исподнего, ограбили донага.

И словно сам всевышний поразил наш разум: вместо привычного русского отпора мы ударились в рыдания, — впрочем, не слишком громкие, зачастую потаенные, боясь надзирающих палачей.

Что это: наваждение, всеобщее помрачение воли и рассудка? Что с нами происходит? Где наши дух, удаль, память наших исторических побед? Неужели, как и при татарах, снова должно истечь два с половиной века всяческих унижений и поношений, чтобы мы все, как один, явились во всеоружии на новое поле Куликово?

Это отступление продиктовано исключительно тем, чтобы помочь читателю вникнуть в причины настоящих вакханалий и кощунств, творящихся на наших глазах, а заодно и понять причины поразительной смелости Дмитриева-младшего, вдруг начисто забывшего о своих давних покаяниях и клятвах и рьяно бросившегося в бой за честь и достоинство своего родителя-преступника.

Кто видел, как плачут старые солдаты? Плача, собственно, нет. Это же не дети! Какая-то влага на глазах, высушенных в окопах, стеснительный жест согнутым в крючок пальцем по ресницам. И — желание провалиться, сделаться невидимым, не выставляться в таком виде.

Зрелище невыносимое!

Слезы стариков способна выжать лишь жгучая обида. Боль они привыкли терпеть. Но от обид невтерпеж.

И вот еще одно наблюдение: торжество обидчика, гонителя, клеветника. Тоже ведь не молод, даже старше, но какая же радость злорадства разлита по физиономии, молодеют глаза, разглаживаются морщины. Именины сердца! Добился своего, «достал».

Думаю, так не радуется даже боксер, удачно пославший своего соперника на пол.

Надо быть Достоевским, чтобы копаться в недрах и извивах человеческой души, доискиваться до истоков подобной радости. Я же всего лишь описатель, привык излагать одни факты и ничего, кроме фактов.

Фамилия Гурария в моих статьях уже встречалась. Загадка, а не человек! Сильно за восемьдесят, но бодр удивительно, подвижен на зависть. Иногда думается, что подобное долголетнее здоровье обеспечивает ему именно ненависть: стремление прищемить, унизить, выжать у противника слезы. Появляется, если хотите, смысл жизни, цель оставшихся дней, своеобразное питательное горючее для мотора неугасимых вожделений. Жив буду, пока их всех не передавлю!

Причем ненависть почему-то именно к тем, кто не вылезал с передовой, в кого в любой миг могла ударить вражеская пуля, шальной осколок.

Что стоит за этим? Какой еще неизученный комплекс?

Может быть, что-то от ущемленного после войны сознания, что сам-то всю войну прооколачивался в тылу, будучи начальником дивизионного клуба.

Все может быть. Человек воистину великая загадка.

Мне довелось читать письмо вдовы Героя Советского Союза

В. Графчикова. Гурарий навалился на него за поддержку заслуженного воина и писателя Падерина, обвиненного тем же Ю. Дмитриевым чуть ли не в мародерстве. Грозил и стращал. И своего добился. Бывшему разведчику, отважному «сталинградцу» стало плохо. Жена вызвала «неотложку», старого солдата увезли. Домой он вернулся уже в гробу.

Я внимательно вглядывался в дряблое, отекающее лицо Гурария. Нет, ни капли раскаяния. Наоборот — само вдохновение, азарт. Кто там следующий?

Стал «доставать» подполковника запаса В. Яцкевича. Тот тоже не смолчал и молвил слово в защиту бедняги Падерина. Ну, как Гурарий обрабатывал дочь ветерана — уже писалось. Но дьявол не отстал. Он накатал жалобу в военную прокуратуру, обвинив Яцкевича в том, что тот дезертир и самострел.

Начальник дивизионного клуба обвинил старого окопника в том, что он, видите ли, сам в себя стрелял. Собрались врачи, раздели бывшего фронтовика, стали совать пальцы в старые раны. И счастье Яцкевича, что раны оказались не от пуль, а от осколков. Тут логики хватило даже у самых ретивых неверующих. Что же, он сам себя подрывал гранатой или снарядом? Своими глазами читал уведомление прокурора Сибирского военного округа: «Состава преступления не обнаружено». А грязный навет Гурария? Разве за это не положено судить? Нет, оказывается, не положено. Гурарий выше любого закона.

А Яцкевич, получив на руки спасительный документ, скончался. Они же стары, наши ветераны, изношены в окопах, в атаках. Много ли им сейчас требуется? На это, собственно, и расчет Гурария. «Достал» грязным словом, он и готов.

Плачут, плачут наши старые солдаты, трут корявыми ладонями глаза. И — стыдно им, больно им, невыносимо им! Мало нас калечили фашисты, так теперь нет покоя и дома. Дайте хоть умереть спокойно!

Нет, не дают.

Тот же Гурарий после Графчикова и Яцкевича принялся за кавалера трех орденов Славы В. Гончарова. Дескать, никто его не награждал, это он сам себя умудрился трижды наградить. И снова завертелась унизительная карусель проверки, снова сияет дряблая физиономия Гурария, и снова на пределе, со сбоями колотится изношенное сердце ветерана, ноет истончившаяся аорта, активно сокращая и без того невеликий срок оставшихся на белом свете дней.

Что, собственно, и требуется клеветнику.

Когда же кончится глумление? Кто положит предел кощунству? Никто. Особенно у нас. Особенно сейчас.

В Мюнхене издается на русском языке журнал «Страна и мир», в нем недавно опубликована статья некоего А. Минкина, активного сотрудника «Огонька», «Московских новостей», а теперь еще и «Столицы». Помимо статьи, мне довелось слышать и голос самого журналиста. Находясь в гостях на радиостанции «Свобода», он проникновенно разглагольствовал о том, что Гитлера пора реабилитировать. Ведь на Советский Союз он напал не как поработитель, а совсем наоборот — как освободитель. «Я боюсь, — высказал опасение оратор, — что на меня обидятся евреи». А мне почему-то кажется, что обидятся не одни евреи, а все народы, которым гитлеризм, фашизм нес кабалу и истребление.

А вполне возможно, отыщется и еще какой-нибудь **выверт ень**, за сорок пять лет забывший о трубах нацистских крематориев.

Надо было видеть и слышать, как Гурарий на суде, взмахами рук обозначал стратегические удары по Зееловским высотам и по Берлину. «Это мы брали...», «Это мы не смогли взять...»... Воистину из-за кулис дивизионного клуба видно дальше, больше, нежели с командного пункта армии или непосредственно с полей сражений.

Так незаметно складывается, что история нашей кровавой войны пишется такими вот клубными затейниками.

Он же, этот Гурарий, предъявил суду документ, из которого я впервые узнал, что политрук заменил в бою комбата и вместе с бойцами отразил десять вражеских атак.

Надо себе представить, с каким ожесточением дрались под Берлином обреченные фашисты. И наши солдаты во главе с политруком Падериным не раз и не два, а десять раз заставили их сначала залечь, а затем и откатиться от наших рубежей. Подвиг — иного слова не подберешь. Однако Гурарий предъявил его суду как доказательство вины Падерина. И, судя по решению суда, эта «вина» старого солдата была учтена.

Надо, надо поскорее реабилитировать «освободителя» Гитлера! Благо, сейчас у нас плюрализм, свобода митингов и собраний, свобода мнений, убеждений.

Смотрю на толпы митингующих, наблюдаю их перекошенные в ненависти губы, белые, безумные глаза. Простите, и это вот называется свободой? Ох, кровавое заблуждение! Свобода — чего? Ненависти? Жажды крови? Толпа на улице еще ни разу не выдвинула лидера. Она выдвигает фюрера. Самое бы время задуматься над тем, что скоро, очень скоро грянет. Демонстрации, демократия... Корень этих слов, конечно же, не «демос». Скорее «демон». И косогубая толпа обрадованных послаблением рабов неминуемо вознесет над собою и страной какого-нибудь нового Адольфа Виссарионовича Пиночета.

Это самая настоящая беда, что История ничему нас не учит. А уж, казалось бы, примеров множество...

Кстати, фашизм всегда начинал с коммунистических погромов.

Все-таки сколько же в этих людях накопилось злобы! Устойчивой, застарелой, сжигающей изнутри. Как им хочется мстить!

Но кому, за что?

Линия фронта — жестокая линия. Люди по обе ее стороны держат в руках оружие и стараются опередить противника в убийстве. Кто более искусен, тот и побеждает. И проигравшему приходится испивать всю горечь поражения. Так что вся вина победителей в том, что они не поддались и одолели. Но потому-то и злобятся побежденные!

Больше года длится марафон преследования Дмитриевым меня за то, что я осмелился молвить слово в защиту старого солдата. В вину ставится буквально любое определение. Поэтому стучу на машинке и ощущаю над своим плечом сопящую физиономию преследователя. Чуть что — и будет спущена целая рать игорей марковичей, следователей, судей.

Вот, кстати, еще одно попутное замечание. Во всех средствах массовой информации прямо-таки наотмашь клянутся и разносятся Сталин и сталинизм, Ленин и ленинизм, Маркс и марксизм, не го-

воря уже о партии, Советской Армии, КГБ, советской власти*. А один наиболее оголтелый плюралист с высокой кремлевской трибуны посмел назвать наших военных подонками! И — ничего, как с гуся вода. Но попробуй кто бросить в их адрес хоть одно жесткое слово! Затаскают, замордуют. Им все можно, о них — ни боже мой. Так пресловутый плюрализм превратился в самый настоящий, ничем не прикрытый террор.

Вспоминается, как «пужал» меня во время первого судебного разбирательства Игорь Маркович. Когда ему не хватало веских аргументов, он принимался устрашающе выпучивать глаза и «жал на голос». Не знаю, может быть, в каком-нибудь подвале, в забрызганном кровью застенке такой прием срабатывает без осечки. Но при белом-то свете, да без конвоя, да еще и при людях грозный устрашитель становился попросту смешон. Впрочем, надо отдать ему должное: он сам усекает свою комичность и тут же меняет манеру. Вспоминаю, как он чуть ли не нараспев стал выкручиваться, когда речь зашла о правом и левом берегах Волги во время Сталинградской битвы. Он чуть не пропел: «Какая, слушайте, разница: берег левый, берег правый» — и ручкой эдак помахал и вильнул в такт всем своим тощим гончим телом. А как дергал за рукав Гурария, когда тот заговаривался и выбалтывал скопившуюся на душе ненависть. А как устремлялся после заседания к судейскому столу, и за ним вся его рать. О чем они там толковали с судьей — можно только догадываться. Вполне возможно, что о погоде. Но мне запомнился случай, когда я обронил фамилию одного писателя, Игорь Маркович со своего места махнул рукой судье, и та немедленно объявила перерыв. Разумеется, мне и в голову не приходит подозревать тут некий сговор, однако... что-то ведь стоит за всем за этим!

Уже упоминалось, как Игорь Маркович с Гурарием предъявили суду документ, из которого явствовало, что в боях под Берлином политрук Падерин заменил убитого комбата и вместе с бойцами отразил десять вражеских атак. Тогда мне показалось, что по своему недомыслию Игорь Маркович совершил непростительный промах. Газета выставляет Падерина как труса и мародера, а тут, видите ли, появляется на свет доказательство настоящего воинского подвига. Но нет, оказывается, Игорь Маркович, как шахматист, считал варианты дальше. И вот настали дни, когда подвиг во славу Победы оборачивается преступлением, гибнут замордованные Графчиков и Яцкевич, предательство Дмитриева-старшего возводится в достоинство, и его воспрявший духом сын изо всех сил «достает» человека, посмевшего усомниться в благих деяниях бывшего вора, беглеца и предателя.

Тут самое время представить читателю следователя прокуратуры, с которым мне пришлось иметь дело. Юрий Николаевич Курицын еще замечательно молод, он мне годится чуть ли не во внуки. Как я догадываюсь, свою юридическую деятельность он начал уже в годы перестройки. На его лице постоянная улыбка, в глазах какое-то разудалое выражение, — не подберу подходящего слова. Но как они мне знакомы, эти двухэкранные глаза!

* Все уже у нас оплевано, перечеркнуты все наши достижения, остался последний рубеж патриотизма: наша великая Победа над фашизмом. На наших глазах идет решительный штурм этого рубежа. Так, через 45 лет после поражения фашизм мстит своим славным победителям!

На первых порах мы беседовали вполне мирно. Он упрекал меня за жестокость суждений. «Ну и что, что Дмитриев оказался на оккупированной территории? Он же шел не куда-нибудь, а домой, к семье!» Пришлось напомнить, что у каждого из бойцов на фронте имелась семья, однако они сражались, били ненавистного врага. Кажется, именно тогда он и упрекнул меня: «Ну, у вас устарелое мышление!»

Чего тут было больше: недомыслия или завидной молодости или же новейших установок перестроечного мышления?

Мало-помалу, однако, стало вырисовываться грозное обвинение в «заведомо умышленных измышлениях». А это грозит тюремным заключением до трех лет.

В обвинение необходимо вдуматься и разобраться. Там важно каждое слово. Выходило, что я прекрасно знал о полнейшей невиновности Дмитриева-старшего и все же не унимался, продолжал клеветать на него, позорить. Разговор наш со следователем порою напоминал диалог двух глухих. Разве Дмитриев не совершил хищение? Совершил. Об этом в «Персональном деле» его сына имеется документ. Разве он не сбежал во время этапирования из-под стражи? Сбежал. Разве он не оказался в оккупированном Краснодаре? (Даже пусть шел к семье!) И с какою целью он, едва Советская Армия приблизилась к Краснодару, взял снова ноги в руки и дернул вместе с немцами дальше на Запад? Заметим, что, удирая, он оставлял как бы заложниками жену и сына. Уж он-то знал, как поступали в те времена с семьями изменников. И кара не замедлила опуститься на несчастную семью: жена беглеца была осуждена, как «член семьи изменника Родины». Имелась тогда такая статья, лепились такие приговоры.

Позднее выяснилось, что следователь скрупулезно «обкладывал» меня со всех сторон. Им были запрошены издательства, поликлиники, даже наш ЖЭК. Я уж не говорю о Союзе писателей. И все эти организации были обязаны представить на меня исчерпывающие характеристики. Наш ЖЭК, например, сухо информировал, что квартплата мной вносится своевременно, жалоб соседей не поступало, но вот в общественной жизни домоуправления я участия не принимаю. О, вот уже и улика? Все хлеб! Кто знает, быть может, на предстоящем суде эта моя инертность к общественной деятельности ЖЭКа весьма весомо падет на чашу обвинения.

Некоторое участие проявили наши медики. За тремя подписями они уведомили следователя, что нервы у меня и сердце ни к черту и с допросами следовало бы быть поосторожнее. Мало ли... С некоторых пор Курицын, когда звонил и тягал меня на допросы, первым делом с фальшивой заботливостью осведомлялся, как я себя чувствую. Не могу забыть наш первый диалог. Как водится, на подобный вопрос моего собеседника я не задумываясь ответил: «Вашими молитвами!» И тут молодой следователь чистосердечно выпалил: «А я за вас не молюсь!» Трогательная откровенность, надо признать...

Допросы проводились нудно, даже занудно. Одно и то же: почему я считаю Дмитриева-старшего изменником? И раз за разом я повторял одно и то же: исключительно потому, что он украл, бежал из-под стражи и, найдя защиту у фашистов, вместе с ними удрал от наступающей Советской Армии. Миллионы советских граждан нетерпеливо ждали освобождения от фашистской оккупации, и только Дмитриев боялся этого освобождения пуще огня.

Кое-чего мне все-таки удалось добиться. После долгих проволочек Курицын счел нужным снять с меня обвинения в том, что я заведомо ложно обвинял Дмитриева-старшего в краже и побеге из-под стражи. Осталось одно: я продолжал настаивать, что переход на сторону врага по ст. 64 нашего Уголовного кодекса квалифицируется как измена.

— Но как вы докажете, что он именно перешел линию фронта?

— Очень просто: был у нас и вдруг после побега оказался там.

— А документами располагаете?

Как будто я мог идти с ним рядом или кто-то мог зафиксировать непосредственно этот факт.

— Но жена-то его была осуждена!

А тут, хотите верьте, хотите нет, но начинается что-то не вполне вразумительное. Да, соглашается Курицын, она осуждена, но кто конкретно из ее семьи является «изменником Родины»?

Позднее мне стало известно, что Дмитриев-сын специально побывал в родном Краснодаре, получил доступ к документам о судьбе своей матери. Что уж он там раскопал, что мог предпринять — можно только гадать, однако в папке следователя находится справка из УКГБ края. Справка, надо сказать, увилистая. Вместо копии давнишнего приговора (а там, само собой, четко названа вина того, за что получила жестокий приговор несчастная женщина) управление позволило себе туманное заключение: неизвестно, за вину какого родственника страдает мать журналиста. И это становится основным козырем обвинения! Да, получила приговор, но вот за кого — гадайте.

Что тут будешь возражать? Семья Дмитриевых состояла из мужа, жены и ребенка (может быть, даже двух). Жену, как видим, осуждают, как «члена семьи изменника Родины». Простейшая арифметика: от трех отнять единицу. Остаются, таким образом, двое: муж и ребенок. И вот следствие предлагает «мучительную» проблему: который же из двух — взрослый вор и беглец из-под стражи или же ребенок изменил Родине?

В общем, классический пример: «Ты виноват уж тем, что хочется мне кушать!»

Забавное свидетельство представил следствию один из нынешних руководителей газеты «Труд». Он уверенно утверждает, что Дмитриев-старший бежал с немцами из Краснодара потому, что спасался... от гестапо. Это, конечно, смешно, если бы не было так грустно. Неужели трудно сообразить, что от гестапо спасаются в ту сторону, где его нет, то есть навстречу наступающим советским войскам. А в тылу немецких войск, куда дернул предатель, гестаповцев пруд пруди, да еще и свирепая фельджандармерия!

Так что Дмитриев, спасаясь от Советской Армии, бежал под защиту как раз кровавого гестапо.

Впрочем, чему уж удивляться? Это же «Труд» открыла кампанию против ветеранов, а прошлой весной единственная из советских газет ударила в тревожный колокол, оповестив, что в Харькове начались еврейские погромы. Колокол звякнул и умолк, никто не подхватил провокационного трезвона, ибо без всякого труда открылось, что газета выдала желаемое за действительное: в Харькове из десятка ограбленных квартир две оказались принадлежащими лицам еврейской национальности. Надо же было дурням грабителям не заглянуть предварительно в пятый пункт своих

жертв! За грабеж их могут и помиловать, а вот за «моднейший» в наши дни антисемитизм наверняка схлопочут «десятку» *.

Неправедные дела, как правило, совершаются втихомолку. Даже малейший свет гласности хватает гешефтмахеров за ухо. И вдруг газета «Литературная Россия» отважилась прорезать тьму безгласия и секретности и направила этот луч на то, как в наши перестроечные дни ломается судьба немолодого русского писателя, безжалостно брошенного под каток оголтелых «демократов». В одном из номеров газеты появилось интервью со мной. Скрывать мне было нечего, все было выложено как на духу. И что же? Следователь Курицын немедленно потребовал к себе «виновного» журналиста, молодого парня, и грозно напустился на него: как смеешь? Едва-едва тому удалось избегнуть уголовного обвинения...

«Доставал» меня следователь разнообразно, изощренно. Что поликлиника, что ЖЭК! Победительные глаза Курицына, казалось, не знали ни сна, ни даже дремоты. В самый разгар следствия мне выпало с группой журналистов срочно слетать в Ирак. Интереснейшая командировка! В несколько дней были оформлены визы, получены билеты. И вдруг в праздничный ноябрьский день, когда все население как бы расслабляется и отдыхает, забыв служебные дела, у меня дома раздается телефонный звонок: Курицын.

— Это вы почему улетаете?

— А вы откуда знаете? — изумился я.

— Да уж знаю!

И, признаться, тревожно стало, когда я слушал выступление Председателя КГБ СССР Крючкова В. А. Он во всеуслышание объявил, что в нашей стране действуют не такие уж тайные силы, которые и устанавливают адреса нежелательных людей, и ведут за ними слежку. Для чего — думаю, пояснять не надо. К тому же в руках у меня номер «Еврейской газеты», издающейся с недавних пор в Москве. Там на целую полосу — интервью с одним из предводителей сионистских боевиков (организация «Бейтар»). Откровенничает боевик без всякого стеснения. Очень советую почитать всем, кто до сих пор придерживается мнения, будто сионизм — это всего лишь стремление к разучиванию еврейских народных песен.

Отчет о судебном разбирательстве, опубликованный в № 5 «Молодой гвардии», представляет собой обычную журналистскую текучку — репортаж о состоявшемся суде. Тем более я там изложил только то, что говорил и суду, ничего не прибавил. И все же следователь вменяет мне этот репортаж в добавочную вину и выносит постановление: взыскать с меня полученный гонорар.

Хоть чем-нибудь да допечь!

Как-то он под настроение завел со мной разговор о сумме гонорара, полученного за «Ночные беседы». Я уж и забыл, сколько мне выписала бухгалтерия. Но Курицын помнил все до копеек. И с сожалением признался он, что не находится достаточных оснований, чтобы взыскивать с меня и эти деньги.

Представляю, как реагировали люди в канцеляриях, получив

* Не могу забыть глаз Игоря Марковича, когда он вдруг ни к селу ни к городу призвал суд немедленно привлечь меня к уголовной ответственности по ст. 74 за антисемитизм (как Осташвили). Речь шла о «сыне полицая», а выскочил антисемитизм! Но все было сказано глазами. О, какие запасы застарелой ненависти отразило это «зеркало души»! Вот и толкуй с таким о «консенсусе»!

требование прокуратуры дать обо мне исчерпывающие сведения. Не исключено, что кое-кто и поскребет в затылке. А черт его знает, этого Кузьмина, может быть, он и человека убил. Недаром же запрос пришел!

Уж не на это ли еще один расчет гонителей?

Скрупулезное «обкладывание» меня прокуратурой вызвало немало толков и пересудов. Один из почтенных писателей как-то встретил меня и с грустью заметил:

— Чудны дела твои, Господи! Москвичи воют от бандитизма, а прокуратура знай себе «ловит» старых и больных писателей!

Потом он поманил меня пальцем и как бы по секрету:

— Ты думаешь, ты им нужен? Чудак. Им «Молодая гвардия» нужна!

Вполне может быть. Патриотическим изданиям сейчас приходится тяжело. «Рыцари» и «прорабы» изо всех сил стараются свернуть им шею. И для этого годится любой повод.

Куда обращается русский человек в минуту отчаяния? По традиции — к богу или к царю. Но «до бога далеко», а царя у нас нет. Поразмыслив, решил еще раз воззвать к самому нашему главному руководителю, к Президенту. Больше некуда!

Так появилось то самое послание «наверх», которое приведено в начале статьи.

Естественно, смешно надеяться, что Президент, загруженный важнейшими делами сверх головы, найдет время для чтения всех писем. Однако надо полагать, что в его штате достаточно помощников, чьи уши должны быть открыты для воплей представителей народа.

Напрасные надежды!

Примерно через месяц вынимаю из почтового ящика ответ. Но только не из канцелярии Президента, а от тех, на кого я жаловался, — из прокуратуры Кировского района

«Гр-ну Кузьмину Н. П.

Сообщаю, что Ваше заявление, адресованное Президенту СССР, рассмотрено и приобщено к материалам уголовного дела.

Возбуждение уголовного дела и предъявление Вам обвинения в совершении преступления, предусмотренного ст. 130 ч. 2 УК РСФСР, признано обоснованным. Оснований для прекращения уголовного дела не имеется.

Заместитель прокурора района В. А. Круглов».

Как видим, ничего не изменилось в нашей державе. И пусть всяк оставит надежды на высшую справедливость. Начальству не до нас.

Интересно лишь, почему «сигналы» того же Гурария ни разу не постигла подобная участь? Что это за умелец? Или ему ведомо некое «петушиное слово»?

Итак, меня упрямо обвиняют в «совершении преступления». И с новой силой возникает боль в груди. В чем же мои грехи перед советской властью? Что встал на сторону гонимых и униженных и не смолчал о своем мнении о поведении человека, который сначала украл, затем бежал от конвоя, а затем... однако, стоп!.. Как же теперь, чтобы не попасть под Уголовный кодекс, называть дальнейшие его поступки?.. Изменой — нельзя, предательством — запрещено, перебежкой к врагу — тоже не сметь!.. Может быть, перелетом?.. В общем, трудно подыскать подходящий термин, тем более что сам Курицын, когда я его об этом спрашиваю, отвечает лишь своей безбрежной улыбкой. А в самом

деле, вот бы получить официальный термин для таких поступков! Именно сейчас, спустя половину века после жесточайшей войны за само наше существование. Тогда — да, измена. И кара следовала незамедлительно. А сегодня? Неужели что-то близкое к «истинному патриотизму»?

Настойчиво добивался я ответа на этот свой вопрос, однако за все время моих мытарств ничего определенного так и не услышал.

Деятельно, очень деятельно борется со мной прокуратура. Не успел получить «прокурорский привет от Президента», как узнаю, что пришла «телега» в правление Союза писателей. Смысл этого документа примерно такой: как вы можете спокойно сидеть в своих кабинетах, когда буквально у вас под носом ваш же человек творит черт знает что!

Мой родной Казахстан долгое время был краем ссыльных. Из разговоров с пострадавшими я уяснил три правила заключенных: не верь, не бойся, не проси. В самом деле, прекрасные правила! Что ж, проверим, видимо. Дело идет к тому. В самом деле, что им помешает поступить со мной, как с печально известным Осташвили? За самое обычное хулиганство вместо положенных пятнадцати суток ему мстительно врезали два года лагерей.

Мое же преступление пострашней: я посмел «высунуться» поперек новейшей «демократии».

Попутно поделюсь любопытной информацией, полученной мной из первых рук. В 1989 году накануне праздника Великого Октября во всех райкомах партии Москвы собирали так называемый актив для своеобразного инструктажа. В частности, сказано было, что деструктивные силы, обладая неограниченными финансовыми и техническими возможностями, уже сумели нанять за большие деньги десятки лучших юристов, способных как провалить, так и выиграть любой судебный процесс. Так что стоит ли после этого удивляться крепким приговорам!

Не хотелось бы останавливаться на всей дурно пахнущей истории с Осташвили, однако у меня имеется несколько замечаний, а также собственных наблюдений.

На вечера в ЦДЛ я никогда не хожу, поэтому о широко разрекламированном скандале знаю по рассказам очевидцев. Но на процесс отправился — интересно глянуть собственными глазами. Скажу сразу: очень все не понравилось. Уж как-то все слишком напоказ, на истерической ноте. На кой дьявол ему вообще понадобилось заявляться на вечер «Апреля»? Мало ли что — открытый микрофон. Вход в мечеть, синагогу, церковь тоже открыт всем, однако если туда вопрется какой-нибудь хам и бузотер, оскорбляя верующих, его немедленно следует призвать к порядку. Что же, Осташвили не знал, куда шел? Прекрасно знал. И все же отправился? Зачем? Вот тут-то и зарыта собака! А все остальное было, как говорится, делом техники. Орудовали не столько юристы, сколько сионисты. Особенно усердствовала наша пресса. На весь мир было продемонстрировано великое единство сил. Даже А. Макаров, ретивый защитник Ю. Чурбанова, спешно сменил квалификацию — из адвоката сделался прокурором и на процессе выступил пламенным общественным обвинителем. Подобному «многостаночнику» ничего не стоит и занять кресло председателя суда. Представляю, какой конвейер пойдет обвинительных приговоров!

Короче, вот мое замечание. Недаром, ох, недаром «демократы» во все горло орут о некой опасности «русского фашизма». Они прямо-таки рвутся к террору, и Осташвили был пробой сил. Все у них в общем-то готово, нужен лишь толчок, казус белли, такой, как некогда убийство Кирова. Думаю, что в этом случае сгодится и новая «шутка» Ельцина, авторитет которого в народе катастрофически падает. Что ему стоит вновь прыгнуть с какого-нибудь моста, однако на этот раз уже не так удачно и стране будет показан «утоплый труп мертвого человека». Убийц искать не придется, имена их на устах всех «демократов». И начнется: ату их!

Обращает на себя внимание еще одна красноречивая деталь. Как известно, в разгар процесса над Осташвили обвиняемому кто-то сунул записку о том, что его собираются взять под стражу. И он дрогнул, скрылся из дома, не явился на заседание суда. Что и требовалось! Выследить неопытного беглеца не стоило никакого труда — у сионистов прекрасно налажены не только службы наблюдения, но и действуют отряды боевиков. И Осташвили засекли в парикмахерской... Так вот и мне, едва я вернулся из Ирака, тоже посоветовали скрыться на месяц-полтора. С какою целью? Да просто так. Но у меня хватило ума не внять совету, я продолжал аккуратно являться на утомительные допросы. Приходил, сосал нитроглицерин и «доказывал, что я не верблюд». Думаю, аккуратные явки по первому требованию и спасли меня от наручников, от камеры предварительного заключения. Повода-то нет, а общественной угрозы моя личность вроде бы не представляет.

И вот сижу в прокуренном, темноватом коридоре, дожидаюсь, пока освободится следователь. Иногда он пробегает мимо и на ходу бросает деловито: «Сидите, сидите!» Слышится стук сапогов, снизу поднимаются несколько милиционеров. К левой руке одного из них пристегнут наручниками рослый парень с непокрытой вихрастой головой. Вся группа вваливается в один из кабинетов.

Воображение болезненно играет: вот и меня, видимо, таким же манером стали бы привозить... И снова: но за что, за что? Разве я оскорбил, оклеветал героя, патриота, положившего жизнь свою на алтарь Отечества? Что происходит? Господи Боже, поднялись бы из своих могил те миллионы погибших на полях войны солдат! Но их нет, они замолкли навеки. А законы нашего Отечества понемногу изгибают так, что виноваты в общем-то оказываются как раз погибшие в сражениях и правы те, кто этих сражений избегал...

Мой следователь как-то похвалился, что его консультирует некто Гальперин, один из «китов» нашей юриспруденции, чуть ли не автор «моей» статьи 130. До нынешнего года жизнь нашей страны текла как-то так, что ни одного человека еще не привлекали к ответу по этой самой статье. Она еще, так сказать, нецелованная. И вот я — первый. Будто бы Гальперин дал следствию свое авторитетное добро: «Привлекайте смело!»

Что ж, рать сплоченная: и консультанты, и исполнители. Был бы человек, а статья найдется! А тут и статья, и человек. Остальное, думается, дело техники, в том числе и телефонной. Судьи-то ведь тоже живые люди.

— Так, — бодро произносит следователь и протягивает мне лист бумаги, — пишите сверху, крупно: «Обязательство». Написали? Подчеркните.

И принимается диктовать. Своей рукой я составляю документ, своего рода «кабальную запись», по которому уже целиком себе не принадлежу, сам себе не хозяин. С сегодняшнего дня «владетелем моей души» является вот он, Курицын. А мне, как назло, буквально через несколько дней предстояло улетать в загранкомандировку, чтобы затем написать об этой поездке книгу. Ну не досада ли?

...Уши мои оглохли от замысловатых, совершенно непонятных слов: консенсус, конвергенция, стагнация, парадигма. Какой-то воистину обезьяний язык! Уж не они ли, эти термины со своим непонятным русскому человеку содержанием, принесли желанные изменения в судьбе моего многострадального народа? Может быть, они и мне в чем-либо помогут? Ох, едва ли. Моя «парадигма» ясна, как просека: на скамью подсудимых, а там и на этап. Но, может быть, возможен консенсус? Но для этого я должен согнуть шею и покаяться перед сыном вора и предателя да еще броситься на колени перед победительным Курицыным. Только в чем каяться-то, в чем просить прощения?

Нет, с моим рассудком происходит что-то не совсем объяснимое! Смотрю на своего молоденького следователя и рассуждаю примерно так: ну не таким же он родился, таким его сделали, воспитали. Как я уже говорил, он сущее дитя перестройки. Но вот что интересно. А что, если советская власть вернется, восстановится? Само собой сразу же возникнет тема исторического возмездия: счет предъявят истребленные ветераны, оболганные герои, сокрушенные монументы, оскверненные могилы. Давно ли было время, когда в страшных застенках орудовали мальчишки-лейтенанты, вышибая из арестованных нелепые признания. Впоследствии они чистосердечно таращили преданные глаза: «А нам так приказали!»

Страшные приказания, что и говорить. Но в этом лишь половина правды. А что же сами-то мучители? Или у них начисто отключили и рассудок, и самую душу?

Снова испытующе смотрю в бешено веселые глаза своего следователя. Дипломированный же юрист, профессионал-законник! Неужели ему неведома статья 176 Уголовного кодекса: «привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности»? Все, все ведомо. А между тем...

Страшно, очень страшно нынешнее растление молодежи. Ну о засилье порнографии и всяческого бесстыдства не стоит больше говорить. Мои мысли о другом. Творится растление общественное. По существу, в нашу Конституцию вносится статья о праве на предательство, о праве на запасную Родину. В самом деле, кто так уж озабочен проблемами выезда и въезда? Уж не колхозник ли? И очень показательно, кстати, что в Верховном Совете России от колхозного крестьянства присутствуют всего лишь шесть депутатов, примерно столько же, сколько делегировала в этот верховный орган власти одна редакция «Аргументов и фактов». Так что уж тут толковать о правах колхозников. Им всем учреждены сплошные обязанности — работать до гробовой доски. Права же для других, совсем иных, почти что избранных, с голубою кровью... И вот бегут за рубежи нашей державы скрипачи и трубачи, остаются трактористы и комбайнеры. И беглецы грозно требуют права вернуться в тот момент, когда комбайнеры наработают и запасут достаточно. «Вы боритесь, а мы подождем!» Цинизм поразительный. Но самое поразительное в том, что этим

цинизмом призывают восхищаться комбайнеров и доярок, словно недосягаемою для них гражданскою доблестью.

Старший Дмитриев, благополучно избежав наказания, после войны обосновался в Италии, в прелестном городке Сан-Ремо, женился, открыл кабачок. Через тридцать лет после Победы его потянуло на Родину, ему разрешили вернуться. Он поселился в Москве, в новом районе, и, как уже упоминалось, ему здесь многое пришлось не по душе. Оно и понятно, после беспечного и солнечного-то Сан-Ремо!

Муза истории — дама бескомпромиссная. И она не знает отдыха — история творится ежедневно, ежечасно. Благодаря этому ничто не исчезнет, не канет бесследно, безвестно.

К чему я веду? Сейчас громадное внимание уделяется поиску могил жертв сталинских репрессий. Кто спорит — надо, необходимо. Но почему мы попутно допускаем вопиющее кощунство: равнодушно топчем братские могилы погибших в боях солдат? Причем не на кладбищах, нет! На наших улицах... Судите сами: осенью и зимой 1941 года линия обороны Москвы проходила там, где сейчас выросли новые кварталы. Один блиндаж как памятник сохраняется возле станции метро «Калужская». Сражения тогда, как мы знаем, кипели отчаянные. Наши защитники гибли полками, дивизиями, даже армиями. А ведь это десятки, сотни тысяч жизней. И каких жизней: лучших из лучших! Все они полегли ради нашей с вами свободы. И что же — все они похоронены по-человечески? Все они названы по имени? Задумываемся ли мы об их горькой судьбе, когда спрыгиваем с подножки троллейбуса, — может быть, прямо на заасфальтированную братскую могилу бойцов, погибших той снежной и морозной зимой, когда на кону стояла не только судьба столицы, но и всего нашего народа?

И вот, читая подшитые в «деле» показания дважды Героя Советского Союза Леонова о том, как Дмитриев-младший залучил его к себе в гости и как там, за столом, стал брюзжать на советский быт вернувшийся из развеселого Сан-Ремо Дмитриев-старший, я не могу забыть о тех, кто мерз той зимой в окопах и выскакивал в своих шинельках, с винтовкой наперевес навстречу орущим немецким автоматчикам. Они полегли в бою, а он остался жив. Они уже истлели в родной земле, а он, славно пожив в солнечной Италии, теперь вернулся в уцелевшую от врага Москву, бродит по могилам павших бойцов и брюзжит, брюзжит...

Писатель испытывает постоянную потребность свободно выражать все, что он чувствует, думает, видит, переживает, невзирая на лица. Это не только его право, это его обязанность. Но что же получается? Пишу репортаж из зала суда — нельзя. Вступаюсь за оскорбленного героя войны — не смей. Поднимаю голос в защиту святейшего чувства — патриотизма — оказываюсь закоренелым преступником, уголовником. Что это, если не террор?

Странно, однако, утверждая, что на таких весах, как смертельная война с фашизмом, не было и не могло быть никакого рынка идей, что проблема личного участия каждого в Победе была поставлена самой нашей историей, я вдруг оказываюсь инакомыслящим, почти что диссидентом. И меня судят за мои взгляды, за убеждения, со мною расправляются по ст. 130, которая, как видно, призвана теперь заменить некогда грозную для недавних диссидентов ст. 70 («распространение заведомо ложных слухов»).

Да, самый настоящий террор, крепкое затыкание рта. За пат-

риотизм преследуют, как за фашизм. Вспомните: огромный коллектив писателей России бессовестные борзописцы печатно называют сборищем оголтелых фашистов. А вся их вина в том, что они высказали свою боль за судьбу народа и страны. Нельзя! Не сметь! *

«Вину Кузьмина Н. П. в совершении преступления следствие считает доказанной» — выносит свой окончательный вердикт Курицын.

По закону, у любого обвиняемого имеются свои права. Как видим, в случае со мной они решительно перечеркнуты. Не думаю, чтобы Курицын действовал исключительно на свой страх и риск. Но тогда где же искать на него управу? У кого?

Уж не поставить ли палатку на Красной площади? Или, собрав побольше народу, облить себя бензином и поджечь?

Вот дожили!

Нет, я все же схожу с ума. В коридоре снова проводят скованного наручниками парня, я задыхаюсь от застарелого табачного смрада, бросаю в рот крупинку нитроглицерина и, закрыв глаза, представляю, как убивали в расстрельном подвале поэта Алексея Ганина, вешали на горячую трубу отопления полуживого Сергея Есенина, мне мерещатся чистые глаза отрока, наследника престола Алексея, когда в него в упор, перекосив злобную харю, стреляет из нагана негодяй Юровский. А судьбы Клюева, Орешина, Клычкова? Да нет им числа... Так что же — все сызнова?

Как коротка наша память! Почему мы забыли кровавые результаты «р-революционной перестройки», когда в несчастной России были начисто истреблены пять вековых сословий ее населения? «Прорабы» нынешнего передела тоже рвутся к народной крови. Почти шесть лет они действуют под лозунгом: «Чем хуже, тем лучше!» Итоги их преступной деятельности бьют по глазам. На кишиневской улице забивают насмерть Диму Матюшина лишь за то, что он посмел громко разговаривать по-русски. Под Ошем русского мужика предают дикой средневековой казни — разрывают надвое, потому что он посмел тушить дом своего соседа-узбека. В Намангане пятерых русских парнишек жгут живыми в наказание за то, что на них солдатская форма... Чудовищное озверение! И все же «прорабы» не унимаются. Надо сделать еще хуже!

Весь мир клянет пресловутого академика Лысенко Т. Д. Но тот хоть выращивал ветвистую пшеницу — все прибыль. Недавно на нашем академическом небосклоне вспыхнула новая «звезда» — А. Н. Яковлев. Чем же славен сей ученый муж? За какие открытия его причислили к сонму «бессмертных»? Уж не за разжигание ли межнациональной розни?

Кровь, кровь... текут уже потоки крови. В Луганске взорван крупнейший и уникального назначения завод. Под Москвой гибнет под колесами автомашины известный антисионист. По Ленинграду гуляет лозунг: «При штурме Смольного пленных не брать!» В Калуге взбесившийся подонок по составленному списку (кем?) ходит по кабинетам и, словно в тире, расстреливает живые, кому-то неугод-

* Карательный характер следствия проявился и в последнем решении Курицына: он напрочь отверг ходатайства как мое, так и моего адвоката. Просили мы совсем немного: все же приобщить к делу копию приговора Дмитриевой Н. К., где четко сказано, за какое преступление мужа она несет наказание, и допросить хотя бы одного из бывших сослуживцев журналиста, принимавших участие в его давнишнем персональном деле. Курицын отказал во всем.

ные «мишени». Да и в Вильнюсе первый выстрел был сделан в спину русскому офицеру, приехавшему разнимать дерущихся соседей.

А разве не на наших глазах мировой сионизм методично расправляется с Ираком, демонстрируя под флагом ООН техническую оснащенность и идейную сплоченность! Разбиваются в пыль древнейшие города библейского Двуречья, брякнет песок от крови мирных жителей, чьи предки начинали на берегах Тигра и Евфрата цивилизацию человечества. Сионисты наказывают не только непокорный Ирак. Они демонстрируют всему миру (и в первую очередь нам, именно нам!), какие кары ждут любого несогласного, любого ослушника.

А они у нас есть, эти строптивые ослушники. Это же о них звенел с высокой трибуны недавний кормчий нашей внешней политики, вовремя сбегая со своего командного мостика: «дик-та-тур-ра», «ре-ак-ционер-ры». Как будто мало нам было «черных тюльпанов» из Афганистана, требовались еще цинковые гробы из песков Аравии!

Страшно думать, страшно жить. Но самое страшное — ожидание кровавой расправы.

Наш долгий и жестокий век уходит, скатывается в историю, и он напоследок приносит свои скорбные вечерние жертвы. И эти жертвы — мы, кому для начала грозят расправой за правдивое слово. У нас, старых людей, нет будущего, и это естественно. Будущее — для молодых. Но нас лишают и нашего прошлого — вот с чем мы никак не можем согласиться! Что же, вся жизнь прожита напрасно? Не было у нас никаких побед? Никаких достижений — одни только позорные поражения?

Так не стану же молчать! Невыносимо жить с забитым кляпом ртом! И не замолчу даже на тюремных нарах!

Свинцом залейте мне горло, свинцом! А еще лучше — девять граммов в затылок. Способ проверенный!

Но сердце-то, сердце... Не то уже здоровьишко, совсем не то. Задумываться об этом заставляют хотя бы бюллетени. Никогда раньше я к ним не прибегал. А тут — врач за врачом. Но самое страшное случилось недавней ночью — уже после того, как мы с адвокатом подписали официально предъявленное обвинение. Текла привычно бессонная ночь, ныло за грудиной, как вдруг в желудке словно взорвалась граната. Мгновенно накатила такая великая слабость, о которой я и не подозревал, — правда, читал: нет сил пошевелить даже пальцем. Словно подкошенный, свалился на голый пол, вдруг принялся мучительно зевать и наконец впал в забытье, в обморок. Сколько продолжалось это бессознательное состояние — не знаю. Пришел в себя от ощущения ледяного пола. И вот с трудом разлепились глаза, появились силы, чтобы упереться в пол и подняться... Живой, выходит. Значит, еще поживем!

Но все же что со мною было? Сигнал в любом случае нехороший, грозный. Придется, видимо, поддаться уговорам врачей и надолго завалиться на больничную койку. Не то...

Любопытная деталь: хорошо помню, что, теряя сознание, думал не о чем-то возвышенном, так сказать, «вечном», а о бытовом — вскроют мою квартиру, видимо, месяца через полтора и что же найдут? Ей-богу, только об этом и были все мои последние заботы!

Подведем итоги. Пристрелочный выстрел свалил на пол, однако

насовсем не поразил, оставил жить и исполнять «обязательство». На что мои надежды? Прежде всего, конечно, на гласность. Люди узнали, под какой «каток» я попал, после этого «демократам» со мной уже не расправиться втихомолку. Ну и еще одно соображение, правда, сугубо личное, однако имеющее для меня, для поддержки духа моего громадное, решающее значение. Вот оно.

Плохо ли, хорошо ли, но я всю свою жизнь по мере сил раскачивал свой, образно выражаясь, колокол. Пусть звуки его были негромки и далеко не разносились. Они глохли в перезвоне других, более заливистых. А все же под самый мой закат мне выпала писательская удача — голос мой дошел до слуха и сердец читателей, они услышали меня и дружно отозвались. Передо мной груда читательских писем, и это теперь моя единственная отрада, придающая и силы, и уверенность в том, что если даже суждено погибнуть, то гибель эта окрашена высоким смыслом.

Трогают пожелания здоровья и сил, заставляют чесаться глаза предложения защитить, даже укрыть. Из Сибири прислал взволнованное письмо О. П. (письмо личное, на домашний адрес). «Я сын фронтовиков, зачали меня на 3-м Белорусском фронте, потом мама-радистка была уволена, уехала в Томск, там меня родила. Отец офицер-артиллерист. Живы, оба сейчас на пенсии... Понимаете, какое у меня негодование, когда я даже от фронтовиков-писателей теперь слышу: «Э, зря воевали...» Что происходит? Ну что ж. Суд им высокий будет, не наш (вспомним: «Но есть, есть Божий суд, наперсники разврата...» — **Н. К.**). Николай Павлович, — продолжает мой далекий друг, — гордитесь, положение Ваше прекрасное. Очень многие мечтали пострадать, хоть за что пострадать. Вы награждены этим страданием, значит, Вы порядочный человек. Пишу это от души...

Мой дом, мои друзья Вас всегда примут. Держитесь молодцом, а глядя на Вас сейчас, мы подсознательно готовимся к подобным (или худшим) испытаниям. Ничего, пусть...»

Какие все-таки у нас великолепные люди! С таким бы народом горы сворачивать. И ведь сворачивали! А ныне...

Унимаю колотящееся сердце, и сами собой приходят на память проникновенные слова нашего великого страдальца Павла Флоренского, написанные им в лагере: «Свет устроен так, что давать миру можно не иначе, как расплачиваясь за это страданиями и гонениями».

Спасибо вам всем, мои далекие друзья! Под мой невеселый закат вы мне доставили самую драгоценную, самую желанную награду, о которой только и может мечтать наш брат литератор.

Кто знает, может быть, мне еще и придется воспользоваться вашим гостеприимством. «Войти, крестясь, в чужой наемный дом с своей уж ветхою котомкой...» Но это, может статься, уже после суда, после лагеря...

Итак, что же можно (и нужно!) сказать напоследок? Какой сделать вывод из всего происшедшего со мной?

Может, это всего-навсего случайность?

Увы, увы!

Ныне антисоциалистические, антисоветские и в конечном счете античеловеческие силы сумели обратить перестройку в свою пользу, употребить ее в своих зловещих целях. Они, эти античеловеческие силы, начали в стране жестокий террор, который все

откровеннее переходит в жестокую месть сторонникам социалистического выбора и в беспощадную с ними расправу. Другими словами, это начало нового витка страшного геноцида того типа, который свирепствовал в СССР первые 30 лет после 1917 года.

Странно, что Президент, правительство, правоохранительные органы молчат, как будто всего этого не замечают.

Молчит пока и каждый член нашего общества, покуда все это его лично не коснется.

Но поймите же, дорогие мои соотечественники: когда коснется — будет уже поздно, ибо зловещая машина нового геноцида будет работать на полный ход и остановить ее будет невозможно, она будет лишь набирать все новые и новые обороты.

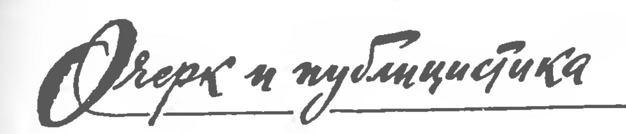
И еще подумайте, сограждане мои дорогие, вот о чем. Каждый год 30-летнего геноцида после нашей революции уносил в могилу до двух миллионов человеческих жизней. На сколько же лет нас всех хватит при новом витке подобного чудовищного истребления, если учесть, что техника уничтожения людей в наши дни усовершенствована в десятки и более раз?!

Оглянитесь же: новый геноцид уже осуществляется! Давно льется кровь в различных регионах нашей страны, стреляют журналистов, убивают неугодных руководителей, принимаются свирепствовать суды, — вспомните хотя бы наглый и позорный судебный фарс над Смирновым-Осташвили, которого осудили не за элементарное хулиганство, а за непринятие сионизма, то есть за его убеждения, исключительно за убеждения!.. хотя «демократы» всех мастей во все горло кричат со всех трибун, что за убеждения, за инакомыслие у нас теперь никого не привлекают к судебной ответственности.

Мы теперь все знаем, что организаторами послереволюционного геноцида были великие человеконенавистники Троцкий, Свердлов, Бухарин и вся их сплоченная, дружная компания сионистов. После них это истребление продолжал и Сталин — продолжал, пока не прозрел. В наши дни — и это уже ясно видно — вдохновителями и организаторами нового беспощадного кровопускания народу все явственнее выступают всякого рода «демократы», буквально на наших глазах превращающиеся в самых оголтелых диктаторов.

Люди, да проснитесь же наконец!

●

Михаил ЩУКИН

ПРОЗРЕЕМ ЛИ?

Заметки писателя

Женщина стояла под деревом, в тени, и говорила речь.

Сначала я, грешным делом, подумал, что она из яростных активисток какого-нибудь фронта или общества, коих насоздавали сегодня в великом множестве по нашим городам и весям. Говорила женщина с пафосом: решительно, как на митинге, рубила рукой воздух, и слова ее, которые я услышал, свидетельствовали о том же: «демократия», «консерваторы», «враги перестройки»... — полный набор новейшей демагогии.

Но когда подошел поближе и пригляделся, то понял, что насчет активистки ошибся. По лихорадочному блеску глаз, по несвязной речи и по выражению лица несчастной нетрудно было догадаться, что она не в своем уме. Судорожно изламывая губы, женщина без устали выкрикивала:

— Выведем консерваторов на чистую воду! Всех до единого! Победим их и засудим! Есть доказательства, и суд назначен!

И так далее, и так далее... Даже не могу воспроизвести на бумаге этот безумный словесный поток, суть которого — выследить, заклеймить и засудить. Не по себе стало. И не мне одному. Дачный люд, ждавший, когда откроется хозяйственный магазин, который расположен на задах Октябрьского рынка, озабоченный проблемами кирпича, досок и цемента, шарахался в сторону и бочком, бочком старался отойти подальше от женщины. Странное дело, на нее не смотрели, не слушали, что она говорит, не проявляли никакого любопытства, а старались именно отодвинуться, бессознательно откреститься от неистовой речи. Женщина же, стоя под деревом, говорила. Глаза ее сверкали.

— Поведем в лагеря и в этапы! Силу свою докажем! Нажмем кнопку и пригвоздим!

И вот о чем подумалось. Здесь, на задах Октябрьского рынка, люди от сумасшедшей шарахались. На митингах, слушая вполне вменяемых ораторов, толкующих о том же самом, лишь не столь откровенно и прямо, на митингах люди аплодируют.

Мой старший товарищ, человек уже седой и поживший достаточно, с пеной на губах убеждал меня:

— Нас только Мананниковы спасут! Они — честные!

Как раз шли выборы в Верховный Совет России, и не было в Новосибирске популярней личности, чем кандидат в депутаты А. П. Мананников. Антикоммунист, пострадал в годы застоя, резко критикует командно-административную систему, регулярно высту-

пает по радио «Свобода» — что еще нужно по нынешним временам? Мой старший товарищ влюбился в него, как в родного внука.

Предвыборная борьба кандидата в депутаты сопровождалась большим шумом: пикетирование областной газеты, посмевшей что-то не так сказать, листовочная война, телеграмма Б. Н. Ельцина с призывом голосовать за А. П. Мананникова — все было...

— Я верю в этих ребят! — горячился мой старший товарищ. — Они, только они наведут порядок!

Блажен, кто верует. Прошло совсем немного времени. У памятника Ленину — митинг так называемых «демократических сил». На этих митингах со мной всегда творится что-то странное, прямо-таки обман зрения: слушаю молодых ораторов, гляжу на них, одетых в нормальную, современную одежду, а мне чудится, что на них кожаные куртки, перехлестнутые ремнями, а на боку — маузеры. А еще (это уже наяву): блеск в глазах, решительность в словах и горячая преданность Идее. Сама Идея, правда, расплывчата и непонятна, но это дело десятое. Главное — убежденность. Пожалуй, нет сегодня более достойных продолжателей дела «неистовых ревнителей» революции, чем наши юные «демократы». Сначала бились за то, чтобы войти в Советы. Вошли, организовали свои группы и фракции. Мало! Даешь новые выборы и отставку неугодным. Что завтра? Будьте спокойны, придумают. Так что незабвенный Л. Д. Троцкий может спать спокойно: его идеи перманентной революции живут и побеждают.

Но это мое отношение. Так сказать, к слову. А на митинге мы оказались вместе с моим старшим товарищем. Постоял он, постоял, внимая ораторам, и вдруг ошарашенно схватил меня за руку:

— Слу-ушай, так это ж... это ж новые экспроприаторы! Под другим знаменем!

Вот ведь как! В какой уж раз обмишурились наши свободолюбивые интеллигенты. И как тут не вспомнить слова Н. Бердяева, сказанные по иному историческому поводу, но очень уж подходящие к нашей ситуации: «Вина лежит не на одних крайних революционно-социалистических течениях. Эти течения лишь закончили разложение русской армии и русского государства. Но начали это разложение более умеренные либеральные течения. Все мы к этому приложили руку. Нельзя было расшатывать исторические основы русского государства во время страшной мировой войны, нельзя было отравлять вооруженный народ подозрением, что власть изменяет ему и предает его. Это было безумие...»

С Бердяевым мой старший товарищ согласился. Но мнения своего об А. П. Мананникове (того на митинге не было, и он не выступал) не изменил:

— Мананников — другой. Он умнее этих. Этих еще образовывать надо.

Прошло еще какое-то время. Звонок.

— Ты «Вечерку» вчерашнюю читал? Так прочти! — И ругань, что уж совсем непохоже на моего старшего товарища. Беру «Вечерку» за 18 сентября и там в колонке редактора читаю: «...обеспечить республиканских депутатов служебными автомобилями не получается, поэтому надо им разрешить купить (без очереди, разумеется) личные. У нас в Новосибирске одним из первых воспользовался этим новым депутатским правом известный яростный и последовательный борец с партократией и ее привилегиями А. Мананников».

Ну что тут скажешь? Одно остается — поприветствовать: «Здравствуйте, товарищи новые революционеры, здравствуйте, представители новой номенклатуры!»

* * *

Полночь. Чуть поутих железнодорожный вокзал. Но в одном углу многолюдно. Толпятся пассажиры, переговариваются, заглядывают, приподнимаясь на носки, через головы друг друга. Одолело и меня любопытство. Подошел. Заглянул.

На двух столиках — бутылки коньяка с иностранными этикетками, шампанское, сифон, косметика и еще кое-какая дефицитная мелочовка. И тут же — доминошные костяшки. До меня, темного человека, не сразу дошла суть этой выставки. А заключалась она вот в чем: платишь рубль, вытягиваешь определенное число доминошных костяшек и, если набрал нужную сумму очков, — выигрываешь дефицит (1 шт.).

Распоряжались за столиком двое молодых ребят, упакованных в импортную «варенку» — этакую униформу нынешних деловых людей. Сытенькие, румяные, острые на язык, они зазывали публику и нахваливали товар. Мелькали рубли. Выигрышей, правда, не было.

И тут, в самый разгар азартного действа, протолкался к столикам невзрачный, крепко помятый старичок. С похмелья был, бедолага. Уставился на бутылки, поморгал красными глазами и сглотнул слюну.

— Чо, дед, клапана горят? — весело окликнул его один из пареньков.

Старичок кивнул.

— Хочешь нальем?

Снова кивнул.

— Тогда спляши! Сбацай русскую, народную, блатную, хороводную!

Старичок непонимающе оглянулся. Паренек нажал кнопку магнитофона, и нудный голос затянул песню, которую и песней-то грех великий называть:

Пацаны, пацаны,
Вы держите штаны...

Старичок все оглядывался, крутил головой, словно ожидал подсказки.

— Давай, дед, давай, бацай! — подзадоривал паренек.

Старичок оглянулся в последний раз, сглотнул слюну, несмело шлепнул себя ладонями по коленкам и начал плясать.

Плясал и задыхался.

Трепыхалась на засаленном пиджаке потертая орденская колодка. Плясал и плакал.

* * *

— Понимаешь, с нами самое страшное случилось, мы из огня да в полымя попали. Вчера музыку чиновник от идеологии заказывал, а сегодня — «демократическая среда». Тот же самый диктат, только страшней и изощренней. Ты понимаешь, старик, я раньше смелее был, а теперь боюсь. Ты же знаешь меня, я на обкомовских чиновников бочку накатывал, в те-то годы! И если что — я в их глазах мучеником стану. А нынче и мучеником не дадут стать. Передернут, ошельмуют и сделают посме-

шищем. Тут один ветеран письмо прислал к нам в редакцию, ну, типа Нины Андреевой. Тоже принципами поступиться не может. Вот уж на этом ветеране выспались! А мне его жалко, по-человечески жалко. Люди в идеалы верили, всю жизнь верили. Идеалы рухнули, но жизнь-то, жизнь, у человека одна! Значит, она зряшной была, значит, ее перечеркнуть надо? Но каково это пережить, когда вот она, последняя черта, под ногами. Нам бы остановиться перед этой трагедией, задуматься... Куда там! Поставили бедного ветерана к стенке и приговорили к психологическому расстрелу — в трех номерах поливали! А он в семнадцать лет добровольцем на фронт ушел, всю жизнь у станка простоял и копейки лишней не нажил. Заступиться? Ха! Попробуй заступись, да еще в газете! Завтра бы мое имя полоскали где только можно. Кому не лень, тот бы и пинал. Правил-то в этой игре нет! И все это — на глазах детей, жены, знакомых... Кто выдержит? Я не могу! Во мне страх поселился, самый примитивный страх. Перед кем? Не перед кем, а перед чем... Я это так назвал — террор среды. Психологический террор. Пока... Ну, что ты так смотришь? Да, боюсь! Был пыл, да весь вышел. Пшик один получился.

А я все смотрел на этого человека, которого всегда считал бесстрашным, и с горечью думал: вот уж воистину бывали хуже времена, но не было подлей...

* * *

Еду в автобусе в деревню. Напротив — попутчик, мужчина лет сорока с лишним. Только автобус тронулся, мужчина вскинул на меня глаза и спросил:

— А вы про Чурбанова читали, как он в тюрьме сидит?

И дернул же меня черт за язык! Сказал, что не читал. (А я действительно не читал.) И началось. Пошло-поехало-покатилось. Пересказав содержание одной статьи, попутчик мой срочно перескакивал на другую и не умолкал ни на минуту. Рассказывал о Гдляне и Попове, о Яковлеве и Собчаке, перетолмачивал мне «Взгляд» и программу «Время», и снова да ладом: Ельцин, Горбачев, Калугин, Шаталин... И так полтора часа. До тех пор, пока автобус не пришел в деревню. Я уже и глаза закрывал, притворяясь, что сплю, и демонстративно к окну отворачивался — бесполезно! Попутчик мой, простой советский горожанин, тяжело контуженный политикой, никак не мог остановиться. Слушая захлебывающийся голос, я попытался представить страну, до отказа налитую бесконечной, пустой говорильней. Нет, воображения не хватало. А мы ведь и дня не живем без политического скандала. Едва затухнет один, как тут же вспыхивает другой. Сколько их разразилось за пять перестроечных лет и кануло в небытие! Но кто посчитает, сколько ушло душевных сил народа на переливание из пустого в порожнее? И все заступаемся... То за главных редакторов, до пупа увешанных наградами в застойные годы, то за отставных генералов-кэгэбэшников, то за бывших секретарей обкомов, профессиональных строителей коммунизма, с шумной помпой выкладывающих ныне партбилеты... И как-то невдомек всем нам, недосуг подумать, что, кроме мышиной политической возни, в которую нас всех втянули, есть простая, земная жизнь. И мне так хочется ухватить попутчика за грудки, встряхнуть и крикнуть:

— Мужик! А жить-то когда?! Просто жить!

Но нет, не встряхнул, не выкрикнул этих слов.

А над нами, над нашими бедными, замороченными головами, величаво плыла тихая, поистине золотая осень, и сельские жители, пользуясь погожими днями, копали на огородах картошку, придерживаясь здравого смысла: не верили ни лидерам, ни программам, а верили только единственной заступнице — матушке-земле. Ей и кланялись в пояс.

* * *

Стояла в моей родной деревне церковь. В конце 20-х ее закрыли, кресты сшибли, батюшку сослали в Нарым, а в церкви открыли клуб. Когда началась коллективизация, там держали раскулаченных, которые дожидались своей очереди, чтобы отправиться в Нарым вслед за батюшкой. После служила церковь сельповским складом, пивнушкой и снова клубом. И в конце концов, наверное, не вынеся надругательств, весенней ночью сгорела.

А напротив бывшей церкви стоял памятник погибшим в Великой Отечественной войне, и вокруг него — парк. Ставили памятник и парк разбивали в середине 60-х — я это уже хорошо помню, потому как сам школьником сажал деревья. И куда бы потом судьба ни забрасывала, все жило ощущение, что есть на земле святое для меня место, пусть и наполовину поруганное. И оно же, это ощущение, потихоньку двигало давнюю мою работу, в которой пытался рассказать об этой церкви и о людях, сначала молившихся в ней, а после безобразничавших.

И вот дошла весть — сгорела церковь. Дойти-то дошла, да с превеликой задержкой. А тут еще и сам не скоро собрался. И опоздал. Приезжаю и вижу: на месте церкви — новый каменный магазин, а на месте памятника погибшим — фундамент будущего Дома культуры. Половина парка вырублена. И от кленов моих, которые я сажал, даже пеньков не осталось.

— Я не понимаю, чего вы от меня хотите? — говорил мне председатель сельсовета. И он не лукавил — он искренне не понимал. Магазин поставили на пустом месте. А что памятник снесли — там ведь нет захоронений. Доски да жесть на фундаменте.

Ну как ему объяснишь, что место, где стоял храм, — не пустое, а у памятника каждый год на 9 Мая голосили вдовы, и он был для них единственным местом, где они могли поклониться своим сыновьям и мужьям, загинувшим на чужой стороне? Как втолковать, что содеянное ими, — это новые грехи в добавление к старым?

* * *

Дописывал я эти заметки в деревне и, задумавшись, вздрогнул от стука в окно. Выглядываю — соседка стоит, баба Поля, 82 лет. Труженица великая и само терпение, как и все наши российские старухи.

— Николаич! — кричит баба Поля. — А, Николаич! Городьбу надо поправить, совсем столбишко завалился. Помоги! Сила-то у меня ишшо есть, да вот слепота одолела, язви ее! Не вижу, а сила-то есть...

Эх, баба Поля, твоя слепота простительна, она от старости и от слез. А вот наша...

Прозреем ли?

Юрий КАТАСОНОВ,
кандидат экономических наук

ЧТО СКАЖЕТ ОБВОРОВАННАЯ РОССИЯ?!

Речь пойдет о «тайнах» Берингова моря и о том, что скрывает от нас Министерство иностранных дел СССР, хотя внешнеполитические дела затрагивают интересы страны, всех нас.

Длительное время внешняя политика и деятельность МИДа выполняли роль парадной витрины перестройки. В официальных заявлениях, тиражируемых средствами массовой информации, внешнеполитические акции представали как нескончаемая цепь достижений и успехов. Тем самым настойчиво внедрялась в сознание мысль: хотя внутри страны с перестройкой не все в порядке, зато во внешней политике... Однако в середине прошлого года пиетет и сдержанность средств массовой информации и народных депутатов СССР в отношении внешнеполитических дел стали сменяться стремлением докопаться до сути проблем.

Сомнения в разумности неравноправных договоров о сокращении вооружений дополнились «обвалом» событий в Восточной Европе, что сделало и для неспециалистов очевидными крупные просчеты нашей внешней политики. Стремительный вывод оттуда наших войск, при котором солдаты порой походили на беженцев, и тысячи семей военнослужащих, оказавшихся на Родине в положении изгоев, наглядно продемонстрировали последствия поспешных внешнеполитических решений. Мы узнали о МИДе такое, чего не могли и предположить. Главным образом благодаря выступлениям народных депутатов СССР. По их словам, Верховный Совет не только не имеет до сих пор достаточной информации, но, по существу, отстранен от переговорных процессов. При ратификации договоров его члены вынуждены лишь «проштамповывать» в последний момент далеко не совершенную продукцию МИДа, благодаря чему дипломатам удается избегать всестороннего обсуждения и надлежащего контроля со стороны Верховного Совета СССР. Пример тому — крайне поспешное рассмотрение в Верховном Совете договоров об объединении Германии.

Узнали мы и о том, что у МИДа есть дела, в том числе соглашения, скрываемые от общественности и от Верховного Совета СССР. Так, в документе международного комитета «За открытые границы» сообщается о существовании секретного (для кого? — Ю. К.) советско-американо-израильского соглашения по вопросу эмиграции советских евреев. В этом соглашении, заключенном в 1988 году в Женеве и в Москве и подтвержденном в 1989 году в ходе советско-американской встречи на высшем уровне на Мальте, со стороны СССР даны, оказывается, обязательства открыть границы СССР для эмиграции евреев, разрешить Израилю и находящимся под его контролем организациям (прежде всего сионистским. — Ю. К.) действовать в нашей стране, сотрудничать с еврейско-американскими посредниками и т. д. Как сообщил ответственный секретарь Антисионистского комитета советской общественности В. З. Кривулин, все положения соглашения реализуются или уже реализованы.

К числу подобных документов относится и советско-американское соглашение о разграничении вод Берингова моря, о котором нам стало известно в конце прошлого года также случайно из выступления на заседании Верховного Совета СССР одного из депутатов. Он сообщил, что МИД не информировал Верховный Совет ни о ведущихся переговорах, ни о подписанном документе. Между тем, как стало известно, это соглашение было заключено на невыгодных для нашей страны условиях и наносит ущерб ее экономическим интересам, в частности, рыболовству. Заявление депутата представляло собой, по существу, устный запрос руководству МИДа. Однако о какой-либо реакции с его стороны не сообщалось. Поэтому имеет смысл рассказать о соглашении по Берингову морю более подробно.

Официально упомянутый документ называется: «Соглашение между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки о линии разграничения морских пространств». Подписан он министром иностранных дел СССР Э. Шеварднадзе и государственным секретарем США Д. Бейкером 1 июня 1990 года в Вашингтоне. Соглашение подлежит ратификации.

Перед тем как уполномоченные лица поставили свои подписи под документом, 13 лет, с 1977 года, втихомолку велись переговоры. Инициатором их были США, а их целью была делимитация — определение границы (с описанием прохождения и нанесением на карту), суверенных прав сторон на ресурсы вод, а по существу — и дна Берингова моря, Чукотского моря и частично Северного Ледовитого океана.

Поводом для начала переговоров послужило принятие в 1976 году сначала США, а затем и Советским Союзом законодательных актов, регулирующих рыболовство и сохранение рыбных и других живых ресурсов в районах, прилегающих к побережьям. Однако обе стороны понимали, что, хотя это официально и не оговаривалось, фактически главной проблемой было поделить дно Берингова моря, перспективное на запасы нефти. Это обусловило и выбор тактики, и особую напористость американской стороны, а также односторонний захват США акваторий, являющихся предметом переговоров.

Для поведения же советской стороны были характерны пассивность, уступчивость, серьезные ошибки. Так, еще в начале переговоров в результате совершенно непонятных действий МИДа — на основе устного (!) заявления советского представителя — Соединенным Штатам был уступлен участок акватории, где СССР терял улов рыбы общим объемом примерно 150 тысяч тонн. Для компенсации этих потерь США должны были выделить Советскому Союзу соответствующую квоту. Когда же пришло время

держать слово, советские суда не были допущены в американскую зону. В этих условиях СССР имел полное право немедленно расторгнуть соглашение, но он этого не сделал. Не отреагировал на такую бесцеремонность и каким-либо иным способом.

Американцы уверовали в то, что СССР готов идти на серьезные односторонние уступки, что они имеют шансы «переиграть» нас там, где требуются специальные знания, в частности, геодезические. Видимо, исходя из этого, США и решили использовать с выгодой для себя так называемую линию русско-американской Конвенции 1867 года. В Конвенции, принятой по поводу уступки Россией Аляски и Алеутских островов, эта линия ограничивала территории суши (включая острова) двух стран, но не делила таким же образом воды (да такая цель тогда и не стояла). Так что, по мнению специалистов, в том числе и американских, таких, как профессор Холлис Д. Хедберг, занимавшегося этой проблемой, при нынешнем разграничении морских пространств совершенно недостаточно было руководствоваться только Конвенцией 1867 года. На то, по крайней мере, были две причины: решение более чем столетней давности не соответствовало современным нормам разграничения акваторий, и оно ущемляло интересы СССР. Так, по словам Холлиса Д. Хедберга: «В северной части Берингова шельфа к востоку от мыса Наварин линия 1867 года была проведена не через среднюю точку между островом Хелл (США) и мысом Наварин (СССР), а пролегла значительно западнее этой точки. Это может стать причиной того, что она не будет принята в качестве границы в Беринговом море».

Однако американский профессор ошибся: именно указанная линия, причем в навязанном нам произвольном ее толковании, стала основой соглашения о разграничении.

Об этом можно судить, ознакомившись с ключевым пунктом 1 статьи 1 Соглашения, подписанного Э. Шеварднадзе и Д. Бейкером. Он гласит: «Стороны согласились, что линия, описанная как «западная граница» в статье 1 Конвенции 1867 года и как она определена в статье 2 настоящего Соглашения, является линией разграничения морских пространств между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки». Читая долго утаиваемый текст, не надо быть семи пядей во лбу, чтобы понять: США удалось достичь, казалось бы, невозможного. Во-первых, декларировать признание линии 1867 года в качестве разграничивающей морские пространства. Во-вторых, подменить ее некой другой линией (она определена в ст. 2), которая нанесена на предоставляемую вашему вниманию американскую карту, положенную в основу Соглашения. Эта линия и станет в случае ратификации Соглашения Верховным Советом СССР границей вод и дна с его нефтеносными недрами.

Влияние на такие результаты переговоров оказало то обстоятельство, что с середины 70-х годов министерство геологии США вело изыскания на нефть в глубоководной части Берингова моря. Оно уже тогда выполнило значительные геофизические работы, было пробурено и несколько скважин. Однако поворотным стал 1982 год, когда американцы, игнорируя интересы нашей страны, приступили к крупномасштабным изысканиям в спорных районах. Тогда они бесцеремонно начали бурить стратиграфическую скважину в 175 милях от Чукотки. Бурение производилось компанией Атлантик Ричфилд (известной, кстати, тем, что уже проводила аналогичные работы в спорной зоне между Китаем и Вьетнамом)

UNITED STATES - U.S.S.R. MARITIME BOUNDARY

Карта восточных границ, приложенная к «Соглашению между СССР и США о линии разграничения морских пространств» с добавлением варианта (обозначен пунктирной линией), предложенного американским профессором Холлисом Д. Хедбергом. Заштрихованные участки — «восточные специальные районы» советской 200-мильной зоны, передаваемые США.

по заказу консорциума из 17 (!) крупнейших и крупных компаний США и Европы: Арко, Амко, Шеврон, Ситис Сервис, Коноко, Эксон, Гетти, Галф, Маратон, Мобил, Мерфи, Пензойл, Филлиж, Тексако, Юнион Ойл, Петрафина и Эльф-Акитен.

Вскоре нефтяные магнаты перешли к массовым захватам участков в спорных зонах. Так, в январе 1984 года в американской прессе появились сообщения о планах правительства США провести продажу участков акватории в бассейне Наварин.

17 апреля 1984 года в Анкоридже (Аляска, США) службой управления ресурсами министерства внутренних дел США была проведена распродажа этих участков, что, по выражению журнала «Оффшор», внесло новый элемент в отношения между США и СССР.

Такие действия американцев вполне соответствуют стилю их международного поведения, когда где-то «пахнет нефтью». Поэтому из предложенных правительством США 425 участков сразу же нашлись покупатели на 186. И это несмотря на то, что они расположены в 400 милях от американского города Ном (Аляска) и в 150 милях от советской Чукотки. Даже по самым осторожным оценкам американцев, по крайней мере на 20 из них мог претендовать СССР. Всего же правительство США планировало предложить для продажи 5036 участков общей площадью 28 миллионов акров (свыше 113 тысяч квадратных километров), из которых, по американским оценкам, 928 площадью 5 миллионов акров (свыше 20 тысяч квадратных километров) являлись явно спорными. Фактически же все планируемые для продажи участки лежат в спорной зоне. О масштабах этой операции дают представление и такие данные. Оценка ресурсов продаваемой территории составляла около 200 миллионов тонн нефти и 200 миллиардов кубических метров газа. Только за 20 участков, которые признавались явно спорными, 4 компании выплатили свыше 112 миллионов долларов — в 15 раз больше, чем США заплатили за всю Аляску. Стоимость же всех запланированных к продаже участков должна была составить около 30 миллиардов долларов, в том числе тех, в отношении которых признавалось право на претензии со стороны СССР — около 5,5 миллиарда долларов.

Американский журнал «Оффшор», сознавая, что США открыто пошли на прямое нарушение интересов СССР, писал: «Проблема состоит в том, что скажет Россия относительно продажи части Берингова моря?» Россия ничего не сказала. Во всяком случае, в течение года о какой-либо реакции СССР в американской печати не упоминалось. Зато о планах американских компаний приступить в сезоне 1985 года к разведывательному бурению писалось немало. Это предвещало дальнейшее усугубление обстановки: ведь начало бурения означало новые крупные затраты компаний и, следовательно, усиление ими поддержки захватнического курса своего правительства.

Заслуживают внимания также следующие моменты, свидетельствующие об особой роли Э. Шеварднадзе в заключении рассматриваемого соглашения. Первое. С 1982 года, когда начались переговоры о разграничении прав на все виды ресурсов вод и дна с его недрами, советская сторона выступала за разграничение по средней линии и отвергала попытки американцев использовать в этих целях линию 1867 года. Положение коренным образом изменилось с приходом в МИД Э. Шеварднадзе. В 1986 году советское руководство по рекомендации МИД согласилось с разграничением на основе линии 1867 года, чего так долго домогались США. Пошло оно и на необоснованные уступки в толковании прохождения этой навязанной американцами линии. Второе. Одновременно с подписанием соглашения Шеварднадзе и Бейкер достигли договоренности (обменявшись нотами) о применении соглашения до вступления его в силу (то есть до обмена ратификационными грамотами). Это во многом объясняет то, почему ни МИД, ни государственный департамент США не спешат с его ратификацией. К чему? Ведь оно и так уже действует. А обсуждение в ходе ратификации может высветить нежелательные моменты, и прежде всего главное — в чьих же интересах оно заключено.

Такова предыстория «Соглашения между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки о линии разграничения морских пространств», — возможно, лишь самой верхушки айсберга тайн, которые предстоит раскрыть общественности и Верховному Совету СССР, естественно, пожелающим узнать, почему этот документ не представлен своевременно депутатам и кто уполномочил Э. Шеварднадзе подписывать позорное для России соглашение?

В этой связи напрашивается и такой вопрос. Не стал ли «всплывший» факт существования тайного документа одной из причин неожиданного и поспешного ухода Шеварднадзе в отставку? Тем более что вслед за таким «проколом» могли проявиться и другие, не менее деликатные. Как, например, должны относиться советские люди к высказыванию президента Всемирного еврейского конгресса (ВЕК) Эдгара Бронфмана по поводу его более чем доверительных отношений с недавним главой советского внешнеполитического ведомства по важнейшим проблемам внешней политики и безопасности СССР? Выступая в январе 1991 года в Нью-Йорке с традиционным обращением «О состоянии мирового еврейства», Э. Бронфман не только посвятил большую часть своей речи Советскому Союзу, но и высказал в ней особенно проникновенные (и весьма сомнительные с точки зрения советских людей) комплименты в адрес Шеварднадзе: «За последние пять лет у нас сложились замечательные отношения... Он курировал еврейский вопрос в партии и правительстве. Он первым рассказал мне о том, что они собирались положить на стол переговоров в Вене (?!)». Иными словами, наш министр иностранных дел перед тем, как идти на переговоры, посвящал другую сторону в свои планы? Для близких отношений двух деятелей это, по-видимому, было вполне естественно. Ведь рассказывая о встрече с Шеварднадзе в Москве (вскоре после его заявления об отставке), Э. Бронфман сообщил: «У этого человека были слезы на глазах, когда мы расставались. Он говорил о том, как много мы вместе сделали, как много значили для него эти отношения...»

Конечно, рассказ о министерских слезах звучит очень трогательно. Но наши граждане хотели бы узнать и о делах, которые их министр иностранных дел вершил совместно с президентом ВЕК, крупнейшим бизнесменом, членом совета директоров химической компании «Дюман де Немур», где ему принадлежат 25 процентов акций, которому, стало быть, не чужды и интересы, связанные с нефтью.

●

Юрий КАЛАБУХОВ

«БЕЛЫЕ ПЯТНА» И МИФЫ ИСТОРИИ

(ГИПОТЕЗЫ, ФАКТЫ, РАЗМЫШЛЕНИЯ)

БЕРИЯ, «СТАРАЯ ЛЕНИНСКАЯ ГВАРДИЯ» И ФАЛЬСИФИКАТОРЫ ИСТОРИИ

Статья вторая*

Как известно, пути Сталина и советского народа, с одной стороны, и Троцкого со всеми примкнувшими к его политической платформе — с другой, диаметрально разошлись. Советский народ отторг троцкистов, как своих врагов в защите завоеваний революции, в деле строительства социализма.

На политических судебных процессах 1936—1938 годов представители «старой ленинской гвардии» говорили о своей контрреволюционной антисоветской деятельности, признали себя виновными перед Родиной. В публикациях современных авторов нередко высказывается мысль, что они на этих процессах оговаривали себя, преследуя цель защитить своих родных, близких от органов НКВД. Но доказательств оговора подсудимых в таких публикациях не приводится, все идет на уровне домыслов. И, чувствуя шаткость подобного объяснения поведения подсудимых, все чаще задается вопрос: «Почему все-таки «старая ленинская гвардия» оговаривала себя, своих соратников?»

И никто не хочет поставить вопрос по-другому: «А оговаривала ли эта «гвардия» себя? Может быть, это было правдой — ее контрреволюционная антисоветская деятельность?» В ответ обязательно будет звучать: «Тогда почему нет в судебных процессах документов, подтверждающих эту деятельность? Почему все обвинение практически сводится к признанию своей вины подсудимыми, к свидетельским показаниям и показаниям подсудимых против себя и друг против друга?» В этом состоит одна из загадок отечественной истории.

Другой загадкой является то, что на начальном этапе Великой Отечественной войны наша страна, несмотря на гигантские преобразования, прошедшие в ней в 30-е годы, и огромные технические достижения, выглядела слабой, неспособной активно противостоять милитаристской машине фашизма.

Зарубежные и отечественные историки считают главной причиной наших поражений в начальный период войны огромные потери командного состава Красной Армии в период репрессий 1937 года. Но, как показал опыт, в составе наших Вооруженных Сил выявилось немало выдающихся полководцев, приведших нашу армию к великим победам.

Вне всякого сомнения, репрессии существенно ослабили мощь Красной Армии. Но репрессии ли по отношению к военным были главной причиной слабости нашей страны? При этом, где они были оправданны, а где — незаконными? Где шла чистка армии от троцкистов и их пособников, а где шло истребление честных советских военачальников? И только ли военных затронули незаконные репрессии? Какова вообще природа репрессий 1936—1938 (и далее) годов? Из трех довоенных наркомов НКВД СССР были расстреляны Ягода и Ежов: один — за контрреволюционную троцкистскую деятельность, другой — за необоснованные репрессии против советского народа. В живых остался лишь третий нарком: Берия. Остался в живых, несмотря на то, что в 30-е и 40-е годы осуществлял невиданные по размаху, чудовищные репрессии против советских людей. Если бы Сталин уничтожал (что сейчас непрерывно пропагандируют почти все средства массовой информации) своих противников или людей, которые «много знают», то он должен был бы уничтожить Берию уже в 40-е годы. Но Берия пережил Сталина. Это еще одна загадка.

В работе «Товарищи-рабочие! Идем в последний, решительный бой!», написанной в августе 1918 года, В. И. Ленин, в частности, сказал: «Советская республика окружена врагами. Но она победит и внешних и **внутренних** (выделено здесь и далее мною. — Ю. К.) врагов...

Внешний враг Российской Советской Социалистической Республики, это — в данный момент англо-французский и японо-американский империализм...

Англо-японские капиталистические хищники, пойдя в поход на мирную Россию, рассчитывают еще на свой союз с **внутренним** врагом Советской власти. Мы знаем хорошо, кто этот **внутренний** враг. Это — капиталисты, помещики, кулаки, их сынки, ненавидящие власть рабочих и трудовых крестьян, крестьян, не пьющих крови своих односельчан».

И. В. Сталин четко усвоил мысль В. И. Ленина: **эффективность в борьбе на уничтожение зависит не только от силы внешнего врага, но и от помощи ему внутреннего врага.**

Было ясно уже в конце 20-х годов, что ударной силой империализма в будущей войне с нами будет фашизм. Кто же внутренний враг? Троцкизм политически разгромлен, Троцкий выдворен из СССР, но внутри страны оставалось немало приверженцев его политической платформы, они ушли в подполье, их деятельность практически не видна. Буржуазии в стране давно нет. Значит, полагал Сталин, наиболее вероятным, возможным внутренним врагом могут быть именно троцкисты и их пособники, не верящие в силу рабочего класса, в возможность прочного союза рабочего класса с крестьянством, в возможность построения и защиты социализма в нашей стране в сплошном окружении враждебных империалистических государств. К троцкистам могут примыкать те недобитки из буржуазии, кто ненавидит Советскую власть и мечтает о возврате в страну капитализма.

В первой статье мы сделали предположение, что приблизительно с середины 30-х годов начал функционировать совершенно секретный (особой важности) разведывательный канал — немецкая разведка (Шелленберг) — английская разведка — советская развед-

* Статья первая опубликована в № 2. 1991г.

чики (или разведчик) по линии Берии. Именно на этот канал и возлагал огромные надежды Сталин, рассчитывая раскрыть в полном объеме троцкистское подполье.

1 декабря 1934 года был убит С. М. Киров. Большей глупости, чем подозревать в возможном участии (даже косвенном) Сталина в подготовке убийства (или в подталкивании кого-то на это действие), придумать трудно. Это была чистейшей воды деятельность троцкистского подполья, хотя документальных данных на этот счет у партии и правоохранительных органов не было и нет по сей день. Есть только показания убийцы Кирова и тех, кто проходил по делу об убийстве. В 1935 году (январь) были судимы Зиновьев и Каменев, но привязать их деятельность к убийству Кирова не удалось, и они за свою деятельность были осуждены на различные сроки тюремного заключения.

Ни Зиновьев, ни Каменев нв суде 1935 года не дали тех развернутых показаний о троцкистской деятельности, которые они дали на процессе в августе 1936 года. Значит, в 1935 году тот разведывательный бериевский канал еще не передавал информацию о деятельности троцкистов за рубежом и в нвшей стране.

Что заставило говорить Зиновьева и Каменева о своей контрреволюционной деятельности, о причастности Бухарина, Рыкова, Томского и других к этой деятельности именно на августовском процессе 1936 года (а если учесть период следствия, то, возможно, на несколько месяцев раньше)?

Напрашивается только один вывод: их заставила говорить информация, полученная Сталиным от Берии. Эта информация была абсолютно достоверной, и Зиновьев и Камвнев поняли, что их деятельность раскрыта или вскоре может быть полностью раскрыта органами НКВД.

В квком виде была получена информация по бериевскому каналу? Скорее всего в виде шифровки о деятельности Троцкого за рубежом, его директивах, указаниях конкретным руководителям различных троцкистских центров в нашей стране с указанием фамилий этих руководителей и близких к ним людей и т. д. Не случайно с Зиновьевым и Каменевым по поводу их деятельности говорил лично Сталин. В разговоре он дал ясно понять, что ему многое стало известным об их деятельности и только чистосердечное признание во всем партии может облегчить их участь. Наверное, Сталин говорил убедительно. Во всяком случае, Зиновьев и Каменев после разговора со Сталиным стали двввть поквзания, нужные партии для изобличения подпольной троцкистской деятельности. Они хотели использовать шанс остаться в живых, только этим было продиктовано их желание раскрыть себя и других. Но главное заключается в том, что они поверили в то, что Сталин, а значит, и НКВД выходят на рвскрытие троцкистско-зиновьевского подполья в стране, и это вынудило их говорить правду. Это был не оговор. Это было стремление спасти свою жизнь, может быть, раскаяние и как следствие этого — понимание, что они помогают пвртии в разоблачении и разгроме внутреннего врага.

После августовского процесса 1936 года в разоблачении троцкистского подполья все пошло как по нотам. Информация, поступающая Сталину по разведывательному каналу, и указания Сталина в органы НКВД на необходимость раскрытия конкретных лиц. Никаких документов, только указания Сталина! И в конце концов органы НКВД шаг за шагом, день за днем, медленно, но верно (кого — убеждением, кого — шантажом, кого — физическим воздействием) раскрывали этих лиц. При этом в признаниях обвиняемыми назывались все новые и новые имена, сеть троцкистского подполья все расширялась и расширялась. Следствие раскручивалось на показаниях обвиняемых против себя и друг против друга, лавинообразные признания уже как бы и не требовали документальных подтверждений.

Почему Сталин доверял информации, поступающей по бериевскому каналу? Потому что твердо верил, что в стране должен быть внутренний враг, который законспирирован и готовится к предстоящей войне.

Почему Сталин не говорил о существовании бериевского канала? Потому что, увидев, какие громкие имена связаны с троцкизмом, опасался, что канал этот может быть перекрыт внешним врагом. Отсутствие указаний на то, что о существовании бериевского разведывательного канала знали члены Политбюро, органы НКВД (включая Ягоду и Ежова), не позволяет сейчас однозначно ответить на вопрос, оговаривали себя политические деятели на процессах 1936—1938 годов или говорили правду.

Попробуем понять эту загадку истории.

В докладе Хрущева XX съезду партии «О культе личности и его последствиях» приводится телеграмма Сталина и Жданова, которую они отправили Кагановичу, Молотову и другим членам Политбюро ЦК ВКП(б) 25 сентября 1936 года. Вот, в частности, о чем в ней сказано: «Считаем абсолютно необходимым и срочным делом назначение тов. Ежова на пост наркомвнудела. Ягода явным образом оказался не на высоте своей задачи в деле разоблачения троцкистско-зиновьевского центра. ОГПУ ОПОЗДАЛ В ЭТОМ ДЕЛЕ НА 4 ГОДА (выделено в докладе Хрущева. — **Ю. К.**)».

29 сентября 1936 года Политбюро ЦК ВКП(б) в ответ на эту телеграмму и по результатам процесса августа 1936 года принимает директиву «Об отношении к контрреволюционным троцкистско-зиновьевским элементам», подготовленную Л. М. Кагановичем (см. журнал «Известия ЦК КПСС», № 5, 1989 г., с. 72): «а) До последнего времени ЦК ВКП(б) рассматривал троцкистско-зиновьевских мерзавцев как передовой политический и организационный отряд международной буржуазии. Последние факты говорят, что эти господа скатились еще больше вниз и их приходится теперь рассматривать как разведчиков, шпионов, диверсантов и вредителей фашистской буржуазии в Европе.

б) В связи с этим необходима расправа с троцкистско-зиновьевскими мерзавцами, охватывающая не только арестованных, следствие по делу которых уже закончено, и не только подследственных, вроде Муралова, Пятакова, Белобородова и других, дела которых еще не закончены, но и тех, которые были ранее высланы».

До этого, 21 августа 1936 года, прокурор СССР Вышинский сделал следующее заявление: «Я считаю необходимым доложить суду (имеется в виду суд над Зиновьевым и Каменевым в августе 1936 года. — **Ю. К.**), что мною вчера сделано распоряжение о начале расследования заявлений в отношении Томского, Рыкова, Бухарина, Угланова, Радека, Пятакова, и в зависимости от результатов этого расследования будет прокуратурой дан законный ход этому делу...»

22 августа 1936 года на своей даче кончает жизнь самоубийством Томский, а 21 августа, за день до этого, в партийной оргвнизации

ОГИЗа, где работал Томский, его обвиняют в связях с «троцкистско-зиновьевским центром».

В предсмертном письме, обращаясь к Сталину, Томский писал: «...Я обращаюсь к тебе не только как к руководителю, но и как к старому боевому товарищу, и вот моя последняя просьба — не верь наглой клевете Зиновьева, никогда ни в какие блоки я с ним не входил, никаких заговоров против партии я не делал...»

Однако, если кадровый большевик Томский сразу после заявления Вышинского кончает жизнь самоубийством, то почему он не начал сражение за свою честь, за достоинство человека, если действительно был не виноват перед партией, народом? Поступил как трус или как слабый, безвольный человек? Нет, утверждаю я. Он знал свою вину перед партией и народом; знал, что участвовал в подпольной контрреволюционной деятельности, и когда увидел, что такие, как Зиновьев и Каменев, начали давать правдивые показания, то понял, что органы НКВД напали на верный след, что это конец его и всей троцкистской деятельности. И он знал, что состоится суд, знал, что не сможет перенести всенародного позора и презрения. Потому и принял такое решение. А письмо Томского, отрывок из которого приведен выше, это для истории: вдруг когда-нибудь придет время и все обернется в пользу его, Томского?

После смерти Томского арестованный Сокольников (см. журнал «Известия ЦК КПСС» № 5, 1989 г., с. 71) дает показания о том, что «правые» блокировались с участниками «объединенного троцкистско-зиновьевского центра».

Ежов пишет Сталину письмо после судебного процесса над Зиновьевым и Каменевым: «...В свете последних показаний арестованных роль правых выглядит по-иному. Ознакомившись с материалами прошлых расследований о правых (Угланов, Рютин, Эйсмонт, Слепков и др.), я думаю, что мы тогда до конца не докопались. В связи с этим я поручил вызвать кое-кого из арестованных в прошлом году правых. Вызвали Куликова (осужден по делу Невского) и Лугового. Их предварительный допрос дает чрезвычайно любопытные материалы о деятельности правых».

В сентябре 1936 года нарком НКВД СССР Ягода направляет Сталину протоколы допросов Куликова и Лугового-Ливенштейна с показаниями на Томского, Бухарина и Рыкова. В сопроводительном письме говорилось: «Особый интерес представляют показания Куликова» о террористической деятельности контрреволюционной организации правых. Названные в показаниях Куликова и Лугового — Матвеев нами арестован. Запольский и Яковлев арестовываются.

Прошу разрешить арест Я. И. Ровинского, управляющего Союзкожсбыта, и Котова, зав. сектором соцстраха ВЦСПС.

Угланов, арестованный в Омске и прибывший в Москву, нами допрашивается.

Все остальные участники контрреволюционной организации, названные в показаниях Куликова и Лугового, нами устанавливаются для ареста».

7 октября 1936 года, уже будучи наркомом НКВД СССР, Ежов направляет Сталину протокол допроса арестованного бывшего секретаря Томского Станкина и пишет: «Станкин дал показания о своей принадлежности и активном участии в террористической организации правых... Станкин показывает, что боевая террористическая группа Славинского, в состав которой, кроме него, входили

также Кашин и Воинов (бывшие секретари Томского), намечала совершение террористического акта против тов. Сталина в день торжественного заседания 6 ноября 1936 года в Большом театре.

Станкин также показал о том, что со слов Томского ему известно о существовании центра контрреволюционной организации правых в составе Томского, Бухарина, Рыкова, Угланова, Шмидта и Сырцова...»

7 декабря 1936 года, направляя протоколы допроса Сталину, Молотову и Кагановичу, Ежов пишет: «Направляю Вам протокол допроса от 6 декабря с. г. арестованного участника контрреволюционной организации правых Куликова Е. Ф. Куликов показал, что в 1932 году им лично была получена от Бухарина директива о необходимости убийства Сталина. Ежов».

Последовательно и методично накапливался материал о троцкистской деятельности. 4—7 декабря 1936 года состоялся Пленум ЦК ВКП(б), на котором Ежов выступил с докладом «Об антисоветских, троцкистских и правых организациях». Ежов на основании полученных показаний от арестованных Сосновского, Куликова, Яковлева, Котова и других обвинил Бухарина и Рыкова в блокировании с троцкистами и зиновьевцами и осведомленности об их террористической деятельности.

Бухарин и Рыков на Пленуме отрицали все предъявленные им обвинения. Пленум отложил принятие окончательного решения по Бухарину и Рыкову до следующего Пленума ЦК.

В конце 1936 года — начале 1937 года был арестован ряд лиц, в том числе Радек, который дал показания о связи лидеров «правой оппозиции» с троцкистами и зиновьевцами, об их террористической деятельности и о причастности Томского, Бухарина и Рыкова к убийству Кирова.

Следует к изложенному добавить признания Пятакова, которые он сделал органам НКВД после посещения его в тюрьме (шло предварительное следствие) С. Орджоникидзе и беседы с ним, о чем сообщалось в газете «Комсомольская правда» от 6 июля 1989 года (см. заметку «Пощечина Сталину»).

Таков был в течение 1936-го — начала 1937 года калейдоскоп признаний троцкистов о своей деятельности.

Еще раз следует особо подчеркнуть, что все обвинения против троцкистов основывались на признании ими собственной вины, даче ими развернутых показаний против себя и других обвиняемых.

Деятельность прокурора СССР Вышинского на политических процессах 1936—1938 годов заключалась в том, чтобы он строил свои обвинения на голой «железной» логике, на показаниях обвиняемых, без наличия каких-либо официальных документов. Именно так и ориентировал Сталин Вышинского на проведение процессов. В те годы существовала даже специальная теория Вышинского о том, как на основании только строгих логических построений добиваться от обвиняемых нужных правдивых показаний. Именно за чрезвычайно успешное ведение политических процессов Сталин ценил Вышинского, и этим объясняется длительность пребывания интеллигента Вышинского в верхних эшелонах власти.

А сейчас, через 50 лет, мы задаем вопрос: «А где документы, подтверждающие вину обвиняемых?» Да их у следственных органов НЕ БЫЛО! В этом и заключалась важнейшая особенность всех процессов: получить признание, не подтверждая никакими документами. Почему приходилось действовать именно так? А вот

почему. Есть документы — есть их источник, есть источник — можно его раскрыть и уничтожить. Но тогда рухнет надежда на разгром троцкистского подполья.

Нередко от оставшихся в живых репрессированных представителей оппозиций можно услышать сейчас, что сам Ежов и следователи, убеждая в необходимости дать требуемые показания, говорили такую фразу: «Так нужно для партии...» Эта фраза наверняка принадлежала Сталину, и он требовал от Ежова, а через Ежова — от следователей, чтобы все они как можно чаще и убедительней произносили ее на допросах обвиняемых... В чем была эта «нужность»? Если она требовала оговора, то зачем оговор нужен был партии? И нередко бывшие репрессированные из оппозиции говорят сейчас (или говорили после их реабилитации в 50 и 60-е годы) так: «Мы думали, что так нужно было для партии...» Но разве это не нелепость — оговаривать себя ради какой-то «нужности» для партии? Конечно, нелепость! Нет, не оговора ждали от обвиняемых. Партии действительно нужны были их честные показания.

Смысл фразы Ежова и следователей заключался в том (и Сталин вкладывал в эту фразу именно этот смысл), что партии нужно было показать советскому народу, всему миру, что внутренний враг нашего народа разоблачен и разгромлен. И теперь если внешний враг и посягнет на нашу страну, то он сможет рассчитывать только на свои собственные силы.

Возвращаясь к Бухарину и Рыкову, следует сказать, что Сталину не хотелось того, чтобы их быстро судили. Он ясно сознавал, что они наиболее видные политические деятели троцкистского подполья, и поэтому хотел, чтобы по ним был собран как можно больший изобличающий следственный материал, чтобы они сами на базе этого материала признали себя виновными и стали давать честные показания следствию. И только после этого — как апофеоз — провести грандиозный открытый заключительный судебный процесс над троцкистами, за которым мог бы наблюдать весь мир.

Прошли судебные процессы над Зиновьевым и Каменевым («объединенный троцкистско-зиновьевский центр»), над Пятаковым и Радеком («параллельный антисоветский троцкистский центр»). Но Сталин все ждал и ждал, получая все новую и новую информацию по бериевскому каналу.

Во второй половине 1936 года одновременно со следствием над деятелями партии и государства велось следствие над представителями командного состава Красной Армии.

14 августа 1936 года органами НКВД в Ленинграде был арестован и доставлен в Москву заместитель командующего войсками Ленинградского военного округа комкор Примаков, а 20 августа этого же года в Москве арестовали военного атташе при полпредстве СССР в Великобритании комкора Путну. Обоим было предъявлено обвинение в участии в боевой группе троцкистско-зиновьевской контрреволюционной организации (см. журнал «Известия ЦК КПСС», № 4, 1989 г., с. 44). Путна обвинялся также в связях с Троцким, от которого якобы получал директивы о терроре.

Показания на них дали арестованные директор Челябинского завода «Магнезит» Дрейцер, начальник строительства железной дороги Караганда — Балхаш Рейнгольд и другие будущие обвиняемые по делу «параллельного антисоветского троцкистского центра».

В этих показаниях указывалось на существование в армии военно-троцкистской организации.

Примаков отрицал свое участие в какой-либо контрреволюционной деятельности до 8 мая 1937 года, а затем 8 мая написал в Лефортовской тюрьме следующее заявление на имя Ежова: «В течение 9 месяцев я запирался перед следствием по делу о троцкистской контрреволюционной организации. В этом запирательстве дошел до такой наглости, что даже на Политбюро перед товарищем Сталиным продолжал запираться и всячески уменьшать свою вину. Товарищ Сталин правильно сказал, что «Примаков — трус, запираться в таком деле — это трусость». Действительно, с моей стороны это была трусость и ложный стыд за обман. Настоящим заявляю, что, вернувшись из Японии в 1930 году, я связался с Дрейцером и Шмидтом, а через Дрейцера и Путну — с Мрачковским и начал троцкистскую работу, о которой дам следствию полные показания».

Путна 24—25 августа 1936 года признал, что он участвовал в троцкистско-зиновьевской оппозиции, но полностью от нее отошел и никакой контрреволюционной деятельностью не занимался. Однако же на следующем допросе, 31 августа 1936 года, Путна дал показания в существовании «всесоюзного», «параллельного» и «московского» центров «троцкистско-зиновьевского блока» и о своем, совместно с Примаковым, участии в военной организации троцкистов.

Следует напомнить, что только что прошел судебный процесс над Зиновьеаым и Каменевым и там фамилии военных не упоминались. Показания, которые дал Путна, оборачивались против Зиновьева и Каменева — как утаивших от суда очень важные сведения. Наверное, при встрече со Сталиным до судебного процесса Зиновьев и Каменев давали слово разоружиться перед партией и дать необходимые сведения для раскрытия троцкистского подполья. Но показания Путны говорили о серьезной неполноте сведений, данных следствию Зиновьевым и Каменевым. Это могло сыграть (и сыграло) решающую и роковую роль в окончательном определении их судьбы.

В книге немецкого историка П. Карелла «О деле Тухачевского» сказано, в частности, следующее (см. журнал «За рубежом» 27 мая — 2 июня 1988 г.): «Одним из главных подсудимых (имеется в виду процесс по делу «параллельного антисоветского троцкистского центра». — Ю. К.) был Карл Радек. На утреннем заседании 24 января 1937 года он, отвечая на один из заданных Вышинским вопросов, неожиданно упомянул Тухачевского. Имя маршала возникло случайно... В зале воцарилась цепенящая тишина. И в этой тишине Радек произнес имя одного из близких к Тухачевскому лиц — генерала Путны. «Путна вместе со мной участвовал в заговоре», — произнес Радек».

Впервые на судебных процессах с августа 1936 года появилось упоминание о представителе военных.

В тех же выдержках из книги немецкого историка сказано о передаче бывшим царским генералом Скобиным немецкой разведке (16 декабря 1936 года. — Ю. К.) информации о заговоре военных против Сталина.

По бериевскому каналу (через Шелленберга) эта информация могла попасть к Сталину в декабре 1936-го — январе 1937 года, до признания Радека на суде, и Сталин при встрече с Радеком мог

убеждать его дать показания на суде об участии военных в троцкистской деятельности. В период с декабря 1936 года по май 1937 года никто из высшего командного состава Красной Армии арестован не был. Только в апреле 1937 года Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение об отмене поездки Тухачевского в Лондон на коронацию английского короля Георга VI. То, почему отменили поездку, и резолюция по этому поводу могут говорить совершенно определенно о том, что Сталин уже давно знал о заговоре военных и знал (до сообщения чехословацкого президента Бенеша) именно по бериевскому каналу.

Следует отметить, что признание своей вины проходившими по «делу военных» было сделано ими не в результате применявшихся против них методов физического воздействия, а в результате той самой психологической обработки («так нужно для партии»), на которой постоянно настаивал Сталин, и на основании сфабрикованного немецкой разведкой «досье» на Тухачевского, которое нужно было Сталину для прикрытия бериевского канала.

Кстати, Примаков выразил желание дать развернутые показания о троцкистской деятельности военных 8 мая 1937 года, когда это «досье» с нарочным Ежова либо было на пути в Москву, либо (это более вероятно) уже «приехало» в Москву и его можно было смело использовать против арестованных Примакова и Путны, а также против других военных, участвовавших в заговоре.

К марту 1938 года, когда должен был состояться судебный процесс над Бухариным, Рыковым и другими крупными деятелями троцкистского подполья, следственные органы собрали огромный обвинительный материал против подсудимых. Следствие по делу «антисоветского правотроцкистского блока» проведено исключительно психологическими методами, главные подследственные (Бухарин, Рыков прежде всего) были убеждены следствием в необходимости разоружения перед партией, перед народом. По тому, как построили свои выступления на суде Бухарин, Рыков, Ягода и другие обвиняемые (особенно в части «последнего слова подсудимого»), это особенно заметно. Вот выдержки из последнего слова подсудимого Бухарина, Рыкова и Ягоды.

Бухарин: «Я около трех месяцев запирался. Потом стал давать показания. Почему? Причина этому заключалась в том, что в тюрьме я переоценил все свое прошлое. Ибо когда спрашиваешь себя: если ты умрешь, во имя чего ты умрешь? И тогда представляется вдруг с поразительной яркостью абсолютно черная пустота. Нет ничего, во имя чего нужно было бы умирать, если бы захотел умереть, не раскаявшись. И наоборот, все то положительное, что в Советском Союзе сверкает, все приобретает другие размеры в сознании человека. Это в конце концов меня разоружило окончательно, побудило склонить свои колени перед партией и страной...

Чудовищность моих преступлений безмерна, особенно на новом этапе борьбы СССР.

С этим сознанием я жду приговора. Дело не в личных переживаниях раскаявшегося врага, а в расцвете СССР, в его международном значении».

Рыков: «Я хочу под конец использовать последнее слово для того, чтобы по мере сил повлиять на тех моих бывших сторонников, которые, может быть, до настоящего времени не арестованы и не разоружились и о которых я не знал или запамятовал. Я хочу, чтобы те, кто еще не разоблачен и не разоружился, чтобы они на

моем примере убедились в неизбежности разоружения и немедленно разоружились во что бы то ни стало и как можно скорее. В этом разоружении у них единственное спасение. Единственное спасение, единственный их выход заключается в том, чтобы помочь партии, помочь правительству разоблачить и ликвидировать остатки, охвостья контрреволюционной организации, если они где-нибудь сохранились на территории Союза».

Ягода: «...данный процесс является апофеозом разгрома контрреволюции, страна уничтожила все очаги контрреволюции. Советская страна выиграла, разбила контрреволюцию наголову. То, что я и мои сопроцессники сидим здесь, на скамье подсудимых, и держим ответ, является триумфом, победой советского народа над контрреволюцией».

Этих слов от главных подсудимых по делу «антисоветского правотроцкистского блока» и ждал с огромным нетерпением Сталин. Эти слова из их уст и говорили всему миру о разгроме внутреннего врага, о великой победе партии и советского народа.

Теперь, после всего сказанного, задаваясь вопросом: оговаривали ли себя представители «старой ленинской гвардии» на судебных процессах? — можно твердо заявить: нет, не оговаривали! В конце концов они остались преданными тому делу революции, которому посвятили свою жизнь Они поняли, что этот судебный процесс — последняя часть их жизни; поняли, что партия, страна, революция должны жить и противостоять в самом недалеком будущем внешнему врагу; поняли свою огромную вину перед партией и народом за контрреволюционную деятельность; поняли, что страна должна быть крепкой, монолитной, чтобы успешно противостоять врагу в лице империализма.

Все политические процессы 1936—1938 годов были открытыми (за исключением отдельных дней). Это делалось для того, чтобы весь мир видел, что партия большевиков разоблачила и разгромила своего внутреннего врага, что гениальная стратегия Сталина, действовавшего строго по Ленину, подтвердилась: в стране был внутренний враг, но в будущей войне с нами империалистам уже не на кого будет опереться.

Однако враг был. И он находился прямо под боком у Сталина, и победа партии над троцкистами только невероятно укрепила его и создала все условия для достижения этим врагом своей цели: выйти на самый высокий уровень правоохранительных органов. Только в этом случае этот враг получал неограниченные возможности в проведении самых широких репрессий против лучшей части советского народа, в резком ослаблении нашей страны в отражении возможной агрессии извне.

Кто же был этим врагом? Кто способствовал ослаблению страны перед войной, создав возможность германским фашистам глубоко вклиниться на нашу территорию на начальном этапе войны и затянуть войну? Если говорить о человеке — это был БЕРИЯ, а шире — то и его репрессивный аппарат, работавший в конце 30-х — начале 40-х годов на полные обороты.

Именно на подъем Берии и работал, на мой взгляд, тот самый бериевский разведывательный канал, так блистательно организованный английской разведкой. Именно этот канал и привел Берию к триумфу в 30-е годы и заложил для него чрезвычайно прочную основу для организации и проведения в стране враждебной советскому народу деятельности.

Рассуждения о собственно «сталинских» репрессиях 30—40-х годов в свете сказанного не выдерживают серьезной критики. Организатором массовых репрессий против ни в чем не повинных людей в 1937, 38, 39, 40, 41 и далее годах был не Сталин, а Берия и его аппарат.

Когда же начался организационный период в создании будущего бериевского репрессивного аппарата? В 1931 году после блистательно сфабрикованного покушения на Сталина, главным «предотвратителем» которого был Берия. Чуть позже Берия станет первым секретарем ЦК КП(б) Закавказья, куда входили Грузия, Армения и Азербайджан. Уйдет из правоохранительных органов в партийные. Чрезвычайно дальновидная политика расширения своего аппарата: многих своих людей из правоохранительных он переводил в партийные органы, на освободившиеся места набирал новых, нужных ему сегодня, а еще более — завтра людей. Так будет и с Багировым в 1933 году, так будет и со многими другими ставленниками Берии в партийных органах и органах НКВД.

К 1936—1937 годам завершился определенный организационный период в создании чудовищного репрессивного бериевского аппарата. И в эти уже годы начинается его деятельность по ослаблению нашей страны в предстоящей войне фашистской Германии против СССР.

Историки не оспаривают того, что страна была ослаблена перед войной. К сожалению, многие из публицистов и псевдоисториков однозначно соотносят это с недальновидностью Сталина, с последствиями его якобы расправы над военными. Приведу один пример из недавних публикаций. В газете «Сельская жизнь» от 23 июня 1988 года в статье «Шемахинская трагедия» рассказывалось о расправе органов НКВД над 60 передовиками сельского хозяйства небольшого селения Текле под Шемахой Азербайджанской области. Кто стоял во главе ЦК КП(б) Азербайджана в 1937 году, когда происходила эта расправа? Багиров — ставленник Берии и давний его друг. Багирова расстреляют в 1955 году как врага народа. В органах НКВД Азербайджана, несомненно, сидели люди, верные Багирову, а стало быть, и Берии. Так чьи это были репрессии, если Берия был врагом советского народа? Зачем нужно было Сталину расправляться с передовиками сельского хозяйства? Но ясно, зачем это было нужно Берии: если в каждом селении, городе из года в год вырубать лучшую часть социалистического общества, то рано или поздно это приведет страну к тому состоянию, которое должно было быть в ней создано перед нападением империализма на СССР.

Сейчас в Прибалтийских республиках, ревизовав пакт «Молотова — Риббентропа» 1939 года, говорят о «сталинских репрессиях», начавшихся в 1940 году — после вступления Прибалтийских республик в состав СССР. Опять говорю: нет, нет и нет! Это были бериевские репрессии, направленные на ослабление Прибалтийских республик и создание опять тех же условий для успешной (на начальном этапе) агрессий против СССР. Ведь граница СССР после присоединения к нему Прибалтийских республик переместилась. На присоединенной территории бериевский аппарат и развернул свою деятельность по «чистке» народа.

После разгрома троцкистского подполья Сталин чрезвычайно верил Берии. Он полностью или чрезвычайно доверял ему и в организации работы правоохранительных органов. Этим и пользовался Берия, проводя антинародную, подрывную деятельность в различных регионах и республиках СССР.

Коммунисты и беспартийные, преданные делу революции, делу социализма, подвергаясь репрессиям, не могли понять, что происходит в партии, стране. Чаще они считали эти репрессии какой-то трагической ошибкой и с этой надеждой отбывали наказание в лагерях, тюрьмах, ожидая, что вот-вот должно прийти оправдание. Но оно пришло только после разоблачения Берии. Не после смерти Сталина, как это сейчас вдалбливают нам, советским людям, средства массовой информации, а именно после разоблачения Берии. Смерть Сталина позволила открыто сказать о том, о чем многие подозревали, что в конечном итоге абсолютно закономерно привело к развенчанию и падению человека, который уже считал себя диктатором.

Как долго должен был существовать бериевский разведывательный канал? Логика подсказывает: до момента назначения Берии наркомом НКВД СССР (с некоторым незначительным дополнительным отрезком времени). Далее этот канал уже не мог принести какой-либо полезной информации, так как после прихода Берии к высшей власти в правоохранительных органах этот канал должен был бы выродиться в обыкновенный канал разведки, а это не входило в замыслы его создателей. Следовательно, по выполнении назначенных ему задач и целей этот канал подлежал ликвидации.

В книге советских историков Д. Мельникова и Л. Черной «Империя смерти» (Москва, 1987, Издательство политической литературы) на основании мемуаров Шелленберга описывается так называемая «операция Венло». Вот вкратце ее суть, как она изложена советскими историками:

«Операция Венло» продолжалась довольно долго — с 15 октября по 9 ноября 1939 года, и проводил ее сам шеф СД Шелленберг.

Гитлеровской разведке удалось наладить связь с агентами британской Интеллидженс сервис. Некий Фишер (по другим источникам его фамилия была Франц) убедил англичан в том, что в Германии в среде офицерства существует большая оппозиционная группа, жаждущая контактов с Западом. Сперва Фишер (или Франц) влачил нищенское существование в Париже, потом перебрался в Нидерланды. Здесь и произошла первая встреча двух британских разведчиков — майора Стивенса и капитана Беста, офицера голландской разведки Клоопа с мнимым представителем офицерской оппозиции капитаном Шеммелем. Роль капитана Шеммеля взял на себя Шелленберг (англичане и голландец, впрочем, тоже выступали под вымышленными фамилиями). На следующей встрече появился и немецкий «генерал», душа заговора, а в действительности известный берлинский психиатр де Кринис, который был тесно связан с нацистскими карательно-шпионскими органами.

...Шелленберг договорился о новой встрече с английскими разведчиками, пообещав привести на нее «главного немецкого заговорщика». На сей раз встреча должна была состояться на самой нидерландской границе в местечке Венло. Дескать, «главный заговорщик» не желал углубляться на голландскую территорию... Шелленберг приготовил все для того, чтобы похитить английских разведчиков.

...По указанию Гитлера Шелленберг перенес встречу на 9-е. А далее события развивались как в дешевом американском детективе. 9 ноября Шелленберг сидел в кафе в Венло. Англичане за-

паздывали. Потом появился их черный «бьюик». Шелленберг выскочил на улицу якобы за тем, чтобы встретить английских разведчиков. Из «бьюика» вышли трое агентов. В эту минуту поджидавшая их у границы машина Науйокса, свалив шлагбаум, на предельной скорости рванулась к «бьюику». Голландец схватился за пистолет, началась перестрелка — гиммлеровские налетчики были вооружены пулеметами. Клооп упал, тяжело раненный. Науйокс и его гангстеры схватили всех трех разведчиков и бросили в свою машину. Пока машина переезжала через границу, несколько людей Науйокса, стреляя, прикрывали ее отход, Шелленберг тоже времени не терял. Он сразу же сел в машину, на которой приехал, и умчался на безопасную немецкую территорию. Все участники этого «детектива» вскоре встретились в Дюссельдорфе. В дюссельдорфском госпитале скончался от ран Клооп, а двое британских разведчиков были посажены в тюрьму по обвинению в подготовке взрыва в Бюргербройкеллере.

Так и видятся афишные заголовки в «Фелькишер беобахтер», «Ангрифе»...:

«Британская разведка организует заговор против Гитлера».

...Безусловно, английская разведка должна была стать одним из двух главных обвиняемых на будущем грандиозном процессе.

...Тем не менее процесс... так и не состоялся.

...Стивенса и Беста отправили в Заксенхаузен, где они просидели вплоть до 1945 года и были освобождены после капитуляции гитлеровской Германии.

В своих воспоминаниях Шелленберг приписывает себе заслугу столь необычно «гуманного» обращения Гиммлера и Гитлера с английскими агентами.

...Всю эту аферу Гитлер все же сумел использовать в своих политических целях. Поскольку было доказано, что нидерландская разведка сотрудничала с английской, он получил повод для обвинения в нарушении нейтралитета. Это облегчило нацистам проведение агрессии против Нидерландов».

Что в описанной истории представляется интересным? Присутствие двух английских разведчиков, которых не судили после разоблачения, к которым «гуманно» относились в Заксенхаузене во время войны (что ставил себе в заслугу Шелленберг) и которых освободили в 1945 году. Это первое. Второе: наличие в тройке «разоблаченных» голландского разведчика, которого при взятии тяжело ранили и он скончался в немецком госпитале от ран (а английских разведчиков, видимо, даже не поцарапали).

Анализируя «операцию Венло», приходишь к выводу, что вся эта история очень сильно смахивает на уничтожение бериевского канала: разведчики разоблачены, канал раскрыт, значит — конец его деятельности. Берия может спокойно сидеть наверху, Сталин ни в чем его упрекнуть или заподозрить не сможет. А откуда тогда в этой ситуации голландский разведчик? Фантастическое, но вероятное предположение: это был советский разведчик, которого надо было уничтожить, чтобы уничтожить бериевский канал. Почему его сделали в этой операции голландцем?! Объяснение можно дать простое. Убивали сразу двух зайцев: уничтожали советского разведчика и создавали пусть слабый, но все же прецедент для обвинения Нидерландов в разведывательной деятельности против Германии и имели в дальнейшем повод для нападения на

Нидерланды. Вот почему стреляли прицельно только в голландского разведчика, а английских брали невредимыми.

Шелленберг, описывая в своих воспоминаниях эту историю, как бы оставлял ее для будущего. В английской разведке прекрасно знают фамилии тех английских разведчиков, кто участвовал в описываемой истории. И кем был голландский разведчик, ей тоже хорошо известно. Шелленберг был уверен, что в будущем при соответствующих обстоятельствах эта история будет описана в подлинном варианте. Главным для Шелленберга была ее фиксация.

В отношении бериевского разведывательного канала можно сделать предположение, что после прихода Берии к власти в НКВД этот канал еще некоторое время (1939 год) использовался для установления места нахождения Троцкого и налаживания за ним слежки. А убийство Троцкого Берия мог осуществить уже другими руками.

Таким образом, подытоживая сказанное о деятельности бериевского разведывательного канала и самого Берии, можно дать четкий и ясный ответ на то, почему не оговаривали себя, а говорили правду о своей деятельности представители «старой ленинской гвардии», почему, несмотря на сокрушительный разгром кажущегося внутреннего врага советского народа и, казалось бы, создание всех условий для успешного отражения империалистической агрессии против СССР, наша страна оказалась такой не подготовленной на начальном этапе Великой Отечественной войны.

Вообще для западного мира Берия останется легендарной личностью, сумевшей переиграть великого Сталина. Сейчас это тщательно скрывается от всего мира, но когда-нибудь это станет фактом гласности. И тогда раскроется все: и как было сфабриковано покушение на Сталина, и кто был задействован в созданном разведывательном канале с английской и нашей стороны, и как удалось разгромить троцкистское подполье у нас и за рубежом, и как удалось Берии так долго держаться в самых верхних эшелонах власти, и многое-многое другое.

Главное для нас сейчас в «бериевском» вопросе заключается в том, чтобы западный мир не считал нас «страной дураков», а ясно понял, что мы — великая держава. И как бы ни запутывали нас разные «благодетели» в расшифровке нашей истории, мы и без их подсказок сумеем разобраться в том, какой была наша подлинная история.

Прежде чем подытожить разговор о «белых пятнах» истории, несколько слов следует сказать о репрессиях 30—40-х — начала 50-х годов.

В репрессиях следует выделить три направления:

а) репрессии аппарата Ягоды;

б) репрессии аппарата Ежова;

в) репрессии аппарата Берии.

Эти три направления совершенно различны по своей сути.

Первые — это репрессии троцкистского толка по организации вредительства, террора, подрыва социалистического строя. Эти репрессии были не масштабны и не были связаны с деятельностью законспирированного врага советского народа. Сюда же можно отнести репрессии, приходящиеся на начальный период репрессий против самих троцкистов и их пособников (1935 год — сентябрь 1936 года, пока Ягода еще оставался наркомом НКВД СССР).

Вообще троцкисты для ведущих империалистических держав в

пице прежде всего Америки и Англии не представляли никакого политического интереса. С их точки зрения, троцкизм в нашей стране как политическая сила был разгромлен в 20-е годы и не имел серьезной перспективы на будущее. Делать на него ставку как на главного внутреннего врага партии и советского народа было бы просто глупостью. И те, кто готовил нападение Германии на СССР, решили принести троцкизм в жертву для утверждения авторитета Берии, возлагая на него огромные надежды. История ясно показала, что эти надежды во многом оправдались. Берия со своим аппаратом принес советскому народу невиданные муки и страдания, гибель многим сотням тысяч ни в чем не повинных людей.

Вторые — это репрессии по отношению к тем, кто был обвинен в контрреволюционной антисоветской (троцкистской) деятельности. Эти репрессии и нужно называть «сталинскими». Это были репрессии по отношению к врагам советского народа, перерожденцам — революционерам типа Бухарина, Рыкова и других, пособникам троцкизма. Но к этим оправданным репрессиям примешивалось множество репрессий по отношению к невиновным советским людям, попадавшим в органы НКВД по оговорам, доносам и т. д. Такие необоснованные репрессии были вызваны как общей атмосферой борьбы с троцкизмом, так и низким уровнем культуры следователей НКВД, занимавшихся подобными делами.

В органы НКВД в 30-е годы шли в подавляющей части представители из рабочих и бедных крестьян, не имевших достаточного образования. И отсутствие у них требуемых знаний, высокой культуры нередко приводило к преступному превышению ими служебных полномочий. Можно быть безгранично преданным делу революции, любить свою социалистическую Родину, но это не дает никому права применять по отношению к своим политическим противникам физическое насилие. Убеждать противников разоружаться перед партией и только убеждать — вот что требовалось от следователей 1936—1938 годов. А для умения убеждать нужны были знания и культура, чего следователям аппарата Ежова зачастую и не хватало.

Третьи репрессии — это репрессии подлинного внутреннего врага советского народа — Берии и его многочисленного аппарата с сотнями тысяч осведомителей. Под видом борьбы с троцкизмом, под видом разоблачения разных шпионов, вредителей, диверсантов шло тотальное истребление всего лучшего, что было в нашем социалистическом обществе. И трагедия заключалась еще и в том, что враг был талантлив, действительно очень умело разоблачал настоящих врагов советского народа. В этом ему, несомненно, тайно помогала иностранная разведка. Поэтому понять, где были подлинные разоблаченные враги, а где были невиновные советские люди, для партии было очень непросто. Советских чекистов, которые видели и чувствовали эту вражескую деятельность, безжалостно истреблял бериевский аппарат. Вот где действительно в грандиозных масштабах применялось физическое насилие. Бериевский аппарат умело фабриковал различные «дела» (например, «ленинградское дело» начала 50-х годов), в результате которых гибли видные советские деятели партии и государства. Особенно это касалось тех деятелей партии и государства, которые были выдвиженцами Сталина и могли преградить Берии дорогу к высшей власти в партии и государстве.

Возвращаясь к расшифровке «белых пятен», можно сказать, что для понимания отечественной истории 30—40-х — начала 50-х годов не хватало решающего звена, определяющего и связывающего всю цепь событий того времени. Из-за этого деятельность Сталина и наша история представлялись, с подачи фальсификаторов истории, нелепыми, чудовищно извращенными. Чтобы дать оправдание всей этой нелепости, придумали борьбу Сталина за власть, оговор себя представителями «старой ленинской гвардии», всякие многочисленные доносы, насилие (в грандиозных размерах) органов НКВД и многую другую чепуху.

Теперь это недостающее звено (в логическом построении) найдено. Сейчас нужно направить внимание на розыски документов, людей, могущих что-либо сказать о существовании того самого бериевского канала в нашей стране.

За рубежом, в капиталистическом мире, хотя и знают о нем прекрасно и знают, какой, с учетом этого канала, была наша история, ничего не скажут: слишком высоко потянется веревочка в преступных деяниях мира империализма против народов СССР, Германии, Италии и других стран.

Но подлинная правда истории все равно откроется. И тогда станет ясным, почему советский народ 20—40-х годов свято верил в своего руководителя, почему смог столько создать за неимоверно короткий срок (15—20 лет) после Октябрьской революции, почему отстоял социализм в Великой Отечественной войне. Станет ясным подлинное значение Сталина. И вообще, многое прояснится в нашей истории.

Сейчас важно остановить поток чудовищной лжи и дезинформации, текущей со страниц многих газет и журналов. Остановить во имя священной памяти о героическом поколении ушедших от нас в мир иной и ныне живущих наших отцов и матерей, дедушек и бабушек. Во имя всего советского народа.

P. S. Когда эта статья уже была написана, мне в руки случайно попала советская книга современного издания, включающая в себя сборник рассказов советских писателей-сатириков 20—30-х годов. Один из рассказов Ильфа и Петрова назывался... «КЛООП».

«Так ведь это название в точности соответствует фамилии голландского разведчика, упоминаемого Шелленбергом при описании «операции Венло»!» — воскликнул я. Перечитав несколько раз рассказ, я так и не понял, почему он называется «КЛООП», как не поняли и не узнали в самом рассказе, что такое КЛООП, два главных героя рассказа.

И тогда мне в голову пришла шальная мысль, что фамилия Клооп может являться сокращенным названием чего-то. А что, если это отнести к бериевскому каналу? И вот что у меня получилось: КЛООП — канал ликвидации особо опасных преступников. А что? Может быть, фамилия голландского (предполагаемого советского) разведчика действительно была шифром канала, с помощью которого было раскрыто и разгромлено троцкистское подполье в нашей стране, а Шелленберг решил эту фамилию оставить в своих мемуарах в подлинном варианте?

Но почему Ильф и Петров назвали свой рассказ именно «КЛООП»? Случайное совпадение? Время покажет.

●

Наши публикации

Александр УАЙТ

РУССКАЯ ПОЛИТИКА САМОСОХРАНЕНИЯ

Написанная в 1955 году, «Русская политика самосохранения»* не сразу нашла своего издателя. Лишь через два года парижский журнал «Грядущая Россия», который редактировал Е. А. Ефимовский, начал публиковать работу Александра Уайта. Однако хваленая западная свобода слова не распространялась на это издание: оно прекратило существование, так и не успев напечатать статью полностью. Но слово — не воробей, в 1959 году русская независимая газета «Голос Родины», выходящая в Мюнхене, сумела-таки довести дело до конца, а ежемесячный журнал «Русское самосознание», издаваемый в США, перепечатать в 1984 году. Можно лишь предположить: причиной переиздания послужила актуальность статьи Александра Уайта, ибо со временем как бы вышло наружу скрытое в ней прежде.

Итак, 1955 год. Александр Уайт размышляет о русском варианте тоталитарного коммунистического общества, о борьбе с СССР, как с «империей зла», объединенных сил Запада, о грядущих судьбах нашей страны, а читатель спустя 36 лет волен уже сам делать выводы сравнительно с тем, что он успел узнать, услышать и увидеть за время перестройки, нашествия демократической гласности, плюрализма и глобальных перемен в мире.

> Мы не только самая большая и могущественная демократия, но другие демократии ищут нашего водительства, чтобы не дать погибнуть Мировой Демократии.
>
> Франклин Рузвельт

> Наше последнее слово еще не сказано, наше последнее дело еще не совершилось. Наша последняя революция еще не сделана. Эта последняя революция, революция, которая увенчает нашу революционную работу, будет революцией против революционеров. Она должна совершиться.
>
> Оскар Леви

Русские эмигранты считают, что одной из главнейших задач «эмиграции» было открыть глаза Западу на страшную опасность мирового коммунизма, грозящего поглотить весь «свободный мир».

* Печатается с сокращениями. (Ред.)

По их мнению, миссия эта выполнена ими с честью, и горе тому, кто посмеет усомниться в том, что Запад нуждался в наших услугах, ибо все эти годы будто бы находился в неведении и заблуждении. Горе тому, кто открыто заявит, что не Западу, а нам, эмигрантам, пора открыть глаза на правду.

Запад все эти годы отнюдь не заблуждался, а с открытыми глазами вел и продолжает вести нужную ему политику. С коммунизмом он активно не боролся потому, что по ряду причин не хотел и не мог, а то, что он нам сегодня* выдает за «борьбу против интернационального коммунизма», оной вовсе не является и может быть определено, с одной стороны, как «вековая борьба Запада против русской экспансии», а с другой, как «борьба за российское наследство» между сторонниками и наследниками Второго и Третьего Интернационалов.

Мы, эмигранты, пристегнуты к этой борьбе лишь постольку, поскольку наследство это — наше русское, и Западу весьма кстати, что мы его претензию поддерживаем нашим авторитетом «свободных» русских людей. Но, повторяем, горе тому, кто это открыто заявит. Вся эмиграция, как один, на него ополчится, так как говорить это, оказывается, «преступление», не только перед Россией, но и почему-то перед эмиграцией, а говорящий — едва ли не коммунист, и с такими мыслями логичнее возвращаться в Россию.

Странно! Казалось бы, что это не только не логично, но и не безопасно. Ведь если здесь, на Западе, где пока еще без **официальной вывески** политикой руководят носители идеи «Мировой Демократии», то есть вся та клика, которая либо приняла идеи, либо вышла из рядов и окружения Второго (социалистического) Интернационала, если уже здесь опасно открыто не одобрять эту политику, указывая на **неоспоримый факт**, что Мировая (интернациональная) Демократия есть лишь приукрашенный конкурент Мирового (интернационального) Коммунизма, ибо преследует ту же цель — мировую власть, то почему логичнее говорить все это в СССР, где «Мировой Коммунизм», несмотря на нежелательный (с точки зрения западных интернационалистов) уклон, все же продолжает быть **официальной фирмой**.

Почему не начать здесь, обратив в первую очередь внимание русских на то, что вся так называемая «антикоммунистическая акция Запада» ведется (помимо желания многих ее участников) Мировой Демократией Запада и потому вовсе не является продолжением той антикоммунистической борьбы, которую в свое время вели мы, русские националисты.

Странно, как можно не видеть, что в нынешнем западном лозунге «борьбы против большевизма» есть нарочитая недоговоренность, переходящая в словесную подтасовку, и потому все наши усилия, как бы правильны они нам ни казались, самообман и вредны, так как **вовсе не ведут к победе над интернациональными силами, заполонившими в свое время наше отечество**. Вредны они потому, что совершенно сознательно используются интернациональными (демократическими) силами Запада не на борьбу с интернациональными революционными силами, угрожающими всему миру, а на **продление, углубление и завершение этой революционной борьбы**, которой, по словам Оскара Леви, суждено «увенчать всю нашу революционную работу».

Эта «революционная работа», как известно, направлена против

* Это написано в 1955 году. (Ред.)

всех крупных государственных соединений *, и в первую очередь тех, над которыми участники мировой революции, или так называемого «Мирового Заговора», почему-либо не получили (как в царской России), или выпустили из рук (как в Советской России) финансовый контроль и потому не могут распоряжаться там, как в своем кармане, то есть, к примеру, так, как они уже давно распоряжаются (благодаря системе кредита) в Америке, Европе и их колониях.

Насильственно насажденный у нас, не без участия Запада, коммунизм (причем диктаторскими, а отнюдь не демократическими методами) был для Запада терпим, даже хорош, покуда разрушал неугодную западным интернационалистам структуру Российского государства и строил иную, при которой всюду закамуфлированная власть капитала могла бы теперь действовать непосредственно, почти не скрываясь, в одной шестой части света через новый государственный аппарат захваченной и перестроенной на новый лад страны **.

Для этого как нельзя лучше подходила коммунистическая система, которая передавала все несчетные богатства страны, все экономические и финансовые трансакции из частных рук в распоряжение государства, в данном случае Коммунистической Партии, а через нее, разумеется, инициаторам и руководителям революции, действовавшим сначала через Второй, а затем через Третий Интернационал.

Но вот, небольшое нарушение равновесия сил и нежелательный уклон внутри Партии могли лишить и, по-видимому, лишили (еще в сталинский период) закулисных инициаторов русской революции их роли вершителей судеб: политики, финансов и экономики в одной из величайших империй мира, и — ирония судьбы, — благодаря особенностям установленной их же усилиями коммунистической системы, перед ними внезапно закрылись все двери, так как уже нельзя было прибегнуть к обходному маневру, то есть косвенному давлению через финансовые операции частного порядка, что уже делается столетиями на Западе.

Отсюда и вопли о «зле коммунизма», подхваченные и подлинными антикоммунистами, справедливо опасающимися интернационального ига. Отсюда и весь пресловутый «антикоммунизм» западных демократов, который вертится главным образом вокруг этого, то есть экономического и финансового контроля.

Не говорим здесь о вековом плане дробления Российской империи, одной из первейших и открыто признанных целей мировой революции.

Всем известно, что протагонисты этой революции в свое время провозгласили идею «Мирового Социализма» и «Мирового Коммунизма» и целую гамму промежуточных систем (Первый, Второй и Третий Интернационалы). Ныне они проповедуют свое последнее, гуманизированное издание — «Мировую Демократию» (тех же щей), во имя которой теперь пытаются всех остричь под одну демократическую гребенку и исподволь готовят свое **«мировое демократическое правительство»**, ибо твердо намерены заняться «мировым водительством» и получить полный политический, экономический и иной контроль и над Западом, и над Востоком,

* Это сказано в 1955 году. (Ред.)

** И этот вывод сделан А. Уайтом в 1955 году. (Ред.)

а для этого пользуются сейчас соперничеством между Америкой и Советским Союзом.

* * *

Мировая Демократия, подобно Мировому Социализму и Коммунизму, организованное движение, цель же их в конечном счете одинакова, а именно **мировая власть**. Однако Мировая Демократия намерена осуществлять это исподволь и парламентарным путем, как то и предвиделось Вторым Интернационалом.

Мировая Демократия включает в себя все Социал-Демократические силы Запада и, разумеется, тех интернациональных коммунистов, которые отвернулись от так называемого «русского коммунизма», поскольку он не универсален, ибо не идет с Западом, предпочитая свою тоталитарную систему демократическим свободам Запада. Более того, он грешен тем, что пытается увести за собою народы Азии и тем нарушает планы мирового единства.

В данный момент контролируемый Мировой Демократией искусственный и неустойчивый экономический прогресс Запада, построенный на системе кредита, требует спешного расширения этой системы до мировых размеров. И вот, если самодовлеющий и скромный в потребностях Восточный блок народов решит обособиться, то Мировая Демократия с ее заправилами и их грандиозными финансовыми операциями рискует задохнуться в своем западном «лебенсрауме», от чего в первую очередь пострадают давно освоенные ею Западные Демократии, в особенности же Америка с ее слишком высоким стандартом жизни.

Отсюда необходимость включить восточные страны в орбиту Запада под знаком «освобождения» их от коммунизма, который этому мешает даже безо всякой агрессии. Потому он и должен исчезнуть, уступив место своему западному конкуренту — Мировой Демократии, а поскольку этого не делает, является угрозой «нашей западной христианской цивилизации». Любопытно, что в Америке почему-то вошло в моду говорить «нашей иудейско-христианской цивилизации».

Правые русские круги, как и крайне правые американцы (так называемые «Крекпотс»), все еще держатся старого трафарета, по которому коммунизм в России всецело в руках пресловутого «Мирового Заговора». Сегодня, однако, все говорит за то, что эти так называемые заговорщики, попросту же говоря, бывшие Западные протагонисты и адепты Мирового Коммунизма, уже много лет как перестали распоряжаться в СССР как в своем кармане и, вынужденные оттянуть свои главные силы, сосредоточили их в рядах Мировой Демократии.

Будут ли они вскоре опять распоряжаться Россией как во времена, предшествовавшие чисткам, другой вопрос. Многое зависит от успеха антикоммунистической акции Запада, которая должна расшатать Партию, а с ней Армию и Аппарат и произвести в России те сдвиги, которые позволили бы нынешним интернационал-демократам Запада (наследникам Второго Интернационала) наложить руку на финансы, экономику и все природные богатства страны *. И вот, тем из нас, которые этому усердно помогают, все

* Вывод, сделанный А. Уайтом еще в 1955 году. (Ред.)

это преподносится как «освобождение» России от интернационального ига.

Отрицать, что все эти «демократы» (на деле же социалисты и «бывшие» коммунисты) борются с «русским коммунизмом», никак нельзя. Русский коммунизм действительно их «бэт нуар», так как он смешал их интернациональную игру, вычистив в свое время целый ряд выдающихся социал-демократов, и лишил таким образом западных интернационалистов участия в водительстве в Советском Союзе.

Чем кончится эта борьба? Отвоюют ли они себе прежнее влияние или нет и много ли выиграет Россия, заменив сегодняшний советский режим новым социал-демократическим режимом? Правда, он несет с собою «Свободу и Демократию» взамен нынешней «Диктатуры и Тоталитаризма», это нам повторяют каждый день *, и все это верно, но не следовало ли бы нам, русским, полюбопытствовать, пока не поздно, как дорого обойдутся все несомые им блага Российской Нации и Государству?

Какие именно сдвиги происходят сейчас в Партии, мало кто знает. Кто из советских вождей клонит к сговору с бывшими демократическими собратиями Запада, а кто в сторону самостоятельного Евро-Азиатского Блока, тоже сказать трудно. Нельзя даже поручиться, что кто-то из них не пошел уже тайно на частичный сговор с Мировой Демократией *, орудующей на Западе, и не предаст в один прекрасный день (после дворцового переворота) Россию со всеми ее ресурсами в руки своих прежних соратников, нанеся до этого по их поручению несколько пренеприятных ударов по престижу Америки, которую Мировая Демократия ведь тоже собирается со временем окончательно прибрать к рукам.

* * *

Не менее самоочевидно и то, что намечающиеся сегодня в Советском Союзе трещины и либеральные сдвиги отнюдь не наш выигрыш, и радоваться им нам, русским, поскольку мы не интернационал-демократы, положительно не следует, дабы не уподобиться тем русским эсдекам, эсэрам, да и кадетам, которые (пренебрегая тем, что России угрожал внешний враг) боролись против «царского полицейского гнета» и радовались каждому либеральному сдвигу и каждой трещине в тогдашнем государственном аппарате.

Пора понять, что так называемая «антикоммунистическая борьба» Запада совсем не наша борьба. Нас же, под видом борьбы за освобождение России и всего мира от коммунизма, который в России и в Китае (как и предсказывали Троцкий и Роза Люксембург) уклонился в чрезвычайно жестокую форму социалистической диктатуры, просто-напросто пристегнули к мировой демократической и, разумеется, гуманнейшей революционной машине, которая была пущена в ход еще в XVIII веке и дальнейшая карьера коей всем нам хорошо известна.

За эти века Запад уже настолько ею обработан, что окончательно утерял свое лицо. Зато «отсталый и некультурный» Восток, наспех распаханный интернациональным плугом, еще не окончательно опутанная жертва, начинающая, может быть, понимать, что

* «Русская политика самосохранения» написана в 1955 году. (Ред.)

благостная проповедь Мировой Демократии (которой нам услаждает слух «Голос Америки» и прочие) не сулит ей «Свободу», а несет за собой экономическое рабство, которое грозит и России и Азии не только потерей политической самостоятельности, но и окончательным уничтожением их многовековой культуры.

Потому не исключена возможность, что эта жертва в лице государственно мыслящих элементов в России и Китае еще окажет сопротивление как дальнейшей интернационализации, так и включению в орбиту Запада и будет бороться, прикрываясь, как щитом, своей коммунистической вывеской: мы-де такие же демократы, как и вы, давайте жить в мире каждый в своей орбите. На эту возможность, последнюю, может быть, возможность, отсрочить, если не спасти нашу Империю, а с нею и весь Восток, от парцелляции и экономической эксплуатации Англо-Саксонским миром, который, как и встарь, всеми силами поддерживает интернационал-демократическую «освободительную» акцию, — нельзя закрывать глаза. Нельзя, как и встарь, легкомысленно впрягаться в демократическую революционную машину только потому, что она проповедует «свободу» и «свержение тирании» (на этот раз коммунистической), причем борется с коммунизмом в России лишь для того, чтобы занять его место и затем поделить российское наследство.

Совершенно ясно, что антикоммунистическая акция Запада, иначе говоря, борьба между Мировой Демократией Запада и нынешними «русскими коммунистами», вызвана и обострена тем, что в России внутри Партии, Армии и в Аппарате, как и в народных массах, отслоились за последние 30 лет здоровые, государственно мыслящие элементы, которые, приемля советскую систему, отвергают западный интернационализм, ведущий к дроблению крупных, самостоятельных государств на мелкие этнические соединения, подчиненные непосредственно единому мировому «демократическому» центру.

Для западных демократий, которые связали свою судьбу с Мировой Демократией и потому принуждены смотреть ее глазами, эти элементы едва ли не хуже германских национал-социалистов, и на них-то искусной пропагандой будет в первую очередь направлен «гнев народа», так как только они будут сопротивляться «либерализации», «демократизации» и «американизации», как и прочим благам, несомым «Христианским Западом». В процессе борьбы они, разумеется, будут вынуждены держаться своего «Русского Коммунизма» и своей советской системы, ибо только так могут они надеяться уберечь нацию от распада *.

Казалось бы, что если в России среди всех слоев населения имеются еще люди, готовые сопротивляться парцелляции, демократизации и американизации, то есть держать великодержавный курс (пусть советский) и не сдавать российское наследство, тем самым делаясь новым придатком Англо-Саксонского Блока, — то нам по пути с ними, а совсем не с теми «свободолюбивыми элементами», которые озабочены лишь «благом индивида» (излюбленный лозунг Запада), попросту же, личным процветанием.

Потому, работая здесь под эгидой Мировой Демократии, внося активно хаос в умы, мы, эмигранты, становимся перед всей рос-

* И это было увидено автором еще в 1955 году. (Ред.)

сийской нацией поручителями за величайших в мире эксплуататоров и вековых врагов нашей Империи.

Интересно отметить, что американцы совершенно открыто пишут, что их политика самосохранения заключается (цитируем журнал «Форейн Аффэйрз») в необходимости **«обрести пространства, подобные широким пространствам Нового Мира, на которых мы, американцы, могли бы продолжать действовать... Наш характер таков, что нам нужно иметь перед собою исполнимую задачу, и наш долг драться за право исполнить эту задачу без помехи; когда индейцы и другие (европейские) народы мешали нам в деле, которое мы решили осуществить на этом (Американском) континенте, мы оттолкнули их без всякого стеснения...»** (Margaret Mead. «Foreign Affairs», 1942).

Итак, Соединенные Штаты, которые уже почти освоили Латинскую Америку и Канаду (о Европе не говорим), требуют себе для «самосохранения» еще новых пространств, Россию же собираются свести на уровень, дай Бог, «суверенной» Польши или Чехословакии.

Так нам, эмигрантам, американцы без всякого стеснения навязывают то, что они называют «Рашиа Пропер» (собственно Россия), нечто вроде Москвы с огородами, и за это разрешают нам включиться в их «Крестовый Поход» и вместе с ними освобождать Россию от коммунизма, против которого они борются только потому, что в данный момент он мешает Мировой Демократии (от которой зависит процветание Америки) распоряжаться без помехи нашим материальным наследием, то есть всеми ресурсами нашей Империи.

Так как сейчас советское правительство проводит приблизительно ту политику самосохранения, о которой шла речь выше, то есть пытается создать в противовес Западу свой Восточный Блок *, то наша эмиграция клеймит всякого, кто считает такую политику отвечающей интересам Российского Государства, пособником Интернационального Коммунизма, стремящегося к мировому владычеству. Не следует, однако, забывать, что претензия коммунистов на мировое владычество, то есть на создание мирового правительства, всецело разделялась и интернационал-демократами, которые вместе с коммунистами входили во Второй Интернационал. Второй же Интернационал, как известно, не только стремился к созданию Мирового Государства, но для того, чтобы расчистить к нему путь, активно участвовал в разгроме трех Империй — русской, германской и австро-венгерской.

Более того, все члены Второго Интернационала смотрели сквозь пальцы на дальнейшую разрушительную работу коммунистов, покуда это лило воду на их мельницу, терпели их по необходимости во время последней войны и только с победой над Гитлером объявили «Большевизм» **почти таким же злом**, как «Национал-Социализм». Не странно ли, что те же социал-демократы Запада (нынешние Крестоносцы) утверждали, что Императорская Россия стремилась к мировому владычеству, и изыскивали способы положить предел «ненасытному аппетиту русских». В этом свете вполне понятно, что социал-демократ Ллойд Джордж, который отказал царской семье в убежище, узнав о русской революции, воскликнул: наконец-то! Одна из целей **нашей войны** достигнута.

* Сказано в 1955 году. (Ред.)

Словом, будь мы менее «ленивы и не любопытны», то для тех, кто не закрывает глаза на правду, не оставалось бы сегодня никаких сомнений в том, что **силы, угрожающие России извне, направлены на ее уничтожение** *.

Что касается сил, угрожающих России изнутри, то так как мы могли судить, да и теперь судим о происходящем по ту сторону так называемого «железного занавеса» лишь по неполной и зачастую нарочито искаженной документации, имеющейся на Западе, мы не можем с уверенностью сказать, **кем и чем** движимы эти силы.

Ничто, однако, не мешает нам анализировать мероприятия и политические шаги, открыто предпринятые советским правительством, и попытаться установить, что из всего этого в конечном счете идет на пользу России, как великой державе, и может стать под рубрику русской политики самосохранения и что идет ей во вред.

Так, например, стоило бы и вполне возможно выяснить, хотя бы для самих себя, нужен ли в данный момент России (в порядке самосохранения) пояс зависимых от нее малых государств, как Польша, Венгрия, Чехословакия и другие? Нужно ли заселение дальневосточных провинций и освоение целинных земель за счет «гордых и древних народов» вроде казакийского? Нужен ли тесный союз с Индией, Китаем и другими восточными странами?

В необходимости всего этого для всякой России, которая не собирается кончать самоубийством, сделав завещание в пользу Запада, сомневаться трудно.

И последний, широко обсуждаемый вопрос — следует ли разрушать колхозы и совхозы и возвращаться к системе мелкого землевладения?

Эмиграцией, как-то походя, этот вопрос уже решен, и почти единогласно в пользу мелкого землевладения.

Однако всякий, кто следит за сельскохозяйственными проблемами Америки и связанными с ними проблемами экономическо-политическими, равно как и за тем, что там пишется о советском опыте, склонен сказать, что разрушать эту когда-то насильственно проведенную в жизнь систему **теперь** было бы крайне неосторожно.

Но что положительно не нужно России, так это занятие Европы до испанских берегов, хоть это и является, по уверениям многих западных политиков, одной из целей Советского Союза.

И в достаточной мере вредна России не замышляемая, а уже **достигнутая** цель Соединенных Штатов, а именно: распространение американского влияния в Персии, которую американцы называют «боковой дверью в Россию». Стоит лишь вспомнить, сколько трудов было положено императорским правительством для разграничения там сфер влияния между Россией и Англией.

Наша эмиграция этот анализ отказывается делать, точно так же, как она отказывается анализировать политику Запада в отношении России.

Запад в лице своих ответственных политиков и закулисных организаторов (честных националистов исключаем) не опасается «Русского Коммунизма» как интернациональной силы, так как сам включен в более могущественную интернациональную систему,

* «Русская политика самосохранения» написана в 1955 году. (Ред.)

а именно, Мировую (интернациональную) Демократию. Запад сейчас борется с **искаженной формой интернационального коммунизма** в России, то есть с тем, что он считает вторым изданием Национал-Социализма, свившим с легкой руки Сталина гнездо в русской цитадели, которая, благодаря своему историческому прошлому, самый подходящий плацдарм для такого будто бы в корне своем безнравственного движения. Отсюда и радость, высказанная в свое время социал-демократами повсюду, по поводу развенчания «диктатора Сталина».

Борьба между интернационал-демократами и их единоутробными братьям «Русскими Коммунистами» длится уже много лет, и все так называемые уклоны, партийная вражда, чистки и тому подобное являлось лишь последствием, вернее, внешним проявлением этой глухой борьбы.

* * *

Что коммунистический мир востока строится на костях народов России и Азии, опровергать трудно. Так некогда, на костях азиатских и африканских народов, строилась и величайшая империя наших дней, Великобритания. Только тогда об этом не было принято говорить. Наоборот, Великобритания эти народы спасала, просвещала и тому подобное. Все это Англо-Саксы прекрасно знают, но, охотно забывая о жертвах своей эксплуатации, проливают слезы, подсчитывая количество жертв советского строительства, и клеймят Советский Союз величайшей колониальной державой в мире.

Любопытно, что к жертвам этого строительства Запад неизменно причисляет те миллионы, которые погибли не в результате строительства, а в ходе разрушительной работы, проведенной в России под эгидой западных интернационалистов, плюс те миллионы, которые были принесены в жертву ради эгоистических целей того же Запада, а именно: жертв эпохи лихорадочной подготовки к войне (слишком поспешная индустриализация и коллективизация), что было проделано **при активном участии Америки Рузвельта**, которая всячески подстегивала и без того сверхчеловеческие усилия русского народа. В то время Америка и Англия рассчитывали, что центром будущего конфликта будет борьба между двумя диктаторами и что, оставаясь сами вне конфликта, они смогут одним ударом убить сразу двух зайцев, то есть гитлеровскую Германию и Россию Сталина.

Если припомним, никто тогда не сокрушался над русским мужичком, иностранцы считали, что он при царях и не то видывал, и заговорили о нем лишь тогда, когда индустриализация и прочее перестали идти на пользу западных военно-политических целей и когда выяснилось, что Советский Союз, вопреки всем ожиданиям, собирается вести свою самостоятельную и неугодную Западу политику *.

В интерпретации русских эмигрантов все это выглядит немного иначе. По их мнению, Америка, воочию убедившись в злых замыслах советчиков и вняв голосу «многомиллионной» русской эмиграции, наконец поняла страшную опасность Интернационального Коммунизма и потому решила стать на защиту обездоленных и угнетенных и всего «Свободного мира». Но вот сам Трумэн в

* «Русская политика самосохранения» написана в 1955 году. (Ред.)

свое время несколько нарушил стройность такого объяснения, так как, забыв об официально ведомой им борьбе против Интернационального Коммунизма, приравнял Булганина и Хрущева к Гитлеру и Муссолини, которые, как известно, не были особо горячими поклонниками этой интернациональной системы.

Да и теперь высказывания западных политиков, равно как и западная пресса, столь же нелогичны. Советские вожди редко обвиняются в Мировом Коммунизме, против которого ведь и ведется западный Крестовый поход, а больше в «русском коммунизме», «большевизме», «красном фашизме» и «тоталитаризме» и главным образом в «тирании хуже царской» и «вековой русской агрессии» *.

Что опасней для Российской Империи — мировой демократизм Запада или «искаженный русскими» коммунизм Советов?

Решить этот вопрос, несомненно, очень трудно, тем более что нельзя забывать, что обе системы суть порождение Второго (социалистического) Интернационала и как таковые (несмотря на взаимную вражду), вероятно, продолжают быть сообщающимися сосудами и что, подай они друг другу руку, мир окажется во власти **единого социал-демократического мирового центра или правительства** и тем самым окончательно в руках сторонников и поборников Мирового Государства, или, как их называют в Америке, «Единомирцев».

Но подадут ли они друг другу руку? Не развяжут ли вместо этого третью мировую войну? Последнее маловероятно. Во всяком случае, нам нужно опасаться всего, что может в результате привести к образованию единого мирового фронта, то есть сверхправительства, которое, каким бы хорошим именем оно ни прикрывалось, силою вещей будет интернациональным, анонимным и, несомненно, жестоким и тоталитарным и от которого, несмотря на все гуманитарные посулы и разглагольствования о «Священных правах индивида», нигде уже нельзя будет искать спасения.

Несмотря на заверения многих западных политиков, нам кажется маловероятным, что Советский Союз, возглавляющий восточный коммунистический мир, прокатится по Европе и забросает атомными бомбами Нью-Йорк или же путем пропаганды распространит по всему миру свою не очень популярную коммунистическую доктрину. Гораздо более правдоподобно, что Мировая Демократия, опирающаяся на менее ослабленных войной Союзников, в особенности же на процветающую и вооруженную до зубов Америку, позволит себе роскошь применить тактику «подкупательную», играя на том, что жизненный уровень в коммунистических странах Востока еще недавно был понижен до предела, не только рядом разрушительных войн, но и предшествующими революциями (за что они в большой мере обязаны «миролюбивому» Западу).

Эту тактику можно с успехом применить (в прямом смысле) на верхах Партии и Аппарата, а также (косвенно) среди недоволь-

* По этому поводу Александр Уайт замечал: «Не следует забывать, что защита всякого государства требует жертв, а у нас жертвы множатся потому, что жестокая дисциплина, лишения и не менее жестокий труд, да и несомненный беспорядок увеличены во сто крат страшным «социальным экспериментом», которому в свое время так радовались наши западные благожелатели». (Прим. ред.)

ных низов, путем пропаганды в духе «Голоса Америки»: на Западе, мол, настоящая свобода и процветание, и все это мы вам дадим, если «падши поклонитесь» нам и если Россия покажет пример, согласившись занять **«подобающее ей место в семье Европейских народов»** *. Но вот какое это «подобающее место», никто не уточняет.

Что неискушенный советский обыватель попадает на эти сладкие речи — понятно, но почему те из нас, кто уже раз слышал эту проповедь и знает ее цель (развал государства), почему, прожив чуть ли не сорок лет на Западе, читая его прессу и наблюдая за всеми изгибами его политики, почему они упорно отказываются видеть, что **Запад уже много лет пляшет под дудку Мировой Демократии, которая, подобно Мировому Коммунизму, вышла из рядов Второго Интернационала!**

Почему русские эмигранты не полюбопытствуют узнать, каковы цели этих интернационально мыслящих кругов и не продолжают ли они усердно расчищать путь для проектируемого уже веками Мирового Государства и потому систематически разлагают все крупные государственные соединения, в которых они не играют ведущую роль, будь то монархии или диктатуры?

Деятельность этих кругов здесь, на Западе, по правде сказать, давно уже перестала быть закулисной. Образовалась своего рода «внутренняя линия», базирующаяся на ООН и играющая решающую роль в политике всего «свободного Запада». Франция, как некогда Америка Рузвельта, кишит ее комиссарами, и результаты уже налицо.

Сомневаться в том, что именно эти круги проповедовали и открыто участвовали в разгроме нашей Империи, нельзя, так как они сами об этом пишут. Что они и сейчас стремятся расчленить Россию, тоже не подлежит сомнению **.

Американцы не завидуют советским достижениям и догоняющей и перегоняющей их советской технике. Они знают, что все это еще не имеет под собой особо прочного фундамента и до известной степени раздуто как советской, так и американской прессой. Но они остро завидуют возможностям, открытым русским людям природными богатствами и выгодным географическим расположением их страны. Они боятся, что если **русским дать хоть малую передышку**, то есть хоть десяток лет без войны и революции, то даже «эти дикари» сумеют все это использовать благодаря преимуществам их централизованной власти и планированному хозяйству, **то есть как раз тому тоталитаризму, против которого американцы и ведут сейчас «антикоммунистический» Крестовый поход.** Кстати, тоталитаризм никогда не претил здоровому русскому духу, поскольку служил на благо нации, а не каким-то интернациональным интересам.

Русский народ получит то, что ему «подобает», точно так же и Россия должна занять «подобающее ей место в семье других народов». Эта формула постоянно повторяется Америкой, которая так мало считается с будущей «свободной» Россией как с великой державой, что русский язык уже вычеркнут из числа тех языков,

* Откуда было знать А. Уайту еще в 1955 году, что все будет именно так! **(Ред.).**

** А. Уайт не сомневался в этом в 1955 году, у нас же многие не понимают этого даже сегодня. **(Ред.)**

которые теперь требуются в Америке для поступления на дипломатическую службу.

В соответствии с этим американское радио ведет в России антигосударственную, разлагающую пропаганду, ничуть не стесняясь тем, что подчас это почти дословное повторение той пропаганды, которая велась у нас Англией и Америкой в 1905—1917 годах и привела к печальной памяти Февралю.

Эмиграция, почти без исключения, вторит американскому радио, правда, внося успокоительные для себя поправки, а наши националисты либо сознательно, либо по легкомыслию не замечают, что в основе своей это — все та же интернациональная социал-демократическая проповедь, а если и замечают, то успокаивают себя тем, что она ведется под фирмой антикоммунизма.

Даже не подумав два раза, мы приняли на слово, что Запад попутно с «освобождением» несет нам и истинное Христианство *, взамен нашего, попранного «Красным Антихристом». Свидетели Иеговы и Билли Грэхам со своими христианскими ударниками им кажутся менее подозрительными, чем Патриаршая Церковь. А почитай русские эмигранты все, что пишется по этому поводу в американской прессе, у них возникли бы серьезные опасения, не лежит ли антихристова печать как раз на этой «Христианской акции Запада». Ведь самое существование Совета Мировых Церквей (руководителя акции) есть подкоп под Христианство вообще, так как это движение объединялось на том, что та Истина, которая исповедуется нашей Православной Церковью, в сущности, под вопросом, ибо намерено путем компромисса формулировать новую «истину», приемлемую для всех Христианских Церквей Мира. Многие «христианские» церкви Америки уже запросто обмениваются проповедниками с синагогами (и ставят себе это в кредит), так как, подобно евреям и многим сектантам, отрицают Божественность Христа и почти все готовы принять не так давно пересмотренный текст Библии, который это будто бы обосновывает.

Все это Христианский Запад обсуждает, но ничуть не осуждает, наоборот, готов поучать нас. А вот Православная Церковь в СССР чуть ли не «сатанинская церковь», потому что уживается с советской властью. Папа римский почему-то может призывать благословение неба на Мендес Франса и прочих наследников Второго Интернационала и, разумеется, на христианнейшего из нынешних правителей Эйзенхауэра, который ухитрился прожить некрещеным до 64 лет. Папу мы за это не виним, но вот патриарх для многих из нас едва ли не «сатанист», потому что не клеймит с амвона советских вождей. Не мешало бы вспомнить, что сам Св. Александр Невский не гнушался опираться на нехристей, владевших Россией, и заключал с ними союзы для защиты страны и Православия от западных (христианских) агрессоров.

Россия — опасный конкурент, так как одним своим голым существованием заставляет раздобревшего американца немного подтянуть пояс и перестать смотреть на себя как на благодетеля и опекуна погрязшего в нищете и неверии человечества.

Так как «христианская культура Америки» все-таки зиждется в первую очередь на пресловутых «американских бытовых навыках»

* «Русская политика самосохранения» была написана в 1955 году. **(Ред.)**

(американ уэй ов лайф), то есть на самом высоком в мире стандарте жизни, который за время войны, не в пример другим нациям, еще повысился, то малейший намек на необходимость сократить аппетиты представляется американцу как угроза его «культуре». Чувство понятное, но компромисс все же можно было бы найти. Вместо этого американцы озабочены тем, как «не выпустить из рук факел водительства», так как **«божественный промысел позволил им быть ответственными водителями всего мира»** (из речи сенатора Вальтера Джорджа).

Разграничение интересов и западного и восточного мира не явилось бы неразрешимой задачей, не будь **третьего партнера**, то есть Мировой Демократии, которая всецело овладела Западом, а теперь стремится вернуть себе утерянное в послевоенный период влияние на Востоке и пользуется для этого претензиями (во многих случаях вполне оправданными) конкурирующих держав.

Каждый наступательный шаг западных демократий, задевающий интересы СССР, играет на руку Мировой Демократии, и каждый политический ход Советов делает то же самое, доказывая миру необходимость высшего арбитра, иначе говоря, необходимость подчиняться единому нелицеприятному мировому центру — **сверхправительству**. Трудно не предвидеть, что эта напряженная игра двух могущественных партнеров закончится тем, что все козыри соберутся в руках Третьего Партнера — Мировой Демократии*.

Сколько времени продлится эта, по существу, «игра кошки с двумя мышками», предсказать трудно. Одно ясно: шансы у обеих жертв невелики. Пока что каждая видит в лице другой причину всех зол, и проигравшая будет считать другую виновницей своей гибели.

Сугубо правые американцы, которые пришли к заключению, что как за кулисами ООН, так и за кулисами американского правительства стоят какие-то интернационалисты, руководящие их политикой и разлагающие их государство, неизменно делают поспешный вывод, что эти закулисные руководители — агенты Москвы, хотя зачем стала бы Москва инспирировать столь невыгодную для себя политику, как ту, которую под эгидой ООН ведет Запад, и зачем бы вела враждебную себе разлагающую социал-демократическую проповедь, как ту, которая ведется «Голосом Америки» и прочими, — не вполне ясно.

Не проще ли признать, что эта разлагающая, антигосударственная политика, равно как и вся американская работа по расшатыванию нынешнего советского режима, инспирирована закулисными и незакулисными политиками — агентами Мировой Демократии.

В данное время Мировая Демократия пытается вырвать власть из рук «русских коммунистов», дабы самой закончить ту работу, а именно парцелляцию России и включение ее отдельных частей в орбиту Запада, которую саботируют их бывшие соратники, русские коммунисты. Развивая эту мысль дальше, можно с большой долей уверенности сказать, что если Мировая Демократия добьется своего, то для России и для всего Востока это будет началом конца. Пресловутые же «свободы» и «суверенные права» западных государств окончательно превратятся в фикцию.

Итак, России необходимо связать свою судьбу с народами Востока не только ради сохранения политической независимости и материальных ценностей, но и для того, чтобы оградить свое

* «Русская политика самосохранения» написана в 1955 году. (Ред.)

культурное наследие. Если Запад сумеет теперь помешать Советскому Союзу сколотить свой Восточный Блок в противовес Западному Англо-Саксонскому и Советский Союз, как необходимое следствие, распадается на мелкие государства, то Третий Партнер — Мировая Демократия — объявит нам, что победа над Мировым Коммунизмом одержана, а сам, в придачу к уже освоенному Западу, примет под свое покровительство (через ООН) **и новые Соединенные (или не соединенные) Штаты Евро-Азии**, и тогда прощай Россия раз и навсегда.

В данное время, несмотря на видимые успехи советской политики и падение американского престижа, Запад в лице Мировой Демократии хоть и поет Лазаря, тем не менее уже тайно торжествует приближающуюся победу Демократии над Тоталитаризмом и Диктатурой. Ответственные политики Запада, которым известны секреты богов, с трудом поддерживают фикцию о могуществе Мирового Коммунизма и неизбежном нашествии «русских орд». Так, Черчилль, либо по рассеянности, либо из присущего ему озорства, обронил в одной из своих речей, что «Россия чрезвычайно озабочена тем, чтобы предотвратить новое нашествие» — вот тебе и агрессор! Левая американская пресса, хоть и настаивает на том, что у Советов коренных изменений не наблюдается, тем не менее усердно вбивает клин в уже наметившиеся трещины в советском аппарате и считает, что эти трещины — результат многолетней (1947—1957) твердости американской политики, то есть морального (пропаганда) и физического (вооруженный кулак) воздействия со стороны Америки и ведомых ею западных демократий.

Левый «Нью-Йорк Таймс» пишет, что пора пустить в ход «Иерихонские трубы», дабы расшатать мораль противника, «сорвать железный занавес и принудить» советчиков согласиться на беспрепятственное распространение американской (социал-демократической) пропаганды внутри Союза, и, не скрываясь, ставит на недовольство масс и на существующий там (по данным американской разведки) «Демократический Андеграунд».

Как все это знакомо, до тошноты знакомо!

Предполагается, что ядро этого Андеграунда (будто бы существующего еще со времен гонения на «троцкизм»...) организует, когда придет время, восстание по всей стране, к которому примкнут распропагандированные американским радио народные массы. На этом поприще и подвизается главным образом НТС.

Засим произойдет разгром «Красного Фашизма», попутно с уничтожением коммунистических вождей, не перешедших на сторону восставших. А далее — **физическое истребление (в духе Нюрнберга) всех сопротивлявшихся «либерализации и демократизации», иначе говоря, поголовное истребление всех, а вероятно последних, государственно мыслящих людей в пределах Российской Империи**. На верхах тогда окажутся Социал-демократы типа Троцкого и Литвинова, разумеется, разбавленные более либеральными сторонниками Февраля*.

Приятная, можно сказать, перспектива, но так именно и рисуется «победа над коммунизмом» нынешним «антикоммунистическим» Крестоносцам Запада.

В том, что все демократические свободы будут гарантированы, как и пресловутому «индивиду», так и меньшинствам, сомневаться

* «Русская политика самосохранения» написана в 1955 году. (Ред.)

не приходится, ибо в интересах Мировой Демократии устроить хаос, и потому все народности и все партии (чем больше, тем лучше) будут при всяком удобном и неудобном случае «изъявлять свою волю». **Как дорого обойдется новый эксперимент Российской Нации и Государству — другой вопрос.**

Солидаристы без всякого стеснения объявляют, что все может произойти без кровопролития и что все мы будем торжествовать победу над Коммунизмом.

Что до политического андеграунда, о котором шла речь выше, то из западной прессы можно вывести, что ядро этого андеграунда существует едва ли не с 1925 года, ибо принадлежит к той клике, которая боролась вместе с Троцким, Бухариным и другими против сталинского уклона и была так нещадно истреблена, а остатки ее загнаны в подполье в период между 1936 и 1938 годами. К этому подполью, или негласной оппозиции, силою вещей примыкают все недовольные советским «прижимом», а их немало, и на них-то и ставит НТС. Число гонимых пополнилось в послевоенные годы объектами сталинского «шовинизма».

Еще в 1951 г. в США «рыдали», что по негласной директиве Партии все советские культурно-просветительные, торговые и иные учреждения, не говоря уже о самой Партии, выживают оставшихся в них Социал-Демократов, дружественных Западу, и без объяснения причин не принимают новых *.

Разве русские эмигранты хотят, чтобы власть в России оказалась в руках единомышленников таких уважаемых на Западе правителей, как Мендес Франс, Молпэ, Моннэ и Спаак? Разве стремятся к тому, чтобы по примеру Запада будущие демократические парламентарии России сами бы рекомендовали включение наших так называемых «колоний» в Организацию Объединенных Наций в качестве независимых, суверенных государств? Западные политики, которые уже далеко пошли по этому пути, почему-то наши единомышленники и друзья, тогда как, например, Неру, который много лет отстаивает от подобной участи свою родину, Кашмир, твердо настаивая, что это неотъемлемая часть Индии, наш враг и едва ли не коммунист.

Однако, с точки зрения русских эмигрантов, поднимать все эти вопросы — преступление. У них на все готовый ответ. Говорящий — большевик; все, положительно все лучше, чем коммунизм. Дальше заглядывать грешно, русский народ страдает, и его надо освободить и избавить «свободный мир» от страшной заразы...

И затем, как из открытого шлюза, выливается накипевшее за многие годы справедливое негодование на насилия, жестокость, зверства, перед которыми содрогается человечество. Вспоминаются

* Александр Уайт допускал в СССР наличие четырех сил, трех активных и одной пассивной, а именно:
1) **Народные массы,** как всегда аморфные, переходящие победителю. **Пассивная сила.**
2) **Власть,** в нынешней России еще не устоявшаяся, гибридная, но гибкая и **активная сила.**
3) **Демократический андеграунд,** то есть фактическая (по духу) «пятая колонна» Запада. В случае переворота **активная сила.**
4) **Государственно мыслящие элементы,** разлитые повсюду, то есть среди власть имущих и в народе и отнюдь не воспринимающие коммунизм как религию, но как экономическую, социальную и государственную систему, гарантирующую на настоящем отрезке истории их Отечество от весьма недвусмысленных посягательств Запада, потенциально очень активная сила. **(Ред.)**

вперемешку кронштадтское восстание, убийство Царской Семьи, систематическое истребление старого правящего слоя и будто бы еще более зверские расправы с троцкистами. И вот, по мере того как растет синодик жертв, все выше и выше возносится наш старый русский стяг «борьбы с Интернациональным Коммунизмом», и никому уже не разглядеть, чьи руки несут этот стяг и что на нем сегодня написано. Уже забыто, что «страшная зараза» была принесена к нам с Запада и что нынешние «Крестоносцы» суть законные наследники ее самых ревностных рассадников, а потому в какой-то мере ответственны за все совершенные преступления. Зверские расправы с троцкистами отнюдь не обеляют самого Троцкого и его единомышленников, которые ныне, облачившись в белые одежды невинности, называют себя «антикоммунистами».

Тот факт, что в американский «Крестовый Поход» теперь разрешено включиться и правым (лучше сказать — правоватым), и даже монархистам (разумеется, не сторонникам самодержавия, но протагонистам «номинальной», то есть декоративной, монархии), нисколько не нарушает планы демократических «Крестоносцев». Это не уступка, как думают многие, напротив. Предполагается, что в «Новой России», как и в ее бывших «колониальных владениях», как-то в Сибири, Малороссии, Белоруссии, Кавказе, Прибалтике и прочих, все партии будут представлены и всем будет дано право «свободного волеизъявления». Правые и кадетские элементы даже особенно полезны, так как, несомненно, вызовут раскол среди так называемых советских «фашистов», «шовинистов», «черносотенцев» *, и им подобных (эпитеты взяты из английской печати), которые расплодились за последние 20 лет и стремятся сохранить свою тоталитарную систему и продлить «русский гнет над меньшинствами». Кроме того, Мировой Демократии, которая желает вырвать русское наследство из рук тех, кого она называет «русскими коммунистами», удобнее выступать от имени всех «свободных масс» за рубежом. Существуют ли эти массы или нет, им безразлично, важно, чтобы правые, как и левые, представляли в лице своих вождей объединенный фронт.

Приходится признать, что теперь, вероятно от многолетнего контакта с перезараженным Западом, даже правая эмиграция незаметно впитала в себя эти идеалы и потому, потеряв здоровый государственный инстинкт, беспечно включается в ведомый интернационалистами антикоммунистический поход и даже сама проповедует новую «освободительную революцию». Будто пущенная в ход теми же интернационалистами Февральская Революция не была тоже «освободительной»; будто не ходили уже раз (на их памяти) рабочие по улицам Петрограда, требуя хлеба; будто не добивались уже тогда студенты и гимназисты «академических свобод»; будто и в те времена не твердили, что писатели не могут писать, интеллигенция дышать, а свободный и просвещенный Запад не проливал слез над страданиями «народов России», изнывающих под страшным полицейским гнетом Императорского Правительства.

Сегодня агенты Мировой Демократии (ничуть не уступая пресловутым агентам Москвы) шныряют по всему миру, забирая в свой широкий карман все, что плохо лежит. Сегодня Марокко и

* «Русская политика самосохранения» написана в 1955 году. **(Ред.)**

Тунис, а завтра Кипр, Алжир и Суэц окажутся «свободными нациями», или международными зонами, то есть всецело в ведении ООН. Франция уже съедена и переварена, и ее суверенитет уже давно является фикцией, зато будущее Мировое Государство втихомолку расширяет свои владения. Повсюду христианско-демократические и иные умеренные режимы готовятся уступить место социал-демократам всех толков. Не сегодня завтра в Америке уже открыто будет распоряжаться «Рузвельтовская Клика», словом, недалек тот день, когда **Мировая Демократия водрузит на фасаде «свободного запада» свою официальную вывеску.**

А вот если к тому времени удастся расшатать и советский режим и заменить нынешних коммунистических вождей иными, всецело покорными западным Социал-демократам — то Мировая Демократия сможет торжествовать полную и окончательную победу *.

В самом деле, чего большего желать господам крестоносцам?

Запад в кармане, коммунизм повержен, Россия «освобождена», а ее бывшие «колонии» и сателлиты, равно как и повисшие в воздухе коммунистические народы и народцы Азии, получив независимость, валом валят под крыло «совершенно нейтральной» Организации Объединенных Наций. Это ли не победа?

* * *

Нельзя забывать, что ядро советского андеграунда, на который ставит Америка и ее платные и (что хуже) добровольные русские агенты, образовалось еще в период чисток, а потому **его ветераны и предводители не русские патриоты**, а как раз те социал-демократические элементы, которые некогда шли в авангарде революционных сил, ведших поход против Российской нации и Государства. Открытая цель этих элементов — там и здесь — создать в России революционный хаос и, захватив власть, увлечь за собою распропагандированную американским радио часть населения и тем помочь Мировой Социал-демократии наложить руку на наше русское достояние.

Что станется тогда с теми миллионами русских людей, не знавших иного отечества, кроме советского, которые, несмотря на все уродства режима, продолжают строить и защищать свою страну?

Что станется с теми, кто сумел отстоять Россию от внешнего врага и использовал, по мнению Трумэна и многих других, — коммунизм для своих эгоистических русских целей?

Трудно думать, что они будут сложа руки смотреть на новое иностранное нашествие (хотя бы мирное), несущее угрозу целости их Отечества. Не является ли то огромное большинство советских людей, которые (не взирая на коммунизм и окружающий его словесный акробатизм) и по сей день делают русское дело, как раз той **всероссийской реакцией, которой так опасается Запад!** Лучшим доказательством серьезности этих опасений являются те несчетные деньги, которые тратятся Америкой для создания **фальшивой русской национальной реакции за границей и внутри страны**, да и не только русской, но десятков других.

Западные политики опасаются не напрасно, они правы, **настоящая всероссийская реакция** — это те миллионы внутри Советского

* В редакционном предисловии к «Русской политике самосохранения» сказано: «Единственно, чего не уточнил А. Уайт, или, напротив, ради спасения своего ценного аналитического материала для потомков использовал эзопов язык, называя всем нам известное Мировое Еврейство Мировой Демократией». (Ред.)

Союза, которые, не доверяя Западу, не ждут его помощи и возглавления от западных американо-русских «освободительных» организаций, а, продолжая многовековое строительство России, сами сумели «переделать коммунизм», больше чем коммунизм переделал их» и, если им будет дана хоть малая передышка, то есть каких-нибудь 5—10 лет без войны и революции, смогут повести свою страну по желательному для всей Русской Нации пути.

И вот мы, эмигранты, хотим лишить наш народ этой малой передышки. Подстрекаемые иностранцами, мы готовим ему новые «великие потрясения». Не нужна нам, видимо, «Великая Россия», ибо многие уже готовы (правда, зажмурив глаза) принять из рук иностранцев изуродованный и истерзанный труп нашего отечества. Лишь бы им не мешали называть это Великой Россией, лишь бы позволили играть политическую роль, лишь бы не изгнали из рядов «Крестоносцев и Освободителей».

Неужели они не видят, что их прямой долг — поддержать и оградить от разлагающей пропаганды Запада как раз эту настоящую всероссийскую реакцию и ее сторонников, где бы они ни находились, в Партии ли, в Армии, в Аппарате или среди низов, а не уверять себя и других, что весь русский народ готов по данному с Запада сигналу восстать и примкнуть, как один, к пока еще скрытому социал-демократическому андеграунду *, который смотрит с надеждой на Запад и ждет возглавления от находящейся на Западе и потому будто бы «свободной» эмиграции. Делая такие заявления, они в первую очередь обманывают самих себя, ибо **на деле эмиграция вовсе не свободна**, потому что большая часть ее либо куплена, либо обманута Западом, тогда как меньшинство сбито с толку и так принижено, что ему даже в голову не приходит занять независимую позицию.

Если мы еще не утратили веру в российский гений, если не утеряли окончательно государственный инстинкт, который, несомненно, владеет миллионами там, дома, то нам надо без промедления поддержать их, подтвердив правильность их диагноза, а именно, что **Запад им не союзник, но враг и что всякая ставка на западную освободительную акцию равносильна предательству России.**

Наш долг — предупредить тех, кто не примкнул еще к существующему в Советском Союзе социал-демократическому андеграунду, что своей обманной пропагандой Мировая Демократия пытается заставить весь Русский Народ служить ее целям, что на их Отечество ведется новый интернациональный поход.

Нынешняя роль эмиграции, которую она упорно не видит, — это спасти наш русский государственный подгон от готовящейся ему участи, так как мы знаем здесь то, чего не могут знать полностью советские люди, а именно, что Мировая Демократия пытается их развратить, разложить, а несдающихся истребить.

Уничтожить государственно мыслящий подгон нужно для того, чтобы из него не образовалась будущая русская элита, могущая достойно возглавить страну, заняв то место, которое, по мнению протагонистов Мировой Демократии, уготовано «Божественным Промыслом» той интернациональной элите (а по-нашему — сброду), которая давно уже протиснулась на верхи Запада.

* Скрытому в 1955 году, а в 1991-м? (Ред.)

Горе тем близоруким русским людям здесь и там, которые до сих пор видят главного врага не в мировых революционных силах, искавших гибели России, а в заедавших их век, доказавших свою несостоятельность защитниках старого строя. Клеймя их, старый строй и недавнее прошлое России, они клеймят всю совокупность своего исторического наследия и тем самым, на радость врагу, сами плюют себе в лицо *. Прошлое России, каково бы оно ни было, сокровище, которое принадлежит новому русскому государственному подгону в той же мере, как ему принадлежит и будущее, коль скоро он не повторит ошибку старой элиты и, зазевавшись на демократические побрякушки, не сдаст свое достояние западным Социал-демократам.

Сегодня очередь за нашим новым государственным подгоном, и задача его нелегкая, так как на этот раз план атаки на Россию как на величайшую державу Востока, разработан до конца, и потому в этот раз предательство верхов может оказаться подготовленным, а не результатом неведения и попустительства, как в 1917 году. Оплошает ли русский подгон или нет, зависит от того, насколько хорошо осведомлена и организована окажется нынешняя российская реакция в лице русского служилого люда, так как только верно ориентированный и неразложенный служилый класс способен удержать власть и осадить возглавленные западными агентами социал-демократические революционные элементы внутри страны и защитить Россию в случае войны.

Наш долг — вновь и вновь повторять тем, кому надлежит знать, что социал-демократическая проповедь Запада ведется лишь для того, чтобы путем внутреннего (дворцового) переворота или же путем восстаний и гражданской войны создать внутри страны революционный хаос и одновременно заменить неугодные Западу «тоталитаризм и диктатуру» новым демократическим режимом, поставив свое правительство, состоящее из ставленников Мировой Демократии.

Нет сомнения, что первым шагом такого правительства будет проведенное парламентарным путем (сделать это весьма нетрудно) **окончательное деление** Советского Союза на «суверенные» и совершенно независимые малые государства, которые станут под покровительство ООН (этот вопрос уже обсуждался в американской печати), и, конечно, **поголовное истребление русскими же руками последнего нашего государственного подгона**, разумеется, под предлогом того, что эти элементы поддерживают тоталитаризм, коммунизм и ряд других неугодных Западу «измов».

Времени осталось мало, и нам приходится черпать надежду в том, что западные политики не зря забили тревогу и что настоящая всероссийская реакция действительно угрожает планам Мировой Демократии. Это там, в России, это — не скрывающееся «оппозиционное» движение, которое Запад может, обманув, завербовать, **а по всем признакам совершенно явный общенародный «уклон», проявляющийся повсюду, то есть среди низов и на самых верхах.**

Если это действительно так, то есть много оснований думать, что наш предупреждающий Голос России прозвучит по всем российским пространствам, даже громче, чем субсидированный миллионами долларов «Голос Америки».

* «Русская политика самосохранения» предупреждала об этом еще в 1955 году. (Ред.)

Дискуссионная трибуна

ПРАВДА — НАД ПОТОКОМ ЛЖИ

«ДЕМОКРАТЫ» В ДЕЙСТВИИ

Никогда прежде в нашей стране в мирное время не было такой анархии с продовольственным снабжением горожан. Обе столицы, Москва и Ленинград, впереди, новые руководители Моссовета и Ленсовета в этом деле пионеры, застрельщики. В самом деле, в Москве и Ленинграде такие крохотные нормы, которые едва ли перекрывают блокадные нормы. Но в тяжелейших условиях войны и блокады городские власти не издевались над населением. Если в семье, к примеру, пять человек и соответственно — пять хлебных карточек, то любой член семьи мог отоваривать в магазине все пять карточек. Теперь не то! Теперь извольте лично все являться в магазин с визитными карточками покупателя и, отстояв 1—3 часа, купить 300 граммов сливочного масла, отстояв еще столько же, купить один десяток яиц... При условии, конечно, что эти продукты имеются в продаже. Ведь в суровой действительности часто можно видеть, что в пустопорожнем магазине люди стоит часами просто так, на всякий случай: а вдруг что-нибудь да выбросят! В этом случае нет вообще никакого смысла загонять в магазины той же Москвы всех ее жителей, не щадя ни стариков и старушек, ни ветеранов и детишек малых! Конечно, если не добиваться таким путем недовольства горожан теми, на кого укажет демократическая пресса, перессорив покупателей и продавцов.

Под «мудрым» руководством демократов широким потоком к нам идут сейчас посылки с продовольствием из многих стран и где-то оседают. Хотелось бы верить, там оседают, где они нужнее всего, как об этом нам охотно сообщают те же перестроившиеся средства массовой информации. Неперестроившиеся говорят об ином: о том, что к зарубежным продовольственным посылкам доступ имеют прежде всего народные депутаты, так называемые «слуги народа». Кое-что вроде бы перепадает и тем, кто руководит у нас акциями милосердия. Слушая, смотря и читая, приходишь к выводу: похоже, не везет только мне. Во всяком случае, ни я и даже ни один человек из моего ближайшего окружения не знает хотя бы одного москвича, видевшего заморскую посылку. Значит, хорошо живем!..

Особенно горько читать в газетах мнение зарубежных экспертов. Они утверждают, что, судя по производимой продукции в

нашей стране, голод населению не угрожает, что столь плачевная ситуация возникла из-за неразберихи в распределении продовольствия. По всей видимости, это правда, и поэтому в международной продовольственной помощи советский народ нуждается совсем не так, как народы ряда стран Азии и Африки, в которых свирепствует настоящий голод. Стыдно сознавать это порядочным людям! Но только не нашим демократам.

Всего лет пять-шесть тому назад наши «застойные» городские власти худо-бедно, но умели распределять продовольственные товары. Неужто разучились? Нет, конечно. Просто власть в крупных городах в результате «демократических выборов», связанных с разгулом массовых нарушений избирательных законов, подкупа должностных лиц и «ворожбы» при подсчетах голосов определенной части кандидатов, перешла в иные руки. В Москве к Г. Х. Попову, С. Б. Станкевичу, Ю. М. Лужкову и иже с ними, в Ленинграде — к А. А. Собчаку со товарищи и т. д. Говорят, правда, что они пока не научились управлять городским хозяйством. Когда же подучатся, москвичи и ленинградцы будут как сыр в масле кататься. Говорят, что им и союзное правительство не помогает, даже мешает, что таинственные партократы путают карты, что и «отец народов» И. В. Сталин в наших сегодняшних бедах виноват. Только не они — демократы.

Есть, правда, еще одно мнение. Западная пресса, удивленная небывалым новаторством советских демократов, тем не менее единодушно констатирует, что новые руководители крупных городов, и в первую очередь Москвы и Ленинграда, используют продовольствие в политической борьбе. А это нарушение законов, включая те, которые записаны в Уголовном кодексе РСФСР. Однако почему законы не работают, что позволяет новой волне демократической власти столь длительно измываться над народом? Когда и кем будет, наконец, положен этому конец? Почему все это терпит народ? Не признак ли то единства городских, республиканских и союзных властей?!

Однако достаточно уже гадать: кто есть кто и кто почему что не делает. Давайте лучше организуем еще один эксперимент (нам ли к ним привыкать!): отзовем поповых, станкевичей, лужковых, собчаков и других с высоких постов и будем заменять их до тех пор, пока не наткнемся на людей честных и работящих.

С. ЖДАНОВ, профессор,
Москва

СПАСТИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ ОТЕЧЕСТВО!

Мы, руководители предприятий и организаций, ветераны Великой Отечественной войны и труда Загорского района Московской области, как и все трудящиеся страны, глубоко обеспокоены темп негативными процессами, которые идут, все более нарастая, все более приобретая разрушительную силу, во всех сферах нашей общественной и экономической жизни. Экономика находится в глубоком кризисе, наша промышленность и сельское хозяйство не могут обеспечить население необходимыми товарами и продовольствием. Финансы страны расстроены до предела, цены неудержимо растут, инфляция стремительно увеличивается. Правительство становится все более беспомощным и неспособным контролировать положение, партия демонстрирует невиданную доселе идеологическую пассивность, в результате чего в стране развивается беззаконие, переходящее уже в явственную анархию, а это, в свою очередь, порождает невиданную спекуляцию, уголовщину, могущественных дельцов теневой экономики, которые, набивая собственные карманы, безжалостно разоряют страну, превращают ее население в нищих.

Предпринимаются ли Коммунистической партией и правительством какие-либо попытки остановить развал и гибель государства? Увы! В народе все более и более укрепляется убеждение в их беспомощности, и более того — убеждение в том, что деятельность новых законодательных органов, то есть принятые ими законы, способствует дальнейшему росту открытой преступности, узаконенной спекуляции, наращиванию темпов развития теневой экономики и т. д.

Сейчас только слепоглухонемой не видит, не слышит и не понимает, что под предлогом борьбы с административно-командной системой идет борьба против социалистической государственности. Подавляющее число средств массовой информации контролируется космополитическими силами общества и, прикрываясь словесной шелухой якобы борьбы с деформацией социализма и со сталинизмом, на самом деле развенчивает социализм как систему, глумится над армией, правоохранительными органами, очерняет историю СССР, перечеркивает драматический и одновременно героический, великий путь страны после Октября 1917 года.

Мы полностью поддерживаем перестройку и борьбу нашего Советского правительства со всеми негативными явлениями, во всех сферах нашего общества, в политике, экономике, в национальных отношениях наших народов. Но мы категорически против такой перестройки, которая ведет к катастрофе нашего государства.

Мы работаем в гуще народа, и ежедневно трудящиеся задают нам вопросы:

— До каких пределов мы будем разваливать Союз Советских Социалистических Республик?

— До каких пределов мы будем клеветать на ленинскую Коммунистическую партию и обвинять ее за то, что творится у нас в стране в настоящее время?

— До каких пор наш многонациональный народ будет расплачиваться кровью за допускаемые ошибки в решении национальных вопросов?

— До каких пор наш советский человек не будет защищен от разного рода мафий, экстремистов, рэкетиров, бандитов и жуликов?

— До каких пор наспех созданные многочисленные кооперативы будут грабить наше государство безнаказанно?

Ответ на поставленные вопросы обязано дать Советское правительство и Верховный Совет СССР.

Мы, в свою очередь, вносим предложение в ЦК КПСС, Верховный Совет СССР, Совет Министров СССР принять следующие конкретные меры:

1. Рассмотреть вопрос в ЦК КПСС и принять специальные по-

становления о прекращении клеветы на КПСС. В целях поднятия авторитета КПСС осуществить чистку партии.

2. Принять срочные и жесткие меры к людям, которые занимаются антисоветской пропагандой и запретить всякого рода митинги, демонстрации без разрешения местных партийных и советских органов.

К организаторам и провокаторам применять неотвратимые и жесткие меры.

3. Немедленно прекратить братоубийство на почве национальной вражды, применяя к зачинщикам и экстремистам суровые меры наказания, вплоть до самой высшей.

4. Повысить трудовую и производственную дисциплину всего советского народа за счет строгого исполнения трудового законодательства, предоставить больше прав органам МВД в борьбе со злостными нарушителями общественного порядка и расхитителями государственных ценностей и материальных ресурсов.

5. Принять срочные и неотложные меры к подъему сельского хозяйства, оказывая действенную помощь прежде всего колхозам, совхозам, индивидуальному сектору. Все промышленные предприятия, организации и учебные заведения должны иметь подсобные хозяйства по выращиванию сельскохозяйственной продукции. Здесь не уговорами надо заниматься, а издать специальное постановление, обязывающее всех руководителей создавать подсобные хозяйства.

Мы глубоко убеждены в том, что народы против распада Советского Союза на отдельные государства. Это безумие, которое приведет к гибели нашей советской социалистической Родины. Этого хочет лишь ничтожная кучка врагов социализма. Они мечтают закабалить народы, установить диктатуру и насилие над людьми, развязать кровавый террор и новый геноцид.

Еще и еще раз просим ЦК КПСС, Совет Министров СССР и Президиум Верховного Совета СССР рассмотреть наше обращение и принять соответствующие меры по спасению Отечества!

ПРОТАСОВ В. Д. — директор ЦНИИСМ, профессор, член-корреспондент, лауреат Ленинской премии, Герой Социалистического Труда; ФИСИНИН В. И. — директор Всесоюзного института птицеводства, профессор, депутат Верховного Совета СССР; ЛЕБЕДЕВ В. И. — генеральный директор арендного предприятия «Электроизолит»; КОЗЛОВ В. П. — директор научно-производственного объединения «Спектр»; БАЛАШОВ А. А. — директор совхоза «Хотьковский»; ЕЛИЗАРОВ Е. С. — директор племптицезавода «Конкурсный»; АГРОНОВИЧ Г. Ю. — директор завода мостовых железобетонных конструкций; КОКАЕВ Г. С. — главный врач областной больницы; РОМАНОВ С. В. — начальник автоколонны 1128; КУЗНЕЦОВ В. В. — председатель Совета народных депутатов Митинского сельского Совета Загорского района Московской области, участник ВОВ; УШАНОВ Н. Г. — директор фабрики имени Розы Люксембург; СМЫСЛОВ В. И. — главный инженер ЦНИИСМ, лауреат Ленинской премии, доктор наук; ГРИГОРЬЕВ П. И. — персональный пенсионер республиканского значения; ДАВЫДОВ В. Д. — главный врач центральной районной больницы Загорского района; ПРИНЦЕВСКИЙ В. Д. — персональный пенсионер республиканского значения; МАТВЕЕВ Ю. А. — директор Загорской меховой фабрики, участник ВОВ; ГОРЧАКОВ А. Г. — директор малого предприятия, персональный пенсионер республиканского значения; ФОМИЧЕВ Н. В. — начальник Мостостроительного управления № 24; БЕЛЯКОВ А. С. — председатель правления Загорского райпотребсоюза.

ВО ЧТО ОБХОДИТСЯ НАРОДУ ДИПЛОМАТИЯ ДИЛЕТАНТОВ!

Последнее время внимание советской общественности все больше поворачивается к проблемам внешней политики. В высоких кругах МИД СССР проявляется беспокойство: не докатывается ли до них та волна, которая уже изрядно потрепала нервы руководству Минобороны и КГБ. Возможно, и докатывается, но удар ее по МИДу будет, видимо, не столь сильным, поскольку люди пока еще не очень видят прямую связь между ошибками во внешней политике и повседневной жизнью. Конечно, наше трагическое участие в афганских делах частично раскрыло глаза, но все-таки остается стереотип, что внешние дела делаются за границей и как таковые к повседневным нуждам людей имеют небольшое касательство.

Что это не так, я попытался изложить в журнале «Молодая гвардия» (№ 10 за 1990 г.). Статья «Как МИД защищает интересы государства» вызвала интересные вопросы, да и в личных контактах при выступлениях в трудовых коллективах был проявлен интерес к тем или иным аспектам внешней политики. Всего не объять, но на некоторые вопросы ответить необходимо, тем более за истекшее время в международной жизни произошли события, которые просто невозможно заметить.

Итак, вначале попытаемся сформулировать ответ на общий вопрос, который наиболее четко был сформулирован в одном НИИ города Алма-Аты. Звучал он примерно так: «Средства массовой информации у нас и за рубежом празднуют конец «холодной войны». Обычно война кончается или почетной «ничьей» для воюющих сторон, или одна из сторон, измотав себя, сдается. Не следует ли понимать, что в данном случае это произошло с нами: измотавшись в гонке вооружений, СССР «поднял руки»?»

Есть традиционный накатанный ответ. У нас, мол, восторжествовало новое мышление, мы озаботились общечеловеческими ценностями и соответственно радикально изменили свой внешнеполитический курс, оставив конфронтационный подход, основанный на различии идеологий, классовом подходе, разных целях и задачах, в том числе указанных в решениях XXVII съезда КПСС. В результате этого произошел демонтаж соцсистемы, мирового коммунистического движения, ОВД, СЭВ, да и в значительной степени СССР. Но тогда получается, что не политика

империалистов, не их стремление разрушить соцсистему и подчинить развивающийся мир лежали в основе «холодной войны». А значит: мы (или нас) обманывали, по крайней мере, последние двадцать лет. И еще выходит, что у нас вообще не было заявленных благородных целей внешней политики. Но они же были?! Другое дело, что пытались мы их достичь безграмотно. Тратили огромные деньги на страны «третьего мира», на помощь соцстранам, на комдвижение, а результат оказался плачевным. Значит, виновны не цели и задачи, а исполнители. Столь же непомерны были траты на обеспечение безопасности. Попытались по вооружениям выйти на паритет почти со всем миром. Отбросили традицию низкой вооруженности, кстати, характерной не только для России, армия которой в мирное время не превышала полмиллиона человек, но и для периода как И. Сталина, так и Н. Хрущева. В результате имеем сейчас наивысшую угрозу безопасности. Опять-таки, плоха ли была цель — обеспечить надежную безопасность — или плохи исполнители? Итак, констатируем. Не добившись поставленных на высоких партийных и советских форумах целей внешней политики, мы фактически от них отказались. Это разоружило нас перед центробежными силами как в рамках социалистической системы, так и внутри собственной страны. Мы действительно перестали быть сдерживающей силой для воинственных кругов Запада. И не в силу заявленных политических намерений, и не из-за ограниченных вооружений (они-то с виду остались грозными), а по факту распада внутренних государственных и общественных структур. Все это особенно заметно на фоне укрепления этих структур как к западу от нашей страны, так и к востоку. Мы растеряли всех своих союзников, в том числе и в «третьем мире», тех, которые были рядом с нами в борьбе с империализмом, которые были нашими естественными союзниками. Сейчас об империализме, его целях и политике в нашей печати нет и речи. Может, уже и нет империализма? Тогда кто же это хлопочет на Ближнем Востоке, в песках Саудовской Аравии, кто подпирает Израиль, кто угрожает арабским народам (не королям и шейхам, а именно народам)? Инопланетяне?

Мы всегда стремились к тому, чтобы наша (заявленная!) политика была понятна народам. Но попытайтесь сейчас понять нашу позицию на Ближнем Востоке. Раньше все было более-менее ясно и логично: поиск путей решения проблем региона должен проходить в рамках мирной конференции по Ближнему Востоку. В принципе, все возможные участники были в пользу такой конференции; против — Израиль.

Казалось бы, поскольку это была наша инициатива, то мы могли бы ее легко и полезно реализовать в новых условиях: Ирак ввел войска в Кувейт. Запад и Израиль обеспокоились — нам осталось лишь вновь предложить созыв конференции, на которой можно было бы в комплексе решать все проблемы Ближнего Востока. И это, кстати, вообще единственный разумный и справедливый способ чего-то достичь в нынешних условиях. Ну не воевать же?! Сколько раз твердили на всех перекрестках, что война не может быть средством решения политических проблем. И не может-таки! Почему же мы стесняемся заявить, что категорически осуждаем действия империалистов по подготовке кровопролитной войны на Ближнем Востоке? Это не означает, что мы одобряем действия Ирака, но даже допускать в какой-либо форме возможность войны — аморально. Ну какое это новое мышление, если наше правительство, как и прежде (в том же несчастном Афганистане), допускает возможность уничтожения тысяч людей в войне? За чьи интересы? Давайте будем последовательны и ответим: нефтяных и прочих монополий. А как быть с созывом конференции по Ближнему Востоку? Взамен этого — санкции против Ирака в защиту шейха Кувейта, который, кстати вместе с Саудовской Аравией, был главным финансистом моджахедов в Афганистане. Это за их деньги убивали наших солдат. Так почему, спрашивается, нам так уж надо печься об их интересах в районе, который носит не столько интернациональный, сколько арабский характер? К тому же мы как-то быстро забыли тезис о том, что конфликты в постколониальных регионах, особенно пограничные, — это наследие колонизаторов. Это англичане в свое время, уходя с Ближнего Востока, оставили там «мины». Одна взорвалась в Палестине, другая должна была сработать в Кувейте, который был-таки искусственно выделен из Ирака.

Сейчас мы «обиделись» на действия своего союзника — Ирака, но мы почему-то не «обижались» в той же мере (скажем, не призывали к санкциям) на агрессию США против Гренады, Панамы, Ливии, на преступления Израиля против арабского народа Палестины, Ливана. Попробуйте объяснить эту непоследовательность. А как понять наше нынешнее развитие всесторонних отношений с Израилем, включая такую политическую акцию, как установление с ним консульских отношений? С гуманитарной точки зрения можно понять желание советского руководства облегчить выезд израильтян из СССР (не будем забывать, что все евреи, живущие в нашей стране, автоматически имеют право на гражданство Израиля). Но для последних (и иже с ними) было бы, видимо, предпочтительнее видеть снятие внутренних ограничений на выезд, возможное получение какой-то материальной помощи при отъезде, а не политическую символику, удовлетворяющую высокие сионистские требования, но не интересы отдельно взятого еврея.

Полное недоумение вызвала «челночная дипломатия» тов. Е. Примакова на Ближнем Востоке. Мне приходилось работать в Ираке, и должен сказать, что т. Примаков столь же не подходил в личном качестве для роли посредника между арабами, как Ю. Воронцов — между мусульманами Афганистана. И как в том случае ничего не удалось урегулировать, так и в этом, поскольку ни тот, ни другой не являются опытными переговорщиками. Они, как и другие наши руководители на международных переговорах, хорошие исполнители, но не обладают, к сожалению, талантом переговорщика. А он — этот талант — состоит в способности генерировать и адвокатировать по теме переговоров идею за идеей при условии, что ведут они к одной цели. Все это должно быть сдобрено здоровой дозой личного обаяния, основанного на глубокой внутренней культуре и мощном интеллекте. Обыкновенный, хотя и высокопоставленный чиновник — конформист «казарменного социализма» — на эту роль не подходит. Это особенно видно при сравнении личности известного международного переговорщика Г. Киссинджера с двумя упомянутыми товарищами. И кстати, наиболее подходят на роль пере-

говорщиков толковые юристы, которых в нашей системе, в том числе в МИДе СССР, «кот наплакал». А ведь мы, кстати, на самых высоких уровнях речь ведем о таких категориях, как примат международного права, обязательная юрисдикция Международного суда, единое европейское правовое пространство. Трудно понять, на что мы рассчитываем, если и сейчас в наших ведомствах основные мировые проблемы остаются без правового анализа, а важнейшие международные переговоры зачастую ведем без юристов. Или мы полагаем, что Запад озаботится не только производством у нас ширпотреба, но и правовым обеспечением советской внешней политики? Можно констатировать, что сфера международного права у нас находится в кризисе и положение ухудшается, поскольку быть в том же МИДе юристом попросту невыгодно: престижнее и более обеспечено материально положение «чистого» дипломата, с которого к тому же меньший спрос.

Странным по меньшей мере выглядит сейчас наш подход в сфере прав человека. Его мы изменили так, как сменили картинки на телевидении. Пару лет назад нам в репортажах с Запада показывали преимущественно жизнь бедноты. А разве ее там нет? Сейчас — жизнь богатых. В рассказах же о себе мы акцент ставили на достижениях. А их что, не было? Сейчас говорим о недостатках. Но они всегда были, есть и будут. И в западных обществах — тоже. Но нельзя быть политическими перевертышами и просто заявлять, что там, мол, демократические общества, а у нас — нет. Иначе мы слепим их образчик и получим, как у них, максимальную демократию для миллионеров, мафиози, начальства, демократию, основанную не на «телефонном праве» (как сейчас), а на «денежном мешке». А для миллионов других может остаться лишь миска похлебки из фондов милосердия. Если мы хотим делать «как у них», то надо хорошо знать, а как реально было «у них» в пору, которая соответствовала нашему нынешнему уровню социально-экономического развития. Пока что нам, кажется, «светит» больше демократия (и уровень жизни) Колумбии или (если повезет) Чили, где мафии не дали набрать силу. А для западноевропейского образца мы в любом случае не годимся: слишком пало наше общество интеллектуально и духовно-нравственно в последние 25 лет. О причине этого говорилось в упомянутой статье в «МГ» — мы тянем непомерное бремя вооружений, расходов по внешним делам, космосу и госбезопасности: «Боливару» таких всадников не снести, он споткнулся, упал, издыхает, и мы пытаемся стегать почти что дохлую лошадь.

Сейчас в открытую надеемся на «помощь» Запада. Это не помощь, кстати, а кредитование, чтобы мы смогли, набрав новые долги, хотя бы платить проценты по старым. Что касается целевых кредитов на закупку или производство ширпотреба и продуктов питания, то до сих пор народ от этого имел крохи. Основная масса покупного на Западе очевидным образом растекается «по щелям», нам она предлагается лишь через кооператоров и перекупщиков. По бешеным, разумеется, ценам. При нынешнем параличе центральной власти любые, даже самые благонамеренные подачки с Запада до потребителя не дойдут. И мы хорошо помним, как наши государственные мужи (Б. Н. Ельцин, А. Н. Яковлев и др.) передавали купленные за рубежом одноразовые шприцы прямиком в больницы, справедливо полагая, что нельзя их пускать в государственную распределительную систему. А вспомним рациональный подход ФРГ к оказанию помощи пострадавшим от землетрясения в Армении: она сама доставляла всю выделенную технику до потребителя. И кстати, куда сгинула гигантская помощь мира Армении? А куда вообще ушло все купленное за валюту на Западе в последние хотя бы 5—6 лет? Кто-нибудь считал? Так вот, если не считать денег, то далее экономические взаимоотношения с Западом бессмысленны, как и нереальны любые планы на возрождение страны.

Со счета денег должно начаться восстановление нашей порушенной «перестройкой» Родины. Все принятые и будущие законы не имеют смысла, особенно при нашей неустроенной юридической практике, низком интеллектуальном и нравственном уровне общества, если не будут поставлены под жесточайший контроль денежные и материальные ресурсы страны. Иначе займы, кредиты наберем, размотаем их неправедным путем, а что скажут нам дети и внуки, которым придется все это возвращать (если будет что)? Чем они нас помянут?

В общем, давайте все-таки попытаемся ответить на поставленный вопрос: мы с противником заключили мир (перемирие) или сдались? Для этого надо ответить еще на один вопрос: нам стало легче? Нам — нет, а «им» — стало. Еще вопросы: мы получили материальный выигрыш за уход из Восточной Европы, из «третьего мира», за переход на западные позиции по общим вопросам и по правам человека, за отказ от заявленных целей и задач внешней политики, за спад комдвижения и за многое другое? Мы укрепили политическую и экономическую безопасность Советского Союза? Мы радикально ограничили бремя вооружений? Мы ослабили противостоящие нам военные, политические и экономические союзы? Мы воспользовались объективно существующими противоречиями в мире капитала? Мы приобрели себе новых союзников? К сожалению, ответы везде будут «нет», «нет» и «нет». А из этих ответов вывод ясен сам по себе. В том смысле — кто конкретно за все это должен нести суровую ответственность. Фамилии этих людей на языке всего народа, да вот наши депутаты-демократы не желают их называть.

Из сказанного вытекает еще один вопрос: что же нам делать дальше? Видимо, последовать советам наших предков. Император Александр III неоднократно, в том числе на смертном одре, убеждал своего наследника не ввергать Россию в войны. Граф Витте предлагал России не играть ведущей роли в мировой политике в течение 20—25 лет. По его словам, необходимо прежде покончить с внутренней смутой. Мы опоздали с выполнением этих советов на 90—100 лет. Из-за этого претерпели страшные беды. Так, может быть, хоть задним умом окажемся сильны?

При нашем нынешнем внутреннем положении мы просто обязаны свернуть внешнеполитическую активность, для которой у нас, кстати, явно не хватает компетентности. Мы сейчас остались одиноки. Наши попытки в качестве бедного родственника войти в богатый западный (тот же европейский) дом трагикомичны. Сегодня нам сам Бог велит заняться лечением внутренних ран. Стране не угрожает военная интервенция. Для отпора силой мы достаточно мощны. Но нам грозит экономическая и идеологическая агрессия Запада. Она уже идет. В этом одна из причин

падения нашего жизненного уровня. И чем больше мы для Запада открываемся, тем более уязвимы. После поражений (Россия после Крымской и русско-японской войны, Франция после 1871 года, Германия после 1918 и 1945 годов, Япония после 1945 года) государства, как правило, в течение какого-то времени «приходят в себя», собираются с силами; им не до внешних дел. Признаемся, что наступил наш час. Признание горькое, но без него нельзя. До сих пор мы проводили внешнюю политику в интересах абстракций — «советский народ», «советский человек». Мы, я надеюсь, уже понимаем, что наша афганская авантюра не нужна была конкретным русским, казахам, эстонцам, но... ее поддержал «советский народ». И сейчас наше противостояние Ираку и вместе с ним большинству арабских народов вряд ли нужно конкретным народам нашей страны. Но оно уже и «советскому народу» не нужно! А значит, нам еще предстоит определить наш конкретный национальный интерес во внешней политике. Лучше и легче это делать, не ввязываясь в проблемы, которые не затрагивают нас прямым образом. Не всякая активность во благо.

Запад, судя по их средствам массовой информации, уже не считает нас великой державой. И главное здесь — не потеря какой-то части экономической или военной мощи. Потеряно величие национального духа — то, что в конечном счете делает страну великой, потеряна государственная мудрость. Все это не обрести походя. Мы «разбросали много камней» во внешней политике. В последней четверти века бросали их, как правило, в собственную экономику, образование и культуру. Время собирать разбитые осколки, а для начала хотя бы — перестать «бросаться камнями».

Юрий ИЛЬИН,
кандидат юридических наук,
Москва

О ПАМЯТИ И ПАМЯТНИКАХ

В последнее время стало модным говорить о покаянии. И в самом деле, обрушившийся в перестроечное время на наши ничего не ведавшие головы поток разоблачений последнего 73-летнего исторического отрезка вызывает такие ощущения ужаса, разочарования, боли за все, что творилось на несчастной русской земле, что стремление к общественному покаянию естественно и понятно. Менее понятны (хотя по-своему естественны) попытки представителей «сливок» нашей интеллигенции уйти от своей (огромной!) доли ответственности за февральскую и октябрьскую смуту, повергнувшую могучую златоглавую Русь в пламя мирового пожара, за воспевание красного террора и «великих строек»... Попытки со снобистским презрением взвалить всю вину (в который раз!) на «темного русского мужика», на «азиатский русский характер» и т. д. и т. п. Кроме отвращения, такие рассуждения ничего не вызывают, да и речь сейчас не о них.

Покаяние имеет естественным следствием желание как-то загладить общую вину наших поколений перед миллионами жертв, погибавших при общем покорном молчании, и вот — поспешно — пишутся статьи, книги, создаются музеи, воздвигаются памятники. Вот о памятниках и речь.

Уже довольно значительное время назад было объявлено о проекте возведения на средства, собранные «Мемориалом», памятника «жертвам репрессий» на Болотной площади. Не буду повторять всего того, что уже писали множество раз против такого варианта общественного покаяния. Возведение памятника на таком месте может означать лишь возвеличение жертв — обитателей серого творения Иофана, именуемого то «домом правительства, то «Домом на набережной». Тех, кто сам создавал машину репрессий, раскручивал ее смертоносные лопасти и пал под их вырвавшимися из-под контроля ударами. Но, судя по всему, именно этим «верным ленинцам» собирается воздвигать монумент «Мемориал», чье название в переводе с нерусского означает ту же не любимую им «Память», только возглавляют ее не слишком русские люди и увековечивает она память жертв тоже не очень русских. Впрочем... Комментируя московские процессы над пламенными революционерами, известный эмигрантский публицист Иван Солоневич писал в 1938 году: «...более позорного поколения история еще не знает. Очень небольшим утешением для нас может служить то обстоятельство, что русских людей в этом поколении очень мало. Это какой-то интернациональный сброд с преобладающим влиянием еврейства — и с попыткой опереться на русские отбросы». Отбросов хватало, увы...

Да, иными глазами мы теперь смотрим на вчерашних кумиров — «борцов за народное счастье» — героический ореол вокруг их иконописных ликов развеялся, и сами лики потускнели, огрубели, сделавшись заурядными физиономиями проходимцев и палачей. Но... пока что наши города, улицы, парки носят имена именно этой «славной когорты», наши площади заставлены бронзовыми, гранитными и т. д. изваяниями все тех же пламенных экспериментаторов разной величины — и в разную величину. Не очень-то, должно быть, уютно стоять им среди задымленных городов-гигантов, построенных на костях десятков миллионов убитых и загубленных, среди вымирающих российских деревень... Но стоят, не шелохнутся.

Да, несомненно, что надо увековечить память всех, кто пал в мясорубке «великого эксперимента» длиной в три четверти столетия. К нам возвращаются забытые и отринутые имена — писатели, философы, историки — те, кого беспощадная машина власти либо уничтожила на земле предков, либо выкинула с нее — и чье богатое наследие взросло на чужбине. Они возвращаются к нам в книжных переплетах. А миллионы и миллионы простых смертных, сгинувших безо всякого следа? В бронзе или гипсе только может вернуться к нам память о них — и, будем надеяться, вернется.

Но неужели идея покаяния, овладевающая обществом, остановится лишь на поминовении жертв 1937 года или в лучшем случае «великого перелома» в деревне начала 1930-х? Расстрелянных, погибших в концлагерях или на «воле» — просто от голода? Да, да и это — огромный сдвиг в нашем сознании и в нашей действительности, но все же — неужели только память пассивных жертв тоталитарного режима нуждается в увековечении?

Неужели те, кто активно — словом или даже оружием — сопротивлялся этой самой «диктатуре», того не достойны? И в

первую очередь «белая гвардия» — те русские люди, которые гибли под трехцветным флагом за то, чтобы их Святая Русь не стала ритуальным костром для жрецов 3-го Интернационала.

Я не говорю про те бесчисленные ярлыки, которые в изобилии были навешаны на «белых» нашей изолгавшейся пропагандой. «Буржуи», «помещики», «наймиты Антанты», и прочее. Но если по сути...

Это донские и кубанские казаки, хлебнувшие свердловских директив и составившие 60 процентов «Вооруженных Сил Юга России» — помещики?

Это Ижевская и Воткинская дивизии Колчака, составленные из уральских рабочих, восставших против «рабочей власти» (и они сражались под знаменами адмирала до самого его трагического конца — чехи ушли, французы и американцы предали, а эти были верны России до последнего дыхания) — это они-то «буржуи»?

Антанта, которая только и заинтересована была в том, чтобы русская кровь лилась как можно больше и обильнее, под шум этого потока выкачивала российские богатства и рукоплескала расколу России — кого она нанимала?

Пехотинцев Юденича, которые, разметав большевистские заслоны, увидели золото куполов Александро-Невской лавры и полегли под артиллерийским шквалом у стен Петрограда, преданные английским флотом, ушедшим защищать от Бермондт-Авалова «независимую» Ригу?

Мальчиков-юнкеров Врангеля, на которых Польша с тихой радостью спустила конницу Буденного и которые при соотношении живой силы один к шести шли в отчаянные контратаки на Литовском и под Ишунем, пытаясь отстоять тот «последний клочок русской земли, где существует право и правда»?..

Я видел фотографию этих «наймитов», снятую в колчаковской армии в альбоме «Досье русской революции» Зинаиды Шаховской. Простые, загорелые крестьянские лица... Стоптанные донельзя лапти, изодранные почти в клочья зипуны, простые трехлинейки за плечами. «Золотопогонники, вышколенные и выкормленные Антантой»... (А кем, интересно, были выкормлены и «позолочены» господа, приехавшие к нам в пломбированном вагоне «делать революцию»?)

Вина ли простых белых бойцов, что их «правительства» и штабы армий оказались набитыми все теми же предателями — в погонах и без, кто в момент наивысшего напряжения сил России в борьбе с кайзеровскими ордами готовил Родине предательский удар в спину? Кто, не уняв гешефтмахерские вожделения и республиканскую чесотку, строил на российском суглинке зыбкие западные замки масонских «демократий»?

Но они, рядовые и офицеры армии Великой России, сохранившие верность присяге, шли в бой за «Веру, Царя и Отечество». Они-то верили, что:

> И вновь над Россией заблещет заря,
> И снова народ богомольный,
> Любовью священной к отчизне горя,
> Падет на колени при въезде царя
> Под радостный звон колокольный...

Памятники красноармейцам есть у нас в каждом населенном пункте. Не знаю, может быть, простые солдаты «армии труда» того и заслуживают — хотя бы в память о человеческих заблуждениях, которые обошлись так дорого... Ведь кто-то из них шел в Красную Армию с искренней верой в «светлое царство коммунизма», кто-то из «ничем» очень хотел стать «всем», кого-то гнал в атаку страх быть расстрелянным за дезертирство или потерять родственников, взятых заложниками, а кто бежал и просто так, «подогретый» порцией кокаина...

Не беру «вождей» типа Троцкого, который монументально у нас не прославился, слава Богу; хотя чем лучше стоящие на всех углах Ворошилов, топивший в Волге баржи с офицерами, или Фрунзе, вкупе с Залкинд-Землячкой и Бела Куном устроивший кровавую оргию в покоренном Крыму...

Память наша пока что однобока. Но ведь если из двух полушарий мозга работает лишь одно — это означает смерть для человека, а здесь речь идет о целом народе...

Между тем возьмем остальной, несоветский мир. Повсюду процесс созидания и развития (экономического, социального и т. д.— увы, прерванный у нас) сопровождается поиском примирения, сглаживания противоречий, даже имеющих очень давнюю историю... В нынешней Испании есть памятники и республиканцам, и франкистам, в Финляндии чтут память и Маннергейма, и красногвардейцев... Помню телевизионный репортаж о «Дне национального примирения» в Венгрии в октябре 1989 года. На здание почтамта, где внутри висит мраморная доска с именами чекистов, павших при обороне дома от повстанцев в 1956 году, водружают снаружи другую доску — с именами тех, кто погиб при штурме...

Повсюду так, кроме нас... Мы еще делим мир только на белых и красных, словно на древних Аримана и Ормузда — одни олицетворяют только зло, а другие только добро — и без всяких там полутонов...

Это началось давно. Уже на заре Советской власти начали яростно уничтожать одну половину памяти — в ущерб «развитию» другой. Страна покрылась монументами Марксу, Ленину, и имя их легион, а взрывались памятники Ермолову, Багратиону, Столыпину... Перед тем как уничтожить памятник Скобелеву в первопрестольной, его обшили досками, и на первомайском митинге 1918 года, толкая речь с этой «трибуны», попирал сапожищами память о великом русском полководце главковерх «армии мировой революции» Троцкий...

Издевательства над народной памятью были и покруче. Датский торговый агент Хеннинг Келер, добиравшийся кружным путем на Украину, стал свидетелем того, как в августе 1918 года в городе Свияжске Казанской губернии в «Красном саду» новая власть открыла памятник... Иуде Искариоту: «По случаю торжества состоялся парад двух полков красной армии, каждый численностью в двести человек... Председатель Совета (по характеристике Келера — «явно ненормальный рыжий еврей неопределенного возраста. Иногда он прямо заговаривался и тогда заявлял, что пришел в мир возвестить истину и спасти человечество». — *А. В.*)... произнес речь, в которой он говорил о том, что он долго колебался, кому поставить памятник, думал о Люцифере и Каине, «так как оба они были угнетенными мятежниками,

революционерами». Но, к сожалению, — говорил он, — Люцифер — образ, не согласующийся с марксистским миросозерцанием, а что касается Каина, то его существование исторически не подтверждено. Поэтому было решено воздвигнуть памятник человеку, в течение двух тысячелетий презиравшемуся капиталистическим обществом, предтече мировой революции, Иуде Искариоту... толпа не понимала оратора. Некоторые истово крестились. Честь открытия памятника выпала на долю Долли Михайловны (комиссарша бронепоезда имени Карла Маркса, бывшая шансонетка из Ревеля. — *А. Б.*). Она потянула за переданный ей шнурок. Покров упал, раскрыв буро-красную гипсовую фигуру нагого человека с грозно обращенным к небу лицом, судорожно срывающего веревку с шеи...» Так предатель рода человеческого стал божком...

А те, кто не хотел ему поклоняться, приносились ему в жертву. А. И. Деникин, отнюдь не склонный к живописным фантазиям, повествует о расправах, сопровождавших установление Советской власти в Евпатории (начало 1918 года, еще нет вроде никакого красного террора и гражданской войны тоже нет...): «На смертную казнь ушло более 300 лиц, виновных лишь в том, что одни носили офицерские погоны, другие — не изорванное платье... Обреченных перевозили в трюм гидрокрейсера «Румыния»... Смертника вызывали к люку. Вызванный выходил наверх и должен был идти через всю палубу на лобное место мимо матросов, которые наперерыв стаскивали с несчастного одежду, сопровождая раздевание остротами, ругательствами и побоями. На лобном месте матросы, подбодряемые Антониною Немич, опрокидывали приведенного на пол, связывали ноги, скручивали руки и медленно отрезывали уши, нос, губы, половой орган, отрубали руки. И только тогда истекающего кровью, испускавшего от нечеловеческих страданий далеко разносившиеся, душу надрывающие крики — русского офицера отдавали красные палачи волнам Черного моря». Что, и эти офицеры (и миллионы последующих жертв) — безропотные жертвы кровавой вакханалии — и те, кто мстил за их невинную кровь, не заслуживают монумента?

Заслуживают. Все, кто любил Россию и сражался за нее — хотя бы и проиграл в этой битве. Абсолютная правда, как говорят, существует только на небе. А нам здесь, на политой кровью, израненной нашей земле, остается лишь примирить спустя десятилетия две правды — победивших и побежденных, кто бы ни был из них прав, а кто — нет. Ибо не будет у нас без этого мира и вожделенного процветания — история не прощает беспамятства. И да встанет рядом с памятником красноармейцу памятник белому воину. Да будет так...

Алексей ВИНОГРАДОВ
Москва

ПРАВ ЛИ ВИКТОР АСТАФЬЕВ...

После публикации в «Комсомольской правде» 6 октября 1990 года новеллы В. Астафьева «Так как же закалялась сталь?», где Островскому отказано в авторстве романа о П. Корчагине, в сочинский музей Островского посыпались вопросы. Прав ли известный советский писатель? И что будет, если он прав? А если не прав? Решимся ли мы опровергнуть мнение маститого писателя? Конечно, страшновато. Но дело не только в этом: напечатают ли? Ведь даже заявление известного советского литературного критика Льва Аннинского: «Как закалялась сталь» написана Николаем Островским!» — подвергается сомнению корреспондентом газеты «Ленинская смена» Н. Ишмухаметовым (10 ноября 1990 года) в публикации «Мысль о подделке развеяна?»: «Правду могут сказать только рукописи, — пишет журналист, — которые, по мнению В. Астафьева, вряд ли сохранились...»

Русская пословица утверждает, что добрая слава лежит, а дурная бежит. А нынешняя конъюнктура такова, что сегодня очень заманчиво развенчивать ценности дня вчерашнего только потому, что именно вчера они были признаны достойными уважения. Боюсь, появится еще одна заметка о лжеавторстве. Велико мое уважение к писательскому таланту В. Астафьева, но именно потому и надо рассказать ему и читателям о подлинных фактах, коль скоро мы действительно строим общество, где первична истина, а авторитет вторичен.

В своей новелле В. Астафьев пишет: «В архивах Николая Островского, да и в сочинском музее, должны храниться не только листы с линеечками для «слепого письма», но и тексты, сотворенные двумя командированными писателями. А вот хранятся ли? Я не уверен». Должна заметить, что проверить было несложно: еще в 1985 году сотрудники музея обращались к Астафьеву (как и к другим известным советским писателям) с просьбой высказать свое мнение о творчестве и личности Н. Островского, тогда же могли бы рассеять его сомнения относительно рукописи романа «Как закалялась сталь», если бы не получили от Виктора Петровича короткое, но очень выразительное письмо с запретом ему писать и заявлением, что он «терпеть не может Н. Островского и его роман «Как закалялась сталь».

Может, в этом и есть ответ на вопрос, прав ли В. Астафьев?

Однако нужны факты: рукопись романа Островского хранится в Центральном государственном архиве литературы и искусства (ЦГАЛИ): фонд 363, опись 1, единица хранения 14. В нашем музее находится копия рукописи, точнее, фотокопии листочков, которые зафиксировали почерки пятнадцати человек. Известно, что Островский диктовал текст книги «добровольным секретарям», как он называл своих помощников. Их имена не секрет: Г. М. Алексеева, М. М. Аликина, М. П. Барц, В. Р. Бондарев, К. П. Брызжева, М. П. Ботова, И. Д. Воробьева, Т. И. Лепехина, В. П. Мацюк, В. П. Цветкова, В. С. Шмигель. Я не назвала только близких родственников и тех, чьи записи не попали в чистовой вариант рукописи. В 1973—1974 годах и в 1987 году для достоверности картины истории создания романа «Как закалялась сталь» музей провел идентификацию почерков «добровольных секретарей» в Сочинском филиале Краснодарской научно-исследовательской лаборатории судебной экспертизы. Тогда мы не предполагали, что эта работа может пригодиться, для защиты авторства романа Островского. Но сегодня именно эта работа дает нам право с полной ответственностью заявить, что в рукописи романа «Как закалялась сталь» глав, страниц, даже абзацев, написанных рукой А. Караваевой или М. Колосова, нет. В этом мо-

жет убедиться любой, кто возьмет на себя труд обратиться в музей. Виктор Петрович ошибается, заявляя, что «Анне Караваевой пришлось будущую знаменитую книгу не просто править, но и дописывать, местами писать».

Несомненная заслуга А. Караваевой и М. Колосова в писательской судьбе Н. Островского в другом. Будучи редакторами комсомольского журнала «Молодая гвардия», они в апреле 1932 года начали публиковать в своем журнале повесть никому тогда не известного Островского, зная, что книжное издательство ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия» отвергло рукопись «Как закалялась сталь». Этот факт опровергает утверждение В. П. Астафьева о том, что «именно эта московская пара — Анна Караваева и Марк Колосов — ездили в Сочи к Николаю Островскому по заданию ЦК комсомола в творческую командировку, помогали больному и слепому автору дорабатывать рукопись будущей знаменитой книги...». Из переписки тех лет, которая публиковалась неоднократно (см.: Островский Н. А. Собрание сочинений. М., «Молодая гвардия», 1975, т. 3), да и из воспоминаний Караваевой и Колосова известно, что Марк Борисович при жизни Островского ни разу не был в Сочи, а Анна Караваева — лишь однажды, в 1934 году, и то несколько часов — проездом в Гагринский Дом творчества. Роман «Как закалялась сталь» в это время был уже завершен, а писатель с редактором обсуждали планы новой работы.

Предупреждая вопросы дотошных и недоверчивых читателей, уточню еще одну деталь. В Сочи Островский писал вторую часть «Как закалялась сталь», в 1932—1933 годах, а первую часть книги он написал в Москве в 1930—1931 годах, где личные встречи с редакторами действительно были. Но напомню: печататься роман «Как закалялась сталь» начал в апреле 1932 года, а Караваева записала в своих воспоминаниях, что впервые познакомилась с Островским «в холодный день начала весны 1932 года». Было ли у маститой писательницы время поправлять рукопись Островского, вставляя, по словам Виктора Петровича, «яркие, порой даже самобытные куски прозы»? Очевидно, что не было. Почему она так странно подала свою роль в создании романа — ведь не надо забывать, что В. Астафьев ссылается на рассказ самой Караваевой. Об этом судить не берусь. Во-первых, в письменных воспоминаниях Караваевой таких претензий нет. А во-вторых, отсутствует и предмет спора: рукописи романа «Как закалялась сталь» сохранились и свидетельствуют о несомненном авторстве Н. Островского.

Но закончить свои записи мне хотелось бы разговором о другом, на мой взгляд, гораздо более важном, чем даже установление авторства романа: о нравственной силе Н. Островского, которая позволила ему сохранить светлый ум и достоинство человека тогда, когда «жизнь стала невыносимой».

17 июня 1937 года газета «Бостон-геральд» (США) писала о романе Островского: «Страницы, посвященные страданиям Павла, его приступам решимости и упадка духа, проникнуты человечностью и реализмом... Заключительные страницы высокотрагичны, и впервые, может быть, читатель не-коммунист испытает горячую симпатию к герою».

Андрей Платонов, чье творчество так долго было для нас закрыто, в десятом номере журнала «Литературный критик» за 1937 год писал: «Мы еще не знаем всего, что скрыто в нашем человеческом существе, и Корчагин открыл нам тайну нашей силы. Мы помним, как это было. Когда у Корчагина — Островского умерло почти все его тело, он не сдал своей жизни, — он превратил ее в счастливый дух и в действие литературного гения».

Почти дословно повторяет эту характеристику французский писатель Андре Жид, побывавший у Николая Алексеевича в 1936 году: «Я не могу говорить об Островском, не испытывая чувства глубочайшего уважения. Если бы мы были не в СССР, я бы сказал: «Это святой». Религия не создала более прекрасного лица. Вот наглядное доказательство того, что святых рождает не только религия. Лишенная контакта с внешним миром, приземленности душа Островского словно развилась ввысь» (Жид Андре. Возвращение из СССР. — «Звезда», 1989, № 8).

А наша современница, молодая журналистка, заявляет, что «этот роман («Как закалялась сталь») умер» и публикация неизвестных ранее его страниц есть лишь попытка «реанимировать книгу». Я пытаюсь понять: неужели для нас навсегда утрачено понятие и понимание духовной высоты? Или они не нужны? А тогда возникает вопрос: если роман Островского действительно умрет, будет ли его смерть насильственной? Обнадеживает, пожалуй, сказанное о романе Островского Фазилем Искандером: «Умный душой молодой читатель и сегодня поймет, поймет в любой изменившейся ситуации, внутренний смысл подвига чистоты и мужества. Глупый скажет: «Это было когда-то. Это не для меня». Но на такого никакая литература не подействует. Кто не ищет духовного хлеба, тот не понимает его вкуса».

Л. П. ЗЮМЧЕНКО,
директор Государственного литературно-мемориального музея Н. Островского в г. Сочи

КОМПЕТЕНТНОЕ МНЕНИЕ

Наш журнал неоднократно публиковал материалы, посвященные повести А. Жигулина «Черные камни», свидетельствующие о том, что автором повести искажена деятельность КПМ (Коммунистической партии молодежи), а также снимающие обвинения в предательстве с члена СП СССР Г. Я. Луткова (выведенного в повести под фамилией Чижов). Тем не менее А. Жигулин продолжает выдвигать обвинения против своего бывшего друга. Недавно мы получили письмо и. о. председателя правлении Воронежской писательской организации С. П. Пылева, в котором, как нам кажется, окончательно проясняется подоплека данной истории. Письмо С. П. Пылева публикуем полностью.

Третий год в печати появляются материалы о повести А. Жигулина «Черные камни». Автор рассказал о подпольной молодежной организации КПМ (Коммунистической партии молодежи), разгромленной абакумовской охранкой в 1949—1950 годах. Он представил эту организацию как террористическую группу

ювцов, готовящихся убрать любыми средствами Сталина, предвосхитивших XX съезд КПСС. В ряде обстоятельных материалов журналистов, знакомившихся с делом, в областной и центральной печати убедительно доказывалось языком документов, что КПМ была «помощником ВКП(б) и другом Ленинского комсомола», что ребята, острее своих сверстников видевшие недостатки в окружающей жизни, хотели помочь Родине, а их за это бросили за решетку.

А. Жигулин обвинил своего ближайшего друга, тоже члена Союза писателей СССР, Геннадия Луткова, закамуфлировав его псевдонимом Чижов, в предательстве (теперь Жигулин псевдоним в своих статьях открыл). Якобы Лутков — Чижов выдал чекистам организацию.

Семья Геннадия Яковлевича Луткова подверглась в Воронеже яростному шельмованию. Об этом знают в городе многие («Советская Россия», «Молодая гвардия», «Литературная Россия» в свое время опубликовали материалы, снимающие обвинение в предательстве). Тем не менее в средствах массовой информации, в новых переизданиях книги «Черные камни» Жигулин продолжил свои обвинения против бывшего товарища по КПМ и Союзу писателей.

Вопрос о «предательстве» возник и на отчетно-выборном собрании писательской организации 23 августа 1990 года. И руководство Воронежской организации Союза писателей РСФСР сделало официальный запрос в Управление КГБ по Воронежской области на имя его начальника генерал-майора А. Н. Борисенко:

1. Действительно ли Г. Я. Лутков выдал организацию КПМ?
2. Какую роль играл Г. Я. Лутков в КПМ?

Получен ответ. Приводим его полностью.

И. о. председателя правления Воронежской
писательской организации
тов. Пылеву С. П.,
г. Воронеж.

На Ваше письмо сообщаем, что в архивном уголовном деле на Батуева, Луткова, Жигулина и других членов КПМ никаких материалов и данных о причастности т. Луткова к провалу организации не имеется.

Более того, на первых допросах т. Лутковым было названо меньше членов КПМ, нежели Батуевым, Жигулиным и др.

Неоднократное изучение и анализ всех архивных материалов дела позволяет нам утверждать, что автор повести «Черные камни» безосновательно обвиняет Чижова в предательстве.

Что касается роли Луткова Г. Я. в организации КПМ, из материалов дела усматривается, что он был одним из активных ее руководителей: являлся «членом Бюро ЦК и первым секретарем обкома КПМ, «автором гимна», и именно по этой причине его фамилия была включена вместе с Батуевым и Рудницким в письмо Абакумова Сталину с предложением об их аресте.

А. НИКИФОРОВ,
зам. начальника Управления КГБ
Воронежской области

Литературная критика

Николай ФЕДЬ

ТРАГИЧЕСКАЯ СУДЬБА ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ РОССИИ

Достойно ль
Смиряться под ударами судьбы
Иль надо оказать сопротивленье
И в смертной схватке с целым миром бед
Покончить с ними?

Вильям Шекспир. «Гамлет»

Никогда ранее Бондарев-художник не откликался так остро на события жизни, как в романе «Искушение». Тому есть причины как субъективного, так и объективного характера. «Искушение» завершает тетралогию («Берег», «Выбор», «Игра») о судьбе русской интеллигенции и крутых переменах в обществе за последние пятидесятилетие, как бы подводя итоги пройденному пути. Сыграли свою роль и условия бытия, наложившие свою печать на весь уклад жизни и миропонимание современников. Наше время, похоже, войдет в историю как период проб и ошибок, возведенный иными деятелями в принцип революционного обновления общества. Какие его главные признаки? Падение общественного самосознания, утрата оптимистического взгляда на окружающий мир и чувства патриотизма; превращение высоких идеалов в свою противоположность и отсутствие великих животворных идей; стремление к чисто иллюзорным целям и торжество антиобщественного эгоизма и бездуховности. Не забудем и попытки изобразить 70-летнюю советскую историю как «провалившийся эксперимент», «постфеодализм», «тоталитаризм», «систему для рабов» и прочее — и станет понятен вывод редакционной статьи («Революция «500 дней») наиболее авторитетной газеты США «Нью-Йорк таймс»: «Этот план убьет социализм». Заканчивается же статья словами, которые перефразируют название знаменитой книги Джона Рида: «Если этот план будет выполняться, он повлечет за собой 500 дней, которые потрясут весь мир». Все это зрело постепенно, готовилось определенными силами в тайне от народа тщательно. Разумеется, первые и наиболее массированные удары наносятся творческому потенциалу России и ее интеллигенции. Можно ли быть здесь сторонним наблюдателем? Вопрос этот неизбежно встает перед каждым чело

веком, сохранившим достоинство, национальную гордость и чувство ответственности за настоящее и будущее своего народа. И перед Юрием Бондаревым — также. Но, чтобы понять глубину замысла романа «Искушение», весь драматизм поднятых в нем проблем, следует хотя бы кратце остановиться на предыдущих произведениях тетралогии.

В названных выше произведениях Юрий Бондарев показывает многообразие человеческих характеров, не прощая своим героям равнодушия, самодовольства, предательства. Им не чуждо все человеческое — они проявляют колебания, известную непоследовательность, простую человеческую слабость. В то же время им присущи мягкость характера, доброта, чувство раскаяния, недовольство собой. Писатель Васильев («Берег»), художник Никитин («Выбор»), кинорежиссер Крымов («Игра»), ученый Дроздов («Искушение») — это оригинальные художественные типы. В силу ряда причин большая часть прозы строила характеры на иной основе — на движении внешнем, на энергии, на глаголе: вошел, сказал, сделал, ушел. Самопознание личности, напряженная душевная работа и внутреннее развитие характера почти отсутствовали во многих произведениях, а к концу 80-х вообще стали исчезать. Когда человек внешне благополучен, вроде бы счастлив для чужих глаз, а в действительности он неудовлетворен и недоволен собой, ибо в жизни что-то не смог, не совершил, вернее — не сделал еще один шаг к добру, который необходимо сделать, но, может быть, так и не сделает — вот что важно для Бондарева в сегодняшнем гомо сапиенсе.

Но почему его внимание вот уже четверть века привлекает тема интеллигенции? Тут много причин — и драматическая судьба людей творческого труда, и специфика их профессии, определяющая их внутренний облик — они с обнаженными нервами и призваны по роду своей профессии совестливо проживать десятки чужих жизней. Внимание Бондарева привлекает прежде всего богатство и разнообразие сложных характеров, напряженность их отношений с окружающей средой; его интерес сосредоточен на личности думающей, отстаивающей честь и свободу своего народа, идущей не кратким путем между двумя точками на плоскости, а зигзагообразно — такова жизнь человеческая.

В наше время многим начинает казаться, что современный человек обречен, ибо он всего лишь ничтожная песчинка в этом громадном несущемся, грохочущем, взрывоопасном потоке событий, угрожающем разрушить вековые традиции и устои, сложившиеся представления о мироздании и смысле жизни. Что тут может человек? Или что могут искусство и наука, заслуживающие, мягко говоря, намного лучшего к себе отношения. Каково главное призвание настоящего ученого и художника: быть равнодушным либо растерявшимся участником бешеной гонки по кромке пропасти или же, несмотря ни на что, противостоять этому безумию, вселяя и укрепляя в сердцах людей веру и надежду? И есть ли вообще потребность в высоком человеческом духе в таких условиях? Вот, коротко говоря, сквозной мотив тетралогии о русской интеллигенции 40—80-х годов.

Меж тем Юрий Бондарев стремится отразить не те или иные общественные настроения, тенденции, мотивы, но реальную действительность, характеризующую состояние мира. Автор книги «Мгновения», знаменующей рождение н о в о г о ж а н р а в нашей литературе, и великолепных повестей и романа о войне — Бондарев является теперь и создателем тетралогии о судьбе русской интеллигенции, вместившей в себя многообразие чувств и мыслей современников, повествующей о весьма непростом и далеком от идеала социально-политическом механизме общества. Начиная с Бондарева, современный роман в своих лучших образцах становится социально-философским, ибо выражает и резюмирует искания нашей эпохи в высоких сферах человеческого духа, в сложнейших вопросах бытия. На это следует обратить особое внимание.

Обретение человечеством небывалой прежде власти над природой и преступное злоупотребление этой властью; неуклонный рост насилия над духовной жизнью и культурой, возведение вседозволенности, нравственной распущенности и безответственности едва ли не в главный принцип общественной свободы — все это стало кошмарной явью второй половины XX столетия. По сути, это логическое развитие событий, берущих истоки в начале века. «Современный мир, — писал в конце 1915 года русский философ Л. М. Лопатин, — переживает огромную историческую катастрофу, настолько ужасную, настолько кровавую, настолько чреватую самыми неожиданными перспективами, что перед ней немеет мысль и кружится голова... В свирепствующей теперь небывалой исторической буре не только реками льется кровь, не только крушатся государства.., не только гибнут и восстают народы, — происходит и нечто другое... Крушатся старые идеалы, блекнут прежние надежды и настойчивые ожидания... А главное — непоправимо и глубоко колеблется сама наша вера в современную культуру; из-за ее устоев вдруг выглянуло на нас такое страшное, звериное лицо, что мы невольно отвернулись от него с отвращением и недоумением. И поднимается неотступный вопрос: да что же такое в самом деле эта культура? Какая ее моральная, даже просто жизненная ценность?» Потом будет революция в России, разразится страшная война с фашизмом, разруха, «застойный период», наконец, глухие и невнятные годы перестройки — и все это в течение чуть более полувека. Добавьте к этому давление союза власти всемогущего государства и техники — и перед вами откроется вся глубина страшных в своей исторической правдивости слов, недавно произнесенных Бондаревым: «Следовало бы устроить суд над историей, немилосердный суд над ее ложью и кровью, чтобы оправдать русофобами преданную, коварно посаженную на скамью подсудимых Россию, мучимую на Голгофе, распятую, подобно Христу».

Об этом речь.

I

Чем заняты, каково кредо жизни главных героев тетралогии? Пройдя через тяжкие испытания (война, несбывшиеся надежды о всеобщем братстве, подозрительность в обществе), писатель Никитин («Берег») понял, что «суть жизни — в самой жизни», в противоречивости самой жизни, которая «не стала добрее и проще», что в ней «за все надо отвечать и расплачиваться». И, подводя итоги, он не ищет оправдания собственной вины, пото-

му что «невыносимее всего было то, что в те последние секунды чужой гибели он что-то не сделал крайнее, сверхвозможное и не смог, не сумел помочь, предупредить...». После выхода романа в свет критика начала жаркие споры вокруг частностей, стала выяснить: философский это роман или наоборот, умер ли герой или только притворился умершим и т. д. По слову Гоголя, пошла губерния писать. Странная ситуация: русская литература развивается по преимуществу вопреки критике. Впрочем, не будем отклоняться от нашей темы.

Любопытные суждения высказал о «Береге» Виктор Астафьев. В письме от 5 июня 1975 года он обращался к автору: «Только теперь вот прочел твой новый роман. Читаю я всегда медленно, а тут читал еще и трудно, преодолевая раздражительное сопротивление до середины романа, тем убедительней победа этой вещи, наверное, так и должны читаться произведения сложные, необычные и умные — привыкли глотать, как галушки, обкатанные, зализанные штучки. Очень хороший написал ты роман! Наверное, выдающийся! Но все выдающееся должно утвердиться временем... О многом мне хотелось бы поговорить, за многое поблагодарить тебя. Но говорю я тебе спасибо прежде всего за то, что ты по-настоящему возвеличил советского человека, того самого, за которого пролито море крови, кто оплакан и омыт океаном горьких и тяжелых слез, в том числе и наших, и которого оболванили, унизили, низвели до потешного ничтожества бездарные писаки, кино, театры, газеты, радио и теле, все-все, под видом «прославления» приложили к нему «руку» на шумном и бездушном базаре нашей пропаганды... В том и суть, и притягательность твоего Никитина, что за ним и к нему хочется тянуться, быть его достойным собеседником и другом». И далее Виктор Петрович высказал чрезвычайно важную мысль, о том, что задача «создавать образ прекрасного человека «выполнима», но только если за нее берется настоящий художник... Благородную работу сделал ты, Юрий, очищающую».

Неудовлетворенность самим собой, осознание призрачности человеческой жизни в послевоенных условиях вынуждают Никитина жить в воображаемом мире, в мечте о некоем волшебном береге. Но можно ли достигнуть того заветного берега и что там: счастье, радость, покой? Откроется ли Никитину истина своими новыми гранями и получит ли ответы на вопросы, которые ни днем, ни ночью не оставляют его? Или все его мечты о солнечном и прекрасном береге лишь плод воображения, и там, на том берегу, как и здесь, так же трудно, а радость жизни и боль жизни идут рядом?.. Последние мгновения жизни героя «Берега» являют собой момент прорыва через страдание к радости: миг слияния прошлого, настоящего и будущего, который ощущается и осознается Никитиным как счастье, в одно и то же время зарождающееся и умирающее, — и конца этому нет и не будет. И уже «без боли, прощаясь с самим собой, он медленно плыл на пропитанном запахом сена пароме в теплой полуденной воде, плыл, приближался и никак не мог приблизиться к тому берегу, зеленому, обетованному, солнечному, который обещал ему в с ю ж и з н ь в п е р е д и».

Первый роман тетралогии показал, какие глубокие пласты жизни художник затронул и как сильно потряс людские сердца. Вместе с тем Бондарев остро ощутил, что проблемы, поднятые им в «Береге», не только крупномасштабны, но развивающиеся во времени, движущиеся и меняющиеся; осознал художник также и то, что жизнь круто обошлась с Никитиным, хотя он, казалось, плыл по течению — и уже настойчиво заявляет о себе другой человек, который решительнее в действиях и который отвергает беспощадную и антигуманную действительность. Таков Владимир Васильев из романа «Выбор».

В «Выборе» есть ряд сцен, где ясно, какой выбор мог сделать и сделал знаменитый художник Васильев. Но, может быть, это не выбор, а полувыбор, как бывает в жизни многих из нас? Как бы то ни было, но, «земную жизнь пройдя до половины», Васильев усомнился в полезности и нужности своего дела, утратив веру в смысл жизни... Пожалуй, из всех пишущих об этом романе наиболее тонкое и точное понимание его главного пафоса сформулировал еще в 1981 году критик Владимир Бушин: «...для меня это книга о трагичности человеческой жизни вообще и глубоком духовном и моральном кризисе времени в особенности...»

Переосмысление социально-нравственных ценностей происходит в эстетическом отношении к действительности, в сознании, в чувствованиях, ярко обнаруживаясь в живописи Васильева. Тоскливая нота одиночества, горечь утраты и беспокойство скорого прощания, неосознанность радостного мгновения — таков лейтмотив пейзажей, написанных им в последнее время. Вот некоторые из них. Ранние зимние сумерки, сиреневые березы в вечереющем воздухе околицы, угол деревенского дома с забитыми крест-накрест окнами, последний багровый луч на скате сугроба, завалившего крыльцо, и тишина многоверстная, первобытная, с далеким, чудится, перелаем собак, и одинокой первой звездой. Или: яркий прощальный день конца октября, белое солнце стоит низко, сквозит между стволами дальних берез, которые на косогоре против солнца кажутся черными: одинокое упавшее в траву яблоко лежит возле разрушенной монастырской стены, еле видимое сквозь облепившие его листья.

И еще: апрель, лимонная луна стоит в голом березняке, освещает черноту земли, оставшиеся островки снега, прошлогоднюю опавшую листву...

Во всем этом, как в зеркале, отразились смятение, сомнения, разочарование Васильева. В его жизни, как мы теперь понимаем, н и к о г д а н е б ы л о с ч а с т ь я, а было тщетное ожидание его. Да и могло ли оно, счастье, быть у человека, который общую беду (беззащитность перед всемогущими чиновниками и партийными функционерами, падение нравов, ожесточенность) воспринимает как личную вину, ибо бессилен что-либо изменить в этом мире к лучшему?..

С течением времени Бондарев все чаще обращается к показу драматизма внутренней борьбы человека — нынешний его герой подавлен, травмирован, скован в своих действиях. В романе «Игра» покоряет глубина социального анализа и напряженность мироощущения. Мы становимся свидетелями того, с какой настойчивостью и последовательностью отстаивает известный в широких кругах кинорежиссер Крымов гуманистические ценности от разрушительного скепсиса и пессимизма американского коллеги Гричмара; убеждаемся в его талантливости, искренности и совестливости, в его сыновней любви к России, которой, может быть, суждено спасти мир от страшной беды и снова расплачи-

ваться по самым высоким ценам за свою великую и святую идею всеобщего братства. В отличие от главного героя «Выбора» Васильева он знает, что красота, равно как труд, доброта, сами по себе не спасут мир; понимает Крымов, чего ждать от жизни и чем можно заплатить за свою неуступчивость и принципиальность. («Отстреливаться, Женя, до последнего, — объясняет он помощнику режиссера неблагоприятно складывающуюся для него ситуацию на киностудии. — Когда невмоготу будет... вы выйдете из окружения. Я отстреляюсь тогда один».)

Хорошо видит Крымов и то, что в послевоенный период в жизни человечества все больше процветают пошлость, эгоизм, фальшь, равнодушие. («Кто-то из прагматиков умело, а может быть, по большой глупости подменяет душу человека пошлостью, и совесть сладко задремала у телевизора».) Все это наводит его на грустные размышления: «Смешно! Подвижники и правдолюбцы устали. Справедливцы притомились и надоели, от них отмахиваются, им лишь сочувственно улыбаются. Но все-таки в минуты отчаяния я вспоминаю одного бескомпромиссного человека в истории, мученика и страдальца, которому равных нет. Кто давал ему веру, одержимость — господь бог? Кто даст веру мне, неверующему, — искусство? Протопоп Аввакум? И по каким законам проявление ничтожества, жалкой низости может воздействовать на душу с такой же силой, как и великая трагедия? Аввакум, неистовый в чувствах протопоп Аввакум, святой, и хилый духом современный мир, судорожно желающий развлечений, будто накануне апокалипсиса». Тревожные предчувствия постепенно перерастают в убеждение, что под личиной благополучия скрывается тяжелый недуг общества. Напряженнейшие крымовские искания смысла жизни и всего сущего, обостренное чувство личной вины за то, что многое в жизни происходит не так, как думалось-мечталось в войну («...когда и где человек свернул или сворачивает с пути истинного. И я вместе со всеми...»), наконец, конфликт с сильными мира сего заставляют его содрогнуться от происходящего вокруг.

Уже в начале 80-х устами своего главного героя Бондарев поставил точный диагноз нашей современности: «Развелось слишком много тупых, хитрых, самонадеянных разрушителей, чиновных людишек — от управдома до министра, которые исповедуют один принцип: живи сладко сегодня, а после нас хоть потоп; леса беспощадно вырубают, реки превращают в сточные канавы, небо — в мусорную свалку. Убийцы Земли и всего сущего. Заметил ли ты, Джон, что у всех мировых обывателей — у ваших и у наших — одинаковое выражение в глазах? Равнодушие ко всему на свете, кроме удобства для своего зада. Ради этого он продаст и предаст не только родную землю и свою нацию, но и весь мир». Могли ли высокие чины простить — пусть всемирно известному кинорежиссеру — подобную ересь? Нет, конечно. На Крымова была спущена свора так называемых «представителей рабочего класса» (шофер Гулин), служителей правосудия и прочих истуканов, верных тогдашним кремлевским властелинам и строгим блюстителям «классового подхода». Что им талант, честь и достоинство интеллигента, если его любовь к Родине они расценивают как имперское мышление, а защиту тысячелетней истории и великой культуры России — как шовинизм?!

В романе «Игра» Бондарев увидел и отразил неизвестные ра-

нее тенденции и явления, которые еще только начинали заявлять о себе, но несли в себе зародыши бурного и повсеместного развития в ближайшие годы. В судьбе Крымова художник угадывает трагические черты, которые через несколько лет станут доминирующими для героев романа «Искушение». Но об этом позже.

Ко всем крымовским бедам прибавится еще и предательство некогда близких ему людей, отчужденность и зависть. Особую роль сыграл здесь Молочков, воплотивший в себе весь спектр человеческой низости. В структуре романа Молочков занимает заметное место: его присутствие ощущается на протяжении всего повествования. Пути-дороги Молочкова неоднократно пересекаются с судьбой Крымова, каждый раз возбуждая у него чувство неприязни, а порою тревожные вопросы.

Есть много способов выразить позицию автора — ирония, смех, отношение к персонажам, событиям, конфликтам и т. д. Но главное — герой (каков он, чем живет, что исповедует, во что верит, что отвергает), а через него все остальное. Разумеется, это не значит, что позиция автора сводится к позиции героя, что они, позиции, полностью совпадают. Однако именно через персонифицированного персонажа наиболее четко выражается отношение художника к миру, эпохе, людям. Присмотримся к Молочкову повнимательнее, вслушаемся в его заковыристую речь. Первое знакомство не внушает к нему чувства неприязни, равно как и симпатии. Кажется, будто это обычный исполнитель, не более: «Директор картины Терентий Семенович Молочков, маленький, сухощавый, с непременно бодрым и приятным лицом, распространяющим уважительное внимание ко всем», проворно вскочил и бросился навстречу Крымову, его «яркие леденцовые глаза засветились преданностью». Молочкова не смущает ни подчеркнутое равнодушие, ни грубоватая откровенность Крымова, он знай ткет и ткет тонкую паутину лести, безмерной любви и преданности своему кумиру. «Господи Исусе, да кто может вас сожрать, Вячеслав Андреевич! — и Молочков с восторженным возмущением воздел руки к потолку, отчего рукава его чесучовой куртки сползли до локтей. — Кто может вас пошатнуть, такую глыбу! Вас... Я догадываюсь, в чем ваша причина! Нет тут вашей вины, нет!» Это лицемерие — он уже предал человека, которому многим обязан: «Меня неделю назад тоже вызывали в инстанцию... Или вроде приглашали для разговора... Задавали вопросы о ваших отношениях с артисткой Ириной Скворцовой. Им, стало быть, никто не запретит докапываться до середки, если дело о гибели человека при неизвестных обстоятельствах...» Молочков не спешит показывать свое настоящее нутро, он постепенно, с оглядкой и осторожностью, но с неотвратимой решительностью сдирает с себя прежнюю личину, и уже начинает проглядывать новая его суть, открыто враждебная Крымову.

Между тем автор открывает нам кое-какие неожиданные подробности. Молочков обязан Крымову жизнью и теперешним своим положением. Но почему не любит он своего прошлого, особенно военных лет? «О, дурак я был! Не люблю я себя молодого! Вы меня тогда, дурака зеленого, пожалели, в сорок четвертом году... Деревенщина, дегтем смазанная — вот кто я был, Вячеслав Андреевич. Вспоминать о себе спокойно не могу. Не люблю я себя молодого. Дурак глупый». Оказывается, на фронте Терен-

тий Молочков проявил себя трусом и негодяем: «Умирать никому не хотелось. А я в разведке иногда как безумный становился. Боялся... Спасибо вам... Войну никак не хочу помнить, а вас век по забуду. Гнили бы мои косточки на Украине, сжели б не вы... Гнили бы они в той воронке...» Да, в войну никто не хотел умирать, но ведь умирали, многие умирали, погибла лучшая часть народа — к этой мысли постоянно обращаются бондаревские герои.

В романе есть эпизод времен войны, при чтении которого стынет кровь в жилах. Группа разведчиков лейтенанта Крымова напоролась на немцев и была обстреляна. Тяжело раненный и отсеченный вражеским огнем от своих, Ахметдинов умирает на нейтральной полосе, а немцы, слыша предсмертные его крики, не подходят к нему и не добивают, обрекая раненого на страшные муки: «Звуки эти, нечленораздельные, хрипящие, протяжные, возникали и обрывались в ночи; так не мог кричать человек, но кричал в живых мучениях зверь, предсмертно никого не моля о пощаде, никого не призывая на помощь, — это был крик гибели и тоски, беспамятно обращенный к звездам, к холоду, к снегу, в никуда, где не было и не могло быть спасения». Можно ли тут думать о собственной шкуре? Молочков только об этом и помышлял. Крымов, решив ползти к Ахметдинову, позвал Молочкова. «Не могу я, товарищ лейтенант, за себя боюсь... — заговорил умоляюще Молочков... — Пожалейте вы меня, дурака деревенского, за-ради бога. Не берите вы меня... Мне бы в госпиталь надо... Пусть хоть руку, хоть ногу оторвет, а в госпиталь бы, мочи моей нет. Жить я хочу, товарищ лейтенант, не хочу я молодую жизнь губить! — И, поперхнувшись слезами, он зарыдал в голос: — Хо-осподи Исусе, спаси меня!.. Товарищ лейтенант, родненький, поимейте жалость, ноги буду мыть и воду пить!.. — заголосил Молочков и качнулся вперед, повалился на землю, а голая левая рука его с непослушными пальцами, па которую он так и не натянул задеревеневшую рукавицу, рыскающе искала валенок Крымова, и, раздавленно извиваясь, он тянулся к валенку головой, мыча, издавая торопливые чмокающие звуки... — Лейтенант, миленький, ножки целовать буду, слугой вам буду, пожалейте за-ради молодой жизни! — вскрикивал Молочков, все ползая по снегу вокруг Крымова...» Вот почему не любит Терентий себя молодого.

После войны Крымов встретил Молочкова, больного, потерянного, с заискивающим, собачьим взглядом; по душевной своей отзывчивости и доброте помог Терентию устроиться на студии, поддержал. Молочков преобразился: стал носить несмываемую приветливость и услужливость на лице, обзавелся машиной, женился и терпеливо ждал своего звездного часа. И он наступил: неуступчивость и несомненная одаренность Крымова все больше раздражали чиновное начальство, в то время как Молочков по всем статьям соответствовал уровню официальных требований, ориентированных на усредненную, штампованную личность. Последний чутко уловил момент уценки человеческих и общественных ценностей. «А теперь я не слабый! Независимый я от вас! Меня и другой режиссер возьмет, — торжествующе заявляет Молочков. — Вот оно как в жизни бывает! Как в песне поется: то вознесет его высоко, то бросит в бездну без следа. Кончилось, видать, ваше счастье!.. Ох, я тоже на земле нужен! А чего я

заслужил?» Но дальше — больше, хотя, собственно, нет уже во всем этом ничего неожиданного: «А несправедливость была и будет! У вас квартира большая, дача, деньги не копеечные, все есть! А у меня чего? Квартирка крохотная, машинка, от смеха помереть можно, «Москвичок», жена больная, а что до денег, то всегда — в обрез... Барин вы по сравнению со мной, с моей бедной жизнью».

Перекошенное ненавистью, враждебное, неумолимое личико, пряменькие плечи, непреклонно, даже сурово сжатый рот — вот он, настоящий Терентий Молочков. И подумалось Крымову, что «в общем-то он, Молочков, х о з я и н п о л о ж е н и я, и б о н е о с т а н о в и т с я н и п е р е д чем...». (Здесь и далее разрядка моя. — Н. Ф.). Таков истинный облик и сегодняшнего — прямого наследника Молочкова — «демократа», праворадикала, страшного своей жестокостью.

«Где современные боги? Где кумиры и гении, которым хотелось бы подражать? Нет серьезных школ, никто не хочет авторитетов в искусстве, ибо всякий считает себя первым, — сетует талантливый режиссер Стишов. — Писать, как Толстой? Старо. Как Репин? Скучновато, консервативно. Снимать, как Эйзенштейн? Надоел старик. Вот почему раздерганность, куча мала, пиршество многих, недостойных входить в сад искусства, которые усиленно сочиняют сценарии, шустро снимают и без конца возятся, завидуют, толкаются в теплом безветрии. И все же есть у нас некоторое количество людей, в том числе и один мой друг, которые могут украсить любой кинематограф мира, но...» Так, возведенная в государственную политику, встает со страниц романа Бондарева молочковщина, ненавидящая интеллект и высокое чувство, талант и мужество, честь и совесть и с тупой жестокостью уничтожающая тех, кто этими качествами обладает. По сравнению с Терентием Молочковым, если вдуматься, и влиятельный министерский чинуша Пескарев с его ортодоксией, и директор киностудии Балабанов, и вышколенный, скользкий следователь Токарев — жалкие и смешные фигурки, действующие по принципу «отсюда и досюда» и только в узкой сфере своей деятельности. У Молочкова же арена действия — вся социальная жизнь.

Как видим, уже в начале 80-х Бондарев разгадал носителя новых разрушительных сил, который в наши дни станет одной из главных опасностей, угрожающей всему общественному укладу. «Тогда я выстрелил ему в руку, чтобы спасти его, теперь я дал бы ему четыре тысячи, чтобы помочь его Соне... Так что же я в таком случае? Сама добродетель? Нет, тогда в воронке он был противен мне, но это было единственное, что я мог сделать, чтобы он ушел в госпиталь, чтобы его никогда не видеть в разведке. А сейчас?.. Но почему трижды в своей жизни я так серьезно думаю об этом жалком человеке? Как унизительно рыдал он в воронке и как непреклонно был сжат его рот, когда на шоссе он развернул машину! Н е у ж е л и в н е м — г л а в н а я о п а с н о с т ь в с е м у?»

В другом месте Крымов размышляет: «Кто виноват? Мы все. Мы слишком заботились о легкой жизни и забыли о главном — во имя чего дана жизнь... Почему все-таки не произошло совершенствование? Война? Выбита лучшая часть нации? Вернее всего: мы до сих пор не заделали бреши». Этими брешами восполь-

звались молочковы, отравляя жизнь ядом фальши, цинизма, бездуховности... Истинность художественного дарования состоит в открытии новых сторон реальности и новых человеческих типов. Бондарев один из первых создал вполне оригинальный негативный образ, несущий в себе важные черты времени, которым суждено развиваться, набирать силу. Сегодня Молочкову уже мало сытой жизни — о н р в е т с я к в л а с т и, ибо знает, что, получив власть, возьмет в с е. Такого типа в нашей литературе до Бондарева не было.

В «Игре» художник через судьбы героев, через трудный поиск истины напряженно размышляет о путях развития России и ее интеллигенции, о взаимоотношении человеческой личности и социальной среды, истории и судьбы отдельного человека. Эти вопросы мучают его постоянно. И он стремится найти ответ на них. Накануне своей гибели Крымов говорит сыну: «Я отвечу... как смогу. В войну погиб цвет народа. В живых из лучших сохранились немногие. А дети не стали лучше отцов... Вот, может быть, поэтому теперь и мало кто рискует броситься грудью на амбразуру, защищая свою и чужую честь...» Подобные взгляды весьма необычны по своей глубине и остроте.

Это было вовремя замечено, правда, немногими. Василь Быков внимательно изучает творчество Бондарева, тонко понимая и чувствуя его редкостное дарование. В письме от 7 июня 1975 года Быков отмечает, что дыхание романа «Берег» — «широкое, не стесненное границами, условностями, эта невозможность простого человеческого счастья в атмосфере вражды и разъединенности и такая естественная жажда этого естественного счастья». А до этого (24 августа 1969 г.) он писал: «По части пластики, мне думается, в современной советской литературе нет Вам равных. Язык у Вас прямо-таки живописующий, видение детали и всей картины в целом восхитительное по точности и богатству». Инстинкт талантливого писателя обостряет внутренне эстетическое зрение, дает возможность Василю Быкову видеть то, что скрыто от многих и многих других. Оценивая роман «Игра», он писал 30 июля 1985 года: «Для меня главная удача в нем — образ Крымова с его нешутейной человеческой драмой, с его неприкаянностью в этом пошлом и страшном мире, его единоборство с киноничтожествами, победить которых невозможно. Но и жить в их среде тоже ведь невозможно, особенно если ты — талант или даже просто честный человек». И далее пронзительная проницательность: «Роман о многом заставляет задуматься в наше время, з н а ч е н и е его, уверен в этом, лишь в о з р а с т е т в б у д у щ е м». Искренне, проникновенно — и правда! Прошло пять лет с момента публикации, а роман не утратил своей актуальности. Напротив, он прочитывается по-новому, подтверждая жизненность образов, глубину авторских размышлений...

Три года спустя после выхода «Игры» в свет Бондарев обратится со словами предупреждения к участникам XIX всесоюзной партконференции (1988 г.): «Нам нет смысла разрушать старый мир до основания, нам не нужно вытаптывать просо, которое кто-то сеял, поливая поле своим потом, нам не надо при могучей помощи современных бульдозеров разрушать фундамент еще не построенного дворца, забыв о главной цели — о перепланировке этажей. Нам нет нужды строить библейскую Вавилонскую башню для того, чтобы разрушить ее или, вернее, увидеть ее в саморазрушении, как несостоявшееся братство не понявших друг друга людей. Нам не нужно, чтобы мы, разрушая свое прошлое, тем самым добивали бы свое будущее. Мы против того, чтобы наш разум стал подвалом сознания, а сомнения — страстью. Человеку противопоказано быть подопытным кроликом, смиренно лежащим под лабораторным скальпелем истории».

Как вскинулись, как засуетились и злобно зашипели «демократы»! Однако минуло еще два года, и страна была ввергнута в пучину кризиса. Теперь большинство людей не могут постичь логику происходящих событий, особенно если они отдают себе отчет в том, что эти события вышли из-под контроля и регулируются бесчеловечными нормами неуправляемого общества. Более того, наши современники стали заложниками этого разрушительного процесса, результаты которого тяжелы и непредсказуемы.

Речь идет уже не о развале культуры вообще и художественной в частности, а о выживании художника как творца духовных ценностей. Как и ученого, о чем поведал Бондарев в новом романе «Искушение». Однако не будем забегать вперед.

II

Тупиковое состояние культуры во многом обязано усилиям «светлых» умов от идеологии. Перестройка с гордостью начертала на своих знаменах два слова: «плюрализм» и «гласность» — и души наши возликовали. Но вскоре мы снова убедились в мудрости выражения: «Благими намерениями дорога в ад вымощена». Ибо вскоре и «плюрализм», и «гласность» были украдены у перестройки и поставлены на службу разрушительных сил. Откровенная тенденциозность с явной недоброжелательностью к народным чаяниям, к истории Отечества, державе, проявившиеся при подготовке и освещении, скажем, сессии народных депутатов РСФСР, Учредительного съезда Компартии России и XXVIII съезда КПСС — это и есть плюрализм? Или вот: который год изощряются центральные газеты по поводу позиции преподавательницы химии, в то время как на развал государства уходят «титанические силы» академиков и бывших членов Политбюро, а затем членов Президентского Совета, но об этом ни слова — это, простите, гласность?

Одновременно весьма сомнительные фигуры всячески пропагандируются, возносятся, охраняются и поддерживаются. На XXVIII съезде партии один из них — А. Н. Яковлев — вновь проявил к русской интеллигенции свою откровенную недоброжелательность, которая некогда шокировала даже бравого ленинца — Л. И. Брежнева. Подул политический ветер в другую сторону, и этот партийный функционер — в мгновение ока сменил классово-красное знамя на многоцветные общечеловеческие ценности, превратился в великого реформатора по части «демократизации» средств массовой информации и творца других не менее удивительных и славных дел... Не потому ли столь бурно реагировал он на критику, прозвучавшую в его адрес. Тут уже, как говорится, не до любезностей, и Яковлев не стеснялся в выражениях, хотя и прибегал к высокому слогу: «Политическая борьба на

съезде по некоторым аспектам приобретает мерзкие формы... Идет массированная атака, травля самыми негодными средствами, вплоть до уголовных». Далее Александр Николаевич поднимается до трагикомических высот: «Хотел бы сказать организаторам скоординированной кампании, тем, кто стоит за ней: можно укоротить мою жизнь, но заставить замолчать — никогда». Прости, Господи, ему «сварливый старческий задор».

Как это ни парадоксально, но формы и методы борьбы, перечисленные выше, широко практикуются «перестроенными» им же газетами, радио и телевидением. Причем подвергаются травле «в мерзких формах», «вплоть до уголовных», выражаясь языком оратора, русский народ, объявленный наследником фашизма, духовные святыни России, Великая Отечественная война, Пушкин, Шолохов — да разве все перечислишь! Напомню еще одну любопытную деталь — напряженно-драматический диалог.

Лебедь А. И. Александр Николаевич! В природе существует неопубликованная книга «Мое видение марксизма». Объем до 600 листов. Автор — вы. Как понимать ваше выражение, что за ее опубликование вы будете «повешены на первой же осине» и кто вешатели?.. И вообще, сколько у вас лиц, Александр Николаевич?

Яковлев А. Н. Да, я написал и когда-нибудь опубликую эту работу. Вы не совсем точно цитируете... Я говорил о том, что некоторые положения могут показаться не очень-то хорошими и может сейчас возникнуть желание за них вешать.

Так говорил этот, по утверждению газеты «Московские новости», «добрый человек из Политбюро», «коммунист с человеческим лицом», которому живется весело и сытно. Разумеется, в цивилизованном мире, доверху заполненном общечеловеческими ценностями, о чем теперь неустанно твердит почтенный Александр Николаевич, настоятельно поинтересовались бы содержанием рукописи, столь тесно связанной с вышеозначенной осиной, а заодно выяснили бы, что в действительности скрывается за «человеческим лицом» сочинителя. Но поскольку, говорят, наше общество не достигло высот западной цивилизации, то нечего и «в амбиции вдаряться». Но представьте себе, будто нечто подобное произошло, скажем, с Первым секретарем Компартии России И. К. Полозковым. Тут уж, можете быть уверены, проводники гласности и плюрализма показали бы ему кузькину мать... Сегодня Яковлев не просто «добрый человек», но еще и академик, председатель союзного Фонда милосердия, ближайший советник Президента М. С. Горбачева.

Бесспорно, Александр Николаевич Яковлев личность историческая. Сегодня это, пожалуй, единственный, по его словам, счастливый человек в связи с «бурными революционными преобразованиями», поставившими страну на край пропасти. В соответствии с гласностью по-яковлевски в полном разгаре процесс деморализации общественности. Прилагаются огромные усилия по навязыванию народу чувства вины, по шельмованию всей истории России. Идеологическая «шоковая терапия» целенаправленно подкрепляется слухами о голоде (в самый урожайный год!), неожиданными и весьма странными дефицитами (табак, вино, хлеб), которые, несомненно, являются частично следствием саботажа, но в любом случае — объектом преступных манипуляций.

Как отмечалось, чтобы вынудить людей согласиться на драконовский план жесткой экономии и регресса, необходимо действовать именно так, и никак иначе... Вместе с тем делаются поразительные усилия по восхвалению невыразимых человеческим языком чудес жизни Запада. Все, что исходит «оттуда», служит в определенных кругах, подогреваемых средствами массовой информации, объектом поклонения, в то время как все, что делается «здесь», вызывает лишь иронические насмешки. Дело дошло до оголтелого антикоммунизма, потери в некоторых кругах чувства национального достоинства.

Погружаясь в пучину несдержанных политических страстей и низменных эмоций, общество утрачивает разумное человеческое начало — и тогда наступает время самообмана и позора. Когда в Афинах пришел конец демократии и воцарилась тирания, со всех сторон начала звучать похвала гражданским свободам; когда в Древнем Риме падение нравов достигло критической отметки, начали превозносить до небес прелести моральных устоев и принимать законы о высокой нравственности, которые в той ситуации были не чем иным, как насмешкой над здравым смыслом. Поистине утопающий хватается за соломинку. Наше время не составляет исключения. Когда отчуждение, распущенность, жестокость получили повсеместное распространение — все разом и с каким-то умилением заговорили о сострадании и милосердии вместо того, чтобы по-настоящему бороться против зла и таким образом добиваться действенного, а не словесного милосердия и сострадания к ближнему...

В конце сентября 1990 года на встрече творческой интеллигенции с Президентом М. С. Горбачевым писатель Юрий Бондарев говорил: «Почему мы оказались в таком тяжелейшем положении? Потому что разрушили триаду — государственность, народность, веру. Веру я понимаю здесь неоднозначно... Наша гласность разрушила прошлое, разрушила фундамент. Дом в воздухе не построишь. Меня долго упрекали за то, что я против разрушения фундамента. Но фундамент — это наша история, это наши истоки, это наша культура, это наша экономика». Столь откровенно может говорить лишь честный и необычайно мужественный человек. Но как трудно говорить, сознавая, что тебя не услышат. Насчет же денно и нощно муссирования на всех этажах власти призыва «Возьмемся за руки, друзья, и раздуем пожар новой революции» Бондарев ответил Президенту: «Но что вкладывается в это понятие? Если полная смена общественной формации, то так и нужно говорить, а не говорить о неофеодализме, о постфеодализме. Говорите прямо: если мы переживаем состояние революции, значит, мы меняем формацию и переходим в другое состояние нашей жизни. Нечего морочить голову друг другу, а нужно сказать точно, чтобы все это знали» («Правда», 3 октября 1990 г.). М. С. Горбачев уклонился от вразумительных ответов на поднятые писателем вопросы.

Глухое безмолвие отчуждения заставляет содрогнуться от ужаса при осмыслении происходящего. Что нас ждет в мире иных социальных отношений: массовая безработица, потогонная система на производстве, растущая инфляция, отмена государственных субсидий на продовольствие, квартплату, транспорт, здравоохранение и резкая поляризация доходов? А это, естественно, влечет за собой еще более стремительный рост преступности,

особенно молодежной, новый всплеск наркомании и другие «завоевания» цивилизованного Запада. Но очень уж сильно хочется кое-кому вкусить от пирога частной собственности. А с другой стороны — сколько потрачено слов на посулы о дальнейшем улучшении материальных благ и торжестве «передовых идей», которые при ближайшем рассмотрении оказывались чистейшим обманом народа.

Кризис общественного сознания порождает у наиболее честных и талантливых писателей ощущение трагичности бытия. Это относится прежде всего к В. Распутину, В. Пикулю, В. Белову, А. Знаменскому, П. Проскурину, С. Викулову. Не минула сия горькая чаша и чуткого к переменам в жизни Бондарева. Тревога и сомнения, тоска и нарастающее звучание печали разлиты в его последних «Мгновениях» и романе «Искушение». Но это наши тревоги и сомнения, наша тоска и моральная угнетенность, порожденные драматизмом нашей действительности. Здесь истоки обостренности творческого воображения и резкого сдвига в эстетическом восприятии художника. Бондареву всегда было присуще стремление к раскрытию многогранности бытия через призму нравственного, социального и общечеловеческого. Отсюда — сложные, нередко противоречивые натуры, глубокие, бескомпромиссные характеры, до конца отстаивающие свои принципы.

Отсюда же его влюбленность в слово, являющееся как бы живой материей, из которой он создает неповторимый мир своих образов... Но в условиях нестабильности мира и обостряющихся социально-экономических противоречий Бондареву все труднее сохранять веру в доброту человека, восхищение перед трепетной и величавой красотой природы, придающим его произведениям возвышенность идеалов и спокойное внутреннее свечение. Теперь все чаще художника посещают тяжелые думы и сомнения — действительность в его сочинениях становится все более жестокой, а усиливающиеся страдания и страх угнетают человека, ослабляя его волю в борьбе с грозными силами жизни.

Тому свидетельство мгновение «в Коломне», написанное в период работы над завершением «Искушения». Царство грустного запустения открывается читателю в произведении. Здесь повествуется об угасании маленьких русских городов, об исчезновении древних очагов цивилизации на печальных просторах нашей Родины... При этом Бондарев стремится к показу тесных связей человека с историей и природой. Художника живо интересует внутреннее богатство, разнообразие личности и ее отношение к действительности. «В Коломне» образ пожилой женщины (в прошлом учительницы) как бы соединяет в себе два потока времени — прошлое и настоящее. Вместе с тем характер этот несет в себе разнообразие оттенков психологических переживаний и внутреннюю просветленность: «Я Евангелие по вечерам читаю... А в тридцатых годах заведовала школой... Но все давно в прошлом. И теперь скоро, очень скоро я отправлюсь в долгое путешествие. Муж умер до войны. А я хотела жить, задержалась. Все ждала (!) его, как во сне. И вот пришла и мне пора. Скоро... И я рада этому...» Эта женщина устала от ожидания, одиночества, сиротства, печальных воспоминаний о своей страдальческой жизни... Бессмертные боги не выдерживают даже созерцания человеческих страданий. Согласно легенде, мудрый Харон, много веков перевозивший через реку Стикс души умерших, был так потрясен мучениями людей, что обратился с просьбой к Зевсу разрешить ему умереть... Мне все кажется, что тот, кто постиг всю глубину человеческой жизни, не станет просить у Бога бессмертия.

Юрий Бондарев всегда помнит о красоте формы, о таинственной силе образа, о пластичности стиля, передающего и трудно постижимые изменения в природе, и едва уловимые оттенки чувств, и тончайшее движение мысли. Но в данном произведении все это создает ощущение чего-то беспокойного, связанного с грустью и глубокой внутренней неудовлетворенностью сущим. Вот что предстает перед очами рассказчика «В Коломне»: «Во дворике было **царство грустного**, уже знакомого мне **запустения.** Здесь приятно потянуло сыростью земли, теплой листвой, как в моем родном Замоскворечье в жаркий, перезрелый солнцем день, запахло сухими березовыми дровами, что белеющей кучкой, нарубленные недавно, лежали вокруг **заплесневелого** чурбана близ **почерневшей от времени** широкой двери сарая или конюшни **прошлого столетия с заржавленными** железными запорами. И меня поразила **кем-то давно забытая** на дворе, сплошь заросшая травой лодка, насквозь **прогнившим** днищем и бортами, навевающими одну и ту же мысль о доме **без хозяина**, о **заброшенности, сиротстве, бедности** этого уголка, вероятно когда-то зело богатого». (Здесь и далее выделено мной. — **Н. Ф.**)

Искусство бондаревского описания состоит в умелом соединении частного с общим, позволяющем особо акцентировать характерные подробности, которые играют роль исходных точек для обозрения целого и дают ощущение его перспективы. Стало быть, задача состоит не в том, чтобы охватить весь видимый мир, а в том, чтобы различить и воспроизвести по преимуществу сложные нюансы ощущений. Мастерски схваченные Бондаревым детали подчеркивают эмоциональную экспрессию образов, сочетающихся со светло-грустным колоритом повествования и нежно-блеклыми красками окружающего мира. Все это усиливает мотив печали и тоски: «...и я стоял, сдерживаясь, чувствуя, что возвращаюсь туда, далеко назад, в пропавшую страну моего счастья, моей любви к матери, которой так сейчас не хватало мне, уже совсем немолодому человеку».

Трогательная нежность к уходящей жизни и всему, что с ней связано, сообщает бондаревскому мгновению тягостное ощущение современности, рожденной под немилосердным небом. «Я подошел к открытому окну, куда ломилась ветвями, сочной листвой **древняя** липа, увидел весь в тени, еще дореволюционный, **разрушенный балкон,** увидел внизу прогретый солнцем **неухоженный** сад на косогоре, заросли малины, **изгородь, свалившуюся** в траву, а слева глубоко внизу меж вязов серебристый блеск Москвы-реки, **которая, когда-то** многоводная, мощная в весеннем разливе, подходила к самому дому, и думал: «Вот оно, вот оно...» Я смотрел в окно и думал **о том времени, ушедшем навечно».**

Тут все подвластно тревожной мысли. Эмоциональная выразительность стиля в сочетании с грустным, несколько пессимистическим тоном повествования, создает как бы два мира — идеальный, навечно ушедший, и реальный, нынешний, в котором много обманутых надежд, бессильного гнева и неосуществленных мечтаний.

В минорном ключе выдержан и финал мгновения «В Колом-

не». «Мы медленно уходили от дома, подымаясь по Посадскому переулку, и я стискивал зубы, боялся оглянуться, чувствуя, что могу некстати и беспричинно разрыдаться». Личные воспоминания, прожитая жизнь, как бы вливаясь в общий поток бытия, усиливают пессимистическое настроение, обостряют трагическое сознание рассказчика: «Да что же это? Конец девятнадцатого века, петербургский вельможа, красавица актриса и девятьсот двадцатый год, год тридцать седьмой, эта женщина, похожая на мою покойную мать, ее муж инженер, почему-то приехавшие сюда с Урала, великая и горькая война, наша победа, смерть Сталина, бесконечные крутые и невнятные перемены, скульптор Голубкина и это запустение маленьких русских городов...» История жизни героини и автора-повествователя как бы растворяется в истории России, усиливая тоскливую ноту: «Может быть, все русское на этом кончилось, как кончилось когда-то в жизни моей матери, как кончится и в моей жизни?

За что и зачем?»

III

Время работы Бондарева над романом «Искушение» совпало с беспримерной борьбой в литературе. Микробы недуга проникли во все поры общества. К растерянности и апатии прибавились страх и пессимизм. И что самое страшное — люди начинают терять надежды. Усилиями «демократов» создана питательная почва для буйного роста социального чертополоха. С заметным ослаблением державы на поверхность жизни всплыли всевозможные проходимцы, «пламенные революционеры» образца смутного времени и жуликоватые народолюбцы. Ныне правят бал политические авантюристы (по-иноземному — популисты!) и дипломированные дураки (несостоявшиеся научные сотрудники, многоликие консультанты, политиканствующие академики). И вот результаты: теряющие смысл уже в момент принятия законы и указы, ничем не подкрепленные обещания и вопли по случаю великих достижений американо-английской демократии. Все это заливает экраны телевизоров, несносным потоком льется из многочисленных печатных листков и радиоголосов.

К сему приложили руку и так называемые «демократически настроенные» члены Союза писателей СССР. Они захватывают в свое владение газеты и журналы, их стараниями набирает силу мощный дестабилизирующий маховик. Реально это осуществляется в многомиллионном тиражировании авторов, сочинения которых, как правило, не обладают сколько-нибудь серьезными эстетическими достоинствами, но пропитаны нескрываемой злобой к нашим государственным и общественным, культурным и нравственным ценностям. Создается образ новых «властителей дум», носителей «передовой морали», скроенной по западному образцу... Размывание национальных устоев, отсутствие объединяющей идеи, потеря чувства приобщенности к высоким идеалам ставят творческую интеллигенцию в невыносимые условия. Серьезный писатель оглушен телевизионно-газетными шоу иных руководителей государства, потрясен частой сменой не приносящих реальных результатов социальных перемен; он опустошен и травмирован при виде того, как доброта, благородство, искренность, чувство прекрасного покидают человека — и уже властно и грубо заявляют о себе низменные инстинкты.

Вместе с тем растет число искусственно раздуваемых авторитетов, популярность которых лопается так же быстро, как мыльные пузыри. Бесталанность, языковая глухота и шаткость воззрений — вот главные приметы подавляющего количества сочинений конца 80-х. Их уже не держит на плаву ни истеричное разоблачительство прошлого, ни очернение гуманистических идеалов настоящего — читатель смекнул, что его бессовестно обманывают, а попросту сказать — дурачат, и презрительно махнул на них рукой. Давно ли томно изнывал в ослепительных лучах популярности Анатолий Рыбаков, поразивший воображение нервной публики описанием м а л о г о р о с т а Сталина и отвратительно испещренного оспой его лица, ставших чуть ли не основной причиной его жестокости и подозрительности. Но оказалось, что и насчет роста, и насчет оспы сильно приврал наш сочинитель. Между тем это вершина творческой фантазии и главное идейно-художественное достоинство шумно распропагандированных его «Детей Арбата»... А сколько было интервью, «круглых столов», восторженных рыданий критикесс и многозначительных восклицаний литераторствующих историков, экономистов и юристов по поводу диалогических опусов М. Шатрова, «Белых одежд» В. Дудинцева, «Ночевала тучка золотая» А. Приставкина, «Зубра» Д. Гранина, «жутких разоблачений» обладателя всех правительственных премий и значков-медалей неприкасаемого А. Ананьева? Где они? Многие ли вспоминают сегодня эти скучные опусы? Их слово гнило, а амбиции непомерно велики.

Художественный потенциал ныне популярных беллетристов ничтожен. Но не это главный вред, приносимый ими литературе, — они разлагают ее изнутри своей безнравственностью, судорожным желанием власти, презрительным отношением к народу, которому обязаны всем, что имеют. Зато верно служат новым властителям, откровенно демонстрируя свое верноподданничество вплоть до политических доносов. Но как только новая власть утратит свою силу, они первыми же и предадут ее.

В истории бывают периоды, когда в писательских репутациях художество едва ли принимается в расчет. И тогда открываются широкие возможности для проявления амбиций ловкого интерпретатора, искусного ремесленника, по природе своей враждебных высокому духу искусства. Увы, наше искусство переживает именно такое глухое время, лишенное внутреннего света мироощущения. Из искусства уходит чувство радости бытия, идея величия и бессмертия человеческого духа, восхищение красотой и страсть — этот могучий дар, дающий человеку возможность ощутить всю глубину бытия, истины, любви, свободы, трагической неизбежности, наконец.

Пожалуй, в ряду названных и неназванных выше сочинений авторов-новомышленцев наиболее заметным является «Плаха» Чингиза Айтматова. Помнится, поначалу роман вызвал широкий, однако кратковременный интерес. Тут множество причин, но главная та, что автор встал на путь переосмысления освященных веками истин не посредством художественных средств, а произвольным конструированием абстрактных моральных и философских доктрин. Это привело к тому, что в «Плахе» у

Айтматова больше творческих намерений, чем искусства. Умозрительное моделирование некоего мирового сознания разрушило художественную ткань романа, лишило жизненной достоверности основных персонажей (интересно, что в романе нет центрального героя, если не считать волчицы Акбары). На поверку получилось что-то вроде беллетризованной иллюстрации к такому же абстрактному и антиисторическому тезису академика Д. Лихачева: «Каждый должен воспитать в себе гражданина мира».

Конечно, «главный интеллигент страны» (как нарекла Д. Лихачева некто Т. Толстая) может позволить себе столь невинную космополитическую шалость. Но Чингиз Торекулович-то, несмотря на поэтическое устройство натуры, считается в известных кругах серьезным товарищем! Между тем, хотел того или же не хотел, в своей «Плахе» он довольно убедительно продемонстрировал, что лихачевская идея «гражданина мира», равно как айтматовская абстрактно-гуманистическая вера, в основе своей враждебны живому человеку. Не случайно же наиболее яркие страницы романа посвящены волчьей паре, как бы преподающей людям уроки верности, любви к жизни, жажды свободы. Тут нет ничего нового — об этом, как говорится, писано-переписано в разные эпохи и многими авторами. Не оригинален и главный пафос — торжество ужаса апокалипсического масштаба, равного предсмертному ощущению волчицы Акбары при виде приближающегося человека, «страшнее которого нет». Все это, повторяю, было.

Удивляет и огорчает другое — неискренность авторской интонации, когда нет ни радости, ни гнева, ни тоски — одно умничанье «по поводу». В 1987 году, вскоре после журнальной публикации «Плахи», Чингиз Айтматов писал: «Николай Тихонов говорил, что мировоззрение — внутреннее солнце поэта. Так вот. Если в книге не ощущаем внутреннего света, присутствия солнца надежды, которое должно засиять, хотя бы небо было затянуто тучами, мало сказать, что такая книга несовременна — она тянет назад». Какое, однако, несоответствие автора «Плахи» автору статьи! Кто из них говорит правду? Да и как понимается тут правда?.. Искусство всегда оценивает действительность с позиции прекрасного и безобразного, возвышенного и низменного, трагического и комического, доброго и злого и т. д. Но только проницательный взгляд на мир и горячее сердце позволяют писателю не ошибиться при зачислении описываемых явлений и лиц в группу прекрасных или безобразных, безысходных, злых, безнадежных. Историческое бытие произведения искусства определяется широтой концепции жизни, которая не приемлет неискренности. «Жизнь сумрачна, но свет искусства ясен», — писал Шиллер, подчеркивая его неистребимый созидательный дух. Однако не будем строго порицать любителей голых абстракций, лишенных человеческих чувств, за их пристрастие высокомерно судить о бытии с космических высот айтматовского мирового сознания.

Не странно ли, что среди наиболее воинственно настроенных «демократов» больше всего социально неустойчивых, политически вибрирующих интеллектуалов. Это та категория людей, которых теоретик расстрелов Бухарин намеревался штамповать фабричным способом. Не отсюда ли требование срочно овладеть

«новым мышлением» всеми, кто не хочет угодить в «сталинисты», «патриоты», то бишь «фашисты»? И надо сказать, обладатели «нового мышления» вооружены четко сформулированной стратегией и тактикой. А вся их неумолчная болтовня об общечеловеческих ценностях, о правовом государстве, о том, что пробил час слияния самобытных национальных культур в одну культуру, таит в себе коварное намерение разрушить многовековую державу, уничтожить великую материальную и духовную культуру России, лишить ее народ исторической памяти.

Будем называть вещи своими именами. Обладатели «нового мышления», так сказать, в первой инстанции ведут борьбу против русской интеллигенции жестко и целенаправленно. 22 июля 1990 года «Правда» («Существует ли у нас еврейский вопрос?») писала: «К сожалению, политический антисемитизм сегодня взят на вооружение не только новоявленными черносотенцами. Целый ряд литературных изданий открыто ассоциируется с антисемитскими позициями». Именно так «проявил плюрализм» орган ЦК КПСС. И далее: «Из номера в номер они печатают самые одиозные измышления. Пожалуй, впервые в нашей истории юдофобия стала столь популярна в некоторых кругах интеллигенции. И эта беспрецедентная «респектабельность» антисемитизма вызывает наибольшую тревогу». Если перевести сие на простой человеческий язык, то значит: ряд русских газет и журналов обвиняют в клевете, вместе с тем русской же интеллигенции приписывается юдофобия. А на каком основании? Факты, имена, названия антисемитских изданий — почему их нет в статье? Потому что не существует в действительности. Стало быть, как ни прискорбно это констатировать, «Правда» сознательно тиражирует ложь, то есть сеет национальную рознь.

Чтобы более четко представить себе настоящую суть «демократии», уготованной нашему обществу активными выразителями «нового мышления», то бишь «цепными псами перестройки», стоит обратиться к «перестроечным страстям» в кино, театре и литературе. Здесь же я ограничусь примерами из сферы деятельности членов Союза писателей. В марте 1989 года усилиями жаждущих свободы действий была учреждена независимая корпорация «Апрель» для защиты демократии от тоталитарного режима. Вскоре выяснилось, что широковещательные заявления «Апреля» об «ориентации на полную свободу художественных исканий, соревнование любых творческих стилей, включенности в мировой литературный процесс» — лишь лукавая вывеска на здании политического клуба в основном окололитературных деятелей, стоящих на праворадикальных позициях. Методы борьбы с инакомыслящими сии «борцы за демократию» избрали соответственно их убеждениям: все, что неугодно апрелевцам, немедленно объявляется фашизмом — и прежде всего р у с с к и й н а р о д и русская интеллигенция. Дико, невероятно, но факт. В середине 1990 года член координационного совета «Апреля» Александр Рекемчук дал интервью «Красноярскому комсомольцу», в котором изложил, так сказать, политическую платформу организации: «В стране, повторяю, в рамках плюрализма идей набирает силу откровенно фашистское движение. Происходит т р а г е д и я: н а р о д, который действительно сыграл решающую роль в разгроме фашизма, в д р у г в ы б р а л ф а ш и с т с к о е н а с л е д и е в качестве некого

идеологического, политического, философского ориентира». Итак, маска окончательно сброшена, и перед нами предстали страшные в своей патологической ненависти лица «демократов». «Нынешний Союз писателей Российской Федерации, — обобщает Рекемчук, — откровенно стал лидером всей политической реакции в стране — это выражение еще очень деликатное. На самом деле не кто иной, как руководство СП РСФСР, стало зачинателем фашистского движения в стране».

Право, может показаться, что наиболее прихотливое существо из рода человеческого — это сочинитель средней руки, не имеющий к тому же глубоких исторических корней в стране проживания. Природа явила в нем клубок самых противоречивых, взаимоисключающих, но пребывающих в зачаточном состоянии начал. Он бурно деятелен и донельзя самоуверен, а это весьма неблагоприятно отражается на его интеллектуальном и нравственном развитии. Поэтому он непредсказуем, что в смутные, неспокойные времена чревато опасностью для окружающих. Не странно ли, что такая «народная» организация, каковой представляет себя «Апрель» («Мы не должны быть, — записано в его решениях, — ни с народом, ни для народа. Мы — народ»), по преимуществу состоит из таких, мягко говоря, непредсказуемых сочинителей. Видимо, поэтому среди апрелевских светил первой величины особенно резко выделяются такие, как А. Приставкин, Евг. Евтушенко, В. Коротич, А. Адамович, некто Черниченко вкупе с не менее агрессивными, но близкими по образу мыслей и дарованию иными членами. Есть, конечно, и другие, вплоть до полуроты фуриозных литературных див, но они помельче.

С их подачи слово «фашист» по отношению к русским все чаще встречается в средствах массовой информации и митинговых ристалищах. Главная цель — разжигать антирусские настроения и под шумок решать свои проблемы. В Москве успешно проходят еврейско-сионистские съезды, хотя сионизм осужден ООН как разновидность фашизма. Между тем лидеры «Апреля», обращаясь с открытым письмом к Политбюро, жаждут расправы над теми, на кого они укажут пальцем как на антисиониста. Требование расправы занимает первое место в провокационном «антифашистском шуме», а объектом превентивных карательных мер являются русские. Налицо проявления одной из наиболее циничных форм русофобии.

Вот, скажем, неустрашимый и неумолчно звенящий глава «Апреля» Анатолий Приставкин. О, твердят выдающиеся умы сей организации, Анатолий Игнатьевич незаурядная личность, хотя бесперспективная в художественном плане. Однако ж в быту, говорят, это редчайшей доброты человек — мухи не обидит, к тому же хлебосол, о чем свидетельствует его искусство дрессировать тараканов (не московских, а, естественно, американских!) в свободное время от митинговых выступлений и интервью для прибалтийских средств массовой информации. Боюсь, что слухи насчет тараканов — очередная сплетня «патриотов». Но все остальное — чистейшая правда.

В ораторском экстазе, гласит молва, в Анатолия Игнатьевича как бы вселяется бес, и на бурных волнах беспримерной клеветы он почти недосягаем. Не так давно в очередном и отменно остроумном интервью рижской газете «Советская молодежь»

(№ 42, 1990 г.) Приставкин не моргнув глазом изрек: «Формально в СП «Памяти» нет. Но есть Союз писателей РСФСР, который по своему духу примыкает к «Памяти». А ее идеологическим центром является СП РСФСР». Подобной политической пошлости нет оправдания!

Но каково в создавшейся ситуации русскому писателю, ученому — и чем он талантливее и честнее, тем большему нажиму, оскорблениям и угрозам подвергается. И это на своей Родине! Увы, несчастна та страна, которая отдает лучших сынов своих на поругание...

IV

Литература, как и жизнь, развивается по своим внутренним законам. Сколько писано и говорено о застойном периоде в социально-экономической сфере! А правомерно ли с такой же убежденностью вести речь о застое в искусстве? Бесспорно, социальные факторы оказывают свое положительное или, напротив, отрицательное воздействие на его общее состояние, однако (в силу специфических особенностей искусства) не в такой степени, как они влияют на развитие, допустим, экономики. Здесь свои закономерности, своя логика развития, обеспечивающие непрерывность художественного процесса. Тому свидетельство крупные достижения «деревенской», «военной», «городской» прозы 70-х и 80-х годов в пору разгула брежневщины с ее коррупцией, безответственностью и разгильдяйством. По словам Бондарева, в искусстве движение обеспечивают только борение и противоборство: это и тяжкий крест, и терновые венки, и одержимое стремление к цели. С этим утверждением нельзя не согласиться, подразумевая одержимость таланта, а не ремесленника. Но и этого мало. Талантливый художник должен обладать широкой мировой концепцией, то есть историческим взглядом на становление, развитие и изменение жизни и бытия. Только такое сочетание рождает истинное искусство. За отсутствием такового мы имеем сегодня гениев парадокса и пошлой беллетристики.

Проще говоря, застойные периоды случаются разве что в воображении авторов, пытающихся свалить свое творческое бесплодие на объективные условия. Не будем лукавить — в силу своей внутренней свободы художественный процесс неподвластен прямому жесткому вмешательству. Разумеется, власть может запретить публикацию того или иного произведения, подвергнуть автора всякого рода ограничениям и гонениям, однако невозможно принудить его замолчать в полном смысле этого слова. Имеется в виду, конечно, подлинный талант, который не может не проявить себя в действии, то есть на листе бумаги. Его не покидает высокое дыхание творческой энергии даже в кризисные периоды общественного сознания. «И если в этом хаосе, — писал Ф. М. Достоевский, — в котором давно уже, но теперь особенно, пребывает общественная жизнь, и нельзя отыскать еще нормального закона и руководящей нити даже, может быть, и шекспировских размеров художнику, то, по крайней мере, кто же осветит хотя бы часть этого хаоса и хотя бы и не мечтая о руководящей нити? Главное, как будто всем еще

вовсе не до того, что это как бы еще рано для самых великих наших художников. У нас есть, бесспорно, жизнь разлагающаяся... Но есть, необходимо, и жизнь вновь складывающаяся, на новых уже началах. Кто их подметит и кто их укажет? Кто хоть чуть-чуть может определить и выразить законы и этого разложения и нового созидания».

Высокое искусство несет в себе Прометеев огонь борьбы, человечности и великого милосердия. И несомненной заслугой Бондарева перед литературой является не только правдивое изображение «жизни разлагающейся», но и — это, пожалуй, самое трудное и важное! — создание образа прекрасного человека — беспокойного и созидающего, наделенного страстной верой в свое дело, без которой нет истинной жизни ни в искусстве, ни в науке. В романе «Искушение» таковы ученые Игорь Дроздов и Николай Тарутин.

В «Искушении» повествуется о судьбе талантливых представителей русской интеллигенции, тесно связанной с горькой судьбой народа. Герои нового произведения Бондарева — научные сотрудники академического института экологических проблем и все те, кто так или иначе связан с Академией наук СССР. Тут много образов, написанных живо и убедительно: ученые Дроздов и Тарутин, академик Григорьев, заместитель директора Чернышов, вице-президент академии Козин, заведующий отделом ЦК КПСС Битвин, всесильный временщик и действительный член Академии наук Татарчук, доктор наук, он же министр Веретенников...

В науке и в жизни большинству из них присущ воинствующий дилетантизм или холодное равнодушие и непомерное честолюбие — пожалуй, единственное, что объединяет и делает их похожими друг на друга. «В этой комнате, — говорит талантливый ученый Тарутин, — половина докторов, половина кандидатов... Но почти все — это зеркала не солнечной стороны, прошу тысячу извинений у своих страждущих коллег! Тем более в числе их и я, многогрешный. Поэтому спасение почтенной науки — в очищении. Весь титулованный мусор — вон, вон, к дьяволу, подальше, подальше к черному хлебу! А наиболее бездарных — в особую для этого академию бездельников. Без дармовых харчей. Вы, Сергей Сергеевич, желаете такую революцию во имя оздоровления науки?.. Но революция на горизонте не предвидится. Поэтому есть пьеса благочестия. Перед вами на сцене главным образом статисты столичного водевиля из жизни ученых...» Не слишком ли скоморошничает Тарутин, поднимая руку на такую махину, как академия? А знает ли он, что верхним эшелонам власти (кроме работника ЦК Битвина, здесь присутствует вице-президент академии Козин) угодны именно «статисты», а не серьезные ученые? Перед внезапной кончиной осознал это даже уступчивый академик Григорьев. Руководитель института отчетливо увидел, что в правительстве и президиуме академии все погрязли в обещаниях и лжи, что честных исследователей обманывают, водят за нос, шантажируют. «Мы — не наука, а политика умиротворения хищника, — воскликнет Григорьев в отчаянии. — Сегодня мы, ученые, разрешаем губить Байкал, Волгу, Днепр, завтра — поворачивать вспять северные реки, послезавтра — вырубить весь кедр, всю тайгу для выполнения мифического плана. А потом? Тьма, конец».

Пора отрезвления пришла слишком поздно: авторитетный ученый с мировым именем был просто выброшен и н с т а н ц и я м и из института — и умер от тоски и сознания своей вины... У меня еще будет возможность сказать об истинных виновниках развала отечественной науки, а сейчас лишь подчеркну, что в романе Бондарева есть множество убедительных суждений, фактов и людских судеб, свидетельствующих о кризисной ситуации в академических кругах. И написано об этом с болью, тревогой и гневом. Бондаревский реализм беспощаден, ибо такова жизнь.

Парадокс: реальная действительность как бы обгоняет творческую фантазию! В начале 80-х под руководством президента Академии наук СССР А. П. Александрова проходило обсуждение кандидатур для причисления новых светочей ума «к сонму бессмертных». Но на этот раз не обошлось без конфуза. Академик А. М. Румянцев с негодованием поведал присутствующим, что в его адрес претендент на высокое звание направил корзину с бутылками коньяка. Оказалось, что аналогичные подношения получили многие члены президиума. «Проходимцев в академию не надо», — жестко молвил президент. А когда некоторые академики начали выгораживать соискателя, ссылаясь на его «нечаянную глупость», А. П. Александров, не скрывая раздражения, добавил: «А глупых — тем более». Так бесславно закончилась первая попытка Гавриила Харитоновича Попова пробраться в Академию наук... Нелегко пришлось соискателю академического титула и при выдвижении в делегаты XIX партконференции. Отводя его кандидатуру на собрании коллектива мехмата МГУ, ученые прямо заявили, что человек, позволивший использовать власть и авторитет декана факультета, чтобы повлиять на результаты приемных экзаменов, не достоин по нравственным качествам представлять университет (см. подробнее: «Литературная Россия», 13.04.90). Впрочем, не только нравственным. Любой, взявший на себя труд ознакомиться с его сочинениями, без труда обнаружит перепечатки и компиляции, представляющие воспроизведение старых, забытых идей и концепций ученых зарубежных стран. Специалисты знают истинную цену рекламной шумихи, раздуваемой многочисленными «друзьями» Г. Попова вокруг его «научных трудов». По мнению ректора МГУ академика А. А. Логунова, «в том, что приходилось читать из работ Попова, большой теоретической мысли не чувствовал» («Московский университет», 24 июня 1988 г.).

Моральная нечистоплотность и научная несостоятельность — не много ли сомнительных достоинств для преуспевающего «демократа», каковым предстает Попов? Или, может, по нашим временам сие достойная плата за сладкие речи и щедрые обещания, каковыми он одаривал доверчивых избирателей? Впрочем, в политике все возможно, даже невозможное... Ознакомьтесь, пожалуйста, хотя бы со списком официальных «регалий» Попова: народный депутат СССР, председатель Моссовета, сопредседатель Межрегиональной депутатской группы, член Конституционной комиссии, депутат Моссовета, член координационного совета блока «Демократическая Россия», председатель Ассоциации молодых руководителей предприятий, председатель

Греческой ассоциации... Продолжает ли ныне Гавриил Харитонович совершать геракловы подвиги на научном поприще? О, да! Он член всевозможных научных советов, читает лекции в столичных научных учреждениях и на международных форумах и, само собой, просвещает головы кооператоров, будучи активным членом научной секции Комиссии по совершенствованию хозяйственного механизма при Совете Министров СССР. Словом, как может оплодотворяет научную ниву. И кто знает, не станет ли вскорости председатель славной Греческой ассоциации действительным членом Академии наук СССР, используя свои многочисленные «регалии», как он использует их, обещая Японии подарить острова, принадлежащие СССР?.. Тем более что «Советский Союз должен ориентироваться устойчиво и надолго» на Страну восходящего солнца, говорит он.

Хотя чему здесь удивляться? В академии молочковых, то бишь поповых, хоть пруд пруди. Заполонившие институты болтуны, карьеристы и профессиональные плагиаторы вершат судьбу науки, создавая невыносимые условия для талантливых исследователей. В свое время автору этих строк довелось убедиться, какими огромными материальными и моральными потерями оборачивается это для отечественной науки. По мнению многих известных ученых, четко сформулированному доктором физико-математических наук А. Бурштейном, Академия наук СССР рекрутирует в свои ряды администраторов-конформистов, а то и просто дипломированных болванов, откровенно бравирующих своим дилетантизмом. Феодальная стратификация ученых глубоко безнравственна, но с ней приходилось мириться, пока академия была вписана в командно-административную систему. Теперь, когда эта система обречена на слом, академия остается ее последним редутом. Однако племя советских академиков покрепче любой системы: за высокие пожизненные оклады и привилегированное положение оно готово прислуживать любой власти, цинично предавая интересы народа и науки. Не случайно в последнее время иные академики нашли применение нерастраченным силам на ниве политиканства. Разве не позорят главный научный центр страны своим присутствием такие академики, как Арбатов и Заславская, Тихонов и Аганбегян, Гольданский, Шаталин, Сагдеев? Поистине ныне советская наука нацелена на то, чтобы являть миру академиков, а зарубежная — настоящих ученых...

Однако не забудем, что мы имеем тут дело с произведением искусства, предметом которого является жизнь, разнообразие человеческих характеров, а не та или иная «тема». Сила творческой мысли Бондарева вызвала к жизни образ Николая Тарутина — одного из самых глубоких и впечатляющих в романе. Дроздов, не однажды любуясь Николаем, невольно спрашивал себя: откуда в уроженце рыбачьей прииртышской деревни такие светлые глаза, чистый рисунок бровей, такой образцово правильный рот — откуда эти патрицианские черты? Может быть, русская порода была именно такой? И еще: не раз поражала Дроздова глубина суждений, вера в благородство человеческого разума и мужество Тарутина. Вот и сейчас, в присутствии важных начальствующих фигур, говорит правду о бесчеловечности и деградации ученой братии, о жизнерадостных ее губителях из президиума академии, о бездарных и опасных козиных, пекущихся только о своем престиже и спокойствии. Но Николай Михайлович пошел дальше — он первый бросил перчатку всесильной монополии, чем встревожил ее верных служителей — Битвина и Козина. Это была безоглядная дерзость. И по-мертвецки натяпувшемуся, костлявому лицу Козица, по его заостренной, пикообразной бородке, суженным векам Дроздову видно было, что Тарутин в эти минуты подписал себе самоубийственный конец научной карьеры. Дроздов еще не предполагал (он многого не знал до этого вечера у Чернышова!), что вопрос встал не о научной карьере Николая, а о его жизни.

Понимал ли грозящую ему смертельную опасность Тарутин? Да, он знал, на что идет. «Если мы будем ждать мессию, то через пятнадцать лет конец всему на земле!.. Кто командует всем этим? Вредители? Преступники? Кто первый подаст команду?..» Явь бесчеловечна, поэтому велика его скорбь: «Всесильные монополии пустят Россию по миру с протянутой рукой!.. А я русский — до ногтей. Поэтому не желаю гибели России. Самой многострадальной, всеми ненавидимой, ибо до предела талантливой и, стало быть, опасной. Я не умиляюсь, я знаю русский дурашливый характер. Но я его никогда не променяю ни на какой другой рационально выверенный!» И тут Николай скажет то, к чему Дроздов вынужден будет прийти только после его гибели: «И если уж хочешь знать все до конца, то с некоторых пор я считаю себя в состоянии необъявленной войны со всеми этими проституированными ничтожествами, со всей этой ведомственной мафией, которая не хочет упустить из своих рук миллиарды, власть и черную икру... И как бы они ни ненавидели меня, черт возьми, я буду продолжать с ними войну...» Николай Тарутин встал на пути мафии — и его зверски убили в Чилиме, страшно обезобразив его труп... Кажется, в этом убийстве есть что-то символическое, какая-то сатанинская страсть — не только лишить противника жизни, но изуродовать до неузнаваемости его внешний облик, ритуально надругаться над ним. Знакомый почерк иных «пламенных революционеров». Вспомним хотя бы тщательно организованное Я. Свердловым уничтожение царской семьи, да и многое другое... Неужели старое возвращается на круги своя?

Гибель Тарутина заставит Дроздова по-новому взглянуть на многие общественные процессы, ощутить нарастание духовной подавленности, чувство трагического одиночества. В отличие от своего друга, не питающего иллюзий насчет растущей угрозы со стороны всесильных монополий, Дроздоа поначалу колеблется в выборе средств борьбы, втайне надеется на благоразумие «спятельных вершин». Он дан в развитии, в мучительном поиске правды и истины. Отсюда моменты его душевного разлада, гнетущее предчувствие трагических событий, особенно пронзительно проявившихся в его снах. Поэтому на них следует особо остановиться. Тем более что сны занимают чрезвычайно важную роль в художественной структуре «Искушения». Как известно, искусство стремится к верному воспроизведению сущности окружающего мира. Но между искусством и действительностью лежит невидимое препятствие, которое художник бессилен преодолеть. И он близок к отчаянию каждый раз, когда чувствует невозможность точного воспроизведения своего замысла. В одном из своих романов Золя показывает художника, которого

доводит почти до безумия колорит, являющийся со времени Делакруа мучением для живописцев. Истинный художник приходит в отчаяние каждый раз, когда чувствует несовершенство своего творения, однако ж неудержимо стремится приблизиться к живому образцу, инстинктивно сознавая, что существует некая грань, преступить которую искусству не дано. И художнику остается одно — изменить в своем творении реальную действительность так, чтобы невозможно было уловить момент, когда произошел переход от жизни к искусству.

К этому принципу прибегает Юрий Бондарев в тех случаях, когда в реалистический контекст повествования вплетает исполненные рокового предчувствия сны. В них чувствуется леденящее дыхание подсознательного начала, как бы пробуждающее в нас неизведанные ранее эмоции и обостряющее чувственное восприятие каких-либо весьма существенных, но трудно постижимых рассудком сущностей. В подтверждение этой мысли приведу фрагменты одного из трех снов «Искушения».

Дроздов заночевал в избе совершенно обезлюдевшей деревни на берегу Нижней Тунгуски. Вокруг на тысячи километров простиралась предзимняя тайга — немая, мертвая, залитая иежи-вым светом, оцепенелым на неподвижных вершинах деревьев. В это время в Москве умирала Юлия, о чем он не мог знать.

«А был ли это сон?

...Он проснулся от осторожного скрипа двери, от холодка, тянувшего по лицу, плохо соображая, вскинулся на полатях, спросонок увидел кольцами дымящийся лунный свет, который снаружи ломился в избу, крутым столбом падал на деревянный выщербленный пол. Почему-то дверь была полуоткрыта, там лунным провалом стыло безмолвие, никто не входил, не слышно было живого дыхания, и он вдруг почувствовал ледяное соприкосновение страха к затылку... Он неподвижно смотрел на лунный свет, шевелящийся толстыми кольцами удава в полуоткрытой двери, где не было ни звука, стараясь мучительно понять, почему она оказалась открытой и кто и как открыл ее. Он помнил, что вечером запер на ночь дверь тяжелым засовом...»

Околдованные волшебством бондаревского воображения, мы погружаемся в какой-то странный, безмолвный и бесцветный мир, который, мнится, каким-то неизъяснимым образом и против нашей воли влияет на наше душевное состояние и нашу жизнь. Но что это?

«Что со мной? Галлюцинация, что ли?» — соображал он и для бодрости выругался вслух, окликнул хрипло: «Кто там? Кто за дверью?..» На крыльце никого не было. И ни души, ни тени на пустынном берегу. Все замерло в дымно-голубом ночном воздухе. Луна огненно горела над тайгой тайным одиноким зраком. Внизу мерещилась застывшая, остановленная сатанинской силой Тунгуска, вспыхивала гигантскими фантастическими зеркалами, направленными во Вселенную. И ему стало жутко в этом зловещем лунном онемении между землей и небом, в этой полной беззвучности во всем мире. И, дрожа от беспричинного страха, в нервном ознобе он плотно закрыл дверь, нетвердыми руками на ощупь проверил прочность скоб, накрепко задвинул полупудовый язык железного засова, затем лег... Невозможно было знать, сколько продолжалось забытье, две минуты или два часа, только проснулся он, точнее — испуганно вскочил на полатях, услышав тихий протяжный скрип двери, и тут же ударил по глазам круто клубящимся туманом голубоватый свет, вливающийся снаружи в дверной проем.

— Кто там? Входи, наконец! Входи!..

В ответ неподвижность, ни единого шороха. Никто не входил. Полураскрытая дверь беззвучно впускала сияющую лунную духоту. Тогда, обливаясь жарким потом, он упал спиной на полати и, зажмурясь, лежал так в бесчувственном состоянии отрешения. Он не помнил, что приходило в его сознание, по раз почудилось вблизи невнятное скользящее движение, потом вроде бы кто-то темный наклонился над ним, быстро и зорко вглядываясь, даже повеяло душным погребным запахом, земляным ветерком, и трудно стало дышать. Но когда, очнувшись, он открыл глаза, то перед ним низко темнел закопченный потолок — и тягостное удушье начало постепенно отпускать. «Может быть, приход ко мне той ночью был ошибкой? Скорее всего так. Но в ту ночь умерла Юлия». Здесь художник жертвует внешним правдоподобием во имя более высокой художественной правды. Это чисто бондаревский способ выражения мысли и чувства, подчеркивающий не столько событие, сколько состояние духа героя в решающие моменты его судьбы... Вскоре Игорь Дроздов убедится, что реальная действительность не уступает его кошмарным снам.

Это случилось после последнего разговора с Тарутиным. В тот же день Дроздову передали приглашение министра Веретенникова приехать в загородный «Охотничий домик» — с ним хочет встретиться и поговорить Никита Борисович Татарчук. К чему бы это? «Охотничий домик» встретил Дроздова смолистым духом дерева, уютом, роскошным убранством и приторной любезностью министра, исполняющего, как оказалось, роль лакея при Татарчуке. Вскоре предстал и Никита Борисович собственной персоной: огромная двухметровая глыба с шеей борца и большим крестьянским лицом, с точкообразными умными медвежьими глазками и почти женским, чувственным ртом, источающим, однако, звуки иерихонской трубы. К немалому удивлению Игоря Мстиславовича, в «Охотничьем домике» оказались вице-президент академии Козин, завотделом ЦК Битвин и замдиректора института Чернышов. Только теперь Дроздов начал осознавать логическую связь между собой и собравшимися здесь людьми; связь, кому-то очень нужную для решения определенной задачи — его пытались втянуть в круг лиц, цель и возможности которых ему еще не были до конца понятны. Особенно озадачивало и тревожило присутствие Татарчука.

О Татарчуке Дроздов слышал как о фигуре инкогнито, как о загадочной особе, вроде без определенных государственных постов, а высокими должностными лицами он вертит, как марионетками. Но есть о нем и точные сведения: в Госплане Татарчук прослыл царем, богом, сатаной и воротилой. Заметил, скажем, угодливого и смиренного с виду Веретенникова — и в один момент сделал его министром. Работал послом в Африке — и тихо-мирно устроил там какой-то финансовый переворот... Личность Никиты Борисовича представляется могущественной и невероятно таинственной. Он вхож во все инстанции — от Академии наук до Совмина и Политбюро. Генеральный его боготворит и ловит каждое Татарчуково слово — он у него, твер-

дит молва, нечто вроде негласного первого советника... И этот человек пожелал встретиться со скромным, хотя и талантливым ученым?

А вот и первые подходы к Дроздову, так сказать, пробные шары Никиты Борисовича: есть, мол, у нас талантливые люди среди ученых, но они выступают против строительства плотин, в то время как «практики чистосердечно хотят все делать для того, чтоб прочно и несокрушимо стоял советский дом». Любит он напустить словесного тумана, искусно завлекать жертву в расставленные сети — неспроста сыплет словами-бисером перед Игорем Мстиславовичем: «А живем-то мы как? В суете. В заботах. В грызне. В тотальной порче нервов. В стрессах. О чем всей душой сожалею, понимаете ли, так это о том, что монастырских гостиниц нет. А было их в России около полутора тысяч...» Это проповедь искушения. «Уехать бы так на недельку в какой-нибудь провинциальный монастырек, в тишину, в душевное смирение, в голоса молитв, попариться бы в монашеской баньке — и наступило бы очищение духа. От всей скверны мирской». Хитрая бестия, мастер «заливать» этот негласный советник. Но это, как говорится, только присказка — сказка впереди. А пока он ткет тонкую паутину вокруг Дроздова, исподволь нагнетая подозрение и страх: «Мне как-то иногда не по душе и страшновато: почему некоторые ученые стоят в оппозиции к нам, энергетикам? Иногда шевелится черненькая мысль: нет ли злого умысла против экономики?..» И вдруг заявляет без обиняков: «Не пора ли нам, Игорь Мстиславович, к согласию прийти мирным способом... А ваш институт опять отливает пулю против Чилимского проекта».

И Дроздов понял, что всесильная монополия партийно-государственного аппарата и Академии наук в лице Козина давно прочно объединилась и действует хищнически-нагло и безнаказанно. А на вершине ее — могущественный и таинственный Татарчук, которому нужны теперь умные и авторитетные люди, талантливые ученые, от имени которых мафия продолжала бы творить свое черное дело — вот почему Дроздов здесь, рядом с Никитой Борисовичем, предлагающим ему пост директора института за «малюсеньку» услугу — мирное взаимопонимание. «Все мы пленники, никто не свободен, — дьявольски искушает он Игоря Мстиславовича. — А что такое правда? А может, немножко нужна ложь? Сказочка людям? Сон золотой? Кто ответит? Мы? Они? Там, на Олимпе? На небесах? Или, может, правдой вы считаете начатую критику против технократов! Считаете правым делом? Спасением? В самом деле нас хотят остановить?» Поистине поклонись — и все будет твое...

И все-таки устоял Дроздов, не поддался соблазну, не предал чести русского человека, не дрогнул, как и его друг Тарутин, перед смертельной опасностью. Своим несогласием он смело бросил вызов страшной разрушительной силе Татарчука. И тот принял его: с неожиданной яростью проворно повернулся Никита Борисович глыбообразным телом к Дроздову и, с нескрываемой ненавистью глядя ему в глаза, угрожающе заговорил: «Но уж только... победы под Москвой... и Сталинградом не будет, не ждите! Другие времена, другие песни... Наивные романтики!.. Воюйте. Только вы, лично вы, разочаровали меня. Я ведь думал, что вы, именно вы, будете с нами. И мы найдем общий язык. Или уж компромисс на худой конец... Я так надеялся...» Неожиданно столкнувшись с дерзким благородством, с неподкупной честностью и высоким сознанием, любимец генсека и высокопоставленных чинуш опешил и забеспокоился. Но выработанная долгой практикой наглая самоуверенность взяла верх. «К чему вам война? — пошел он в наступление. — Что она вам даст? Что даст, подумайте! Стрессы? Бессонные ночи? Инсульт? Инфаркт? Сейчас легко делаются инсульты и инфаркты. Статейка в газете, ограбление квартиры — и готово! Хотите укоротить свою жизнь? Ведь вы, в сущности, еще молодой человек. Вам жить надо да пока жизни радоваться...» От соблазна — к угрозе. Нет, это не пустая болтовня: на другой же день на Дроздова обрушатся потоки клеветы, запугивание и угроза физической расправы (они уже убили Тарутина).

И взбешенный Татарчук бросает на стол козырные карты, к которым прибегают известные проницательному читателю «демократы» и «коммунисты с человеческим лицом», то есть кучка продажных политиканов и негодяев. Откровенные признания Татарчука заслуживают особого внимания: «Вам не выиграть войну... Миру дан свой срок, и его нельзя спасти, коли уж хотите всю отравленную правду. А в пору экономических провалов правительства слепнут и глохнут. И ищут панацей...» Искушающий недалек от истины. В этом «недалек» — весь соблазн. «Вас... воспринимают не как спасителей, отнюдь не как мессию, а как консерваторов, варваров, даже вредителей. Христос, увы, архаичен». Так кто же он, этот Татарчук? Откуда? Кому служит и чьи интересы защищает?.. Бондарев не дает однозначных ответов. Да и дело ли это художника? Последнее, что Дроздов видел, покидая «Охотничий домик», — это погашенные люстры и мечущиеся в зелено-мутном свете фигуры, полунагие тела на диванах, а кто-то огромный в распахнутом халате, с бутылкой шампанского в руке вскрикивал: «Раз живем, раз живем!» — и пошатывался среди беснующегося зала...

Сама жизнь выдвинула Татарчука на первый план — и Юрий Бондарев не упустил момент, запечатлев его в романе «Искушение». В этом с особой силой проявились художественный инстинкт и политическое чутье писателя. Однако интуиция, а равно актуальность и сюжетные ходы, какими бы убедительными они ни были, еще не дают автору права на титул крупного художника. Надо обладать широкой концепцией состояния современного мира, чтобы суметь свести воедино весь круг острейших социальных, нравственных, национальных, общечеловеческих проблем и, окинув проницательным взглядом всю пирамиду жизни, — от основания до «сиятельных вершин» — дать ее иероглиф, имя которому Татарчук.

Между тем борьба обостряется. Кажется, в хорошо отлаженной системе мафии сломалась некая деталь и система утратила размеренный и уверенный ход, обнаружились какие-то первые импульсы, сбои. Это проявилось и в ночном звонке заведующего отделом ЦК Битвина Дроздову, в его невнятной позиции и в анонимных угрозах маленькому Мите. Теперь Игорь Дроздов не отступит — и, хочется надеяться, что он сдюжит, ибо на его стороне правда... Он ненавидит действие сатанинской силы и никогда не смирится с жестоким властолюбием над землей и человеком. Так пусть же в тартарары летит евангельская умилен-

ность непротивлением, он готов один драться против зла. «Ох, Митька, Митька, — поднял Дроздов на руки хрупкое, невесомое тельце сына. — Мы с тобой придумаем что-нибудь героическое... Мы с тобой что-нибудь придумаем.

— Папа, миленький, без тебя какой-то дядька звонил и сказал: «Один издох, и твоего отца с тобой добьем». Папа, почему они хотят убить нас? За что? Что мы сделали?

— Значит, тебе угрожали?

— Папа, мы будем вместе. У нас есть ружье. И я с тобой ничего не боюсь. Я знаю, ты любишь меня... Только один я тебя не предам. Только ты меня не предавай!

Он носил по комнате Митю, с тоской прижимая его к себе, и глотал сухие слезы бессилия оттого, что не мог ответить сыну с такою же искренностью и верой».

Жизнь начала новый виток своего развития... Но прочь, прочь из мрака страха и ближе к свету разума, радости борьбы, к надежде!

Большого художника и в тревоге не покидает чувство свободы и красоты. В «Искушении», как и в других произведениях Бондарева, покоряет искренность и правда, страшит и пленяет таинство мироздания, увлекает страстный поиск смысла жизни и бытия. Человеческая жизнь не бывает только хорошей или только плохой — она разная: соткана из множества самых разнообразных по своей окраске и тональности волокон. И как художник Бондарев сильно и своеобразно переживает впечатления жизни, воплощая их в своем искусстве! Не потому ли в его книгах перемешиваются смех и слезы, радость и печаль, счастье и горе, пессимистическое настроение и мерцание надежды. И тут же пленительные картины природы, тонкие переливы чувств и удивительная живопись слова. Вчитаемся хотя бы вот в это. «Они долго стояли в сумерках перед Троице-Сергиевой лаврой, утонувшей куполами в низком клубящемся небе. Во влажном воздухе пахло от прочного камня древним запахом, обволакивая тихой и терпкой печалью давно ушедшего всевластного величия, напоминая о своей смиренной послушности времени, и этой осени, и этому дождю, и новому веку, едва сохранившему лишь в воспоминаниях былое влияние, силу, скорбно утраченную надежду на жизнь благолепную. В церкви совершалась служба, слышен был хор, в раскрытых дверях шевелились среди глубины храма свечи... Все здесь ритуально светилось огнями, наплывами овевало ладаном, растопленным воском, согретой в тепле, намокшей одеждой столпившихся перед иконостасом людей, откуда в тишине тек над головами толпы речитативно-напевный голос священника».

Все сливается в человеке — и история, и время, и природа, и сама жизнь. Этот мотив проходит через весь роман «Искушение», наполняя его обещанием надежды и обращая наши взоры к извечным философским началам бытия. Чрезмерно увлекаясь социальными проблемами, не обедняем ли мы самих себя? И что есть человек? Нас так сильно захватывают мелочи жизни, мы столь большое значение придаем смутным, несбыточным мечтам, что не замечаем, как жизнь быстрокрылой птицей, мелькнув перед очами, уходит прочь и навсегда... Вот она уже приблизилась к финишной черте, а мы все куда-то торопимся, суетимся, начисто вымарав из сознания свое прошлое. Может быть,

поэтому предательски рвется нить памяти о важных исторических событиях и ярких мыслях и воскресают в душе загадочные цветы подробностей, казалось, ничего не значащих, случайных деталей? Неужели они и есть главное, сущностное в нашей жизни, некая тайна человеческого естества? Помните, герой рассказа А. де Ренье, изведавший многие превратности судьбы, так говорит о своей жизни: «Из великих войн я вспоминал иногда то какой-нибудь блик солнца на лезвии шпаги, то маленький цветок под копытом коня, то известный трепет, известный жест, ничтожные подробности, таинственно закрепленные в моей памяти...» А, возможно, плененный дух человека способен отринуть частное, сугубо личное, чувственное и прорваться в макрокосмос, являя величие рода человеческого.

В «Искушении» есть примечательная сцена. Глядя на большую фотографию, Дроздов чувствует щекочущий холодок в груди и какой-то неизъяснимый восторг перед тайной глубокого звездного неба. «Там в траурных провалах галактик, в сиянии Млечного Пути горели дивными белыми кострами, алмазно пылали, расходились лучами, подобно щупальцам, неисчислимые созвездия, выстроенные в геометрические фигуры, в таинственные треугольники, квадраты, зигзаги неистово яркого, сплошь заполненного звездами неба, непостижимого, сплошь живого, пугающего глубиной каких-то страшных внеземных закономерностей, неподвластных пониманию смертных. Тайна вечности дышала из черноты неизмеримой жутью гибельной бездны, вселенского бессмертия за пределами земного муравьиного ничтожества, существование которого или не замечено, или снисходительно разрешено было этой наивысшей всепобеждающей силой. «Как в детстве, небо всегда меня тянуло смертельной высотой. Перед этим колдовством можно стоять часами... И молиться». В искусстве Бондарева, как в пламени, сгорает все мелкое, суетное, низкое, бытующее в жизни, и торжествуют мысль и добрые чувства внутренне свободного человека. Нет, Бондарев никогда не писал книг тихого созерцания, книг, лишенных трепета жизни.

Заключительный роман тетралогии покоряет высоким художественным мастерством, новизной и бесстрашным анализом. В нем боль и страдание не только главных героев, но и самого Бондарева, идущего по пути преодоления. Но не приходит ли художник к трагическому сознанию неразрешимых противоречий между современной действительностью и высокими гуманистическими идеалами в условиях царящего позора и унижения?..

Итак, отзвучали последние слова, закончилось действие. Конец. Да конец ли! Почему, перевернув последнюю страницу «Искушения», наша душа пребывает в растревоженном состоянии? И вспоминая, и думая, мы продолжаем с волнением следить за судьбой человека, вступившего в смертную схватку с морем бед. Услышим ли спокойный голос Дроздова и счастливый смех его пока единственного настоящего друга — маленького сына Мити или все кончится для них непоправимо?.. Власть темных сил, воплощенных в образе Татарчука, огромна — он не остановится ни перед чем... Трагедия продолжается. Но теперь уже за пределами романа — в нашем сознании, в нашей жизни.

●

ДЕРЖИТЕ ПОКРЕПЧЕ ПЛЕТЬ!

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО ЛИТЕРАТУРНОЙ НАДЗИРАТЕЛЬНИЦЕ НАТАЛЬЕ БОРИСОВНЕ ИВАНОВОЙ

Я вам пишу, несравненная Наталья Борисовна, чего же боле? Ваша статья в журнале «Знамя» № 11 за 1990 год под названием «Наука ненависти. Коммунисты в жизни и в литературе» вырвала из моей груди вопль восторга вами и одновременно крик возмущения почитателями домостроя и мусульманского взгляда, которые заявляют, что у вас-де логика «сельповских баб» и приводят реакционную пословицу насчет длины волос и ума...

Ишь, что выдумали! И самое печальное, что они имеют наглость находить противоречия в ваших суждениях. С одной стороны, вы как бы, мол, выступаете против «науки ненависти», с другой, находите «замечательной» реабилитацию Н. И. Бухарина, проповедовавшего массовые расстрелы. С одной стороны, вы, дескать, пишете: «Запретительная идеология обязательно формирует облик врага», а с другой, запрещаете П. Проскурину иметь собственное мнение о всеми нами любимом бывшем «рулевом» московских большевиков Лазаре Моисеевиче Кагановиче.

Да, кое-кто не понимает, что вашему сердцу милее не русский язык, а более древний — эзоповский, то есть рабский, и что ваша логика — особая, а именно — логика литературной надзирательницы, как вас уже неоднократно называли. Ну и пусть называют, ведь задача, поставленная перед вами вашими хозяйчиками — менялами и фарисеями, такова, что вы и должны сеять ненависть в жизни и в литературе, чтобы не было ни жизни, ни литературы. Но в отличие от вашей сослуживицы и однофамилицы Татьяны Ивановой вы сеете ненависть интеллектуально-эзоповскими методами, делая вид, что анализируете литературные тексты, и правильно делаете вид. На самом же деле вы сталкиваете между собой арестантов, извините, писателей, деля их на образцово-показательных и отрицательных.

Вот, скажем, вместе с Л. Аннинским вы восхищаетесь тем, как А. Битов умеет «висеть в вакууме». Как это он там висит? — спрашивают недогадливые «коммунисты в литературе». Очень просто — висит себе и в упор не замечает Л. М. Кагановича. Вы не можете нарадоваться, глядя на А. Битова: «свое» старается постигнуть через «чужое», «отдает столько любви какой-то там чужой в принципе земле», плачет не о Храме Христа Спасителя, а «видя, как дрожит пенсне Чехова от грузовиков, мчавшихся по Садовому кольцу». Как жаль, что до этого не дожил Антон Павлович! Именины сердца, и все тут! И когда вы, любезнейшая Наталья Борисовна, отзываетесь о стиле А. Битова, видно, что в вашей душе и не пахло литературным критиком, а всегда действительно восседала литературная надзирательница. Вы испытываете «особую радость от очищенного, точного слова», приводя следующий отрывок из прозы вашего фаворита: «Старик матерно выругал дворника... Дворник радостно и тупо слушал его». А «сердце сладко ухало вслед за взглядом». Да, вы правы — эти фразы очищены от всего лишнего, в них содержится инструкция, как должен вести себя примерный надзираемый при появлении матерно ругающегося надзирателя: радостно и тупо слушать, чтобы сердце сладко ухало вслед за взглядом. Ведь признайтесь, вам так хочется этого!.. И видит Бог, что это хорошо, как говорится в Библии по разным поводам.

Вы правильно подчеркиваете, что образцовые писатели не смотрят в сторону Л. М. Кагановича! Ю. Трифонов, по вашим словам, опускает читателя в колодец, а В. Быков уже несколько раз спускался в шахту. Действительно, не всякий же умеет висеть в вакууме!

И как безобразно на этом фоне выглядят В. Белов, П. Проскурин и другие «деревенщики». Висели бы, пусть не в вакууме, а в своих деревнях, и не токмо на Л. М. Кагановича, а вообще бы на город взгляд не подымали. Ну, иногда бы приезжали с рюкзаками за продуктами и с первой же электричкой — обратно!

Так нет же! Неужели В. Белов не понимает, что лишь Ю. Трифонов по продразверстке между писателями имеет монопольное право писать о городской интеллигенции! Вы, Наталья Борисовна, суровы, но справедливы: только Ю. Трифонов «мог писать об истории нашего народа... через образ жизни современной интеллигенции». И что бы Ю. Трифонов ни писал, он всегда прав. Скажем, в «Студентах» он дал, как вы очень образно выразились, «парадный портрет» некоторой части городской интеллигенции. Затем он стал, по вашим словам, «раскапывать» ее, «делегендаризировать» ее (какое все-таки у вас чувство эзоповского слова!).

Но всякой «делегендаризации» есть предел, установленный начальством. Смотрите в колодец, который копает Ю. Трифонов, но никак не по сторонам! А этот В. Белов не Л. М. Кагановича, так Бриша усмотрел! Как самоотверженно, дражайшая Наталья Борисовна, бросились вы заслонять своей грудью этого бедного Бриша, выполняющего ответственную миссию избавления русских женщин от «мусульманского взгляда» на самих себя. Вы объявили В. Белову выговор, сказав, что слово у него «стало выражением цинизма».

Однако здесь уже началось то, что смело можно назвать «бунтом в изоляторе». Эти «деревенщики» отказались, видите ли, постигать свою историю через романы Ю. Трифонова, через «чужое», а прямо посмотрели на нее. Какие примеры дерзкого, вызывающего поведения последовали! Как вы писали в своих надзирательных донесениях: «В. Солоухин искусно имитирует простодушие, создает облик благополучной дореволюционной России»; В. Бондаренко протестует против «крайне отрицательного отношения к Екатерине II»; В. Распутин «громко» заявил «свою поддержку обществу «Память»; «В. Белов и В. Распутин... прилагают по отношению к прошлому прежде всего слово «гордость». Вы даже спустились в «шахту истории» и выкопали там «Ростопчину-эпигонку», которая «почтила» своими стихами Николая I.

Последовали выпады — о ужас! — в вашу сторону, в сторону литературного надзора. В. Пикуль осмелился заявить, что на одного пишущего приходится десять надзирателей. Ишь какой! Не даром помер. Но все пределы поднадзорного поведения превзошел Проскурин. Уже в книге «Словом не убий» он «разбро-

сал всяческие уколы в адрес критики» (нам, эзоповцам, ясно, что речь идет о литературном надзоре), намекал на «кривлянье омерзительных рож». Ах. он... Это он на кого ж намекает?! А что сделал бы примерный писатель, увидя, допустим, подобные рожи? Он или написал бы вместо них «парадный портрет» или на всякий случай спрятался даже не в шахте, а в бункере. А. П. Проскурин, наоборот, стал разглядывать их да еще усмотрел «могущественные международные центры», готовящие для России участь колонии.

Ишь разглядыватель нашелся! Так и работу надзирательницы можно потерять, если до этого разглядывания дошли некоторые, с позволения сказать, писатели. Вы, любезнейшая Наталья Борисовна, правильно делаете, когда не затрудняете себя аргументацией, а наотмашь клеите ярлыки: «идеология национал-патриотизма» (это ловко придумано!), «калька с люмпенской фашистской идеи всемирного иудо-масонского заговора», «литератор, расцветший на болоте застоя». Так ему! Так ему! Будет знать, как трогать международные центры!

А вообще сочувствую, что дела ваши, дражайшая Наталья Борисовна, не так идут, как вам бы хотелось. Вот вы и подумываете о радикальной мере по отношению к взбунтовавшимся русским писателям: «Сселить бы всех, кто так считает, на какой-нибудь остров...» Или — где он, нынешний благословенный Беломор-канал? Я понимаю вас — прямо до слез жаль, что нет покуда такого острова и такого канала. Однако из ваших донесений я делаю вывод, что пока вы хотите создать хотя бы особую тюремную систему, по образцу, скажем, той, которая была изобретена в самой цивилизованной стране — в США, в г. Оборне. Как эзоповец, я понимаю, что вы хотите сказать, когда приводите цитату из произведений А. Битова: «Писать надо молча». «Коммунисты в литературе» недоумевают: кто же кричит за письменным столом? А эзоповец понимает: речь идет об оборнской системе тюремного заключения, при которой поднадзорные разобщены и принуждены молчать. Заключенным даже запрещается глядеть по сторонам и общаться с помощью знаков. За всякое нарушение режима полагается наказание плетью — не только за сказанное слово, но и за рассеянность!

В вашей статье в «Знамени» вы подводите к выводу о необходимости установления такой системы не только для В. Белова, П. Проскурина, А. Иванова, но и для всей Российской коммунистической партии. Пра-виль-но-о!.. Ведь российские коммунисты дошли до крайних пределов «национал-патриотизма»: отказываются защищать любезные вашему сердцу интересы фарисеев и менял. Ишь как обнаглели! И вы идете на характерный для литературных надзирателей прием: прекрасно зная, что ненависть на русской земле пошла от фарисеев и менял, всегда обуреваемых гордыней и жаждой власти, вы кричите «Держи вора!», указывая не на сеятелей зла, а в сторону тех, кто осознал опасность, нависшую над Россией.

Усердствуйте и дальше, эзопнейшая Наталья Борисовна! Пусть вас вдохновляет пример великих надзирателей!

Вспомним, чем был Лев Давыдович Бронштейн — основатель теории перманентного надзирательства — до встречи со своим тюремным надзирателем Троцким. Хлипким, тщедушным, никому не известным типом. Но когда он увидел, как тюремщик с железными кулаками, этот Троцкий, крушит скулы арестантам, то поклялся посвятить всю свою жизнь надзору и назвался тоже Троцким. Кличку такую себе взял. Псевдоним по-научному. И как же превзошел своего учителя! Не на единицы вел счет своим жертвам, как захудалый тюремщик, а на миллионы!

А как Н. И. Бухарин, реабилитацию которого вы воспеваете, баловался литературным надзором! Как интеллигентно разоблачил он кулака Сергея Есенина, нагло выдававшего себя за русского поэта!

А в нашей перестроечной жизни какой отрадный пример с А. Н. Яковлевым! Ведь отличился в свое время, обнаружив нарушение со стороны «деревенщиков». Если бы его тогда послушал Л. И. Брежнев! Где были бы сейчас В. Белов и другие? Но зато в период перестройки А. Н. Яковлев получил заслуженную компенсацию, став членом Политбюро ЦК КПСС, членом Президентского совета, теперь еще и академиком. Правда, избрали его почему-то по отделению «проблемы мировой экономики и международных отношений», а не по литературному. Но это ничего: харчи и обмундирование те же! Так что и вы держите в своей сумочке жезл генеральши-надзирательши!

В общем, не горюйте, драгоценная Наталья Борисовна, у вас, как сказал этот, не посаженный пока писателишка, все впереди! И ваш вклад в надзор над литературой будет оценен так, как надо. Я уверен — это и к вам лично обращался через столетия Михаил Юрьевич Лермонтов, когда писал:

Вы, жадною толпой стоящие у трона,
Свободы, Гения и Славы палачи!

И — стойте! Хоть пока вы еще не палачка, а строгая литературная надзирательница. А впрочем — народ-то глупый, он что, разве понимает, когда надзирательство переходит в палачество? Так что, Наталья Борисовна, держите покрепче вашу плеть.

Марк АПРЕЛИЙ

АЙ ДА ЩУПЛОВ, АЙ ДА...

Благодарю Александра Щуплова за его умопомрачительное сочинение «Душевное сияние русской литературы», или «праздник нечистой силы», анализирующее итоги работы VII съезда Союза писателей России («Книжное обозрение», № 51, 1990).

В поте лица потрудился наш старатель-разоблачитель, выводя на чистую воду всяких разных там бездарных писателей-консерваторов типа Ю. Бондарева, И. Стаднюка, Г. Маркова, В. Пикуля, А. Проханова, В. Поволяева, П. Проскурина... И навоза предостаточно, которым он извозил всех участников российского съезда писателей, нечестивцами их всех обозвал. Ну и разных прочих фантазий у нашего умельца по части клеветонов (так, как известно, называл пасквили русский писатель Лесков) хоть пруд пруди... Ай да Щуплов, ай да...[1]

А какое солидное досье собрано у Щуплова на «шовиниста» и

[1] Обрываю, обрываю эту свою эмоциональную фразу. А то, не дай бог, вспомнит А. Щуплов эмоциональный возглас А. С. Пушкина по окончании своего гениального «Бориса Годунова», выстроит аналогию и обвинит меня в оскорблении его, Щуплова, незаурядной личности.

«русофила» Купяева!.. Ночи, наверное, не спал, корпел, собирал, бедняга... Но не зря, не зря...

Правда, читатель помнит более яркие фигуры гроссмейстеров литературной оды — воспевателей культа Брежнева, скажем, небезызвестного Коротича. Куда с ним тягаться Купяеву?.. Кишка тонка. А по части Ленинианы превзошли себя гениальные Евтушенко, Вознесенский... Но не они ближайшие конфиденты А. Щуплова, нет, не они. А эти самые, как их? «Русофилы» проклятущие, помешавшиеся на своем долбаном «патриотизме», любви к богомерзкой России...

Эх, не в том ведомстве кудесничает наш собиратель зловонного навоза, не в том... Ему бы туда, где нынче начинают потихоньку разгребать архивные полки и вскрывать папки под грифом «Совершенно секретно. Хранить вечно», а не задыхаться в пыли тесных кабинетов «Кобзика» [1].

Всем сестрам по серьгам, всем «консерваторам» и «патриотам-шовинистам» раздал на орехи наш (нет, нет, не вспоминайте, ради бога, эмоциональный возглас Пушкина!)... наш клеветонист [2]. Щуплов, па всех у него нсчерпывающе-разоблачительные материалы... И глаз у него! Не глаз — ватерпас [3].

За 15 лет работы в педагогических вузах я немало переворошил научной литературы, в том числе и «псевдолитературоведческие работы» (А. Щуплов) известного есениноведа Юрия Прокушева читал. Однако на кресте могу поклясться: ни разу не приходилось читывать трудов или хотя бы на крайний случай захудалой брошюрки нашего всезнающего и вездесущего Щуплова. Может быть, он, скромнейшая душа, не решился на этот шаг или готовит издание собрания собственных сочинений где-либо на Западе?.. Ему видней. Как видней и сподручней делать строгий отбор «чистых» писателей — участников российского съезда (Арро, Разгон и др.) — и «нечистых», измазавшихся в «патриотизме», кое-кто из которых назван выше.

Выступления участников съезда — писателей России опубликованы в газете «Литературная Россия» (14—21 декабря 1990 г.). Казалось бы, пожалуйста, читайте себе на здоровье, обсуждайте, судите, критикуйте, делайте выводы, высказывайте пожелания и советы литераторам. Так нет же, навозу, считает А. Щуплов, в газетной стенограмме не хватает. А без навозу нынче как же обойтись?.. Аромат для Щуплова не тот, не родной...

Вот и занимается наш (еще раз заклинаю — не вспоминайте А. С. Пушкина!)... наш «обозреватель-клеветонист» порчей драгоценной бумаги, не спит ночами, строчит доносы, то есть, простите, «обзоры», дабы прослыть на ниве геростратовой славы — этого препаскуднейшего, я вам доложу, жанра. А что тут выкарабкиваться — делать больше неча? Или плавать в навозной вонючей жиже — естественное щупловское состояние, от матушки-природы? Да ведь, излишне усердствуя по навозной части, и захлебнуться, не ровен час, можно. А руку помощи не протянут: кому охота в этой жиже возиться?..

Владимир ЮДИН, г. Тверь

[1] «Кобзин», или еще интимнее — «Кобик» — так теперь называют свое желтенькое издание «Книжное обозрение» его фанатичные поклонники, особенно поклонницы.

[2] Надеюсь, уж на такое-то — истинное — определение его сущности А. Щуплов не обидится.

[3] А вот тут, откровенно сказать, я боюсь... Боюсь, что именно это слово он сочтет для себя оскорбительным.

Российский календарь

МЕСЯЦ АПРЕЛЬ

1

Икон Богоматери «Умиление сердец» (Смоленск) и «Умиление» (Святые горы).

1521: преподобного Иннокентия Комельского (Вологодского).

1814: взятие Парижа русскими войсками.

1840: родился И. М. Прянишников, русский живописец.

1890: умер А. Ф. Можайский, построивший первый в мире самолет.

2

1612: преподобного Евфросима Синеозерского (Новгородского). Принял мученическую смерть от поляков, пришедших грабить Синеозерскую обитель.

1698: один из первых указов Петра I — о посылке во все города сыщиков и о наказании за держание беглых крестьян.

3

1695: кончина Корнилия выгопустынского (в миру Конон), выдающегося расколоучителя, причисленного старообрядцами к лику святых. Родился в Тотьме в крестьянской семье в 1570 году, прожил 125 лет.

1762: указ о секуляризации церковных и монастырских имений (проведен в жизнь в 1764). В великорусских губерниях число монастырей было насильственно ограничено числом: мужских первоклассных, вместе с лаврами — 20; во втором классе — 41; в третьем — 100; женских во всех трех классах — 39. Запрещено основывать монастыри без царской воли. В Малороссии подобные штаты введены только в 1786 году.

4

1743: отмена смертной казни едва ли не впервые во всей Европе.

1806: родился Иван Васильевич Киреевский, выдающийся русский публицист и философ.

1930: епископ Василий (Зеленцов) Прилукский расстрелян в подвале Лубянки за организацию христианского общества молодежи (в противовес комсомолу).

5

1088: преподобного Никона, четвертого игумена Киево-Печерского.

1481: скончался Вассиан, по прозвищу Рыло, архиепископ Рос-

товский, ученик Пафнутия Боровского, один из просвещеннейших людей своего времени. В 1480 году, когда Тохтамыш подошел к Москве, великий князь Иоанн Васильевич уже готов был дрогнуть и оставить столицу, но Вассиан направил ему суровое и страстное послание о мужественном стоянии против татар, чем усовестил князя и его воинов и вселил в них веру в свои силы.

1600: праведника Василия Мангазейского.

1714: петровский закон о единонаследии.

1816: умерла Надежда Андреевна Дурова (родилась в 1783), штабс-ротмистр армии, писательница.

6

1552: мучеников Стефана и Петра Казанских.

1662: битва казаков Ерофея Хабарова с маньчжурскими войсками, присланными китайским богдыханом, под Ачинским Городком. Маньчжуры были отражены. В тот же год был основан Иркутск Иваном Похабовым. В тот же год отправлена экспедиция Ивана Реброва для отыскания северного материка, погибшая в пути.

1883: закон об устройстве дорог в России.

7

Благовещение — праздник в воспоминание благовестия Пресвятой Деве архангела Гавриила «о зачатии во чреве Ее Господа от Духа Святого».

1820: удаление иезуитов из Петербурга и Москвы.

1925: скончался патриарх Тихон (Белавин Василий Иванович, род. в 1865 в Торопце). Канонизирован в 1990 году.

9

III—IV вв.: мученицы Матроны Солунской.

«Матрена-настовица, или полурепница». Последний наст, первый прилет настовиц (пигалиц); отбирают половину остатков репы для посадки.

1793: присоединение западных русских земель: Волыни, Минска и Подолии.

10

1100: преподобного Евстратия, постника и мученика Печерского. Уведен в плен половцами. Предан в рабство жиду, который долго мучил его и наконец распял на кресте, и умершего ввергнул в море.

1476: преподобного Иллариона Псковоозерского, основателя Покровского Озерского монастыря на реке Желчи (в Гдовском уезде).

1722: петровский указ, где объявлялась война часовням: «Обычай устраивать часовни начался и утвердился от невежд...»

11

1474: Ионы, преподобного Псковского, первого строителя Псково-Печерского монастыря. Прибыл в Псков из Юрьева (Дерпта) из-за гонений на православных. Принял иноческий сан по кончине жены. Вместе с ним чтится память Марка, первого старца Псковского Печерского монастыря.

12

VI в.: преподобного Иоанна, спасителя Лествицы.

1716: Воинский устав Петра I.

1771: св. Софрония, епископа Иркутского.

1801: учреждение Государственного совета.

1817: родился Константин Сергеевич Аксаков, русский публицист, поэт, литературный критик.

1904: гибель броненосца «Петропавловск», флагмана русской эскадры, от японской мины. С ним ушли в пучину вице-адмирал Макаров, художник Верещагин и вся команда броненосца.

1961: полет Гагарина.

13

1340: кончина великого князя Ивана Калиты, при котором «престаша (перестали) татарове воевать Русскую землю».

1461: св. Ионы, митрополита Киевского и всея России. Когда Василий Темный ушел из осажденной Москвы, старец митрополит Иона взял на себя отстоять Кремль или погибнуть с народом; предвозвестил близкую независимость России.

1879: св. Иннокентия, митрополита Московского.

14

522: память Марии Египетской. В Москве во имя ее церковь в Сретенском монастыре, возобновлена в 1784 году А. А. Гончаровым.

«Марии-зажги-снега», «Марин-пустые-щи». Начало половодья.

1681: сожжение протопопа Аввакума, до последних минут укрепившего собратьев, казнимых тем же путем, в малодушии и нетерпимости к боли.

15

Иконы Богоматери Озерянской.

Радоница. Поминовение усопших, творимое в понедельник, а в иных местах во вторник Фоминой седмицы, то есть первой после пасхальной. Этот праздник был известен еще в дохристианский период: радуница, рад-оница, рад-овница (одного корня со славянским радовать, радость) — праздник обновляющейся весною природы, издревле получивший значение времени, посвященного чествованию усопших, ибо с воскресением природы от зимней смерти соединилась мысль о пробуждении умерших, об освобождении их из мрачных затворов ада. Корень «рад» означает блестящий, просветленный.

1862: в семье генерал-адъютанта А. Д. Столыпина и Н. М. Столыпиной (урожд. Горчаковой) родился сын Петр, будущий премьер-министр России.

1879: сельский учитель Александр Соловьев во время утренней прогулки Александра II близ Зимнего дворца стрелял в царя.

1906: основание морского Генштаба.

1918: в Благовещенске в дни погрома «буржуазии» погибло более 1500 человек.

1920: массовые расстрелы в Архангельске и под Холмогорами после ухода английских войск. Из пулеметов в общей сложности было расстреляно до 8000 офицеров, крестьян и «казаков с юга».

16
1838: открытие Царскосельской железной дороги.

17
1558: пожалование Григория Строганова землями по р. Каме до р. Чусовой.
1765: простудившись в конце марта, почил вечным сном великий русский ученый Михаил Васильевич Ломоносов, встретив смерть спокойно.
1912: Ленский расстрел.

18
1242: Ледовое побоище. Разгром дружиной Александра Невского крестоносцев на Чудском озере.
1797: «Учреждение об императорской фамилии» — закон о престолонаследии Павла I. Восстановление нормальной государственности. Коронация Павла. Отныне русский престол должен был переходить по мужской линии от отца к сыну, а коли сына нет — ближайшему наследнику мужского пола. И только за отсутствием такового — к женщине.

19
1722: установлено для раскольников особое платье, подтвержден указ о подати 50 рублей в год за ношение бороды (до того — введена предварительная цензура богословских сочинений). Из деяний Петра I.

20
Иконы Богоматери Византийской.
1885: скончался историк Н. И. Костомаров.
1918: убит 86-летний протоиерей Алексей Андронников, настоятель Борисоглебской церкви в Костроме.

21
I в. апостолов Иродиона и иже с ним.
«Родион». Пашут под овес.
1156: св. Нифонта, епископа Новгородского. Друг Святослава Ольговича. Прекратил увещанием брань между киевлянами, черниговцами и новгородцами. Строил храмы, писал жития, продолжил Несторову летопись после Сильвестра, с 1116 до 1157 года. В Воскресенской летописи сказано о нем: «бысть поборник всей Русской земли».
1626: кончина Захария Копыстенского, архимандрита Киево-Печерского монастыря, духовного писателя, защитника православия против униатов.
1648: битва Богдана Хмельницкого с поляками при Желтых Водах.
1783: присоединение Крыма к России князем Потемкиным-Таврическим.

22
Иконы Богоматери Цезарской (792 г.).

23
1735: в Нижнем Новгороде родился Иван Петрович Кулибин, механик императорской Академии наук, член Вольного экономического общества, знаменитый изобретатель. По смерти оставил 12 детей от трех браков. В нижегородской думе портрет Кулибина висел вместе с портретом Козьмы Минина. Умер в 1818 году.

24
92: св. священномученика Антипы, епископа Пергама Асийского.
«Антипы-половода». Антипа воду распустил. Коли на Антипу воды не вскрылись, будет плохое лето. На Антипу под порогом брод, на улице переправа.
1779: родился Иван Иванович Козлов, поэт и переводчик. В 1812 году был членом комитета для образования московского ополчения. Друг Жуковского. В 1818 году удар паралича отнял ноги, расстроил нервную систему. К 1821 году Козлов совершенно ослеп. Нашел у жены нравственную поддержку в своем великом горе. Обладал необыкновенной памятью, мог читать наизусть все Евангелие и молитвы, а также Шекспира и проч. Выучил английский и немецкий языки, будучи уже слепым. «Его жизнь, физически разрушенная, — писал Жуковский о Козлове, — была разделена между религией и поэзией, которые целебным своим вдохновением заговаривали в нем и душевные скорби, и телесные муки».
1830: родился Владимир Михайлович Жемчужников, один из авторов «Козьмы Пруткова». В 1877 году благодаря его инициативе и настойчивости создано Техническое железнодорожное училище. Человек был честный, правдивый и высокоодаренный. Умер в 1884 году в Ментоне (погребен в Ницце).

25
Икон Богоматери Муромской, Рязанской и Белыничевской.
VIII в.: преподобного Василия Парийского. «Весна землю парит».
1852: скончался Василий Иванович Жуковский. За несколько дней до смерти он писал жене: «Я с тобою наслаждался жизнью, в полном смысле этого слова; я лучше понял ее цену и становился все тверже в стремлении к ее цели, которая состоит не в чем ином, как в том, чтобы научиться повиноваться воле Господней... Ты будешь плакать, что лишилась меня, но не приходи в отчаяние: «любовь так же сильна, как и смерть». Нет разлуки в царстве Божием. Я верю, что буду связан с тобою теснее, чем до смерти. В этой уверенности, дабы не смутить мира моей души, не тревожься, сохраняй мир в душе своей, и ее радости и горе будут принадлежать мне более, чем в земной жизни. Полагайся на Бога и заботься о наших детях; в их сердцах я завещаю тебе свое — прочее же в руце Божией. Благословляю тебя, думай обо мне без печали и в разлуке со мной утешай себя мыслью, что я с тобою ежеминутно и делю с тобой все, что происходит в твоей душе».
1928: смерть барона П. Н. Врангеля.

26
1605: смерть Бориса Годунова.
1657: кончина Сильвестра Коссова, духовного писателя против униатов. Книги его удивительно редки: польские униаты и католики в Малороссии всегда старались истреблять книги, писанные в защиту православия, истребляли и тамошние древние архивы.

27

1828: манифест о войне с Турцией, вызванный гонениями против русских со стороны турецкого султана, закрытием Босфора для русских торговых судов и началом переговоров между Турцией и Персией с целью совместных военных действий против России.

28

1652: кончина Иосифа, пятого патриарха Российского, от апоплексии. Болезнь подробно описана царем Алексеем Михайловичем в одном из писем.

29

1702: манифест Петра I о вызове иностранцев в Россию

1813: умер князь М. И. Голенищев-Кутузов.

30

1478: преставился преподобный Зосима, игумен Соловецкого монастыря. 42 года провел он на Соловецком острове, начав с шалашей. Родился в селе Толвуе, на берегу Онежского озера. К лику святых причислен на московском Соборе в 1547 году.

1818: в архиерейском доме при Чудовом монастыре Московского Кремля родился будущий Александр II. Убит 1 марта 1881 года террористами.

Составил Игорь Дьяков.

Художественный редантор Г. Комаров

Технический редактор Н. Строева

Сдано в набор 14.02.91. Подп. в печ. 20.03.91. Формат 84×108 1/16. Бумага кн.-журнальная. Печать высокая. Усл. печ. л. 15.12. Усл. кр.-отт. 21.0. Уч.-изд. л. 19.1. Тираж 422 000 экз. Заказ 2016. Цена 1 руб. 25 коп.

Типография ордена Трудового Красного Знамени издательско-полиграфического объединения ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». 103030, Москва, К-30, Сущевская, 21.